АКАДЕМИЯ МАГИИ
АННА ПЛАТУНОВА
АКАДЕМИЯ ПЯТИ СТИХИЙ
ИСКРЫ ОГНЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Я родилась в семье могущественных волшебников. Завтра мне предстоит отправиться на обучение в Академию Пяти Стихий. Маги огня, воды, земли и воздуха издавна обучаются здесь, совершенствуя свое мастерство. Ведь мы, стихийники, нужны для того, чтобы защищать простых людей от бестий – смертоносных созданий, приходящих в наш мир неведомо откуда. Вот только у меня нет дара. Я – пустышка. Позор рода. Мне нечего делать в Академии, но, к сожалению, поступление туда – традиция, которую мне не изменить. Шесть лет унижений ждет меня впереди. Остается только взять волю в кулак и смело глядеть в глаза своим обидчикам. А какова Пятая Стихия, спросите вы? Не знаю. Никто не знает.

- Анна Платунова
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27

- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Эпилог

- notes
  - 1

Анна Платунова
Академия Пяти Стихий. Искры огня

Глава 1
Не дождетесь!

Я стояла на гребне крыши и смотрела вниз, на двор, покрытый осенней разбухшей грязью. Ветер трепал волосы и закручивал вокруг ног длинную юбку, толкал в спину. Так, пожалуй, упаду раньше времени, даже не успею подготовиться. Хотя, может, и хорошо?

Ветер, словно услышав мои мысли, завыл над ухом, забрался ледяными руками за шиворот. Я покачнулась, но в последнюю секунду выровнялась. Я хотела сделать это утром, но смалодушничала почему-то. А сейчас самое подходящее время: темное небо и мое юное тело, распростертое внизу…

Я представила, как живописно я воткнусь носом в землю, и загрустила. Совсем не романтичная картина, прямо скажем. И сдается мне, братья и сестры вовсе не станут рыдать, а скорее посмеются напоследок. «Опять Корявка учудила!» Так и слышу голос этого балбеса Димера. Посмеются и ужинать пойдут.

Ну и ладно. Зато наступит конец всем моим мучениям. И не придется ехать в ненавистную Академию. И никто больше не посмеется над неуклюжей и бездарной Корявкой. Напрасно я ношу великое имя рода Флогис – за всю жизнь не смогла сотворить ни малейшего огонька, ни искорки. Позор, позор на весь род. И ладно бы еще только это!

Ветер недвусмысленно огрел меня по спине. Давай, мол, Кора Флогис, и так зажилась ты, никому не нужная на этом свете.

А умирать все-таки было жаль. Не хотелось умирать, прямо скажем, но и жить так, как я сейчас живу, невыносимо. И дальше будет только хуже. Утром меня, самую младшую в семье, отправят учиться в Академию Пяти Стихий, туда, где уже учатся старшие братья и сестры. А я мало того что не обладаю даже слабеньким магическим даром, так еще и физически слаба.

Женщины рода Флогис всегда сражались наравне с мужчинами. Брида, старшая сестра, мастерски владеет мечами. Вредина Грета стреляет из лука так, что даже папа одобрительно крякает, глядя, как стрела входит точно в середину мишени. А мама в молодости могла делать и то и другое. Она и сейчас выйдет на защиту крепости, если возникнет такая необходимость. Даже после рождения пяти детей не потеряла формы.

Про Димера и Фроста даже вспоминать не хочу – выскочки и высокомерные засранцы. За всю жизнь доброго слова от них не слышала. Это, кстати, Димер придумал звать меня Корявкой.

Каждое утро я слышу: «Корявка опять не сможет отжаться и пяти раз! Корявка, ты болтаешься на этой перекладине, как дохлый червяк! Корявка, чучело сейчас помрет от смеха, ты пытаешься заколоть его мечом или пощекотать?»

Свет не видел более мерзких и гадких братьев. Да и сестры им под стать. Я никогда не стану для них своей. А уж когда они начинают кичиться друг перед другом, кто какие огневики умеет создавать, так хоть плачь. Димер потрет ладони и выпускает в небо огненного дракона. Фрост небрежно тряхнет рукой, и с кончиков пальцев слетают искры, которые мгновением позже превращаются в огненные цветы. Грета себе как-то огненные крылья отрастила. Но затмила всех Брида на летнем празднике богини Солнце – ей доверили ритуальный костер зажигать, так она явилась в платье, сотканном из пламени, и небрежно так золотую огненную розу с плеча сняла, и – хоп ее на сухие дрова – пламя взметнулось до неба.

Обидно! Помню, я маленькая была, родители еще надежды не теряли, что мой дар когда-нибудь проявится. Держали над очагом вверх тормашками, даже как-то косу подпалили. Сколько угодно разрешали баловаться с огнем – в родовом замке Флогисов пламени не боятся, оно нашей крови подвластно. Как-то я пыталась устроить пожар – тяжелая занавеска на окне долго не хотела загораться, тлела и курилась дымом, но потом все же неохотно занялась. Отец заглянул в комнату, щелкнул пальцами, и огонь моментально, даже как-то стыдливо, погас.

Недавно я подслушала разговор родителей, после которого и решила, что незачем мне задерживаться на этом свете.

– Она словно и не наша дочь вовсе, – сокрушенно говорила мама. – Если бы не рыжие волосы и глаза, которые точь-в-точь как у тебя, Леннарт, я бы подумала, что подменили. Ничего в ней нет от рода Флогис. Кухаркина дочь, да и только.

– Так, может, не отправлять ее в Академию, Аста? Засмеют ведь. Она ведь пустышка. Даже великий род не застрахован от появления такого ребенка. Бедняжка не виновата.

Пустышка. Мое сердце болезненно сжалось. Ладно братья всю жизнь смеются надо мной, и для сестер я досадное недоразумение, но родители всегда были со мной добры и по-своему ласковы. А они, выходит, воспринимали меня как калеку, которую пожалеть нужно.

– Нет, пусть едет, – сказала мама, и я не поняла, чего больше в ее голосе – злости или отчаяния. – Пусть едет… Вдруг…

Она продолжала надеяться на что-то? Напрасно. Я точно знала, что я – позор рода Флогис, пустышка, у которой никогда не будет магической силы, слабосильная Корявка, которая чем

раньше избавит мир от своего бесполезного присутствия, тем лучше.

И вот я стою на крыше и собираюсь прыгнуть. Всем сразу станет легче. Поплачут и забудут.

Тучи вдруг расступились, и в прореху выглянуло Солнце: покровительница дома Флогис. Посмотрела на меня ласково.

– Я ведь права, мать Солнце? – спросила я, задрав голову к небу. – Так ведь лучше будет?

Мать Солнце прикоснулось к моей щеке теплым лучом, словно хотела приободрить, утешить.

Я всхлипнула, вытирая проступившие слезы. Да, в Академии придется несладко. Как выжить среди всех этих снобов – отпрысков богатейших и знатных родов? На защиту братьев и сестер рассчитывать не приходится. Дара у меня нет. Меч я едва двумя руками могу удержать. И все же…

– Не дождетесь! – сказала я.

Наклонилась вперед и от души плюнула в грязь.

Глава 2
Темнота – это то, к чему следует привыкать

Перед последним ужином в семейном доме я пошла навестить бабушку. Поднялась в башню по темной, пыльной винтовой лестнице. Здесь почти никто не ходит, только отец иногда. Я шла при неровном свете пламени свечи, придерживая одной рукой пышную юбку. Горячий воск плавился и стекал по руке, словно лишний раз пытался напомнить о том, какая я бездарная. Отцу, матери, братьям и сестрам не понадобилась бы свеча для того, чтобы осветить себе путь, – они бы выпустили из ладони светящийся шар, немного похожий на те, что выдувают деревенские мальчишки из соломинок, намешав в тарелке мыльную воду.

Я переступила порог маленькой темной комнаты без окон, так что даже не сразу получилось разглядеть темную тень у стены. Но бабушка всегда стояла на одном месте, так что я нашла бы ее и с закрытыми глазами. Подошла и почтительно замерла рядом. Огонек свечи бросал неровные отблески на морщинистое суровое лицо, глаза смотрели строго, словно бабушка разгадала мои недавние мысли. Хотя, может, и разгадала, кто знает.

Мастер, что лепил из глины ее фигуру, бабушке польстил. Сейчас бабуля выглядела куда стройнее и лет этак на десяток моложе, чем была при жизни. Но все же это была моя бабушка.

– Привет, бабуля. Это Кора. Я пришла попрощаться. Завтра уезжаю в Академию.

Бабуля промолчала. Она обычно всегда молчала. Особо не поболтаешь, когда в тебе одна-единственная искра жизни. Мама рассказывала, что в големе ее прадедушки запечатано не меньше десятка искр. Вот тот настоящий болтун, даже шутит, как живой. Но тут уж как повезет. Не всегда удается поймать последнее дыхание умирающего да иметь при себе свежую глину, чтобы поймать искры, что вырвутся наружу с его последним выдохом, когда душа огненного стихийника будет покидать тело. Папе удалось поймать одну искорку, оставшуюся от бабули.

С ним она иногда говорит. Редко-редко, и все же. А мне пока и слова не сказала, хотя мне всегда казалось, что она искренне меня любила. Я скучаю по ней.

Я наклонилась и поцеловала холодного глиняного голема в гладкую щеку.

– Пока, бабуля. Надеюсь, еще увидимся.

Прощальный ужин прошел традиционно. Димер и Фрост, прилизанные и одетые в традиционную одежду дома Флогис, усиленно строили из себя приличных отпрысков великой семьи. Они сидели по правую руку отца с одной стороны стола. Мама и вредины-сестрички в своих лучших нарядных платьях, с волосами, уложенными в высокие прически, с другой стороны. Все ждали только меня. Я же только сейчас сообразила, что выгляжу неподобающим образом. Волосы распущены, да что там распущены – на голове полный бардак, ветер постарался на славу. Юбка в грязи и заляпана воском. Я попросту забыла переодеться к ужину.

Мама посмотрела неодобрительно, сестры поджали губы. Эти же два болвана, что звались моими братцами, не выдержали. Маски благовоспитанности, нацепленные на физиономии, быстро с них слетели. Димер толкнул локтем Фроста, и оба фыркнули, а потом залились смехом.

– Корявка, она и есть Корявка, – подвел итог Димер, но отец кинул на него острый взгляд, и братец стух.

– Садись, Кора, – кивнул он, делая вид, что не замечает моего нелепого наряда и растрепанных волос.

Надо ли говорить, что я едва дождалась окончания ужина и удрала к себе в комнату так скоро, как только это было возможно.

– Даже не останешься на десерт? – удивилась мама. – Я специально попросила приготовить твои любимые сахарные башни. Ты ведь наша дебютантка, наша…

– Извини, мамуля, – не слишком вежливо перебила я, не в силах выслушивать эти лицемерные поздравления. – Я так устала. И немного нервничаю перед завтрашним днем. Лучше я соберу вещи и лягу пораньше спать.

– Ой, да что там собирать, – скривила губы Грета. – Форму тебе выдадут в Академии. Новичкам вообще из дома вещи брать нельзя, будто ты не знаешь. Разрешают взять только три вещи, имеющие сентиментальное значение.

Последнее предложение Грета произнесла голосом старосты. Она и была старостой в своей группе на третьем курсе. Ох уж этот назидательный тон, терпеть его не могу. Будто я и без того не знаю всех правил Академии. Спасибо, наслышана уже. Если четверо твоих ближайших родственников учатся там, то поневоле запомнишь все запреты и обязанности. Хоть с этим у меня проблем не будет.

– Ой, спасибо, а то я не знала. Без тебя разберусь, – хмыкнула я, и у сестрички в глазах вспыхнуло затаенное пламя.

Мама плавно подняла руку, и этого было достаточно, чтобы

тут же прекратить начавшуюся ссору. Что же, здесь – дома – я еще пока была в безопасности, но вот завтра ничто не помешает Грете отыграться на мне по полной. Но это будет только завтра. Впереди целая ночь.

На самом деле я давно знала, какие три вещи возьму с собой. Во-первых, маленькую шкатулку, которую давным-давно подарила мне бабушка. Правда, ключ от нее утерян, и шкатулку невозможно открыть. Внутри что-то стучало и перекатывалось, но любовь к бабушке оказалась сильнее любопытства – шкатулку я ломать не стала, хотя время от времени ковыряла замок, пытаясь подцепить чем-нибудь запирающий рычажок.

Во-вторых, возьму свою Чернильную Бестию. Не помню, как появилось это имя. Наверное, Чернильной я ее назвала потому, что любимая мягкая игрушка по форме напоминала кляксу от разлившихся чернил. С Бестией все было более-менее ясно – ведь она была уменьшенной копией одного из наших злейших врагов – полиписа. Помню, мама еще ужасно ругалась на отца:

– Ты зачем притащил ей эту гадость? Ты вспомни, как ЭТО выглядит воочию. Между прочим, тот шрам на твоем плече от его стрекательных щупалец. И если бы я их вовремя не отрубила, то…

– Знаю, знаю! – беззлобно рассмеялся отец. – Но думается мне: то, с чем привык спать по ночам, не сможет парализовать ужасом, если нашей Коре не посчастливится встретиться с ним в реальной жизни. Может, это даст ей фору пару секунд и придаст ее руке, сжимающей меч, твердости.

Да уж. Ага. Придаст твердости. Моей руке. Я горько усмехнулась, запихивая Чернильную Бестию в маленький саквояж. Думать о том, что мне действительно придется когда-нибудь сражаться с собратьями Бестии один на один, совсем не хотелось. А ведь придется. Хотя бы просто на полевых занятиях по курсу бестиарологии. Именно для этого мы все – стихийники – и заканчиваем Академию. Чтобы защищать простых смертных от чудовищ. Быть не только мудрыми правителями своих земель, но и заступниками своих подданных.

Так, что-то я сама какими-то постулатами заговорила. Грета была бы довольна.

И, наконец, в-третьих, в саквояж отправился блокнот, куда я записывала стихи, нелепые и корявые, как я сама. Но это были мои стихи, и мне они нравились.

Я собиралась не спать всю ночь. Перечитать страницы из любимых книг, может быть, написать еще одно стихотворение – прощальное и грустное. Хотя, конечно, раньше надо было писать прощальные, теперь уже поздно. Все решено – еду в Академию. Шесть лет страданий и унижений мне обеспечены. И потом, после

окончания, тоже неизвестно, что меня ждет. Скорее всего, вернусь в родовой замок доживать свой век в одиночестве. Обычно никто не женится на пустышках – дурная кровь. Их дети могут оказаться так же бездарны. Ничего нет страшнее вырождения рода…

Я вздохнула и стерла пару слезинок, что выступили на глазах. Нельзя плакать. Ничего хорошего впереди не ждет, надо уже сейчас закалять характер. И все же мысли о печальном будущем окончательно ввергли меня в уныние. Строчки в книге, что я взяла с полки, расплывались, руки дрожали. Я задула свечи и накрылась с головой одеялом. Темнота – это то, к чему мне следует привыкать. Темнота и отчаяние.

Проснулась от стука в дверь. Пришла служанка, принесла кувшин с теплой водой. Разложила на кровати дорожное платье. Терпеливо ждала, пока я умоюсь, чтобы начать меня одевать.

Какая глупая традиция – надевать в Академию дорожное платье. Если учесть, что сама дорога продлится от силы секунд пять. Это водные, воздушные и земные стихийники тратят массу времени и сил, чтобы добраться до Академии. А огневики могут создавать порталы и мгновенно перемещаться на огромные расстояния. Папа, правда, строго-настрого запрещает нам, детям, пользоваться порталами без его ведома до тех пор, пока мы не сдадим экзамен на вторую степень безопасности. Это очень трудно на самом деле – строить порталы. Бабуля, когда я была маленькая, рассказывала, что ее двоюродную сестренку разорвало пополам из-за того, что она неправильно приложила силы. Так что после этой истории я немного побаиваюсь огненных кругов, в которые приходится вставать для перемещения. Кстати, Фрост экзамен на вторую степень сдал, но папа ему все равно не доверяет. Всех берет за руку, как маленьких, и сам переводит на другую сторону.

А я никогда не сдам ни на вторую степень, ни на третью. Никогда не создам ни одного портала. Спасибо и на том, что они мою кровь не отвергают – переносят без ущерба. Все-таки не кухаркина дочь, что бы там ни говорили…

Когда я спустилась в зал, меня уже ждали. Братья и сестры в радостном возбуждении обсуждали уже какие-то соревнования, неудобное расписание и новые дисциплины. Предвкушали новый учебный год. Я же шла как на казнь.

Мама нежно обнимала и целовала в лоб всех в порядке старшинства: Фроста, Бриду, Димера, Грету. Отец брал за руку одного за другим и уводил в огненный портал, что жарко горел в центре зала.

В конце концов мы с мамой остались наедине. Она взяла меня за плечи и притянула к себе. Я почувствовала запах лаванды

и каких-то пряных трав – мамин запах. Почувствовала, как защипало в носу. Если бы не те ее жестокие слова, я бы прижалась к ней изо всех сил и разревелась. Но тех слов уже ничто не сможет отменить. Кухаркина дочь… За что же ты так со мной, мама?

– Ты у меня сильная и смелая девочка, – сказала мама. – Никогда не сдавайся, как бы ни было трудно. Хорошо?

– Хорошо, – буркнула я, отстраняясь.

Мама вздохнула, но больше ничего не стала говорить. Тут и отец шагнул из стены огня, протянул мне ладонь:

– Готова?

Я кивнула, сжала крепче свой маленький саквояж и шагнула навстречу судьбе.

Глава 3
Академия Пяти Стихий

Круглый холл Академии был забит под завязку. Вообще, это был довольно просторный холл. Помню, когда я была здесь первый раз, в тот год, когда поступал Фрост, мы прибыли раньше, чем нужно. В холле было пусто и гулко, эхо отражалось от высокого куполообразного потолка, стены с портретами выдающихся стихийников находились так далеко, что лица людей на портретах выглядели как светлые пятна на темном фоне. Мне в тот момент показалось, что в холле Академии поместятся пять наших залов, да еще три мои спальни на сдачу.

А сейчас здесь было не протолкнуться. Вокруг меня стояли, сидели на своих саквояжах, кое-где даже лежали скучающие стихийники. Все ждали появления директора и преподавателей для приветственной речи. Родителям не разрешалось задерживаться надолго. Так что отец поцеловал меня на прощание, сказал, чтобы я не вешала нос, и вновь исчез в огненном портале, теперь уже окончательно. Пламя побледнело и несколько мгновений спустя погасло.

Ни братьев, ни сестер уже не было рядом – увидели друзей и убежали. Не стали меня дожидаться. Но я и не удивлена. Слева в толпе мелькнули рыжие волосы, я подумала, что это Фрост, и зачем-то махнула рукой. От растерянности, наверное. А это оказался не Фрост – какой-то незнакомый парень-огневик. Он заметил мой жест и удивленно приподнял брови. Старшекурсник, судя по его уверенному виду. Какой позор!

Я потупилась и принялась разглядывать носки туфель. Все, больше никуда не смотрю. Стою на месте и не шевелюсь!

Но прошло несколько томительных минут, и я все же принялась разглядывать парней и девушек, с которыми мне скоро предстоит учиться рядом. Первокурсников было сразу видно по их испуганным лицам. Они так же ошалело оглядывались вокруг, как я. Правда, рядом с ними частенько находились их братья и сестры, которые, пытаясь подбодрить, рассказывали что-то смешное или просто стояли рядом. Вот как тот парнишка – водный стихийник, что положил руку на плечо испуганной сестренки. Молчит, строго поглядывает вокруг – мол, попробуйте только тронуть мою младшую! Мне стало грустно, и я отвернулась.

Не устаю удивляться тому, как магия стихии накладывает отпечаток на внешность. Огневики всегда рыжеволосы и почти

всегда зеленоглазы. Иногда глаза синие, как у меня или у моего отца. Рыжина бывает разных оттенков – от почти красной, горящей, словно пламя, как у Бриды, до спокойной, медовой, как у меня.

Маги стихии воздуха тонкие и изящные, почти невесомые. Они кажутся такими хрупкими и нежными, но на самом деле отличные воины. Я как-то видела их бой на мечах – это не рубилово, как у магов земли, а будто танец – красивый и смертельный. Маги воздуха светловолосые, светлокожие, с голубыми или светло-серыми глазами. Одежда на них всегда сидит идеально, они всегда сдержанны и подчеркнуто вежливы. Я бы даже сказала – заносчивы. А еще они любят всякие побрякушки. Даже парни. Какие-то глупые подвески, какие-то браслетики в пять рядов на руке. Это даже забавно. Только вот посмеяться над ними не получится – получишь в ответ такой холодный и высокомерный взгляд, что надолго пропадет охота шутить. Грета по ним сохнет. Ну, в частности, по Виллису, но мне думается, по воздушникам вообще. Она, конечно, не мне это рассказывала, а Бриде, но так как моего присутствия обычно не замечают, то я часто становилась невольной свидетельницей ее откровений.

Маги воды немного похожи на воздушников, если не приглядываться, то сначала почти не видно различий. Они тоже светловолосые и изящные, но все же более основательные, чем воздушники. И мужчины не любят себя украшать, за что им отдельное спасибо. Глаза у них чаще всего карие – светло-карие, темно-карие и даже черные, как ночь. Тут уж, признаюсь, водники со жгуче-карими глазами – моя слабость. Как-то приезжал к нам на летние каникулы друг Димера… Нет, не буду вспоминать, иначе снова загрущу.

И, наконец, маги земли. Этих я, честно говоря, побаивалась. Вроде отпрыски знатных родов, а ведут себя часто, как… Как… Не могу подобрать подходящего слова. Они шумные, широкоплечие, какие-то бестолковые. Хохочут, толкаются, подначивают друг друга. Каждый – как гора. Я едва до груди могу достать самому низкорослому земному. Волосы и кожа у них словно припорошены пылью. Серые непослушные вихры будто бы никогда не встречались с расческой. Стального цвета маленькие глаза. Умом они тоже не отличаются. Во всяком случае, мне еще ни разу не встречался умный земной.

Четыре стихии, а Академия всегда носила имя Академия Пяти Стихий. Я спрашивала папу про пятую стихию, на что он ответил:

– Дань традиции, дочь. Я и сам точно не знаю. Не существует

пятой стихии, ты ведь знаешь. Во всяком случае, я, когда там учился, никакого внятного объяснения так и не получил.

Что уж, учебные заведения называют иногда странно. У темных гномов вот «Недра и газы». Спасибо, что мне не надо учиться в академии с таким названием.

Пока я размышляла о пятой стихии, гул голосов вдруг стих, а свет начал меркнуть. Высокие арочные окна высотой до потолка заволокло туманной дымкой, создавая в главном зале Академии полумрак. Зато балкон над входом осветился огненными пузырями. Стихийник в красной мантии – один из преподавателей – выпускал их из своей руки. Рядом с ним вставали остальные, в мантиях четырех цветов – в красных, синих, зеленых и черных. Вперед вышел высокий худощавый мужчина с волевым лицом. Он единственный был без мантии, в простом сером одеянии. Я знала, что это сам директор – Терран Аквидус, а серые одежды, в которых он встречает учеников, символизируют непредвзятость по отношению к любой стихии. Мол, вы все равны передо мной. Директор был водным стихийником, но справедливости ради надо отметить, что своих он не выделял.

Директор произнес приветственную речь, которую я запомнила плохо. Я почти не слушала, потому что только сейчас осознала – моя прошлая жизнь осталась позади, ничего уже не изменить. Терран Аквидус говорил, что мы – будущая надежда нашего мира, защитники народа. Мы должны быть прилежными, мудрыми, ответственными и что-то еще в этом духе. Я стояла и чувствовала жгучий стыд – я не должна здесь находиться, я никого и никогда не смогу защитить…

Потом он отдельно поприветствовал первокурсников и попросил их задержаться в зале после того, как старшие курсы разойдутся по своим комнатам. Нас разобьют на четыре группы, к каждой из которых будет приставлен свой куратор. Отныне по всем вопросам следует обращаться к нему.

В зале стало значительно свободней, после того как остались только новички. Мы, не сговариваясь, сбились в центре, настороженно разглядывая друг друга. И каждый, наверное, думал то же, что и я: с кем из них я подружусь? Кого стану ненавидеть? Кто-то из них, возможно, душа компании. А кто-то и негодяй. Но пока все выглядели обескураженными детьми. Неужели и у меня такое глупое лицо? Я сдвинула брови и выпятила челюсть, стараясь показаться увереннее.

– Переигрываешь, – шепнул кто-то сбоку.

Я посмотрела. Рядом стояла рыжеволосая девушка и улыбалась мне.

– Все немного взволнованы, – ободрила она меня и протянула

руку. – Я – Вита.

– Кора.

Я прикоснулась к ее ладони кончиками пальцев, и стало как-то немного веселее. Но тут же услышала, как за моей спиной зашептались несколько голосов. «Кора? Та самая? Кора Флогис? Ну да… Ой, е-о-о…»

Я вжала голову в плечи. В Академии не принято говорить вслух о таком необратимом изъяне, как отсутствие магии. Отпрысков великих магических семейств принимают без экзаменов, априори считая, что они наделены даром. Даже если преподаватели в курсе того, что в Академию пришел пустышка, никогда ни словом, ни взглядом не дают понять, что знают это. Но они знают. Не дают магических заданий, на физические занятия смотрят сквозь пальцы, оценка на экзаменах у таких учеников всегда «весьма посредственно», но все же не «скверно». Пустышки переходят с курса на курс, словно тени – никому не нужные, никому не интересные. Худшего унижения трудно себе представить. Ну почему? Почему это случилось именно со мной?

И, судя по всему, слухи обо мне достигли великих домов, если даже первокурсники все понимают. Я виновато улыбнулась новой знакомой, но она уже отошла и болтала с другой девушкой. Вокруг меня образовалось пустое пространство, где я стояла, сжав в руках саквояж.

К счастью, мои мучения продолжались недолго. Директор и четыре куратора спустились в зал. Нам представили куратора огневиков – того самого мужчину в красной мантии, что создал светильники.

– Арл Моро, – представился тот. – Прошу любить и не жаловаться.

Он был совсем еще молод, будто сам недавно окончил Академию. Может, именно поэтому он старался выглядеть серьезным и строгим: не хотел, чтобы мы относились к нему как к своему ровеснику.

– Огневики, постройтесь и следуйте за мной!

Мы построились кое-как. Едва ли это можно было назвать построением – растянулись как гусиный выводок. Моро поморщился, но ничего не сказал, повел за собой.

Я знала, куда он нас ведет. Сейчас мы находились в главном корпусе Академии, где расположены все административные кабинеты и учебные классы. Спальные корпуса разбросаны по территории. Братья и сестры никогда толком не могли объяснить мне, как же тут все устроено. Или я просто не могла вообразить то, что они пытаются рассказать. Я понимала только, что территория Академии огромная. Здесь есть и учебные полигоны,

чтобы отрабатывать магические заклятия. И стадионы, где проходят соревнования. И парки. И какие-то непонятные теплицы. Зачем в Академии теплицы, если любой земляной в два счета вырастит любую культуру в любое время года? Есть даже гора. Одиноко возвышается в центре. Воздушники специально вырастили ее, чтобы поставить на вершине свои спальные корпуса. Чем ближе их жилье расположено к небу, тем спокойнее они себя чувствуют. Земляные жили в бараках, наполовину утопленных в грунт. Серые, угрюмые здания. Даже смотреть на них неприятно, а вот они чувствовали себя отлично. Водные, само собой, жили у озера и частично в озере. Здания стояли на берегу и казались вполне добротными и обычными, но стоило приглядеться, становилось понятно, что их полупрозрачные копии скрыты под спокойной поверхностью озера. Там водные должны проводить не меньше трех дней в месяц, иначе могут заболеть.

У огневиков спальные корпуса выглядели самыми заурядными и ничем не примечательными: они были сложены из ярко-красного кирпича. Правда, кирпичи, как я слышала, из особой глины, которую можно добыть только на дне кипящей реки.

Нас, первокурсников, увели на самый верхний этаж, где располагались крошечные комнатушки. Зато каждому достанется своя. Я так переволновалась, что мечтала скорее оказаться в тишине и одиночестве, поэтому, как только куратор проводил меня до моей двери, я торопливо попрощалась и едва не захлопнула дверь перед самым его носом. Куратор удержал ее рукой, недовольно покачал головой:

– Первокурсница Флогис, вы забываетесь. Я вас еще не отпускал.

– Извините, – я сконфуженно опустила голову.

– Сегодня день отдыха. Осваивайтесь, осматривайтесь. Расписание на столе. Вечером будьте добры прибыть на примерку вашего нового гардероба в центральный корпус, а после на ужин.

Я кивала, не поднимая глаз. Он еще несколько секунд выжидательно смотрел на меня, потом вздохнул:

– Свободны, первокурсница Флогис.

На столе действительно обнаружилось расписание на первую учебную неделю. Листок плотной мелованной бумаги был исписан старательным каллиграфическим почерком. Очень подробное расписание, где прописаны даже часы подъема и время отбытия ко сну. Я пробежала глазами учебные предметы, которые мне предстояло изучать, и содрогнулась.

«Первый учебный факультет – Магия огненной стихии.

Учебные дисциплины, предложенные для изучения в первом семестре: история происхождения огненной стихии. Практическое применение огненной стихии. Некоторые боевые заклятия огненной стихии. Теория ведения боя. Введение в Бестиарий. Практика мечевого боя…»

Читать дальше не хватило силы духа. Из всего этого я только историю происхождения огненной стихии смогу осилить. Ну, еще разве что теорию ведения боя. В общем, теория всегда давалась мне легко, а вот практика… Что же, я знала, на что шла.

Я села на узкую кровать, огляделась. Мне всегда казалось, что моя спальня в родовом поместье слишком маленькая. Оказывается, все познается в сравнении: что действительно было маленьким – эта комнатушка-клетушка. Стол для занятий, кровать, накрытая каким-то затрапезным, потерявшим всякий вид покрывалом. Облезлый шкафчик с перекосившимися дверцами. На полу вытертая циновка. На окне болтается пыльная занавеска. А само окно словно бойница на крепостной стене – шириной в три кирпича.

Блокнот со стихами отправился на полку в шкафу. Чернильная Бестия на подушку. Бабушкина шкатулка заняла почетное место в центре стола. Ну вот – осмотрелась и разложилась. Что делать теперь?

В этот момент в дверь требовательно постучали, и секундой позже, хотя я не давала разрешения, кто-то повернул ручку, пытаясь войти.

Глава 4
Наставник и мучитель

Я успела вскочить на ноги прежде, чем дверь распахнулась. Проклятие, забыла ее запереть. Но тут же все слова, готовые вырваться, замерли у меня на языке.

На пороге стоял Ран. Раннитар Маринер. Он почти не изменился с нашей последней встречи два года назад, когда приезжал в поместье в гости к Димеру. Маг стихии воды. Светлые волосы, а глаза темные, как ночь. Я чувствовала, как алеют щеки. Зачем он здесь?

– Привет, Кора, – поздоровался он без тени улыбки. – Ты подросла.

– Привет, – прошептала я, продолжая не верить своим глазам и ушам.

Два года назад он меня едва замечал. За все время пребывания у нас все общение свелось к двум кивкам головы – когда нас знакомили и когда он уезжал. Оказывается, он помнит, как меня зовут.

– Разобрала вещи? – спросил Ран. – Тогда пошли.

– Куда? – пролепетала я, запутавшись окончательно. Голова просто отказывалась работать нормально.

– Не будем терять времени зря. У нас есть половина дня, чтобы начать тренироваться.

Только сейчас я заметила в его руках два деревянных меча, и брови против моей воли удивленно поползли вверх.

– Тебе Димер ничего не сказал? – Ран, видимо, только сейчас понял, что его появление на пороге комнаты стало для меня полной неожиданностью. – Вот…

Хотел выругаться, но посмотрел на меня и проглотил ругательство.

– Я не в восторге, если честно, от этой затеи, – заявил он наконец. – Твой отец попросил моего отца, а тот директора – они друзья детства. Отказать было нельзя. В общем, с этого дня я буду подтягивать тебя по физической подготовке.

Вид у Рана был злой и недовольный. Я прекрасно его понимала – неприятно делать что-то против воли, вдвойне неприятно, если отказать нет ни единой возможности. И посочувствовала Рану от души – более неспособную ученицу еще поискать. Но, признаюсь, хотя мысль о ненавистном мечевом бое заставила содрогнуться, такой наставник, как Ран, меня устраивал.

Ран заметил отблески радостного волнения на моем лице и сказал, как отрезал:

– Я не завожу интрижек с первокурсницами. Тем более если они сестры моих друзей. Да к тому же пустышки, которых потом и родителям не представишь, – тут же наследства лишат.

Я вспыхнула как спичка, лицо залила краска стыда. Как обидно. Достаточно было бы и первых двух пунктов, чтобы я никогда не попыталась сблизиться. Зачем же так? Я стояла, втянув голову в плечи. Ощущение было, будто он меня ударил.

– Пошли уж, ладно. Не реви только.

Мне показалось, что я услышала в его голосе нотки раскаяния, но, конечно, он не извинился. А я сделала вид, что все в порядке. Отец, с его неуместной просьбой к директору, и меня поставил в безвыходное положение. К чему это все? Допустим, получу я за физическую подготовку не «весьма посредственно», а «приемлемо», и что это изменит в моей жизни?

Ран шагал впереди, даже не оглядывался. Мы пришли на маленький пятачок свободной земли, что располагался перед нашим спальным корпусом.

– Сегодня здесь потренируемся, завтра пойдем на полигон, – сказал Ран, протягивая мне один из деревянных мечей.

Я взвесила его в руке – совсем легкий, таким, пожалуй, я даже смогу наносить удары. И все же посчитала нужным напомнить:

– Ран, ты ведь знаешь… В реальном бою магия всегда придает сил, а я… Ну, понимаешь, настоящий меч я и в руках не смогу удержать.

– Точность часто бывает важнее силы. Твой меч может быть легким, – отрывисто сказал он, уже становясь в позицию напротив меня.

Ран времени даром не теряет. Я же хоть и взяла меч, но была совсем не готова.

– Я в платье, – сказала я, виновато разводя руками – мол, занятия отменяются, ничего не могу поделать.

– Кора, я только хочу оценить, на что ты способна, чтобы к следующему занятию выработать стратегию. Нападай!

И что тут оценивать? Я всегда была неловкой, неуклюжей и трусливой соперницей, в реальном бою едва ли прожила бы дольше десяти секунд. Но делать нечего, вздохнув, я кинулась на Рана. Мой деревянный меч с силой ударил по его мечу и отскочил, едва не стукнув по лбу.

– Что это сейчас было? – спросил мой наставник, и тонкие темные брови изогнулись в непритворном изумлении.

– Что-что, – буркнула я, потирая запястье, которое успела

потянуть, вложив всю силу в удар. – Нападаю!

– А до этого момента кто-нибудь тебе говорил о том, что нападать надо на человека? Какой толк будет от нападения, если ты будешь стараться ударить меч? Он плакать не станет. Ты должна стараться нанести удар по мне. И уже моя забота – парировать или отступить.

Проклятие. Говорили, ага. Давным-давно. Просто так получилось, что последние пару лет я в основном дралась с чучелом, а оно не парировало и не отступало.

– Нападай! – жестко повторил Ран, делая несколько шагов по невидимой окружности, заставляя меня поворачиваться следом за ним. Вот, теперь еще солнце слепит глаза. Я еле могла различить темный силуэт, поэтому, не теряя времени даром, кинулась вперед, подпрыгнула и… Кубарем покатилась по траве, больно ударившись локтями и коленями.

– Никогда не позволяй противнику занять более выгодную позицию. Изначально у тебя было преимущество, которое ты потеряла, – солнце располагалось за твоей спиной и слепило меня.

Ран протянул мне ладонь, помогая подняться с земли. Ждал, пока я отряхнусь, – новое дорожное платье теперь все в травяном соке, испорчено безвозвратно, – и продолжал говорить:

– Всегда твердо стой обеими ступнями на земле. Даже перенос веса с одной ноги на другую, даже то, что ты оторвала пятку от земли, – уже потеря баланса. Ты предоставляешь возможность противнику тебя сбить с ног. Что я сейчас и показал.

Какой зануда! Высокомерный, напыщенный болван. Ран – болван. Он что, правда мне нравился раньше?

– Нападай! – в третий раз сказал он, и я едва не застонала – ну сколько будет длиться эта пытка! Ясно же, что толку от меня нет.

Но все же, закусив губу, я бросилась вперед, пытаясь вспомнить все, чему меня учили раньше. Попробовала достать до плеча – Ран блокировал удар. Зашла сбоку, но и здесь натолкнулась на защиту. Зато два удара уже есть! Тут Ран перестал обороняться и перешел в атаку. Его меч двигался так быстро, что первый удар я не пропустила только чудом. Сама удивилась, когда почувствовала, что его меч отскочил, скользнув по моему. Но радовалась я преждевременно. Уже следующим ударом Ран легко коснулся моего запястья и опустил меч, давая понять, что выиграл бой. Опять.

– Подумаешь, всего лишь маленький порез. – Я не желала соглашаться с очевидным. – Продолжаем!

Ран усмехнулся.

– Теперь мне остается только ждать, пока ты ослабеешь от потери крови и будешь полностью в моих руках. Множество поединков было выиграно всего лишь маленьким порезом на руке или бедре противника.

Да, он прав, и с этим не поспоришь. В очередной раз доказал мою бездарность. Чего и следовало ожидать. Но Ран неожиданно хлопнул меня по плечу:

– Не могу сказать, что ты гений мечевого боя, Кора. Но ты не безнадежна. Ежедневные тренировки сделают из тебя человека.

Вот удивительно все же устроены люди. Я никогда не думала, что можно одновременно испытывать такие противоречивые чувства: радость от похвалы и ужас от того, что тренировки теперь станут моим ежедневным кошмаром. И похлопывание по плечу отчего-то совсем не воодушевляло. Так младших братьев похлопывают, когда они, польщенные, вытирают сопливые носы. Он совсем не видит во мне девушку… Я для него даже не сестра друга, а чумазый пацаненок, до которого снизошли.

Я кинула меч на землю и гордо удалилась в сторону своего корпуса.

– Кора! – раздался позади голос Рана. – Кора, стой!

Ага! Еще посмотрим, кто из кого сделает человека.

– Стой, глупое создание! Ты к чужому корпусу идешь. Твой остался за спиной!

Ой! Ну почему так всегда?.. Я развернулась в обратном направлении, изо всех сил стараясь сохранять достоинство. Эти здания из красного кирпича похожи одно на другое, как близнецы. Как было не запутаться!

Боковым зрением посмотрела на Рана. Его волосы разметались, улыбка играла на губах, темные глаза щурились от солнца, но продолжали следить за мной. Может, все же неплохо, что я несколько часов в день буду проводить с ним?

– Под ноги смотри! – тут же испортил он все впечатление. – Корявка мелкая.

Глава 5
Огненная змея

Гардероб студентки Академии Пяти Стихий предусматривал, кажется, все непредвиденные случаи, включая потопы, морозы, как на Бескрайних пустошах, жару и, очевидно, те случаи, когда придется ночевать в лесу, в метель. Во всяком случае, именно такое впечатление у меня сложилось после того, как я в третий раз возвращалась в центральный корпус за своим комплектом одежды. Мерки всех первокурсников, конечно, были известны заранее, поэтому примерка оказалась чистой формальностью: платья, костюмы, плащ, шубка, сапожки и ботинки – сидели идеально. Форменная одежда Академии Пяти Стихий была серого цвета, отличаясь только оттенками. Повседневное платье и накидка – жемчужно-серые. Зимние вещи и те, которые предстояло надевать на спортивные занятия, – графитовые.

По дороге мне попадались первокурсники, лица которых казались знакомыми, – огневики из моей группы. Они уже разбились на пары и тройки, шли к нашему корпусу, помогая друг другу перетаскивать гардероб. Я несколько раз пыталась улыбнуться, когда встречалась глазами с кем-нибудь из них. Увидела Виту – кивнула, но та поспешно отвернулась, сделав вид, что не заметила. Стало ясно, что никто не стремится к общению со мной. Ладно. Еще только первый день, может быть, что-то изменится.

Я задумалась, шла, почти не различая дороги – мешал ворох одежды, который я с трудом удерживала в руках, и не заметила, как почти уткнулась носом в чей-то торс, обтянутый серой футболкой. Подняла взгляд и увидела осклабившуюся в неприятном оскале гору – земляного стихийника, как нарочно выросшего у меня на пути. Многие земляные уже переоделись в форму Академии и выглядели теперь в серых одеждах, как каменные истуканы, вдруг вздумавшие ожить.

– Привет, бездарница, – прогудел он. – Не стой у меня на пути. Такие, как ты, должны уступать место настоящим студентам.

Корявка. Пустышка. Кухаркина дочь. Теперь еще и бездарница. Славно. Так меня еще не называли.

– Чего тебе? – не слишком вежливо ответила я, не собираясь сдаваться просто так. – Я тебя не трогала, и ты меня не трогай.

Он вместо ответа смахнул с моих рук одежду, вещи рассыпались по земле. Хорошо, что сейчас сухо и форма не

испачкалась. Я до боли сжала губы, но тягаться с этой ожившей скалой мне не по силам. Земляной ушел, напоследок пнув мой ботинок так, что тот улетел в кусты.

Наверное, со стороны это было потешное зрелище. Я пыталась собрать юбки, накидки и платья, но они, словно тоже решив поиздеваться надо мной, выскальзывали из рук, как живые. Студенты обходили меня по широкой дуге, делая вид, что ничего необычного не происходит. Да. Ведь это в порядке вещей, когда кто-то большой и сильный использует свое преимущество по отношению к слабому. Унижает. Раскидывает вещи. Все нормально. Можете и дальше идти по своим делам.

Я чувствовала, что глаза набухают слезами, но несколько раз быстро вдохнула, заставив себя успокоиться. Знала ведь, что так будет, так и нечего реветь.

В комнате переоделась в повседневную форму. Платье, хоть и было сшито из простого материала, оказалось приятным на ощупь и на фигуре сидело так, как надо. Застегнула накидку, прикрепила оранжевый знак факультета огня. Я подготовилась задолго до ужина и оставшееся время просто сидела на кровати, листала блокнот со стихами, думая, что, возможно, смогу написать пару строк, но вдохновения не было.

Он поднял на меня свой взгляд.
Темны его глаза.
Они как будто говорят,
Что отступать нельзя…

Тьфу, что за бред! Я густо зачеркнула карандашом все, что написала. Будто он мог это увидеть и прочитать. Лицо запылало.

За ужином вокруг меня образовалось пустое пространство. Столовая находилась в цокольном этаже центрального корпуса. Куратор встречал новичков у входа и показывал, куда идти. Первый курс факультета огня расположился за длинным столом у торцевой стены зала. Удобное место для тех, кто сидел лицом ко входу, – видна вся столовая, все входящие и уходящие. Но тем, кто сидел спиной, было, напротив, очень неуютно: перед лицом вытертый гобелен, изображающий эпическую сцену битвы при Нарре – стихийники против бестий. Неизвестный автор очень натуралистично изобразил гибнущих, разорванных на части, обожженных, истерзанных людей и с такой же точностью изобразил бестий, корчащихся в предсмертных муках. Картина, не слишком возбуждающая аппетит. К тому же все время хотелось обернуться и посмотреть – что там за спиной, гул голосов и шагов немного нервировал. Ах да, я, само собой, оказалась сидящей

спиной к залу. Все места у стены были уже заняты, и, мало того, все припозднившиеся, не сговариваясь, старались отсесть подальше от меня. Так и получилось, что я пусть и сидела в центре, но по правую и левую руку оказались пустые стулья. Будто я источник невидимой заразы и все боятся заболеть… Решила, что завтра утром сяду с краю, по крайней мере будет не так очевидно, что я изгой.

Еда на ужин оказалась простой, но питательной. Традиционно считалось, что огневикам энергию и силы придают злаки, поэтому, как я успела заметить, кинув быстрый взгляд через плечо на другие столы, кормить стихийников старались разной пищей, в зависимости от магии, которой они управляли. Нам на гарнир подали разваристую желтую крупу, основным же блюдом были зажаренные цыплята. А земляные, сидевшие за следующим столом, получили огромные тарелки овощей и мясные стейки. Я не видела со своего места, что едят водники, но думается мне, что рыбу. Никогда не любила рыбу.

Я опустошила свою тарелку быстрее всех. Наверное, потому, что поговорить мне было не с кем. Зато мои однокурсники не столько ели, сколько болтали. То на одном конце стола, то на другом слышались взрывы смеха. А потом я стала замечать, что сидящие напротив трое огневиков пристально разглядывают меня, перешептываясь. Мне были знакомы эти взгляды. Когда мы с родителями выезжали в гости к другим стихийникам, случалось примерно то же самое. Тогда, правда, никто так открыто не выражал свою неприязнь, но вот эти взгляды, этот шепот за спиной, эти лживые улыбки – все повторялось из раза в раз.

– Эй, – крикнул один из троицы, – как там тебя! Кора, да? Ты правда совсем не умеешь делать огонь?

За столом, да и за соседними столами, как мне показалось, стало тихо. Все замолчали и с любопытством посмотрели на меня.

– Правда, – ответила я.

Зачем скрывать и выдумывать, если новость об этом завтра узнают все студенты. Слухи разносятся быстро.

– Хм, – усмехнулся второй. – А ты точно дочь своих родителей? Я слышал, такие случаи бывали, ну, когда, понимаешь, один из родителей… Как бы это сказать…

Он остановился и обвел присутствующих взглядом, словно приглашая их договорить. Вслух никто ничего не произнес, но некоторые захихикали, разглядывая меня.

Я почувствовала, как кровь прилила к щекам. Вскочила на ноги. Очень хотелось поставить нахала на место какой-нибудь едкой фразой, но от волнения я растеряла все слова.

– Я дочь своих родителей! – крикнула я, но из губ вырвался какой-то жалкий писк.

Тут уже все откровенно расхохотались. Мой противник тоже поднялся на ноги и оказался на две головы выше меня. Широкоплечий, огненноволосый парень.

– А еще я слышал, что в минуту опасности у пустышек иногда проявляются способности, которые до этого дремали, – сказал он обманчиво миролюбиво, но я уже понимала: он задумал что-то недоброе.

Я ничего не стала отвечать, понимая, что любой мой ответ тут же вывернут наизнанку. Надо просто развернуться и уйти, но я почему-то продолжала стоять. Внутри все дрожало от обиды и гнева. Мне бы как-то дать отпор, но я не знала как.

Однокурсники молчали, переводя заинтересованные взгляды с меня на него и обратно. Ждали, чем все закончится.

– Давай я тебе помогу! – сказал он.

И не успела я сказать, что в его помощи не нуждаюсь – ясно ведь, что задумал какую-то пакость, – как он уже раскрыл ладонь, направленную на меня, и с ладони на пол полилось жидкое яркое пламя. Коснулось пола, превращаясь в огненный ручей, который потек ко мне, огибая сидящих за столом. Какая-то девчонка, наклонившись, добавила к ручейку немного своего пламени. Кинула на меня хитрый взгляд из-под рыжей челки. Всем было любопытно, что я буду делать.

Я никогда не боялась огня. Пусть пламя не слушалось, не реагировало на мои приказы, и все же я к нему привыкла и относилась как к чему-то естественному. Но сейчас, когда огненный ручей медленно и неотвратимо приближался, извиваясь на полу как змея, я вдруг ощутила настоящий ужас. Такой, что ноги приросли к полу. Я не могла ни крикнуть, ни сдвинуться с места.

Магический огонь, если он не сотворен кем-то из родственников, близких по крови, обжигает так же сильно, как обычное пламя. Если он доберется до моих ног, то ожогов не избежать. А загасить его мне не под силу.

Змея доползла и на секунду замерла, словно примериваясь, куда лучше укусить. Я почувствовала, как по щекам потекли слезы. Хуже некуда. Теперь все увидели, что я мало того что пустышка, так еще и жалкая плакса.

Огонь перекинулся на подол платья. Я вскрикнула, когда почувствовала, как искры больно жалят мои голые ноги.

Мне казалось, что все это продолжается вечность. На самом деле, как я потом поняла, длилось все не дольше нескольких секунд. Конечно, кураторы прекратили бы эти недопустимые

выходки, они просто не успели. Кое-кто оказался быстрее.

– Хватит! – крикнул за спиной мужской голос.

Я почувствовала, как воздух в столовой будто вздрогнул, а потом ощутила странную сухость во рту, даже сглотнуть было нечем. И слезы на щеках мгновенно испарились. И вдруг прямо из воздуха, из ничего, плеснула вода, накрыла огненную змею, заставив ее зашипеть от нерастраченной злости и сгинуть без следа.

Я обернулась и увидела Рана, вскочившего на ноги. Его темные глаза сузились от злости. Я поняла, что это он забрал всю влагу, какую было возможно, чтобы превратить ее в воду и залить огонь.

Студенты закашлялись, глотая воздух раскрытыми ртами, как рыбы. Сухой воздух застревал в легких, дышать было буквально нечем. Все бросились прочь из столовой.

Ран, не говоря больше ни слова, тоже пошел к выходу. Я сначала замерла на месте, а потом стремглав кинулась вон. Хотелось остаться одной. Спрятаться ото всех, чтобы меня больше никто никогда не нашел.

Я бежала по темным аллеям небольшого сквера, окружающего центральный корпус, по тропинке вдоль озера, по кирпичной дороге, ведущей в мой новый дом. Уже стемнело, на безоблачном небе сияли звезды, но я только на мгновение подняла голову. Любоваться ими сейчас не было ни малейшего желания. Я знала, что в первую ночь – ночь Встречи – студенты будут гулять до утра, будут жечь костры, петь песни и веселиться. Даже начало занятий перенесут на обеденное время – преподаватели знают эту традицию и уважают ее. Но я свою первую ночь проведу в маленькой комнате в одиночестве и темноте. Огневикам не дают свечей, ведь каждый из нас сам может создать для себя светильник. Каждый, кроме меня…

Я опрометью взлетела по лестнице, оттолкнув незнакомую девушку, случайно попавшуюся на пути, забежала в комнату и захлопнула дверь. Сердце колотилось, воздуха не хватало, глаза пекло от невыплаканных слез. Я рухнула на кровать и обхватила колени руками. Не усну, наверное, до утра, так и буду без конца прокручивать в голове эту сцену – огненная змея ползет ко мне, а все стоят и просто смотрят.

Дверь тихонько приотворилась. Проклятие, я снова забыла ее запереть. Я подняла голову, вглядываясь в темноту, на мгновение показалось, что это пришел Ран. Но это был не он. С руки незваного гостя спорхнул огневик, взлетел под потолок, освещая все ровным матовым светом. Я увидела Грету, стоящую на пороге. В руках она держала охапку свечей.

– Вот. Это тебе, – сказала она неловко.

Протянула свечи, но, увидев, что я не шелохнулась, пошла вперед и положила их на стол.

– Если тебе интересно, Викара наказали. Ваш куратор отправил его под домашний арест на трое суток. Так что ночь Встречи он пропустит.

– Мне неинтересно, – буркнула я. – Зачем ты пришла? Никто из вас меня не защитил!

Грета дернула плечом. Присела на край кровати. Молчала какое-то время, потом примирительно сказала:

– Все произошло так быстро. Мы просто не успели. Мы защитили бы. Какая бы ты ни была – ты наша сестра.

Теперь настала моя очередь молчать. Грета не уходила, сидела, подперев голову кулаком.

– За что они так со мной? – наконец произнесла я. – Я не сделала ничего плохого.

Грета вздохнула.

– Просто они боятся.

– Боятся? Меня?

– Не тебя, глупая, а твоей участи. Самое ужасное, что может произойти со стихийником, – это потеря дара. Ты не поймешь, ты живешь с этим с рождения. Это… Как если бы в один момент лишиться всех органов чувств. Ослепнуть, оглохнуть… Жутко страшно. А ты ходишь среди нас…

– Калека несчастная, – закончила я ее мысль. – Вдруг заражу кого своей бездарностью. Так?

Грете было неловко, но она кивнула.

– Они не правы. Такое здесь не разрешают. Никто не имеет права так поступать… Вот Вика наказали – больше не осмелятся…

– В открытую надо мной издеваться. Будут издеваться исподтишка. Так ведь?

Грета поднялась на ноги. Кажется, она уже была не рада, что пришла. Ее начал раздражать этот разговор.

– Не знаю, Кора. Откуда мне знать. Спокойной ночи.

Она даже не посмотрела на меня, когда выходила за дверь. Огневик под потолком лопнул, как мыльный пузырь. Я снова осталась одна в темноте. Правда, теперь у меня были свечи, и стало немного легче на душе.

Глава 6
Только не влюбляйся

Я думала, что этот случай совсем меня подкосит. Засыпая, была уверена, что утром не смогу открыть глаза, что мне будет плохо и грустно. Но удивительное дело – проснулась я решительно настроенная не сдаваться. От злости, наверное. Пусть я для них калека несчастная. Пусть я никогда не стану настоящим стихийником, но это не значит, что я должна плестись в конце и безропотно принимать издевки и тычки. Докажу всем, что хоть дара у меня нет, но все предметы, которые не касаются магии, я смогу сдать на «выше всяких похвал». Они думают, что я бездарница и пустышка, но мозги-то у меня на месте, да и сила воли, надеюсь, присутствует.

Первым делом надо переодеться – вчера я как была в обожженном форменном платье, так и уснула в нем. Платье все равно потеряло всякий вид, хорошо, что есть второе такое же.

Я подошла к шкафу, куда вчера с трудом затолкала вещи, но в этот момент в дверь постучали. Сегодня непрошеный гость, кто бы он ни был, не пытался вломиться без приглашения. Странно, кто бы это мог быть в такую рань. Я не сомневалась, что после ночных похождений – я всю ночь вздрагивала то от песен под окном, то от взрывающихся петард – никто не выйдет из своих комнат раньше обеда. И не спится ведь кому-то.

За дверью обнаружился Ран, свежий и бодрый. Рядом с ним стоял заспанный Димер, взлохмаченный и недовольный. Кажется, Димера вытащили из постели против его воли.

– Привет, мелкая, – сказал братец. – Ты это… Не обижайся. Вику я уже высказал все, что о нем думаю. Он принес извинения Фросту, как старшему. Обещал, что подобное больше не повторится.

– Как мило. А мне он извинения принести не хочет?

Димер дернул плечом, совсем как Грета. Это семейное, видимо. Наверное, когда представители семейства Флогис не находят слов для оправдания, они просто дергают плечом. Очевидно, извинений мне ждать не приходится.

– Я пойду, Ран. Совершенно не обязательно было поднимать меня в такую рань. Я бы мелкой и позже все сказал, – сообщил он Раннитару, который все это время молчал, ожидая, пока семейное дело будет улажено.

Братец даже не пытался скрыть, что ранний визит с извинениями – вовсе не его затея. Ран его притащил… Так

странно. Зачем ему это? Я потупилась, понимая, что щеки снова краснеют.

Димер не упустил возможности щелкнуть меня по носу, как всегда делал, стоило мне зазеваться. Рана хлопнул по плечу и, позевывая, ушел на свой этаж.

Я отступила от двери, пропуская Рана в комнату. Тот был одет в спортивную форму и, кажется, настроен уже с утра делать из меня человека. Что же, я не против.

– Спасибо, – сказала я, не зная, как начать разговор – мы оба как-то неловко застыли посреди комнаты, такой узкой, что стоять приходилось почти вплотную. А может быть, это только мне было неловко.

– Не стоит благодарности, – ответил он так, словно произошедшее вчера действительно ничего не значило для него. – Парень перешел черту… Я хотел взять тебя на тренировку, но сначала покажи мне ноги.

– Что? – опешила я. – Зачем?

– Посмотрю ожоги. Я видел, что огонь успел добраться до тебя.

Я даже не задумывалась о том, что у меня могут быть ожоги. Хотя вспомнила сейчас, как больно впивались искры. Села на кровать, приподняла покрытый копотью подол, открывая лодыжки.

– Ой…

Все ноги были покрыты волдырями от ожогов. Сейчас было уже не больно, но снова стало обидно до слез.

– Вот тебе и ой. – Ран сжал губы, как от злости, оставалось только надеяться, что злился он не на меня, за то, что срываю ему тренировку.

Он вытащил из кармана плоскую коробочку, открыл – комната наполнилось запахом мяты, к которому примешивались другие незнакомые нотки. Внутри коробочки оказалась прозрачная мазь.

– Это мазь от ожогов. Моя тетушка готовит по специальному рецепту, – сказал он совсем не тем строгим отстраненным тоном, к которому я уже успела привыкнуть.

И, не спрашивая разрешения, он принялся мазать мои волдыри – очень осторожно, едва касаясь. Я закусила губу, и это не ускользнуло от его внимания.

– Больно?

Я отчаянно закрутила головой. Было совсем не больно. Наоборот, по ногам разливалось приятное чувство прохлады, обожженная кожа, которую пекло и саднило – я только сейчас это поняла, – успокаивалась. Ну и, ко всему прочему, Ран касался

меня. Ему, значит, не противно? Не боится подхватить страшную болезнь бездарности?

– Тетя наказала всегда носить мазь с собой. Сказала: где огневики, не избежать ожогов. А уж если друг – маг стихии огня, то лучше заранее намазаться, для профилактики.

Он что, шутит со мной? Пытается отвлечь? Это было так странно и так не похоже на Раннитара, которого я знала до сегодняшнего дня. Хотя знала – громко сказано, конечно.

– Откуда столько участия к бездарнице? – неуклюже съязвила я. Трудно язвить, когда кто-то держит в руках твои лодыжки, да еще так нежно.

Ран дернул плечом, совсем как Димер. Нет, это заразно, видимо. Семейка Флогис – рассадник заразы. Так что ответа я не ждала, но он вдруг ответил:

– Да как-то подло это. Я бы не хотел, чтобы к моей младшей сестре относились так.

– А у тебя есть младшая сестра? – удивилась я.

– Нет. Я один, – и тут же увел разговор в сторону: – Если ты не можешь сегодня пойти на тренировку, то я…

– Хочу! – перебила я. – Уже одеваюсь!

* * *

Сегодня пошли на полигон – так называлось обширное пустое поле, где студенты практиковались в бое на мечах, стреляли из лука и занимались физическими упражнениями. Говорят, что и практические занятия по истреблению бестий у старшекурсников проводят здесь. Меня передернуло от одной мысли о том, что когда-нибудь мне тоже придется отрубать щупальца и всаживать клинок в уродливые туловища этих созданий.

Вопреки ожиданиям, мы не были единственными студентами, кто пришел на поле размяться перед занятиями. Я засмотрелась на бой двух воздушников – парня и девушки. Их мечи сверкали в руках, как молнии: настоящие, не деревянные. Они вполне могли ранить друг друга, но оба были настоящими мастерами – ни один не пропустил удар. Они, мне кажется, могли биться еще долго, но вдруг одновременно опустили оружие и поклонились, признавая равенство противника. Да уж, не знаю, сколько тренировок мне потребуется, чтобы научиться так держать удар.

Ран принес деревянные мечи из сторожки на краю полигона, где хранился спортивный инвентарь. Встал в позицию.

– Ну, давай. Нападай, – сказал он обреченно.

Спустя час, когда мокрые пряди волос прилипали ко лбу, а

футболка стала – хоть выжимай, да и сам Ран хоть дышал все еще ровно, но видно – тоже вымотался, он кивнул, заканчивая тренировку.

– Ты неплохо поработала сегодня, – снисходительно сказал он. – Через полгода ты себя не узнаешь.

Через полгода? Ого. Я немного загрустила – срок не маленький. Так хотелось поскорее показать всем, на что я способна. А следующая фраза Рана совсем ввергла в уныние.

– Ну, хорошо, а теперь два круга по полигону!

Два круга! Ой. Я-то думала, мы только на мечах будем биться. Как никогда было сильно искушение сбежать, сославшись на боль от ожогов. Но, как назло, ожоги совершенно перестали беспокоить, наверное, мазь сделала свое дело. «Кора, где твоя решительность? – отругала я себя. – Кто там что про силу воли говорил?»

– Хорошо, – покорно согласилась я.

Бежала я из последних сил. Наверное, мешок, наполненный сеном, и то бежал бы грациознее. Ноги заплетались, а раскрасневшееся лицо меня точно не делало симпатичнее. Лохматая, потная, красная. Фу.

Ран легко бежал рядом, не прилагая, кажется, никаких усилий. Даже умудрялся разговаривать.

– Этот Вик зол не просто так. Это не оправдывает, конечно, его поступок. Он незаконнорожденный сын мага-огневика и служанки. Получил способности, хотя обычно одного родителя мага для этого недостаточно. Его не хотели принимать в Академию, но директор пошел на уступки. Теперь, может, и выгонит. Вику кажется, что такие, как ты – дети влиятельных родителей, – занимают его место.

– Зачем ты мне это рассказываешь? – прошипела я сквозь сомкнутые зубы, израсходовав остаток воздуха. Все, силы кончились. Я встала, тяжело дыша – то ли от быстрого бега, то ли от злости. – Меня, между прочим, никто не спрашивал, хочу ли я здесь учиться, – проговорила я.

Ран примирительно кивнул:

– Я просто подумал, что тебе нужно знать.

Я открыла рот, чтобы ответить, что мне это знать совсем не нужно, но вдруг над головой раздался раскат грома, и тут же первые крупные капли упали рядом на землю. Я и не заметила, что погода внезапно испортилась. Еще несколько минут назад сияло солнце.

– Встань ближе, – приказал Ран голосом наставника.

Я подошла, встала в шаге от него и поняла, что больше не чувствую влаги на своей коже. Нас двоих словно укрывал

невидимый, невесомый плащ, спасающий от дождя, – это Ран создал водонепроницаемый барьер.

Студенты убегали с поля – кто-то бежал в учебные корпуса, кто-то в сторону сторожки, но там уже и так было желающих хоть отбавляй, кто-то в сторону теплиц. Я знала, что эти длинные приземистые здания без окон назывались теплицами, но пока мне так никто и не объяснил, что же там выращивают. Да и что за странные теплицы – с непрозрачными стенами.

И только водники застыли на месте, подняв лица к небу, – дождь им был не страшен. Дождь они обожали, как любую воду. Ран тоже смотрел в небо, наверное, он хотел бы ощущать сейчас на своей коже прохладные капли, но создал защиту специально для меня.

Он смотрел вверх, а я смотрела на него. Разглядывала его скулы и ямочку между ключиц. Видно, очень пристально разглядывала, потому что он как-то почувствовал это.

– Только не влюбляйся в меня, – сказал он, не поворачивая головы. – Не нужно, Кора. Ты ведь понимаешь.

– Понимаю, – прошептала я, мечтая провалиться сквозь землю.

К счастью, в ту же секунду прозвучал раскат грома, заглушивший мои слова. В кромку поля ударила молния. Это ведь не…

– Это ведь не они? – Я не могла скрыть испуга в голосе. – Это ведь не могут быть они? Академия ведь под защитой, да?

– Конечно, под защитой, – сказал Ран.

А сам крепче сжал в руке деревянный меч, бесполезный в настоящем бою.

Глава 7
Они приходят с дождем

Они всегда приходят с дождем. С лиловыми тучами и молниями, с громовыми раскатами. Благословенны зимние месяцы, когда снег ровным слоем укрывает землю, благословен душный зной середины лета – ведь тогда их появления так редки, что можно пересчитать по пальцам. Хуже всего весной, когда все вокруг начинает пробуждаться к жизни. Солнцу всегда рады, особенно маги огня, но то время, когда оно восстает после зимней спячки и начинает одаривать землю своим теплом, стихийники считают главным испытанием, расплатой за дар. Надо бы радоваться началу новой весны, но первые весенние грозы – это не только живительная влага, которая напоит землю. Каждая гроза сулит гибель. И вовсе не молнии тому причиной, они лишь предвестник их появления. Вместе с грозами приходят бестии.

Так их называют, этих тварей. Хотя на самом деле там огромное количество видов. В папиной библиотеке я как-то взяла в руки томик с классификацией и поняла: чтобы как следует изучить всех, мне жизни не хватит. В принципе, достаточно знать то, что бестий можно убить – разрезать мечом, пробить стрелой, сжечь огнем. Они смертны, правда, очень живучи. А еще никто никогда не мог понять, что двигает ими. Почему они тут же с остервенением бросаются уничтожать все живое. Даже погибая, не отступают. В их стремлении нет никакой логики. Ведь даже хищники обычно не убивают больше, чем нужно для того, чтобы утолить голод. А эти твари убивают просто потому, что убивают.

Весенние грозы были временем битв не на жизнь, а на смерть. Не все грозы приносили с собой опасность, но люди уже научились по косвенным приметам различать их: лиловые тучи, молнии, которые бьют в землю, не утихая ни на секунду, одна за другой, шквалистый ветер. Такие грозы начинались резко и внезапно. Жители окрестных сел, едва только почувствовав приближение ненастья, тут же кидались под защиту крепости. А мы старались их защитить.

Мы… Хм. Не я так уж точно. Я до сих пор с ужасом вспоминаю тот первый раз, когда увидела бестию. Страшный день, изменивший мою жизнь… Если бы я только могла вернуть все назад!

Обычно мы, дети, отсиживались в подвале под присмотром бабушки, уже слишком пожилой для того, чтобы принимать

участие в сражениях, и нянек, пока наверху происходило что-то тревожное и опасное. Родители возвращались после таких грозовых дней настолько усталыми, что едва держались на ногах, в копоти, а иногда в крови. Потом на одну из битв взяли тринадцатилетнего Фроста. Потом Бриду, Димера, Грету. А я всегда оставалась в подвале…

Нет, моя первая встреча с бестиями произошла намного раньше, чем Грета и даже Брида покинули укрытие. Фросту было тринадцать, и это был его первый бой. Мы все знали, что когда вырастем, то встанем на защиту людей – наших подданных. Это были великая честь и большая ответственность.

Мы в тот день все находились в зале. Уже наступил вечер. Мы сидели у камина, и мама читала вслух книгу, когда залетел слуга, торопливо поклонился и выпалил:

– Гроза, мой господин.

Отец, мама – оба одновременно поднялись на ноги.

– Открыть ворота, – первым делом приказал отец, зная, что сейчас под защиту стен хлынет толпа людей, а после маме: – Готовься, любимая.

А мама посмотрела на Фроста, который от нетерпения не мог устоять на месте. Это была первая весенняя гроза того года, когда ему исполнилось тринадцать. Стихийники уже с тринадцати лет могут сражаться рядом со взрослыми, и родители обещали, что возьмут его с собой. Судя по всему, Фрост не забыл об обещании, но и прямо спросить не решался.

– Готовься, Фрост, – сказал отец моему старшему брату, и тот расцвел, со снисходительной улыбкой взглянул на младших, нас теперь будто отделила от него невидимая стена. Он стал взрослым, он идет на битву, а мы остались детьми и останемся ждать в подвале. Я увидела, как Брида побелела от злости и сжала губы.

«Готовься». Это означало, что Фрост возьмет меч, изготовленный специально для него, наденет доспехи, выделанные из кожи железного алги – легкие, но невероятно прочные, и выйдет с родителями за пределы стен замка, чтобы не пустить к нам бестий.

– Спускайтесь в подвал, – мягко сказала мама и, больше уже не глядя на нас, поспешила прочь.

В тот момент я не до конца понимала, насколько опасно все, что происходит. Ни одна из бестий на моей памяти не прорвалась за кольцо укреплений. Снаружи сражались подготовленные воины, которых отец сам выбирал из числа подданных-добровольцев. У них были отличное оружие и достойное жалованье. А возглавляли оборону мои родители, не подпуская,

насколько это было возможно, к своему отряду опускающихся с небес бестий.

Бестии приходили вместе с дождем, и они сами были дождем. Они падали с неба вместе с каплями. Неуклюжие и смертельные, похожие на кляксы полиписы. Быстрые и верткие змеехвосты. Акусы, что стреляли отравленными шипами. Мелкие и от того особенно неприятные буравчики – мечом их было не убить, стрелой тоже, они были размером с палец. Острые, похожие на заостренные палочки – они впивались под кожу десятками и прошивали несчастных, встретившихся на их пути, насквозь. Единственным спасением от них был огонь. И десятки других тварей, названий которых я не знала.

Хорошо, что, упав с неба, бестии уже не взлетали, только полиписы парили в метре-двух над землей, но перелететь за периметр замковых стен теперь не могли. Могли только просочиться сквозь ворота, которые охранялись очень тщательно.

Помню, когда была маленькой, я очень удивлялась, почему же смертоносный дождь не идет над замком, ведь над ним нет крыши, что же мешает бестиям сразу проникнуть к нам. Потом родители объяснили, что над крепостью установлена специальная защита, которую умеют делать только водники. Заряжают амулеты, накрывающие здание невидимым куполом. Под ним опасность никому не грозит. Амулеты, правда, приходилось время от времени обновлять, а стоило это дорого. Папа как-то даже поругался с отцом Рана, приехавшим как раз по такому поводу.

– Ты меня без штанов оставишь! – кричал папа, не зная, что я подслушиваю. – Год неурожайный, сам знаешь. Я не могу забирать у людей последнее!

Отец Рана был немногословен и терпелив. Он знал, что Флогисам некуда деваться – заплатят как миленькие. Правда, надо отдать ему должное, обещал в следующий раз зарядить амулеты бесплатно.

Замок был под защитой, но вот близлежащие села оказывались легкой добычей, поэтому все бросались к нам, переждать опасность. А еще в каждой деревне оборудованы схроны для тех, кто не мог быстро передвигаться. Отразив первый натиск, родители с отрядом всегда зачищали деревни от тварей. Жителям надо было только переждать. Бестии после грозы быстро погибали. Правда, некоторые долгое время могли выживать в сырых местах: у рек, в лесных буреломах – везде, где сыро, тепло и темно.

К счастью или скорее к несчастью, мой несомненный изъян – отсутствие магии – привел к тому, что я ни разу не принимала участия в настоящей битве. Только слушала хвастливые

разговоры братьев и сестер, которые потом еще долго обсуждали каждый момент боя.

– Грета, признавайся, ты бы без ноги осталась, если бы не я! Застыла на месте, как… Как Корявка! Что, очень тебя змеехвост напугал, да?

Грета принималась лупить Димера по спине всем, что под руку попадалось, но по ее голени действительно змеился тонкий алый след от хвоста, похожего на хлыст. Такой легко мог разрубить не то что ногу, даже туловище пополам.

Но это все было уже позже. Моя память все время возвращала меня к тому дню, который я очень хочу забыть. Но не могу. Тому дню, когда Фросту исполнилось тринадцать и он отправлялся на свою первую битву. Мне было семь, и я должна была вместе с остальными братьями и сестрами отправляться в подвал. Вместо этого я почему-то решила сбежать и принять участие в сражении.

Я не очень хорошо помню, почему так получилось. Знаю только, что в тот момент уже осознавала, что я пустышка. И, кажется, в какой-то книге прочитала, что у некоторых пустышек дар может внезапно пробудиться во время смертельной опасности или опасности, которая грозит их близким. Вик, наверное, ту же книгу читал, ага. Только вот ни фига это не работает.

Я подготовилась заранее. Потихоньку стаскивала к себе в комнату и прятала под кровать все, что может пригодиться. Старые мамины сапоги, ее прохудившиеся доспехи, которые, конечно, были мне велики, но все же лучше, чем ничего. Папину стрелу с обломанным оперением. Без лука, правда, но, по моему мнению, боевая стрела и сама по себе заслуживала уважения. Учебный меч Фроста – выщербленный и тупой, зато железный.

Когда в замке началась суета, я сделала вид, что первая побежала в подвал, а на самом деле на половине пути развернулась и тихонько прокралась в свою комнату, чтобы «подготовиться». Я уже предвкушала со всей детской непосредственностью, как приду на помощь в самый тяжелый момент боя. Как спасу Фроста или даже папу – мама, я была уверена, в любом случае справится сама – и как потом они, рыдая, будут меня благодарить.

Такая глупая…

Времени до того момента, как меня хватятся, оставалось мало. Бабушка всегда следила за мной во все глаза. Говорила мне: «Искорка моя, за старших я не волнуюсь, они за себя постоят, а за тебя душа болит, мой маленький огонечек». Только бабушка могла так сказать о моем изъяне, что это казалось почему-то вовсе не обидно. Я была в ее понимании не калекой, а просто слишком маленькой искоркой, чтобы обжечь кого-то.

Пусть крошечным, но огнем.

За открытыми воротами уже стояла серая стена дождя, хотя на двор замка не упало ни капли. Двор был полон людей. Сумрачные, серьезные лица. Хотя эта напасть повторялась каждый год, но привыкнуть к тому, что весной погибнет кто-то из твоих родных и близких, нельзя. Среди пришедших уже были раненые, некоторые серьезно. Наших слуг специально обучали оказывать помощь, и сейчас они перевязывали порезы и ожоги от стрекательных щупалец.

На меня никто не обращал внимания, хотя я, наверное, выглядела до невозможности нелепо в огромных сапогах, которые вертелись на тощих ногах, в шлеме, который приходилось придерживать рукой, чтобы он не сползал на глаза. В руке я сжимала меч Фроста и чувствовала себя воином.

Людей вокруг было так много, что приходилось буквально проталкиваться. И они все прибывали. Ворота закрывать не станут, потому что поток беженцев не иссякнет во время грозы, они так и будут идти, надеясь на спасение в стенах замка.

Я встала сбоку, глядя на стену дождя и всполохи пламени, освещающие вспышками темнеющее небо. Родителей и Фроста не было видно, но я знала, что они там, где огонь. Бестий тоже не разглядеть – только какие-то тени мечутся за завесой воды. Но бестии это или воины из отряда – не понять.

Вся моя решительность куда-то пропала. Может, и не нужна им моя помощь? Отлично справляются и без меня. Но вдруг я услышала вскрик, и показалось, что это мама вскрикнула от боли. Ужас сжал мое сердце, а дальше я действовала, не совсем понимая, что делаю. То ли мне хотелось защитить маму, то ли, наоборот, я надеялась, что она успокоит меня – улыбнется и скажет, что все хорошо. Как бы там ни было – я выбежала за ворота.

И почти мгновенно ослепла и оглохла от яростного шума дождя, от криков людей и нечеловеческих скрежещущих звуков – словно кто-то водил острием ножа по стеклу. Мерзкий звук, от которого внутри все сжималось и зубы начинали болеть. Над головой, почти касаясь волос, носились какие-то создания, отчего-то пока не обращавшие на меня внимания. Под ногами тоже что-то ерзало, несколько раз вскользь дотронувшись до моих голеней. Как я теперь понимаю, в ту ночь меня спасло только чудо.

Вернее, моя бабушка.

Меч я потеряла сразу, даже не помню, как выронила его из рук. Я не понимала, где нахожусь и куда бежать. Знала, что надо вернуться, но не могла отыскать глазами ворота. Шла, спотыкаясь

обо что-то, один раз опустила взгляд и вздрогнула – я наступила на руку лежащего человека. Он смотрел в небо широко открытыми глазами.

Где-то совсем рядом сражались люди – папин отряд, но я по-прежнему не различала, какие из силуэтов – люди, а какие – бестии. Все смешалось и слилось в единую мрачную картину, наполненную всполохами во тьме, предсмертными криками, тенями, скрежетом и шорохом невидимых тварей.

Огонь! Надо идти на огонь.

И я пошла туда, где загорались волны пламени. Они прокатывались, оставляя после себя горящих бестий. Облака пара взмывали к небесам.

– Папа, мама!

Они не слышали мой тихий голос, больше похожий на писк. Зато кое-кто другой услышал.

Она выросла как из-под земли. В этот момент огненная вспышка осветила тварь всю целиком. Она была похожа на гигантское насекомое – ростом со взрослого человека. Бестия опиралась на задние лапы, покрытые хитиновыми пластинами, а тонкие передние, заросшие серой жесткой щетиной, сложила на груди. Огромные белесые глаза смотрели то ли на меня, то ли сквозь меня. Локуста, а это была именно она, приоткрыла жвалы и издала резкий звук – тот самый скрежет. Я замерла, едва дыша.

Бестия потянулась ко мне своими лапами, тонкие коготки провели по курточке, цепляя ткань. Тонкие, но острые, как бритвы. Следующая секунда могла стать последней.

– Искорка! – раздался крик за моим плечом. – Стой, не шевелись!

Бабуля! Заметила, что меня нет, и бросилась искать. Как она нашла меня посреди творящегося хаоса? Теперь уже никогда не узнать.

Я втянула голову в плечи, стараясь казаться еще меньше, чем есть, но послушалась – застыла на месте. Надо мной пронеслась волна пламени, и вот уже локуста объята им. В предсмертной судороге она сначала отскочила назад, но потом вновь потянула ко мне лапы. Даже умирая, бестии продолжали убивать.

Я почувствовала, что падаю и что горькая, вонючая земля, пахнущая дымом, набивается в рот. Глаза залеплены грязью. Это бабушка толкнула меня, а сама упала сверху, закрывая. Я ощутила, как она вздрогнула, и подумала еще, что она, наверное, тоже ударилась. Мне даже в голову не могло прийти, что в эту секунду острые когти локусты…

Как заставить себя забыть? Я пыталась много раз, и мне почти удалось. Я практически ничего не помню о том, что было

после.

Вот только никак не выкинуть из памяти то, как кричал отец:

– Мама!

Словно он сам маленький мальчик и ужасно чего-то боится. И я вижу как наяву, что он подхватил ее и понес в сторону ворот. А руки у бабули так странно свесились, болтаются туда-сюда… Я еще не знала, что эти руки никогда больше меня не обнимут.

Папа нес бабулю, а Фрост тащил меня, вцепившись в запястье, и рыдал во весь голос.

– Ой, больно же! – пищала я, пытаясь вырваться.

Но он только крепче сжимал.

– Ты!.. – шептал он, захлебываясь слезами. – Ты…

Я иногда думаю – может быть, они поэтому меня все ненавидят? Ведь это из-за меня погибла бабушка…

* * *

Академия находилась под защитой тех же водных амулетов, что охраняют и наш замок. Здесь магия даже на порядок выше – купол закрывает от бестий, но пропускает дождевые струи.

Мне нечего бояться. К тому же осенние дожди почти никогда не несут в себе угрозы. И все же, когда еще одна молния ударила совсем близко, осветив небо, перед глазами невольно встала та самая ночь, и я, не осознавая, что делаю, вцепилась Рану в предплечье.

Но он даже не посмотрел на меня, пристально разглядывая теплицы. Я тоже повернулась в ту сторону, не понимая, что привлекло его внимание.

– Это невозможно, – прошептал он.

– Что? Что невозможно?

– Они вырвались из теплицы. Прорвали семь магических щитов. Один из них ставил отец. Как же так?

Кажется, даже Рану изменило хладнокровие. А я, когда наконец поняла, в чем дело, едва устояла на ногах – так стало страшно.

По корпусу одной из теплиц, что располагалась дальше остальных, змеилась широкая трещина, и из нее одна за другой выскальзывали бестии. Они взлетали невысоко, почти сразу шлепались на землю и ползли, шагали, левитировали в сторону людей. Так вот, значит, что там выращивают…

Студенты, что бежали в направлении теплиц, сначала застыли на месте, потом заняли круговую оборону. Те, у кого в руках было оружие, встали живой стеной вокруг тех, кто был

безоружен. Но какое оружие – смех, да и только. Учебные мечи, по большей части деревянные. Такие же, как сейчас у нас в руках.

Твари были еще далеко, но бестии передвигаются очень быстро, когда хотят. Даже такие с виду неуклюжие, как полипсы.

– Не отходи от меня, – приказал Ран. Кажется, к нему вернулась его прежняя выдержка. – Бежать бесполезно – мы посреди поля. Будем сражаться.

Я кивнула. Что тут скажешь? Отлично начался учебный год, слов нет.

Глава 8
Диверсия

– Встань за моей спиной. Не лезь вперед без крайней необходимости.

Говорил так, будто уверен был, что я не ослушаюсь. Но я спорить не стала – толку от меня правда маловато в этом деле.

Самыми страшными мгновениями в этой битве стали те, когда смотришь на приближающихся бестий и вынуждена просто ждать. Бежать нельзя – догонят и убьют. Сжимаешь в руках бесполезный меч, который и стебелек травы-то не перерубит, и молишься богине Солнце о том, чтобы смерть стала не слишком мучительной. Ран стоял на шаг впереди. Я видела, как на его плечах напряглись мышцы.

Бестии рассредоточились по полю, нападая на всех, кого видят. Стихийники бились отчаянно, но были застигнуты врасплох. Я слышала крики боли, и сердце сжималось от ужаса. Пока еще все стояли на ногах, но сколько пройдет времени, прежде чем кто-то умрет?

А совсем скоро мне стало не до размышлений. Первым до нас с Раном добрался змеехвост. Он был не такой большой, какими обычно бывают его собратья, но все-таки быстрый и опасный. Остановился в двух шагах, припал на все четыре лапы, нюхая воздух и поглядывая на Рана злыми оранжевыми глазами, горящими на угольно-черной морде. Змеехвост был похож на крысу – огромную черную крысу с узким длинным хвостом, который, если обвивался вокруг руки или ноги, мог легко ее оторвать, а укусы его игольчатых зубов ядовиты и очень болезненны.

– Ран…

– Тихо, Кора. Не шевелись.

Я тихонько всхлипнула, перехватывая рукоять меча. Эти деревянные игрушки змеехвосту на один зуб. Ух, как же страшно. Радовало только то, что другие твари пока далеко и у нас есть в запасе минута-другая.

Бестия распрямила хвост, приподнялась на задних лапах. Это означало, что сейчас она нападет. Так и есть! Прыжок! Ран взмахнул мечом, отбивая тварь. Та отлетела назад как лохматый, злобно шипящий мяч. Приземлилась и тут же с удвоенной силой бросилась вперед. Ран подцепил ее поперек живота и отшвырнул как можно дальше. Это превращалось в какую-то глупую игру – было бы смешно, если бы не было так страшно.

Ран сосредоточился на змеехвосте и не видел, что сбоку к нему подкрадывается черное пятно – словно клубок дыма, который отчего-то не растворился в воздухе. Совсем не похоже на мою милую Чернильную Бестию, но все же я прекрасно знала, что это полипис.

– Ран!

Он раздраженно дернул головой – мол, не мешай. А я от волнения не могла больше сказать ни слова. Из черного сгустка тем временем вытянулось стрекательное щупальце. Папа рассказывал, что боль пронзает такая, будто молния ударила. Все тело немеет, а руки и ноги сводит судорогой. У него на плече до сих пор след остался.

Я закусила губу и что было сил рубанула деревянным лезвием по отростку, который тянулся к Рану. Полипис пронзительно заверещал. Я и не догадывалась, что они могут издавать такие отвратительные вопли. Даже голова закружилась и слабость во всем теле появилась. Только бы не упасть… Или ладно. Умру, пока буду без сознания – не так уж и страшно. К чему бороться – вон их сколько вокруг, и все прибывают. Эта теплица как бездонная дыра. Вот зачем, спрашивается, держать опасных тварей на территории Академии, пусть и запертых на семь печатей и укрытых семью щитами.

Я упала на колено, опираясь на меч, и лихорадочно думала – то ли попытаться все же подняться на ноги, то ли пусть уж. Чувствовала себя слабой, как цыпленок. Тут кто-то дернул меня под локоть. Я нехотя перевела взгляд – Ран возвышался надо мной и тянул вверх. Но смотрел не на меня, а на бестий, которые теперь окружали нас плотным кольцом: к змеехвосту и полипису присоединился скример – длинный и сухой, как жердь. Он медленно переставлял свои тонкие ноги-палочки. Пока молчал, но неизвестно, как долго будет везти. Скример, на вид самый безобидный, убивал одним только криком. Вот уж чей вой и в сравнение не шел с воплем полиписа.

Ран отбивался ото всех троих, держа их на расстоянии вытянутой руки – все, что он мог сделать. Наше игрушечное оружие было бессильно против них.

– Вставай! – прошипел он сквозь зубы. – Кора, слышишь меня! Немедленно вставай на ноги!

Я была как вареная.

– Прости… Я так устала…

Он выругался, мотнул головой, сбрасывая влажную челку, что лезла на глаза, и, обхватив меня за талию, поднял одним рывком.

– Держись. Сейчас отпустит.

Зря Ран отвлекся на меня! Потерял контроль над ситуацией.

Он и так удерживал их только каким-то невероятным мастерством. Но силы изначально были неравны… Хвост похожей на крысу-переростка твари обвился вокруг рукояти меча, заодно сдирая кожу с пальцев Рана, и вырвал оружие из его руки. Все. Это все. Я зажмурилась, приготовившись к смерти.

Но последние секунды все тянулись и тянулись, так что пришлось открыть глаза. Бестии все так же окружали нас. Отростки и когти скребли воздух в опасной близости от наших тел, но бессильно увязали в какой-то невидимой преграде. Ран прижал меня к себе, обнял поверх моих рук, стараясь, чтобы мы оба занимали как можно меньше места в пространстве.

– Поставил экран, – прерывисто объяснил он. Я почувствовала, как тяжело он дышит – так, будто выполняет трудную работу. – Не знаю, сколько смогу продержать… Если помощь не придет…

Если помощь не придет, жить нам осталось недолго, что уж тут непонятного. И вот странное дело – совсем недавно я сама хотела умереть и даже пару минут назад готова была сдаться. Но сейчас так отчаянно хотелось жить! Ну пожалуйста, пусть нас спасут. Обещаю – больше никогда не стану хныкать, жаловаться и жалеть себя. Пожалуйста, мать Солнце и отец Луна!

Я видела, что защитная оболочка начинает сдаваться под натиском бестий, но тут услышала крики спешащих на помощь стихийников: студентов и преподавателей.

Я почувствовала волну горячего воздуха, которая пронеслась, не причинив вреда. Зато бестии, окружившие нас, запылали, словно факелы. А скримера для верности еще и проткнули стрелой – он так и не успел использовать свой смертельный крик.

Стрела оказалась с подозрительно знакомым оперением. Так и есть – из-за спины выскочила Брида, окинула нас быстрым взглядом, чтобы удостовериться, что все в порядке, кивнула Рану и умчалась дальше, в гущу битвы, что развернулась у теплиц. Она была одной из многих, кто торопился на выручку. Вокруг то и дело вспыхивали огненные всполохи. Комья земли вырывались наружу, и ямы, образовавшиеся на их месте, проглатывали бестий целиком – излюбленный прием земляных магов. Воздушники создавали смерчи, которые затягивали в свою воронку зазевавшихся тварей. Скоро мы были в безопасности – вокруг не осталось ни одной живой бестии.

Ран опустил руки, выпуская меня. Я почувствовала, как он дрожит от перенапряжения. Неужели мы живы? Все позади?

Кто-то схватил меня за запястье, грубо дернул, оттаскивая от Рана. Я вскрикнула, но тут разглядела, что это Фрост. Он уже создал огненный портал и почти волоком тащил меня в его

сторону.

– Фрост, стой. Подожди…

Кто бы меня еще услышал! Фрост хмурился и явно был не настроен болтать. Последнее, что я увидела перед перемещением, – Раннитар, смотревший мне вслед. Я видела, как он устал – едва на ногах держится, с пальцев, искалеченных змеехвостом, капает кровь. А мы его бросим здесь одного?

– Фрост!

Но братец молча затащил меня в огненный круг, и через секунду я оказалась в центральном холле, том самом, где собирались все студенты вчера, когда прибыли в Академию. Вчера? Всего один день прошел? А кажется, будто месяц.

– Будь здесь, – проговорил он зло. – Кора, почему ты всегда влипаешь в неприятности? Вместо того чтобы помогать остальным, я разыскиваю тебя, непутевую, глупую девицу. И что же – ты снова не упустила возможности влипнуть в неприятности. Не удивлен!

Обидно! Хотя Фрост есть Фрост, ничего другого я не ожидала. Он и слушать не станет о том, что я оказалась там не по своей вине. Так и есть – развернулся и вновь нырнул в портал, чтобы оказаться на поле.

Холл сейчас был чем-то вроде штаба, куда стекались стихийники. В основном раненые, кто не мог стоять на ногах и противостоять бестиям. Многие лежали на полу или сидели, уставившись невидящим взглядом в стену – наверное, перед их внутренним взором вновь и вновь разворачивалась битва, в которой они чудом остались живы. Каждый из них видел своих бестий, как и я своих – змеехвоста, полиписа, скримера… Ой, как же мы живы-то остались?

Время от времени я пыталась отыскать взглядом Рана, но так и не увидела его. А потом по рядам пронесся шепот – бестии побеждены, теплица запечатана неснимаемым заклятием, но расходиться пока нельзя: директор хочет сообщить что-то важное.

Директор появился на балконе, как в прошлый раз. Вот только сейчас его одежда была в беспорядке – покрыта пылью и копотью, кое-где разорвана. Преподаватели, вставшие рядом, тоже выглядели не лучшим образом. Нашего куратора я с трудом узнала: он был испачкан грязью с ног до головы.

Я почти не вслушивалась в то, что говорил Терран Аквидус, все оглядывалась в поисках Рана. Он ведь уже должен вернуться! Но тут стихийники одновременно издали странный вздох, полный негодования, и я решила узнать, о чем речь.

– Да, да… Как ни прискорбно мне это сообщать, но повторю – вероятно, имела место диверсия. Мне трудно в это поверить и

еще труднее произнести вслух, но сорвать семь печатей и уничтожить семь щитов мог только стихийник. Вернее, я думаю, он действовал не один. Пока невозможно понять, на что они рассчитывали, проведя эту губительную акцию, но обязательно выясню. Уже создана специальная комиссия по расследованию…

Дальше я не слушала, потому что сидящая рядом первокурсница-воздушница задавала вопрос, который волновал и меня. Ее голос дрожал от обиды:

– Я перепугалась до смерти! Я думала, это безобидные теплицы. В теплицах, вообще-то, цветы выращивать должны, а не чудовищ!

Кто-то из старшекурсников благосклонно объяснил:

– Их так просто назвали. Там держат бестий на самом деле. Нам, для тренировок. И просто изучают, чтобы понять, что они такое и откуда приходят.

– И уже поняли что-то? – не удержалась я.

Старшекурсник-огневик смерил меня взглядом, узнал и проигнорировал. Но, кажется, я уже успела нарастить дополнительный слой кожи, потому что его демонстративное поведение не слишком-то меня и задело.

– А правда, они поняли что-то? – подхватила воздушница, она, видно, еще не знала обо мне, потому что посмотрела вполне дружелюбно.

– Мне не докладывали, – снизошел до ответа стихийник.

Тут я заметила, что все стали потихоньку расходиться. Опасность миновала, и даже, как первым делом сообщил Терран Аквидус, никто не погиб. Представляю, что бы здесь началось, если бы кто-то погиб! Здесь все дети влиятельных родителей, которые бы потом Академию по кирпичику разнесли!

Я поднялась на дрожащих ногах, не зная, куда теперь идти. Занятия сегодня отменили, а возвращаться в комнатку и сидеть там одной весь остаток дня совсем не хотелось. Если бы хоть учебники выдали… Вот до чего доводит одиночество, так я, пожалуй, даже учиться полюблю.

И вдруг я увидела Рана. Он выходил из зала с группой других водников. Он уже не выглядел таким уставшим, как на поле, даже волосы пригладил. Разговаривал о чем-то с девчонкой со своего курса и улыбался. Показал ей свою руку, уже перебинтованную кем-то из медиков, кивнул, усмехнулся. Хвастается своими боевыми ранами. Мне вдруг так захотелось оказаться рядом и тоже рассказать, как мы вместе сражались бок о бок. Почему он ко мне даже не подошел? Но он и не должен был… Он знал, что со мной все в порядке…

– Ран!

Я крикнула прежде, чем осознала, что делаю. Ран вскинул голову на крик, наши взгляды встретились, он кивнул и улыбнулся той же легкой улыбкой, какой улыбался только что однокашнице. На этом надо было и завершить общение. Да… Но я зачем-то стала пробираться сквозь толпу, чтобы подойти ближе.

– Ты как? Как рука?

– Все нормально. Пустяки!

– Ран… Спасибо, что не бросил меня там! Если бы не ты…

Ран едва заметно скривился, будто говорить об этом ему было неловко.

– О-о-о, Раннитар, – пропела стихийница, которая все еще стояла тут же, рядом. – Ты спас бедняжку? Она бы точно погибла там…

Она в упор смотрела на меня, и по взгляду я догадалась: она тоже в курсе того, кто я.

– Да ерунда, – Ран перебил однокурсницу и, приобняв ее за талию, повел за собой к выходу. Он даже обращался не ко мне: – Кора – сестра друга. Разве я мог поступить по-другому?

Вот кто я для него. Сестра друга. Навязанная директором повинность.

Наверное, я еще не успела отрастить достаточно толстую кожу, потому что стало так больно, словно огонь снова обжег меня. Даже больнее, пожалуй…

Глава 9
Вполне сносная жизнь

Тот вечер мне не пришлось проводить в одиночестве – родители, взволнованные произошедшим, примчались в Академию, чтобы проведать нас. Вообще это не разрешается, но в виде исключения позволили.

Мы все вместе разместились у Фроста – у него, как у старшекурсника, была самая большая и уютная комнатка, но когда все члены семейства Флогис расселись на кровати и креслах, а кое-кто даже на подоконнике, то она сразу показалась маленькой и тесной. Семейные посиделки, как всегда, превратились в спор – кто кого сильнее, храбрее и умнее. Ничего нового. Брида описала спасение меня и Рана так, словно мы только ей и обязаны жизнью. Хотя, если хорошенько разобраться, так оно и есть…

Я, как обычно, молчала, мне, в общем-то, рассказать было не о чем. Разве что…

– А я рубанула по стрекательному щупальцу полиписа, – робко вставила я реплику.

– Ого! – порадовался папа, кажется, даже искренне. – Отрубила?

– Не-а… Меч был деревянный. Мы с Раннитаром тренировались, когда все началось.

И несмотря на то, что братья и сестры снисходительно заулыбались, представляя меня, размахивающую деревянным мечом, отец был впечатлен.

– Ты меня радуешь, Кора. И я, видно, был прав, когда попросил Молинара, чтобы его сын подтянул тебя по мечевому бою. Мальчишка молодец, да?

– Ага, – тут же встрял Димер. – Видел бы ты, какими глазами наша Корявка на него смотрит. А ведь ее судьба – сидеть в старых девах, по-другому-то не получится…

– Перестань! – резко перебила его мама.

Я почувствовала, что на глаза навернулись слезы. Ну почему Димер всегда такой невыносимо мерзкий? Очень хотелось уйти, но я пересилила себя и осталась – раз уж твердо решила быть сильной, то надо начинать прямо сейчас.

Эти первые дни в Академии я потом еще не раз вспоминала. Как мне было страшно и грустно, как меня штормило от надежды на то, что все будет хорошо, до полного отчаяния. Теперь я точно знаю, если не сдаваться и продолжать идти вперед хотя бы

крошечными шагами, то рано или поздно все наладится. В моем случае – поздно. Но самым страшным, как я теперь понимаю, было пережить эти два дня, потому я их и запомнила в таких подробностях.

Следующий день – третий день в Академии – встретил меня туманным холодным рассветом, так что я даже надела накидку, отправляясь в учебный корпус. Рядом со мной на занятия спешили мои однокурсники – туман скрадывал шаги, и казалось, что меня сопровождают тени. Вернее, это я была тенью, потому что они шли парочками и группами, а я одна.

Первое занятие в этом году сделали общим для всех стихийников. Нас разместили в большой аудитории для вводной лекции. На партах уже лежали комплекты учебников и листы для записи. Я присела с краю, стараясь не привлекать к себе внимания, но после того, как Вика наказали, другие больше не осмеливались открыто задирать меня. Да еще в присутствии преподавателя.

Преподаватель – Лоерран Мен – маленький старичок в синей мантии, выдававшей в нем водника, начал рассказывать то, что каждый стихийник и так знал с рождения, – особенности проявления каждой магии. Как я ни была настроена на учебу, но тут заскучала и начала бездумно рисовать на листе бумаги узоры. Увлеклась и даже не сразу поняла, почему стало так тихо и почему все смотрят на меня. Некоторые открыто, другие исподтишка. Но тут услышала тихий голос нашего лектора и все поняла.

– Иногда у детей, родившихся в самых древних и сильных магических семьях, дар не проявляется. Редко бывает так, что он просто дремлет, но в таких случаях он все же может развиться в экстремальных ситуациях. Обычно это случается до подросткового возраста. После наступления подросткового возраста шансов на обретения дара почти нет. В нашем обществе, к сожалению, бытует предвзятое отношение к таким стихийникам. Их называют пустышками и бездарниками. Их презирают и боятся. Но мы ведь с вами, друзья мои, не такие примитивные, правда? Мы ведь не будем унижать человека только лишь за то, что ему не посчастливилось родиться таким, как мы?

– Нет… – нестройно ответили студенты, потому что именно этого ответа от них ждали.

Лоерран Мен быстро, словно случайно, посмотрел на меня, и я сразу догадалась: он знает. Получил приказ от директора провести душещипательную беседу в духе: пустышки – тоже люди, не надо их обижать. Хотелось сползти под стол и сидеть

там до конца лекции.

– А что таким стихийникам… Хм, то есть людям… Что им делать в Академии? Чему они могут здесь научиться? Пусть дома сидят!

Это неугомонный Вик все же не выдержал, подал голос. Видно, сильно его заедало, что он здесь на птичьих правах, а я, бездарница, пришла на все готовое. По-своему, он даже прав…

Лоерран Мен растерялся, он не был готов к такому вопросу.

– Вы… Мастер Викар, если не ошибаюсь? Боюсь, что это решать не вам… Это вопрос сложный и неоднозначный…

– У-у-у-у! – загудела половина аудитории.

Я втянула голову в плечи. Карандаш в моей руке треснул – так сильно я его сжала.

– Она дралась вчера наравне со всеми! – раздался чей-то звонкий голос. – Пусть у нее нет магии, но она все равно стихийник, такой же, как мы. Вы вот видели, что вчера творилось на поле? Не видели, конечно: первокурсников не пустили сражаться. А я там была! И она была. И сражалась с деревянным мечом в руках против полиписа.

Я робко обернулась и увидела ту самую девушку-воздушницу, с которой вчера перекинулась парой слов в холле. По ее словам, я просто героем выходила, хотя, на самом деле, без Рана не продержалась бы и минуты. И все же сказанное было правдой. Я там была, и я сражалась как могла.

В аудитории стало тихо. Больше не было сказано ни слова, лекция плавно свернула к другим темам, занятие продолжилось, и будто бы ничего не произошло. Но все же я чувствовала: что-то изменилось. Они по-прежнему смотрели на меня, когда думали, что я не вижу, но это были другие взгляды. Трудно объяснить.

После лекции, когда мы должны были разойтись по другим кабинетам, Вик, проходя мимо, словно случайно задел мои учебники и рассыпал по полу.

– Пусть дурачкам втюхивают сказочки про бедных бездарников. Тебе нечего здесь делать, пустышка. И ты скоро вылетишь, я тебе это обещаю, – прошипел он, наклоняясь и делая вид, что собирается поднять книгу.

Я промолчала – не связываться же с этим здоровым и злобным лбом. Выждала, пока он уйдет, и начала собирать учебники. Стихийники торопились мимо. Это было неудивительно. Удивительно другое – двое вдруг остановились и начали помогать. Торопились и старались не смотреть мне в глаза, но… Но! И такое огромное «но», что внутри от него стало тепло и радостно!

* * *

После этого дня стало легче. Чуда, конечно, не произошло – друзей так и не появилось. Но теперь мою жизнь уже нельзя было назвать невыносимой. Я приходила на занятия без страха быть униженной и могла спокойно учиться. Правда, веселая студенческая жизнь с ночными посиделками до утра и закрытыми вечеринками, которые иногда устраивали тайком от преподавателей – хотя сдается мне, что те были в курсе, просто закрывали глаза, – проходила мимо меня.

Я знала, что Грета добилась-таки расположения Виллиса, а Брида уже давно, года два, встречается с Аркеллом со своего курса и скорее всего они поженятся после окончания Академии. Не то чтобы она посвящала меня в свои планы, просто такое сложно утаить, и я иногда слышала разговоры родителей по поводу приданого. Димер завел какую-то несерьезную интрижку с девчонкой из водников, из группы Рана. Один Фрост думал, кажется, только о выпускных экзаменах и не отвлекался на такие глупости, как романтика. Вот и я не отвлекалась… Просто иногда задумывалась: если представить на миг, что я самая настоящая стихийница с таким же сильным даром, как у всех Флогисов, обратили бы тогда на меня внимание? Время от времени я разглядывала себя в зеркале, пытаясь понять – есть ли во мне что-то, что привлекло бы кого-нибудь… Например, Рана… Я видела стройную девушку с волосами медового оттенка, с большими синими глазами. По сравнению со старшими сестрами, которые выше меня и даже на вид гораздо сильнее и увереннее, я, конечно, проигрывала. Они настоящие красавицы, и дар у них есть, а я… Слабая, хрупкая и мелкая… Ран не взглянул бы на меня, даже если бы я воспламеняла деревья одним только взглядом.

Ран… Я не знала, кем он был для меня. Едва ли другом, ведь друзья не встречаются только лишь для того, чтобы потренироваться на мечах. Он всегда был безукоризненно вежлив и даже приветлив и занимался по-настоящему – не так, будто отбывал скучную повинность. Может быть, это просто в характере Рана – он во всем такой основательный. Если уж взялся подтянуть неумеху вроде меня, то приложит для этого все усилия. Вот и гонял меня без жалости то по полигону, то по полосе препятствий. Да, оказывается, у нас и полоса препятствий имеется. Жуткая мясорубка – рвы, наполненные грязью; каменные стены, на которые надо карабкаться по тонким веревочным лестницам, натирающим руки до кровавых мозолей; шаткие мостики без перил. В общем, не знаю, чья буйная фантазия

изобрела это, но скучно на полосе препятствий не было никому. Даже Ран выматывался, что уж говорить обо мне. После таких занятий я просто без сил падала на кровать и проваливалась в сон.

Занимались мы каждый день – ранним утром перед занятиями и ближе к вечеру. Ран ждал меня у корпуса, сжимая под мышкой мечи, всегда на одном и том же месте. И я, уже издалека разглядев его фигуру, невольно чувствовала радость. Пусть это только тренировки и он мне не друг даже. Но все же он рядом. Подбадривает, подает руку, если я упала, улыбается одобрительно, когда у меня начинает что-то получаться.

Эх, Раннитар. Как бы я хотела быть самой сильной, самой красивой и умной. Тогда бы ты посмотрел на меня не просто как на бедняжку бездарницу. Тогда бы в твоих глазах появилось другое выражение – не то, которое обычно появляется, когда ты смотришь на меня. «Она такая слабенькая, – ясно видела я. – Но старается».

В промежутках между занятиями и тренировками я сидела в библиотеке и продолжала учиться. Библиотекарь – молодая женщина, маг стихии воздуха, – сначала смотрела на меня с плохо скрываемым раздражением и думала, наверное, то же, что Вик: зачем она здесь? Зачем каждый день корпит над книгами, ведь дара у нее все равно нет и не будет, и жизнь ее предопределена – одинокая несчастная жизнь затворницы в родовом замке. Но постепенно, спустя несколько недель, моя настойчивость принесла плоды. Я заметила в ее глазах что-то вроде уважения, а еще через несколько дней она протянула мне ключ от закрытой комнаты, где хранились редкие книги, доступные только преподавателям.

– Вот, возьми, если хочешь, можешь там книги тоже смотреть. Это не то чтобы запрещено, просто обычно студенты используют книги не совсем по назначению. В прошлом году «Историю магии» изрезали на шпаргалки, стоило мне отвлечься на минуту. Тебе я доверяю.

– Спасибо, – прошептала я, польщенная.

В маленькой комнатке пахло пылью и особенным книжным запахом. Словно сами древние знания испускали этот сладковатый таинственный аромат. Новые книги так не пахнут, только старые. Я провела пальцем по тисненым кожаным переплетам. Даже открывать их было страшно – я чувствовала себя недостойной касаться таких великолепных книг. Может быть, позже придет мое время.

Вик тоже практически перестал доставать меня. Вернее, я почти каждый день получала от него какие-то шпильки и

подколы, но вполне безобидные. В этом Вик напоминал капризного трехлетнего ребенка, который не получил то, что ему нужно, но и сдаваться просто так не хочет. Время от времени он напоминал мне, что я скоро вылечу из Академии, но я старалась не обращать внимания на его слова. Вик сколотил вокруг себя компанию таких же недалеких дружков, но те хотя бы предпочитали не вмешиваться в наши разборки. И если Вик скидывал мои книги или выливал сок в мою тарелку с едой, то они обычно просто ухмылялись, стоя в отдалении.

Дни становились короче, погода портилась – дело постепенно двигалось к зиме. По утрам уже можно было увидеть на лужах лед, а на траве изморось. Днем, правда, солнышко еще пригревало, так что иногда казалось, будто лето вернулось. Но понятно было: еще немного – и снег покроет землю.

Тихая, размеренная жизнь. Мне было совсем не грустно и не скучно. Все складывалось хорошо…

Именно так я себе и говорила каждый вечер, возвращаясь в одиночестве в свою холодную маленькую комнату.

Ладно, кого я обманываю. Мне тоже до ужаса хотелось, чтобы меня позвали на вечеринку. Хотелось проводить вечера в компании друзей. Смеяться, веселиться и немножко хулиганить. Очень часто, когда я в темноте шла в свой корпус, поднимала голову и смотрела, как на горе Воздушников загораются яркие огни. Там у костров сидели студенты, пели песни, жарили что-то. Я слышала взрывы смеха и громкие голоса. И замирала, глядя вверх, прижимая к груди книги.

Интересно, если кто-то сейчас посмотрит с высоты вниз, что он увидит? Увидит ли грустную девушку, которая стоит в обнимку с учебниками и смотрит, смотрит… И никак не может наглядеться…

Они оставались радоваться жизни, а я уходила прочь. Никому даже в голову не приходило позвать меня на такие посиделки.

Но иногда наши желания сбываются, когда совсем этого не ждешь и уже не надеешься.

Все получилось случайно. Ран в тот вечер особенно усердно меня муштровал: гонял по тонкому мостику, который так и норовил уйти из-под ног. Я уже говорила, что перил не было, а внизу пролегал ров с жидкой грязью? Падать в грязь мне совсем не хотелось, поэтому я, чувствуя, что теряю равновесие, предпочитала падать на колени и хвататься за доски. Колени уже болели от моих нескончаемых падений, а Ран начинал злиться.

– Кора, ну что с тобой сегодня? Ты чего все пытаешься куда-то вбок завалиться? Иди ровно и смотри перед собой. Просто иди, не торопись!

Я вздыхала, и все повторялось сначала. Наверное, он не отстанет от меня, пока я не преодолею этот проклятый мост. Я доползла до противоположного края, поднялась на ноги и снова ступила на дощатое покрытие. Тут же, как по закону подлости, мост закачался от порывов ветра.

Я шмыгнула носом, который от холода уже предательски покраснел. Волосы я даже не пыталась убирать с лица, все равно через секунду пряди выбьются и перекроют мне весь обзор. Какая я, должно быть, красотка сейчас – лохматая и с сопливым носом.

– Иди! – крикнул Ран. – Давай уже заканчивать, у меня дела вечером.

Знаю я эти дела. Ран, в отличие от меня, был желанным гостем во всех компаниях. Я старалась не думать о том, что он всегда находится в центре внимания. Знала, конечно, что мне никогда и ни при каких обстоятельствах не быть с ним вместе, но представлять, что он может обнимать кого-то или его станет кто-то обнимать, было неприятно.

Правда, как-то, набравшись смелости, я прямо спросила Рана о том, встречается ли он с кем-нибудь. Сделала вид, что переживаю – ведь он тратит на меня столько времени.

– Мне не до этого, – ответил Ран со свойственной ему прямолинейностью. – Есть дела поважней. Заводить девушку только ради того, чтобы перед друзьями похвастаться? Ерунда какая.

Так хорошо стало после этих слов. Вот и ладно! Я не его девушка, но и другой девушки у него нет и долго еще не будет. Надеюсь.

– Кора! – снова крикнул он, и я поняла, что застыла на месте, предавшись размышлениям.

Ладно. Вперед. Я сделала маленький шаг. Еще один. Мост задрожал, как норовистая кобылка, которая собирается скинуть неумелого седока. Колени подогнулись, и дальше я передвигалась на полусогнутых. Только бы одолеть уже этот ненавистный мост, и можно идти домой!

Я прошла три четверти, но тут нога соскользнула с края, и я, нелепо взмахнув руками, повалилась ровнехонько в грязь. Холодная черная жижа заполнила сапоги и добралась до колен. Я попыталась вытащить ногу, но не устояла и уселась в слякоть. Прекрасно! Могу представить, как будут потешаться те, кто разглядит это жирное черное пятно на моей пятой точке.

Ран спрыгнул рядом и пошел по грязи так, будто это была хорошо утрамбованная плотная земля. Под его шагами жижа застывала, но за спиной снова расползалась. Это все штучки водников. Обидно, если честно.

Я всхлипнула, пытаясь сдержать слезы. Я уже так давно не плакала, что думала, будто смирилась с несправедливостью жизни. Да, мир несправедлив и очень жесток. Да, мне не повезло. Но слезы все равно ничего не смогут изменить.

– Как ты? Не ушиблась?

Ран присел рядом на корточки.

– Подожди, сейчас вытащу тебя!

Жижа легко поддалась его магии, выплюнула меня с громким чавканьем. Ран попытался меня отряхнуть от грязи, кажется, даже не осознавая, что я не маленькая девочка и стучать меня по попе не очень прилично.

– Пусти! – вывернулась я.

– Ну прости, Корюшка. Я тебя совсем загнал. Пойдем провожу.

Корюшка. Он один только звал меня так. Иногда. Когда понимал, что мне нужна поддержка. Лучше бы он сейчас злился на меня, лучше бы хмурился, чем так…

Потому что мой замороженный нос дал течь, только на него грешу. Ведь не может быть, чтобы это я сама так глупо разревелась.

– Ты чего? Ну чего ты?

Ран опешил, не ожидал, что я расплачусь. Он был из тех парней, которые никогда не знают, что делать с женскими слезами. А я не знала, что ответить. Столько всего можно было сказать, но вместо этого я ляпнула какую-то чепуху.

– Я тоже хочу на вечеринку, – прошептала я. – Почему меня никто не приглашает?

Могу себе представить, что Ран в этот момент подумал про женскую логику вообще и обо мне в частности.

– Ну, пойдем со мной, – растерянно ответил он. – Пойдешь сегодня? Я тебя приглашаю.

Вот так и получилось, что я оказалась на горе Воздушников. На той самой вечеринке, о которой еще долго потом вспоминали в Академии…

Глава 10
Вечеринка

Случилось то, чего я так давно хотела. Но чувствовала ли я радость и воодушевление? Вот и нет. Мне вдруг стало страшно: едва ли я буду желанным гостем, даже если приду с Раном. И все же маленькая глупая надежда прорастала в сердце: может быть, все пройдет лучше, чем я себе представляю? Они ведь меня совсем не знают – видят мельком в столовой да на занятиях, где я сижу тихо, как мышка. Все понимают, что я пустышка, но совсем не знают меня как человека. Я могла бы стать хорошим другом кому-нибудь. Я умею слушать. И стихи пишу. Пока не очень умелые, но смогу лучше со временем, я думаю.

И все же, пока я переодевалась в платье, а Ран ждал меня за дверью, я себя извела сомнениями. Может, не надо идти? Тело ноет от усталости – лучше лягу и буду отдыхать. А завтра новый день, учеба, тренировки – все пойдет как обычно. Ну и ладно, такая моя судьба, значит…

Ну уж нет. Я решительно сжала губы – отступлю сейчас, второго шанса не будет. Чего я так боюсь? Ран будет рядом, все будет хорошо.

– Долго ты! – сказал Ран, оглядывая меня удивленным взглядом, будто вместо серого форменного платья и теплой накидки ожидал увидеть вечернее с глубоким вырезом и колье на шее. Но в Академии не разрешали носить другую одежду, кроме той, что выдавали всем в начале года. Я только волосы собрала в высокий хвост – ничего другого уже не успевала.

Сам Ран решил, что переодеваться не будет. Он даже после тренировки выглядел отлично – подтянутый и стройный, на одежде ни единого пятнышка. Волосы причесал пятерней – и готов. А мог бы и не приглаживать – растрепанный, он даже еще симпатичнее.

На гору Воздушников можно было попасть только одним путем – по воздуху, конечно. Что для магов этой стихии совсем не сложно – они умели парить на высоте ста метров, а некоторые одаренные стихийники взлетали даже выше. Но и ста метров вполне достаточно – именно такой высоты гора, на которой стояли их спальные корпуса. Поэтому нежеланные гости никогда не смогли бы попасть на ночные посиделки: ведь маги огня, воды и земли летать не умели. Каждого гостя брали под руки два воздушника и уносили их наверх.

Даже начало вечеринки было веселым: девчонки-стихийницы,

не сдерживаясь, верещали и цеплялись за воздушников, которые, пользуясь моментом, делали вид, что вот-вот выронят гостей из слабеющих рук – то один, то другой разжимал пальцы, и девчонки, провалившись вниз на несколько метров, сначала кричали как резаные, а потом заливались смехом. Все давно знали эту шутку, поэтому никто не пугался по-настоящему.

Когда наверх поднимали парней, это было тоже забавное зрелище, но другого рода, потому что в таком случае лица всех участников становились суровы и бесстрастны. «Ну и подумаешь – тащат меня под белы рученьки два типа, обвешанные браслетами, все в порядке вещей!» – ясно читалось на лицах земляных, водников и огневиков. «Ну и подумаешь – несем мы этого бугая, прижав к груди, как самое дорогое сокровище. Все в порядке вещей!» – крупными буквами было написано на лицах воздушников.

Девочки-воздушницы не принимали участия в перетаскивании гостей, просто парили рядом и занимали всех разговорами. Вернее, отвлекали, потому что, заметив друзей, стремились обнять их прямо в полете, отчего происходили заминки и столкновения.

Мы с Раном подошли в числе последних, когда ручеек желающих подняться на гору почти иссяк. Перед нами стояла парочка – два земляных мага. Оба – и парень, и девушка – словно каменные изваяния, как скульптуры, вырезанные из серого булыжника. Но воздушники подхватили их под руки и понесли наверх с такой же легкостью, как всех остальных. И девушка-земляная визжала и пищала ничуть не меньше, чем любая другая стихийница.

– Привет, Ран! – приветливо воскликнул один из воздушников, стоящих наготове.

– Рад видеть тебя, Аллис, – Ран поднял раскрытую ладонь – знак чистых намерений, приветствие, принятое у водных, – а потом приложил ее к груди – пожелание долгих лет и здоровья, принятое у воздушников.

Мне очень нравилась эта черта у Рана – он к каждой стихии относился с уважением, не выделяя свою собственную, как это всегда, тайно или явно, делали остальные.

– А кто это с тобой?

Аллис с любопытством всмотрелся в мое лицо, почти неразличимое в темноте. Узнал. Но если и был удивлен, то вслух ничего не сказал.

– Держитесь!

Меня подхватили с двух сторон, и я почувствовала, как земля ушла из-под ног. Невольно вцепилась в руки, что держали меня.

Ух, страшно. Ветер в лицо. Огромное звездное небо над головой. И кажется, будто я не взлетаю, а падаю в него с огромной высоты. По-моему, я даже не дышала все то время, пока меня поднимали на гору, потому что потом, уже стоя на площадке, все никак не могла отдышаться. Воздушники, вероятно почувствовав мой неподдельный ужас, даже не стали делать вид, будто могут меня уронить. У меня бы тогда сердце точно остановилось.

Ран был уже здесь, смотрел с пониманием, ждал, пока я приду в себя.

– Первый раз всегда так, – сказал он. – Держись за меня, если голова кружится.

Голова закружилась как раз после этих слов. Я снова на миг почувствовала, что взлетаю. Или падаю. Это как посмотреть. Подошла и обняла его руку. И Ран осторожно повел меня вперед, туда, где у горящих костров уже расположились стихийники. Наверное, это был самый счастливый момент вечера. Даже только ради него стоило пройти через все это… Мы вдвоем, и звезды над нами.

Костров было несколько, но компании у них менялись. Кто-то приходил, кто-то уходил. У одного костра пели песни, у другого просто болтали и слышались взрывы смеха. Какие-то гости разбрелись по территории у корпусов, некоторые просто лежали на траве, глядя в небо. А некоторые парочки, делая вид, что прогуливаются, уходили все дальше и дальше в сторону небольшого парка. От одной мысли о том, что они там будут делать, становилось жарко.

Ран подвел меня к небольшому костерку, вокруг которого сидело человек десять. Лица, озаренные всполохами пламени, трудно было узнать, но тут один из сидящих воскликнул:

– Ран, ну ты вообще. Ты зачем ее притащил?

Сердце сжалось. Я узнала его тут же по голосу. И как не узнать родного брата. Ну вот почему Димер никогда не может придержать язык за зубами? Будто я лично для него угрозу представляю. Хотя, может, он именно так и воспринимал. Он бы предпочел забыть, что у него есть сестра-калека.

– Тебя забыл спросить, – ответил Ран и, уже обращаясь ко мне: – Садись, Кора.

Я постелила накидку прямо на траву, как это сделали и другие – у костра тепло, не замерзну в платье. Села, подогнув ноги, понимая в эту секунду, что опять хочу показаться маленькой и незаметной. Разговор, который вели у костра, с моим появлением увял. Все сосредоточенно занялись выуживанием из углей печеных картофелин. Ран и мне подал одну, завернутую в листья, чтобы я не обожгла руки. Маг стихии

огня, который может обжечься. Какая грустная ирония.

– А вот интересно, – вдруг подала голос девушка, что сидела рядом с братцем. Я ее еще ни разу не видела, но догадалась, что это Лириса – его новая пассия. – Если просто предположить на секундочку: а что будет, если маг женится на пустышке – их дети родятся с даром или нет?

– Если просто предположить, – сказал Ран, и голос его казался спокойным, хотя, уже зная его, я поняла, что внутри он натянут, как струна, – дети, скорее всего, родятся с даром. Ведь в смешанных браках, хотя они редки, дар всегда наследуется от отца. Другое дело, что едва ли кто-то захочет рисковать.

«Едва ли кто-то захочет рисковать», – сказал он. Хотя я и так знала… Тогда почему сердце словно пронзила раскаленная игла…

– А у меня мама из водных, – подала голос девочка-воздушница, сидевшая с другой стороны от Рана. – Они с отцом очень любят друг друга, хотя все были против их брака. Нелегко всю жизнь проводить под облаками, если привыкла к озерам. Папа специально для нее сделал бассейн, похожий на маленькое озеро, там и домик есть, и рыбки, и сад камней, и… Ну, в общем, она все равно грустит иногда. Хотя говорит, что папу любит сильнее своей прежней жизни.

– Как это ми-и-и-ило, – запели растроганные девушки. – Такая история любви!

Я уже порадовалась было, что разговор свернул в сторону, но Лириса не отцепилась.

– Кора, слушай, а как вообще живется без магии? Это как-то ощущается? Может, как пустота, например?

– Риса, ты что к ней пристала? – уже даже Димер не выдержал, наверное, опасался, что близкое родство со мной и на него бросит тень.

– А что такого? – невинным голосом спросила Лириса. – Я просто спрашиваю. Хочу поближе познакомиться с твоей сестрой. А то она тихая-скромная, и тут – бамс – приходит с Раном. Ран, она теперь твоя девушка, что ли?

– Она – мой друг, – сказал Ран, помолчав секунду.

И уже только за это я готова была простить несносной Лирисе все ее выходки. Друг. Не парень, конечно, но тоже здорово!

– Фух, а я уж испугалась, – рассмеялась другая стихийница, чье лицо было не разглядеть, и непонятно, то ли она шутит, то ли говорит серьезно. – Думаю – неужели? Ран, про которого все говорят, что у него вместо сердца ледышка. И тут такая новость. И ладно бы кто, так без…

Она осеклась, но каждый, сидящий у костра, мысленно

закончил за нее это слово. Бездарница. Ну да. С таким, как Ран, мне ничего не светит.

– Я пойду прогуляюсь! – Я вскочила на ноги и убежала в темноту так быстро, что Ран не успел меня остановить. Накидку оставила лежать у костра, поэтому продрогла уже через несколько шагов.

«Успокоюсь и вернусь, – думала я. – Ничего. Ладно. Пустяки какие. Я ведь знала, что так будет».

Решила дойти до корпусов, обойти их вокруг и вернуться обратно к костру. За это время остыну. Надеюсь только, что не простыну, потому что от холода уже зуб на зуб не попадал.

Главный спальный корпус воздушников выглядел как пирамида, стремящаяся ввысь, ее венчала башенка. На башне, как на постаменте, стояла скульптура – мужчина в развевающемся плаще обозревал территорию Академии. Его потому и поставили здесь – в высшей точке Академии.

Конечно, я знала, кто это. Как и любой другой стихийник знал. Это был основатель Академии Кристер Ригер. Именно он создал Академию Пяти Стихий больше трехсот лет назад. Сведений о тех временах сохранилось мало, в основном слухи и домыслы. Каких только легенд не ходило об отце-основателе. Но никто даже толком не знает, магом какой стихии он был. Представители древних родов вот уже сколько лет спорят и приводят веские доказательства того, что мастер Кристер был именно водником, земляным, воздушником, огневиком. К единому мнению так и не пришли.

Неловко стало стоять вот так, рядом с ним. Я недостойна здесь находиться…

– Кора! – голос из темноты отвлек меня от грустных мыслей.

Ран вышел навстречу, неся в руках мой плащ.

– Совсем ведь замерзла, глупая.

Он накинул его на мои плечи, укутал и, как это делают иногда с озябшими детьми, энергично потер мои ладони, разгоняя холод. Вот опять он… Не понимает, что от его прикосновений я загораюсь как спичка. Хорошо еще, что пунцовые щеки не видны в темноте.

– Не обращай на них внимания!

– Я и не обращаю.

Я на самом деле вполне могла понять злость этих девиц. Еще в прошлом году Грета как-то обмолвилась, что Раннитар будто специально делает все, чтобы заслужить то ли всеобщую девичью любовь, то ли всеобщую ненависть. Он оставался безукоризненно вежливым, внимательным, порядочным и приветливым по отношению ко всем стихийницам, но никого не выделял особо.

Так что, в общем, я чувствовала то же самое, что они, – таяла под взглядом его темных глаз и грустила оттого, что они смотрят на меня всего лишь с дружеским участием.

– Наверное, ты совсем не этого ожидала от вечеринки, – сказал он. – Иногда некоторые вредные девицы умеют мастерски испортить настроение.

Я промолчала, но он и так понял, что угадал правильно.

– Хочешь, посмотрим на звезды?

– Хочу, – прошептала я. – Посмотрим на звезды, и я пойду домой. Ладно?

– Договорились. Я тебя провожу.

Мы вышли на середину широкого газона и улеглись прямо на траву, которая похрустывала от инея. К счастью, накидки, зачарованные магами стихии воздуха, не пропускали холод снаружи и не выпускали тепло. Лежать в них даже на остывшей земле было уютно, я только капюшон на голову накинула. И Ран, я увидела это краем глаза, тоже накинул.

Мы молча смотрели вверх, в черный океан неба. Звезды светили так ярко, как должны светить только в разгар лета, но не поздней осенью. Наверное, тоже какое-то волшебство. Мы не разговаривали, и все-таки я ощущала его присутствие и знала, что не одна.

– Кора…

– Что, Ран?

– Думаю, я могу тебе рассказать. Только тебе, пожалуй.

Я затаила дыхание. Он был серьезен, как никогда. Я кивнула, не зная, увидит ли он, но вслух ничего не сказала – боялась, что голос сорвется.

– Знаешь, мне иногда кажется, что во мне тоже существует изъян. Пока не очень заметный, но когда-нибудь все поймут… Я думаю, что совсем не умею любить.

Он смешался, заговорил быстро:

– Нет, я родителей, конечно, люблю, но это ведь не то… Я столько слышал про это чувство. Должна возникнуть искра. Пожар в крови. Молния пронзить. И все такое. Я думал, что это случится когда-нибудь, но нет. Вроде влюбленные способны на безумные поступки, перестают мыслить разумно, а я даже представить не могу ничего подобного.

Я молчала, ошеломленная его признанием, не представляла, что можно сказать. Просто нашла на ощупь руку моего друга и сжала его ладонь. Он сжал мою в ответ.

– Наверное, это не слишком-то мне в жизни помешает. Я буду хорошим мужем для той, кого выберут родители… Но иногда обидно как-то. Словно у меня части души не хватает.

– Ран… Я уверена, что все будет хорошо. Однажды это случится… С самой достойной и красивой… Вот увидишь…

Я путалась в словах, и он, кажется, почувствовал мою неискренность. В глубине души я даже испытывала торжество: если Ран никого не сможет полюбить по-настоящему, то и настоящей соперницы у меня никогда не будет. Зато друг у него уже есть – это я!

Но тут же почувствовала раскаяние – он доверился мне, а я, получается, почти злорадствую. И сказала уже от души:

– Ран, может быть, просто ты еще ее не встретил… Увидишь однажды и сразу поймешь, что это она.

Проклятие, как сжимает сердце.

– Спасибо, Корюшка.

Вот так в этот вечер я потеряла последнюю надежду на то, что Раннитар когда-нибудь меня полюбит. Зато обрела друга. И мне было одновременно горько и радостно. Полный кавардак в душе.

Но даже это было не худшей частью той вечеринки…

– Пойдем домой? – Он протянул мне руку, поднимая с земли.

– Пойдем? – удивилась я. – А разве не полетим?

Ран хитро улыбнулся:

– Этого почти никто не знает, но Аллис показал мне путь с горы, которым можно спуститься вниз. Вообще-то, ходить там запрещено, но иногда приходится пользоваться – не ждать ведь каждый раз воздушника, согласного подкинуть до площадки. Заодно и потренируемся!

Ран сказал это с таким энтузиазмом, что у меня немедленно заныли колени. Хотелось малодушно попросить пощады и выбрать легкий путь – спуск в компании воздушников, но я промолчала.

Для того чтобы попасть на тропу, пришлось пересечь всю площадку и выйти к противоположному краю. Здесь разбит был небольшой парк, и мы, когда шли, даже спугнули целующуюся в кустах парочку.

– Здесь, – сказал Ран, показывая на край площадки, над которым, словно специально, склонилась кряжистая ветка дуба, закрывая проход. – Пойду первым и буду тебя страховать. Тропинка отвесная, так что ступай очень осторожно.

– Хорошо, – пробормотала я.

Но уйти нам не дали. Из тени деревьев выступили три фигуры, их лица были полностью закрыты черными капюшонами. Не знаю, как они видели что-то сквозь непроницаемую ткань.

– Привет, – сказал глухой голос, тоже измененный до неузнаваемости. – А мы уже примерзли, вас дожидаясь. Я был

уверен, Раннитар, что ты поведешь ее этой дорогой. А теперь иди дальше, а мы побеседуем с глупой пустышкой, чтобы не совалась туда, где отдыхают приличные маги.

Не надо было гадать, чтобы понять, кто скрывался под черными капюшонами. Конечно, Вик и его недалекие дружки. Будто маскировка могла кого-то сбить с толку.

Сначала я даже не испугалась. Вик всегда казался мне задиристым и злобным, но трусливым парнем. У него бы смелости не хватило на какой-нибудь откровенно мерзкий поступок. И Ран думал так же.

– Отойди, Вик, – сказал он почти беззлобно. – И сними эту гадость со своего лица.

– Я не Викар, – ответил тот.

Я присмотрелась внимательнее, но по фигурам, закутанным в темные плащи, трудно что-то понять.

Ран крепко взял меня за руку и пошел прямо на них, стараясь показать, что отступать он не намерен, а им ничего не остается, как только расступиться и дать нам пройти.

Парень в капюшоне, перегородивший путь, не сдвинулся ни на сантиметр. А когда Ран попытался его обогнуть, вдруг толкнул его в грудь. Ран, не ожидающий такого поворота событий – все же мы оба до последнего надеялись, что у Вика духа не хватит, – едва не упал, оступившись.

– Еще не понял, Раннитар? Не стоит водить дружбу с пустышками. А теперь иди, оставь ее нам.

На какой-то короткий-короткий миг мне привиделось, что все так и произойдет. Он лишь из вежливости сказал, что мы друзья. Зачем ему вступаться, рисковать ради какой-то девицы – пустышки, бездарницы и просто ни на что не способной слабачки.

Как хорошо, что секунда эта промелькнула в сознании и тут же растаяла без следа, потому что Ран, выпустив мою руку, подтолкнул меня в сторону выхода из парка и встал, перекрывая дорогу троим типам в капюшонах.

– Беги, Кора, – сказал он, не повышая голоса, будто ничего особенного сейчас не происходило, будто он не останется один против троих.

Я не сдвинулась с места.

– Кора, я кому говорю. Немедленно!

Опять включил голос наставника. Безотказный прием. Я после того, как услышу этот требовательный тон, уже действую, не задумываясь. Вот и сейчас сделала несколько шагов назад.

Это словно послужило сигналом к действию.

– А ну стой! – крикнул заводила, стоящий в центре, и ринулся за мной. Двое его подельников попытались схватить Рана за руки,

но он – это было последнее, что я увидела, – отбил удары, а потом свалил одного из нападающих с ног и схватился с Виком. Или это все-таки был не Вик?

Я бежала по парку с бешено колотящимся сердцем. Но постепенно бежала все медленнее. Он там один. Ран, конечно, умелый и сильный, но даже ему не отразить натиск с трех сторон. И на этот раз у него нет деревянного меча.

Но я… Что я смогу сделать, если вернусь? Много ли от меня будет толку?

Впереди уже виднелись костры, которые к этому часу почти прогорели. Многие стихийники разошлись, остались только самые стойкие. Тут я поняла, что надо делать.

– Там Рана бьют! – крикнула я что есть сил, надеясь, что меня услышат. Увидела, как многие посмотрели в мою сторону. Осталось только надеяться, что они поверят пустышке и захотят ей помочь. Ладно, пусть не мне. Пусть Раннитару помогут!

– За мной! – крикнула я, развернулась и побежала в обратном направлении, не оглядываясь и не зная – придет ли кто-то на помощь.

В парке было тихо, так тихо, что я даже испугалась – наверное, уже слишком поздно. Но потом услышала едва слышный треск веток – борьба продолжалась, но все четверо боролись молча. Я подкралась, спряталась за толстым стволом, не зная, чем можно помочь.

Один из нападавших уже лежал на земле. Но двое других наседали на Рана, а он, прижавшись спиной к дереву, еще стоял на ногах и даже оборонялся, но уже из последних сил. Вот пропустил удар, пришедшийся ему в затылок. Пошатнулся и упал на колени.

– Ран, вставай, – прошептала я в отчаянии.

Один из громил поднял с земли камень, прицеливаясь в голову Рана. Они что, совсем с ума сошли? Это уже переходило все разумные пределы. Да, драки на территории Академии частенько случались, но это…

Ран схватился за голову и не видел угрозы.

– Ран! – крикнула я. – Осторожно!

Он вскинул голову на мой голос, но я по глазам догадалась: он не понимает, о чем я хочу его предупредить. Время застыло, хотя я понимала, что застыло только для меня. Камень вот-вот полетит в голову Рана.

Я не глядя зашарила руками по траве, нащупала палку, показавшуюся подходящей, и, не вполне осознавая, что я делаю, кинулась на противника. Палка уткнулась в его живот. Парень крякнул, скорее от неожиданности, чем от боли – я понимала, что

удар получился совсем не сильный, – но камень выпустил. Пока оружие не вырвали из моей руки, я успела раза три-четыре его огреть. Била куда придется, скорее всего, бестолково. Наверное, моя ярость со стороны казалась смешной – этакий озверевший мышонок. Зато это отвлекло их от Раннитара, который медленно, но поднимался на ноги.

Заводила схватил меня за капюшон накидки, поднял одной рукой и удерживал на расстоянии.

– Сама пришла, да, пустышечка? За своим любезным Раном? Даже бегать за тобой не пришлось!

Последнее, что я увидела, были огни между деревьев – стихийники спешили на помощь. Я заметила Димера и Бриду – уже хорошо. Да, сестра им досталась – то еще несчастье, но оба знали, что врать я совсем не умею и привлекать внимание глупыми выходками тоже не стану.

А еще я видела, как Ран смотрит на меня. Губы разбиты в кровь, синяк на пол-лица… Круто он из-за меня влип…

– Полетай, бездарница, – усмехнулся заводила, удерживающий меня за капюшон.

Я не сразу поняла, как это – «полетай»? И даже когда он швырнул меня куда-то в сторону, а кто-то закричал: «Не смей!» – неужели Ран? – еще и тогда не догадалась.

Но полет все длился, хотя я почти сразу должна была приземлиться в какие-нибудь колючие кусты и ободрать себе все руки.

И тогда я поняла.

Он швырнул меня вниз с горы.

Мамочки…

Глава 11
Курсовая

Я слышала как-то, что люди, упавшие с большой высоты, умирают вовсе не от удара о землю. Они умирают куда раньше – еще в полете: просто сердце не выдерживает и останавливается.

Поэтому, когда тьма навалилась вдруг со всех сторон, последней мыслью было: «Я умерла!»

И почти сразу вслед за этим – похлопывание по щекам и громкие голоса.

– Открой глаза! Кора, открой глаза!

Оказывается, на том свете толпы людей, и всем что-то от меня нужно. Я так устала. Оставьте меня в покое. Но они не отставали – тормошили, кричали в ухо. Неугомонные. Кто-то сунул под нос пузырек с вонючей жидкостью, от которой дух перехватило. Глаза открылись сами собой.

– Она жива! Кора, тьма тебе в печенку, перепугала всех!

Это Димер. Радуется, что ли? И он, похоже, не один радовался. Я слышала, как у многих сорвался вздох облегчения, как заговорили все разом.

– Жива!

– Отлично!

– Аллис молодец. В последний момент…

– И она молодец тоже.

– А этих кто-нибудь поймал?

И только одного голоса я не слышала – голоса Рана.

– Где Ран? – Я попыталась приподняться, но кто-то уложил мою голову обратно на свои колени. Кто это мог быть? Подняла глаза, и на лице, должно быть, проступило разочарование, потому что Брида, на чьих коленях я лежала, не сдержала улыбки.

– С ним все хорошо. Держался до последнего, и только когда Аллис вынес тебя наверх и сказал, что успел поймать у самой земли, Ран тоже решил… Хм… Отдохнуть. Ребята потащили его к медикам. А ты молодец, Коря… Кора.

– Их поймали? – повторила я вопрос, который интересовал не только меня.

Брида помрачнела.

– Нет… Просто наваждение какое-то. Кто-то втянул их в огненный портал.

– Ого! Как все серьезно… Думаешь, это был не Вик с друзьями? Похоже на его выходки… Только сейчас он все границы перешел.

Брида покачала головой:

– Я не знаю… Думаю, правда скоро выяснится. Директор это дело так не оставит. А пока – спать! Тебе нужен отдых!

– Я отнесу, – сказал Аллис, который стоял тут же.

Другие воздушники вызвались доставить вместе со мной Бриду и Димера. Я знала, что они не захотят лететь. Уже открыла рот, чтобы сказать: «Да, конечно, все нормально, оставайтесь!» Но они почему-то отказываться не стали. Видно, тоже устали и хотели домой.

Аллис взял меня на руки и легко поднял в воздух.

Кто-то позади меня сказал, не зная, что я услышу:

– А девчонка-то что надо. Я презирал сначала, но она ничего, не сдается. Все же кровь Флогисов чувствуется.

Невидимая собеседница ответила:

– Ой, давай влюбись еще… Ладно. Я тоже рада, что все обошлось.

Димер по дороге на мой этаж отстал, но Брида проводила до комнаты, дождалась, пока я лягу, и подоткнула одеяло, как делала когда-то в детстве бабушка. Мы обе молчали, не зная, что еще можно сказать.

– Спи. Завтра будет новый день, – сказала моя старшая сестра. Смелая и сильная, никогда не признающая слабости и не очень-то умеющая утешать. Поэтому из ее уст эти слова были равноценны самым крепким объятиям.

На следующий день только и разговоров было о неизвестных, напавших на меня и Рана, о Ране, который защищал меня, и обо мне, отправившейся в полет из-за того, что я пыталась защитить его. Жаль только, что разговоры ходили за спиной, но никто не решился подойти и просто поговорить со мной об этом. Странное чувство – я была героем дня, но в то же время умудрялась оставаться невидимкой. Правда, за завтраком больше не осталось свободных стульев между мной и другими первокурсниками. Я даже глазам не поверила – Вита и Норли, ее подружка, решили сесть рядом.

Вик и его приятели явились на занятия как ни в чем не бывало. Они отметали все подозрения в своей причастности, а так как на лицах не осталось ни одного синяка, доказать их участие в драке было невозможно. Или это действительно были не они?

Утром я не обнаружила Рана на нашем обычном месте встречи. С трудом дождалась вечера – еще ни разу я не выбегала на тренировку с таким энтузиазмом. Но Ран вновь не пришел. Я всерьез обеспокоилась и поднялась в комнату Димера.

– Так, мелкая, мы не друзья, – заявил он, едва приоткрыв дверь. – Я рад, что ты жива, но на этом все!

Он уже хотел оставить меня за порогом, но я всунула ногу в щель.

– Димер, я только хочу узнать, что с Раном. Где он? Почему не приходит на тренировки? С ним все хорошо?

В моем голосе, наверное, звучало неподдельное беспокойство, потому что Димер сменил гнев на милость.

– Ну что ты так переживаешь, – сказал он вполне миролюбиво. – Ничего с твоим милым Раннитаром не случилось. Он в подводном корпусе, там раны быстрее всего залечиваются. Вернется через три дня. Ему уже давно, кстати, надо было там отсидеться. Ты же знаешь – водники должны хоть раз в месяц несколько дней провести в воде. Ну, и у тебя отдых будет!

Три дня тянулись словно три месяца. Но вот утром четвертого, хотя я не ждала его так рано, раздался стук в дверь. На пороге стоял хмурый Ран, сжимающий два наших многострадальных меча. От синяков и ссадин не осталось и следа, зато взгляд темных глаз не предвещал ничего хорошего. Но как же я все-таки соскучилась по этому его взгляду!

– Так, Кора, я не понял! Сколько можно тебя ждать? Мое недолгое отсутствие не должно давать тебе повода отлынивать от тренировок.

Я потупилась. Его привычный тон наставника. Будто и не было тех минут, когда мы смотрели на звезды. Может, правда приснилось? Но тут он улыбнулся, как-то неловко дотронулся до плеча.

– Да я шучу, Кора.

– Ох, Ран…

Надеюсь, я не слишком его шокировала, когда бросилась ему на шею и использовала его куртку в качестве носового платка.

– Я так испугалась… – всхлипывала я. – Ты… А они… Их так и не нашли!

Ран молчал, только легонько гладил меня по спине, едва касаясь.

– Ну все! Все! – сказал он, когда рыдания стали стихать, и достал из кармана настоящий носовой платок. Эти его карманы – просто кладезь полезных вещей. Даже любопытно стало, что там еще может быть.

Он потянулся с платком в руках к моему носу, но в последнюю секунду затормозил и сунул его мне в руки.

– А если ты надеялась, что это спасет тебя от сегодняшней тренировки, то надеялась зря! – сказал он нарочито грозно. – На сборы пять минут.

Но потренироваться тем утром нам так и не удалось. По пути на полигон нас нагнал мой куратор:

– Раннитар и Кора, вас вызывает к себе директор.

Мы удивленно переглянулись – думаю, у нас промелькнула одна и та же мысль: станет расспрашивать об обстоятельствах драки.

Мы поднялись по широким мраморным лестницам центрального корпуса, прошли по тихим и пустым коридорам – ведь занятия еще не начались – и встали у массивной черной двери. Меня почему-то пугала эта дверь, так что я обычно, даже не осознавая, что делаю, пыталась прошмыгнуть мимо нее на цыпочках и всегда сочувствовала бедолагам, вынужденным сюда зайти. И вот теперь я сама вызвана на ковер. Знала: вины за мной нет, но все же волновалась.

– Проходите!

Директор приподнялся со своего места, приветствуя нас, и вновь опустился в кожаное кресло, обитое кожей ворны – редкой бестии устрашающих размеров. Напротив стола стояли стулья для посетителей, но сесть нам не предложили. Оно и понятно: мы лишь студенты, влипшие в неприятности. Мы замерли у стола и молча ожидали начала разговора.

Терран Аквидус переводил взгляд с меня на Рана. Я стояла с опущенными глазами, а Ран, я увидела мельком, без стеснения смотрел прямо на директора.

– Раннитар. Кора. Я рад, что в той возмутительной ситуации вы оба повели себя решительно и достойно. И рад, что благодаря вашим действиям все закончилось лучше, чем можно было предположить. Я приложу все усилия для того, чтобы найти виновных, и они будут наказаны со всей строгостью.

Что-то мне это напомнило. Директор почти теми же словами обещал разыскать виновных в разрушении теплицы. Кстати, я так и не слышала, что расследование чем-то завершилось. Я искоса посмотрела на Рана, пытаясь определить, не совпадают ли наши мысли, но его лицо оставалось бесстрастным.

– Но я вызвал вас не только по этому поводу. У меня серьезный разговор к вам, студенты.

Вот так поворот. И все? И больше ни слова про этот отвратительный случай?

– Ты ведь не выбрал еще тему для своей курсовой? – Терран Аквидус в упор посмотрел на Рана.

Тот качнул головой:

– Нет. Как раз думал над этим. Возможно, изучение сезонных…

Директор поднял руку, прерывая:

– Не против, если я предложу?

Ран на миллиметр приподнял бровь, так, что заметила это

только я, но, подумав секунду, кивнул:

– Конечно, директор.

– То, что я хочу предложить, может показаться тебе странным, но сначала выслушай. И ты, Кора, послушай. Ни для кого не секрет, что, к сожалению, наша старательная студентка Кора Флогис не обладает магическим даром.

Я сжалась. Зачем он это говорит? Хочет отчислить? И правильно, от меня одни проблемы… Я сама не хотела ехать в Академию, но сейчас мне стало страшно, что он произнесет это вслух: «Отчислена». И все, что сейчас для меня важно – тренировки, попытка сдать на высший балл хотя бы теорию, – мгновенно потеряет смысл.

– И вы оба, конечно, знаете, что в двух процентах случаев дар у стихийников, подобных Коре, только дремлет, но может быть разбужен, – продолжил директор, и я поняла, что здесь что-то другое, что-то очень интересное. – Обычно это происходит в экстремальных обстоятельствах, но никто не знает точно формулы – как, где и почему это случается. У всех по-разному. Я хочу предложить тебе, Раннитар, раз уж ты все равно тренируешь Кору, попытаться пробудить в ней магические способности. Даже если ничего не выйдет, а вы должны понимать, что, скорее всего, ничего не выйдет, то в любом случае у тебя получится интересная, уникальная в своем роде курсовая работа. А у тебя, Кора, отличные баллы по всем предметам за год.

– Два процента? – прошептала я.

Два процента на счастливую полноценную жизнь, когда я больше не буду изгоем и пустышкой. Перестану быть позором рода. Смогу выйти замуж… Ладно, про это надо думать в последнюю очередь, и все же… Против девяноста восьми процентов одинокой жизни затворницы в родовом замке. Почти нулевые шансы на успех, и море слез, усилий, нервов и бессонных ночей, которые наверняка ждут меня, если я соглашусь.

– Откровенно говоря, я не думаю, что это хорошая… – начал Ран.

– Я согласна! – сказала я, не давая ему договорить.

Да, я согласна и с тем, что это не очень хорошая мысль. Но два процента лучше, чем ничего, правда?

– Отлично!

Директор Аквидус выглядел очень довольным, словно это действительно было для него важно. Может быть, на основе курсовой Рана хочет писать докторскую? Кто их поймет, этих преподавателей.

– Я стану твоим руководителем. Буду ждать отчета каждую неделю. В конце этой прошу доложить мне, с чего вы планируете

начать.

– И с чего мы планируем начать? – спросила я Рана, едва мы вышли из корпуса.

Ран не отвечал – злился на меня. Его вновь заставили делать что-то против воли, хотя он ясно дал понять, что ему совершенно не нравится эта затея.

– Даже не знаю, – процедил он сквозь зубы. – Может быть, опять отправим тебя в полет? Напустим бестий из теплицы? Немножечко подожжем? Что выбираешь?

– Ран…

– Кора, извини, если скажу обидную правду, но если все это не разбудило твоих способностей, значит, у тебя их просто нет.

Он шагал вперед, в сторону полигона, даже не оборачиваясь. Я шла чуть позади, почти бежала, чтобы не отстать. Да, он прав… Но так отчаянно хотелось надеяться. Ну, вдруг!

– Директор сказал, что никто не знает точно: как, где и почему. Может быть, это был просто не мой случай! Ран!

Он не оглядывался.

– Ран!

Предательские слезы. Если он теперь будет вечно на меня злиться, я этого просто не вынесу. Потерять единственного друга, едва он у меня появился…

Он понял, что я снова реву. Вернулся. Взял за плечи и, откинув капюшон с моего лица, посмотрел прямо в глаза.

– Кора, мне придется напрасно тебя мучить. Мне этого совсем не хочется.

– Может, что-то неопасное п-попробуем? Пожалуйста…

Он грустно усмехнулся, покачал головой:

– Какая же ты упрямая, Кора. Попробуем, хорошо.

– Ура!

Я что, действительно радуюсь ожидающим меня бедствиям? Кошмар.

– Но я действительно не знаю, с чего можно начать, – признался он.

Да, задачка. Все перечисленные способы повторять не хотелось. К тому же они мало мне помогли. А может…

– Слушай, где-то ведь должны храниться сведения о тех, кто из пустышек превратился в магов?

– В библиотеке! – воскликнули мы оба.

– Я даже примерно представляю, как выглядит эта книжица, но она вроде хранится в закрытой комнате…

– А у меня есть ключ, между прочим! – похвасталась я.

В маленькой прохладной комнате стоял только один стол для работы, и он уже был с горкой завален книгами. Ран относился к

старинным фолиантам не с таким трепетом, как я, – бесстрашно брал в руки, пролистывал и добавлял еще одну книгу к десяткам уже просмотренных. Я не мешала, терпеливо ждала, притулившись к стеллажу. Боялась, что смогу случайно пропустить нужную книгу, если кинусь помогать Рану. Книги здесь действительно хранились очень старые, написанные древним алфавитом и с соответствующей орфографией, так что придется повозиться, прежде чем поймешь смысл.

Время от времени я брала книгу, которая чем-то привлекла мое внимание, и пыталась читать.

– Посмотри-ка, это жизнеописание магистра Ригера. Кристера Ригера, основателя нашей Академии!

Я листала толстую книгу с деревянными пластинами вместо обложек. Страницы были тяжелые, пожелтевшие. На первый взгляд казалось, что эта книга – ровесница Академии, но Ран кинул беглый взгляд и развеял мои надежды:

– Вышла лет через сто после его смерти. Думаю, полна домыслов, как и все остальные.

«І раділся велікій маг, и жіл, і твориl велікіе дела он во тьме, что разраслась тогда…» – прочитала я. В общем, все понятно, но голову все равно можно сломать.

– Ага, нашел!

Ран поднял над головой тоненькую книжечку в кожаном переплете, на обложке золотыми буквами вытеснено: «Чудесніе случаі ізбавленія от душевной скорбі». Мило. Еще одно славное название для моего изъяна. Может, пора начинать их коллекционировать?

На обложке также был обозначен временной промежуток. Я прикинула – примерно сто лет. Все «чудесніе» избавления поместились в одну тоненькую книжицу. Оптимизма это не внушало.

Но я постаралась изобразить на лице улыбку и кивнула:

– Ну, давай посмотрим, что там.

Короткие рассказы сопровождались зловещими картинками. К счастью, у каждой истории был счастливый финал. Все они заканчивались одной и той же фразой: «І дар обрел в тот же миг, и счаслів был, і полезін до канца своіх дней». Составитель сборника, видно, считал, что лишние подробности ни к чему, и так все понятно – счастлив и полезен.

Иллюстрация к первому рассказу изображала человечка в воде с разинутым от ужаса ртом, так что уже можно было догадаться о содержании.

– Слушай, – встрепенулся Ран. – А ты плавать умеешь?

Глава 12
Как утопить пустышку

– Нет, – честно ответила я.

Наш родовой замок располагался среди степей, даже до ближайшего озерца надо было добираться несколько часов. Одних нас к озеру не отпускали. Иногда, в жаркие летние дни, отец создавал портал и переносил нас на пляж. Но эти случаи были редки, мы только плескались, как лягушата, у самого берега, а дальше зайти не решались. Я не решалась. Потому что Брида и Фрост потом плавать все же научились.

Сердце екнуло он нехорошего предчувствия. Что, Кора, уже готова дать задний ход?

– Я не умею, – повторила я, собрав волю в кулак. – Вот только, Ран, я не совсем понимаю, как это мне поможет. Плавание скорее связано с магией воды, а не огня.

– Так ты не знаешь? – Ран выглядел удивленным. – Дело в том, что у пустышек может пробудиться какая угодно магия. Нам рассказывали на втором курсе такую теорию – иногда магия дремлет, потому что неясно, какая именно магия преобладает в крови. Смешанные браки ведь разрешены. И кто знает, сколько было в твоем роду воздушников, водных и земляных. Все они перепутались в твоей крови, и ни одна сила не может взять верх над другой. Ну, это только предположение, конечно. Никто не знает наверняка.

Ран, пока говорил, продолжал бегло просматривать книгу, остановился на одной из страниц.

– Вот, послушай. Здесь об этом тоже написано: «Так і огненные могут водными стать, і сілу воздушную іметь, і землею управлять, если дазволено будет дару іх прабудіться…»

Удивительно. Я никогда не задумывалась над тем, почему это произошло. Мысль о том, что во мне может дремать не только магия огня, но и магия других стихий, вдохновляла. Правда, не стоит забывать и о мизерности процентов, дающих надежду. И все же…

– Значит, попробуем плавание?

Ран кивнул. Судя по его лицу, он, приняв один раз решение, больше не сомневался. Ох, чувствую, наплачусь я еще с этим наставником!

– Сегодня вечером, после занятий.

Сумерки в это время года наступали рано. Когда я, переодевшись в купальник и накинув поверх платье и накидку,

подошла к озеру, уже совсем стемнело.

Волны чуть слышно накатывали на пустой песчаный берег, небо, укутанное в хмурые осенние тучи, не пропускало даже свет звезд. Я сняла капюшон, и холодный ветер тысячами игл вонзился в щеки, растрепал волосы. Я задрожала. И даже не столько от холода, сколько от страха. Невозможно представить, что сейчас придется зайти в эту черную неприветливую воду.

– Готова?

Ран вышел из-за моей спины, расстегнул мантию и бросил ее на островок травы. Встал, скрестив руки на груди.

– Я там замерзну насмерть, – грустно сказала я. – Курсовая получится очень короткая.

– Хм, – сказал Ран. И больше ничего. Конечно, он так и думал, что этим кончится: как только серьезное испытание окажется прямо перед моим носом, я испугаюсь и отступлю.

– Ладно.

Я расстегнула накидку, расстегнула платье, сняла сапожки и, наконец, осталась только в купальнике. Зуб на зуб не попадал, я продрогла насквозь.

– А ты почему не раздеваешься? – спросила я, стуча зубами от холода.

– Кора, вода – моя стихия. Я выйду из воды в той же сухой одежде, что зашел в нее.

– Н-н-не-ч-ч-честно…

Я даже уже слова выговаривала с трудом.

– Ладно, пусть будет честно.

Ран быстро, через голову стянул рубашку, скинул брюки и остался в шортах. Я даже на время забыла стучать зубами. Ну, братьев, понятное дело, на озере я тоже в плавках видела, но это был Ран. Мурашки по моей коже теперь побежали, похоже, не только из-за озноба.

– Ч-что за амулет? – спросила я, пытаясь отвлечься от любования его великолепно сложенным телом.

Оказывается, Ран носил на шее цепочку со странным символом: крест-накрест перечеркнутый круг, а внутри круга вроде бы лабиринт. Он всегда прятал ее под рубашкой, так что я впервые увидела.

– Да ничего особенного, – отмахнулся он. – Типа оберег. Родители подарили перед поступлением в Академию и попросили не снимать… Так, Кора, давай в воду.

– Я заме-е-ерзну, – пропищала я. – Ну, правда ведь.

– Сворачиваем эксперимент?

– Нет! – Я решительно шмыгнула носом.

Пока мы разоблачались, наши действия привлекли внимание

зевак. По этой стороне озера мало кто ходил, но все же место было не совсем безлюдное. Так что спустя несколько минут на берегу образовалась небольшая толпа сочувствующих. Непонятно только, кому они сочувствовали – мне или Рану.

– Будешь топить пустышку? – живо поинтересовался чей-то голос.

Ран бросил в ту сторону хмурый взгляд, но в беседу вступать не стал.

– Да она сама топиться собирается, – выдвинул кто-то новую версию. – С горя. А Ран ей не дает.

– Что-то долго собирается! – произнес кто-то третий, с нотками нетерпения в голосе.

Тьфу! Вот как сосредоточиться в таких условиях?

Я подошла к воде, окунула в плескавшиеся у самых ног волны кончики пальцев. Их словно молнией пронзило – такая студеная вода.

– Так, Ран, введение, п-п-первый абзац. З-з-запоминай, – бодрясь, выдавила я. – Ис-с-спытуемая номер один зашла в холодную осеннюю в-в-воду и у-у-умерла от остановки с-с-сердца. Конец.

Ран подошел и встал рядом. Ждал, не отступлю ли я. Я набрала в грудь побольше воздуха и сделала шаг вперед. Вода обожгла почти как огонь, показалось, будто достала до костей. Я открыла рот, чтобы крикнуть, но не произнесла ни звука, подавившись воздухом. Это невозможно. Это слишком ужасно. Я сделала еще один крошечный шаг. Холод раздирал мое тело. Иди, Кора, иди! Ты должна!

– Вот упрямая, – пробормотал Ран и вслух уже мне: – Возьми меня за руку!

Я не глядя протянула руку, до боли сжала его пальцы. И вдруг, в тот же миг, холод ушел. Вода, что плескалась вокруг меня, стала ласковой, теплой водой спокойного озера в летний день, в то время как морозный воздух по-прежнему покусывал тело.

– Это ты сделал?

Можно было и не спрашивать. Конечно, Ран. Все ждал, что я сдамся, но так и дождался.

– А кто же? Мы ведь планируем тебя утопить, а не заморозить, – мрачно пошутил он.

– Вот! А я что говорил! – подтвердил с берега радостный голос.

Мы, не сговариваясь, одновременно окунулись по шею. Сейчас в воде было гораздо теплее, чем снаружи. Даже приятно. Ран, держа меня за руку, уводил все дальше и дальше от берега. И

вот уже мои ноги не чувствуют дна, а если опустить взгляд, то кажется, будто подо мной километры воды – такая она тяжелая, мрачная и непроницаемая.

– Я не буду учить тебя плавать, Кора, – сказал Ран.

Голос его вновь стал серьезен. Он смотрел прямо на меня и не улыбался больше. Я застыла на месте, удерживаемая его рукой, и тихонько перебирала ногами. И мне сейчас казалось, что держаться на воде совсем не трудно, просто ерунда на самом деле. Я кивнула рассеянно, больше занятая разглядыванием неба над головой и этим приятным ощущением легкости и полета.

– Кора, ты готова? Я вынужден буду тебя отпустить.

– Ладно.

– Тебе уже не будет так тепло, как сейчас. Но я постараюсь сделать температуру воды сносной.

– Хорошо.

Ран качнул головой, будто удивляясь моей глупости.

– Кора, ты правда готова?

– Ага.

Он не сразу выпустил мою руку, еще удерживал какое-то время кончики пальцев. Потом шепнул что-то вроде: «Упрямая девчонка» – и решительно, будто заставил себя, выдернул ладонь.

А-а-а-а! Почему тело вдруг стало таким тяжелым? Почему вода больше не хочет меня держать? Я забила руками, ногами, но чем больше билась, тем глубже опускалась. Вода стала холодной. Еще не обжигающе ледяной, но все же холодной. Она заливала глаза и нос, и я, фыркая, выдувала ее и плевалась, стараясь, чтобы она не попала в легкие. Сил не хватало даже на самый маленький вдох. Где небо, где дно – не различить. Тьма и холод. Холод и тьма. Руки с каждой отчаянной попыткой удержаться на воде все больше уставали. Ног я уже не чувствовала.

Вода. Темнота. Нет воздуха. Ничего не вижу. Страшно. Как страшно.

– Ран! – крикнула я, из последних сил поднимая голову над водой.

Я думала, что крикнула, но на самом деле из легких, в которых почти не осталось воздуха, вырвался лишь слабый хрип. Я снова погрузилась под воду, продолжая мысленно звать его. Ран! Ран! Ты ведь видишь, как мне плохо. Я не справилась. У меня больше нет сил…

Последние маленькие пузырьки воздуха вырвались из моих сомкнутых губ. Я падала. Все ниже, ниже, ниже. Ноги коснулись дна, покрытого илом. Это все…

Но тут я почувствовала, как Ран сомкнул пальцы на моем запястье, дернул вверх.

– Дыши, дыши, Корюшка, – говорил он, гладил мой лоб и щеки, отводя с них мокрые волосы.

Я чувствовала, что его руки дрожат.

– Не получилось, – горько прошептала я, едва только дыхание выровнялось. И думала сейчас только об этом, а вовсе не о том, что едва не утонула: все напрасно, ничего не вышло.

– Что не получилось? Чем вы здесь занимаетесь?

Я всмотрелась в сумерки и поняла, что мы больше не одни в озере. Прямо над нами возвышались другие стихийники. Водники, само собой. Старшекурсники.

– На берегу утверждают, что ты, Ран, топишь Кору. Так?

– Не так, – слабо запротестовала я за нас обоих. – Мы курсовую пишем. Директор разрешил.

– Кора согласилась.

Я даже по тону поняла – Ран до сих пор немножко злится.

– Отлично. Кора согласилась. А Фрост дал свое разрешение? Как старший из семьи он несет за нее ответственность.

Вот Фроста мы спросить как-то не догадались…

* * *

– Я категорически против, – сказал старший брат.

Семейный совет был устроен в моей комнате. Мы расселись на кровати, с трудом уместившись, а Фрост стоял в центре и строго смотрел на меня, так что под его взглядом Грета, Брида и Димер отодвинулись, опасаясь попасть под горячую руку. Ран подпирал косяк. Молчал. Он не мог вмешиваться – семейное дело.

– Но почему? – пискнула я. – Директор сам предложил. Ты не имеешь права…

– Имею!

Имел, да. И все это знали.

– Фрост… Пожалуйста. Мне это нужно. Ведь бывали случаи…

– И правда, Фро, пусть попробует, – это Брида решила за меня вступиться. – Ран не даст случиться чему-то плохому.

– Это совершенно глупая и бесполезная затея, – сказал он как отрезал. – А Ран пусть поищет для своей курсовой другого подопытного кролика.

У меня вспыхнули щеки – как это несправедливо по отношению к Рану! Я увидела краем глаза – Ран дернулся после этих слов, но ничего не стал отвечать.

– Ну, почему, почему?

– Потому что я так сказал. Точка.

Он направился к двери, давая понять, что разговор окончен.

– Ты меня всегда ненавидел! – крикнула я в его спину. – Ты это вовсе не из заботы обо мне делаешь. Просто снова хочешь показать, что ты здесь главный! Я тебя тоже ненавижу, так и знай!

Фрост обернулся и прожег меня взглядом. На секунду мне почудилось, что он сейчас на самом деле испепелит меня. Он был страшен в этот миг – зеленые глаза сверкают, рыжие волосы словно вспышка пламени.

– Отлично. Хорошо.

Его голос только казался спокойным. Сердце бури…

– Поступай как знаешь, Кора. Но вы… – Он обвел взглядом притихших сестер и брата. – Вам я запрещаю с этого момента приближаться к Коре и хоть как-то помогать ей. Все понятно? Расходимся. Вопрос решен.

Подумаешь. Не очень-то хотелось. Будто до этого момента они со мной общались и помогали. Я ничего не теряю…

И все равно стало так больно, когда они поднялись и направились к двери, вслед за старшим. Вот только сестры кинули напоследок странный взгляд на меня. Я так и не поняла, что он означал.

Глава 13
Первый снег

Я осталась сидеть на кровати, сжав ладони между колен, совершенно убитая и раздавленная. Мне бы хоть капельку поддержки, а они вот так…

Ран сел рядом. Он не сказал ни слова, но даже от его теплого молчания стало легче. Мне казалось, он все понимает.

– Хочешь, прогуляемся? Выветришь из головы неприятные мысли, – сказал он наконец.

Я отрицательно помотала головой.

– Может, голодная?

Я фыркнула. Чего-чего, а аппетита точно не было. Но я была благодарна Рану, что он пытается меня отвлечь.

– Может, поплаваем?

Я так удивилась, что невольно подняла голову, чтобы посмотреть на него. Увидела хитрую улыбку. Понятно, отвлекающий маневр сработал. Невольно улыбнулась в ответ краешками губ.

Ран дурашливо подтолкнул меня плечом.

– Мы еще им всем покажем.

– Правда?

– Правда!

Он поднял раскрытую ладонь, предлагая шлепнуть по ней, что я и сделала с огромным удовольствием.

Как бы там ни было, но спать я ложилась почти со спокойным сердцем. Я приняла решение, пусть даже моя семья от меня отвернулась. Пусть даже останусь пустышкой. Но я по крайней мере буду знать, что сделала все от меня зависящее, чтобы изменить свою судьбу.

Мы с Раном решили не торопить события. Не гнать вперед. Хотя я, наполненная обидой и злостью, готова была прямо сейчас лезть обратно в воду или прыгать с горы. Но согласилась с Раном, понимая, что он прав. Договорились, что в ближайшую неделю ничего предпринимать не будем. Я спокойно учусь, прихожу в себя, а Ран читает книгу и составляет план действий.

– Только в следующий раз я не стану предупреждать тебя о том, что грядет испытание. Думаю, эффект неожиданности здесь играет важную роль. Согласна?

– Согласна, – вздохнула я. Умом понимала, а все-таки стало страшно.

В ту ночь я лежала в темноте, прижав к себе Чернильную

Бестию, и долго не могла уснуть. В голове вертелись какие-то бессвязные обрывки стихотворных строчек, как это всегда случалось, если переволнуюсь.

Я ворочалась с боку на бок, потом решила встать, чтобы записать их. Ничего особенного, но я знала, что стихотворение так и будет сидеть в моей голове, если я не перенесу его на бумагу.

Поднялась и на ощупь – свечу зажигать не хотелось – постаралась найти на полке шкафа блокнот и карандаш. Нашла, сжала в руке, обернулась и вздрогнула от неожиданности. Бабушкина шкатулка, стоящая на столе, светилась. Вернее, светилась не сама шкатулка, а что-то лежащее внутри ее – свет пробивался сквозь тонкую щель. Никогда прежде я ничего подобного не замечала. Завороженная, я взяла ее в руки. Попыталась заглянуть в замочную скважину, но она была слишком маленькая – ничего невозможно увидеть. Потрясла шкатулку в руке – внутри по-прежнему перекатывалось что-то небольшое.

– Ох, бабуля… Загадала ты мне загадку…

Я поставила шкатулку рядом на стул: свет, струившийся из нее, успокаивал. Записала стихотворение, засунула блокнот под подушку и долго сидела, поджав ноги, любовалась на бабушкино наследство, гадая о том, что же все-таки может храниться внутри.

Знаю, можно было бы поддеть крышку, оторвать ее безжалостно и решить задачку легко и просто. Но в то же время я понимала, что внутри может оказаться какая-то совершенно бесполезная вещица, типа зачарованных магией огня пуговиц. Бабуля любила зачаровывать бытовые предметы, так что в самый неподходящий момент начинали полыхать огнем чашки, вазочки или те самые пуговицы. Это был не обжигающий огонь. Особая магия. Так что вполне вероятно, внутри не ждет никакое чудо, а очарование развеется навсегда.

Не заметила даже, как уснула, убаюканная теплым светом. И проснулась бодрая и с хорошим настроением. Если подумать – все идет неплохо: Ран поддерживает меня, и от бабушки я тоже словно получила благословение.

Еще одна неожиданность ожидала меня в учебном классе. Когда зашла, я увидела, что мои однокурсники собрались в кучку, шушукаются о чем-то. При моем появлении замолчали. Ну, к этому не привыкать. Я не удивилась и не расстроилась. Удивило меня другое.

– Кора, это правда?

Вита отделилась от группы и сделала несколько шагов навстречу ко мне. Она обращалась ко мне и смотрела прямо в

глаза. За все время это был первый случай, когда кто-то из однокурсников назвал меня по имени. Я растерялась и стала лихорадочно перебирать в голове, чем таким я успела им насолить?

– Что правда? – спросила я обреченно, так ничего и не вспомнив.

– Говорят, что ты вчера в озере чуть не утонула. И что на самом деле это не было случайностью, потому что так ты пыталась разбудить магию. Правда?

Как быстро распространяются слухи в Академии, ничего не утаить! Я заметила, что не только Вита смотрит на меня с ожиданием, но и все огневики. Я вздохнула и рассказала все как есть – про курсовую, про книгу с «чудесныя избавлениями», про вчерашнюю отчаянную попытку, которая не увенчалась успехом.

– Очень страшно было? – спросила Вита, когда я замолчала.

Интересно, а как она сама думает? Я уже жалела о том, что так разоткровенничалась. Слушатели смотрели на меня со смесью презрения и интереса, но вовсе не с сочувствием.

– Да, – коротко ответила я.

На том разговор и закончился. Все расселись по местам, занялись привычными делами. И я села за свой стол. Не сразу даже поняла, что учебники не положила, а продолжаю прижимать к груди, словно защищаюсь. С трудом расслабила пальцы. Их можно понять. Обычное человеческое любопытство. Будь я на их месте, разве не стала бы спрашивать?

Будь я на их месте, я бы тоже без всяких на то причин игнорировала свою однокурсницу только за то, что она родилась такой, какой родилась? Считала бы ее ниже и недостойнее себя? Очень надеюсь, что нет…

Я сидела, боясь поднять глаза, чтобы не встретиться случайно взглядом с кем-нибудь. Когда уже придет преподаватель?

На стол вдруг легла конфета в яркой обертке. Я не хотела брать, но девичья рука подвинула ее в мою сторону.

– Это за смелость, – тихо сказала Вита. – Ну и это… Пусть все получится.

* * *

В первом семестре большинство занятий было отведено под теоретические дисциплины. Меня это вполне устраивало. Даже такой предмет, как «Практическое применение огненной стихии», напугавший меня поначалу, на самом деле пока сводился к тому, что мы выслушивали истории из жизни пожилой дамы-

преподавательницы. Да, в своих историях Агния Руни рассказывала о том, как именно использовала в бою свою магию, но даже это едва ли можно было бы считать практическим применением. Студенты-первокурсники вообще-то терпеливые создания, они еще ничего не знают и принимают все за чистую монету. И если на занятиях практической магией магия почему-то не применяется, то, видно, так оно и должно быть. Но через два месяца даже у них сдали нервы, после того как Агния в пятый раз рассказала о том, как именно и в каких выражениях благодарила ее семья селян за спасение.

– А когда же начнется практика? – робко поинтересовался Лекс – для огневика слишком худенький и низкорослый. Правда, когда кто-то попробовал его задирать, Лекс весь окутался пламенем, да таким, что столб огня достал до третьего этажа центрального корпуса. Обидчик почтительно замолчал, а я, наблюдающая эту картину, прикусила губу, испытывая одновременно горечь, зависть, но в то же время торжество: ага, не все те, кто кажется слабаком, оказываются таковыми на самом деле!

Агния посмотрела на одного из лучших учеников исподлобья.

– Дорогой мой друг. Учебную программу составляла не я, но я выступала категорически против того, чтобы моя дисциплина шла перед изучением боевых заклинаний, которые начинаются у вас только со следующей недели. Вот ты, мой милый, знаешь хоть одно?

Лекс – зубрила с мощнейшей, как выяснилось, магией, – подумав, ответил:

– Знаю пять.

– Хм… Я неудачный пример выбрала для иллюстрации.

Она обвела взглядом класс:

– Вот вы, мои прекрасные способные ученики, отвечайте немедленно, кто знает больше двух заклинаний?

Руки подняли трое. Агния развела руками: мол, что и требовалось доказать.

– Поэтому вы, услада моих очей, и дальше продолжите наслаждаться моими поучительными историями вплоть до следующей недели, когда наконец наш дражайший магистр Толли не проведет хотя бы одного занятия по боевым заклинаниям. Обещаю, сразу после этого мы дружно выйдем на полигон и будем там тренироваться до потери пульса.

– У-у-у-у, – разочарованно протянула аудитория, но теперь, по крайней мере, прояснилась тайна странной словоохотливости магистра Руни и названы сроки, когда можно ожидать первых практических занятий.

Все были рады этой новости, но только не я, понимавшая, что через неделю останусь все той же бесталанной бездарницей и на практических занятиях буду представлять собой жалкое зрелище.

Зато, благодаря Рану, на занятиях по ведению мечевого боя я уже не чувствовала себя самым никудышным бойцом. Держала удар, парировала и наносила удары. Даже иногда попадала. Мои отметки уверенно держались где-то между «весьма посредственно» и «приемлемо».

А вот теория ведения боя, введение в Бестиарий и история происхождения огненной стихии давались мне легко. Не зря я столько времени проводила за учебниками. Но если ведение боя и историю я изучала по необходимости, без особого удовольствия, то введение в Бестиарий стало одной из самых любимых моих дисциплин. Бестии дико пугали меня и притягивали одновременно. Не знаю, как объяснить эту странную увлеченность жуткими существами, но отчасти они меня даже немного восхищали, хотя я бы никогда не решилась произнести это вслух: здесь и так все считали меня посторонней, а стихийник без магии, увлеченный изучением бестий, – что-то совсем чужеродное.

И все же они удивительные создания. Жуткие, странные, пугающие, но невероятные существа. Десятки изученных видов, встречающихся часто, и десятки редких, которые пока никто достоверно не смог описать.

Иногда вечерами при неровном свете свечи я засиживалась далеко за полночь, хотя, бывало, руки и спину ломило после тренировки. Некоторым бестиям посвящалось несколько страниц подробного описания, некоторые упоминались вскользь, и тогда я буквально чувствовала, как меня раздирает любопытство. Вот про моргера было сказано только, что его пасть настолько велика, что он может заглатывать людей целиком, но в этом разделе учебника не имелось даже иллюстрации, словно составитель предоставлял нашему воображению дорисовать все остальное.

Как бы там ни было, но на занятия по введению в Бестиарий я шла с удовольствием и поднимала руку без страха быть осмеянной. Я точно знала, что здесь превзойду любого однокурсника, даже Лекса. Поначалу Вик пытался острить во время моих ответов. Да, его громкий голос, пусть он и говорил откровенные глупости, заглушал мой – тихий и нерешительный, но однокурсники быстро поняли, что слушать его неинтересно, а наказать за такие выходки могут всю группу: магистр Корр вовсе не отличался терпением и доброжелательностью. Так что даже Вик больше не посмел перебивать меня.

Я иногда замечала, что после того, как мне удается ответить

на особенно заковыристый вопрос преподавателя, некоторые однокашники поглядывают на меня с тенью уважения. Длилось это, правда, недолго: сколько бы знаний о бестиях ни содержалось в моей голове, на бой против них я никогда не выйду. И это решало дело. Все мои сокурсники, знающие пока не так много, выйдут и будут драться десятки раз в течение жизни. А я нет.

Если не случится чуда.

* * *

Вечером на тренировку я почти бежала. Хотелось узнать, не вычитал ли Ран в книге что-нибудь новое и говорил ли он с директором насчет курсовой. Но главное, я просто соскучилась по нему.

Ран уже ждал меня – он всегда приходил на несколько минут раньше условленного срока, а я, как бы ни старалась прийти вовремя, каждый раз умудрялась задержаться. Но, признаться, я даже рада была, что каждый раз, спускаясь со своего этажа, могла видеть в крошечных окошках лестничных пролетов его стройную фигуру. Ожидая меня, Ран всегда застывал как изваяние. Этакая статная скульптура юного воина, опершегося рукой на меч. Вид у него всегда был крайне задумчивый, даже мечтательный. Интересно, о чем он думал, пока ждал меня? Иногда я даже специально замедляла шаг, чтобы подольше полюбоваться на него, пока он меня не видит.

А перед самым выходом на улицу я делала несколько быстрых вдохов-выдохов и прокручивала в голове одну и ту же фразу: «Ран мне только друг. Я его люблю только как друга, и никак иначе». В общем-то, помогало. К тому же, стоило ему заговорить со мной, наваждение отступало. Ран превращался из недоступного божества в симпатичного и классного, но все же вполне живого парня.

Иногда он говорил прямо как мой противный средний брат:

– Привет, мелкая.

Но потом понял, что мне неприятно, и стал говорить:

– Привет, Кора.

А иногда просто улыбался и кивал. И это было лучше всего, потому что так улыбаются только настоящие друзья. Или, ладно, просто друзья.

Но в тот день что-то изменилось. Я не сразу поняла что. Ран стоял на прежнем месте, но что-то в его фигуре и выражении лица было другим. Смотрит перед собой невидящим взглядом,

губы крепко сжаты. Первым делом я подумала о том, что у моего друга случилась какая-то неприятность.

– Ран!

Он меня сначала будто не услышал, но потом очнулся, улыбнулся, но как-то блекло.

– Готова?

Тренировался рассеянно. Мне не составляло труда отбивать его удары, а пару раз Ран пропустил укол. Второй раз я, не ожидая, что мне удастся, и не рассчитав силы, воткнула меч ему в живот так, что мой наставник скривился от боли. Но тут же справился с собой и похвалил, сказал, что я отлично справляюсь. А мне было не по себе, и с каждой минутой я волновалась все сильнее.

– Ран, все хорошо?

– Да, отлично. Продолжаем.

Но я опустила оружие.

– Что случилось? – спросила я напрямую, решив, что глупо ходить вокруг да около. – Расскажи. Мы ведь друзья.

Раннитар если и опешил от моего напора, то виду не подал.

– Я был у директора. Он сам меня вызвал по поводу вчерашнего нашего купания.

– Ругал?

– Нет, с чего бы… Разве не этого он хотел? – Ран снова скривился, видно, в живот я ему все же здорово ударила. – Но просил впредь согласовывать действия сначала с ним. Обсудили, как писать введение и первую главу…

Ран замолчал и каким-то неосознанным быстрым жестом провел ладонью по лицу, словно пытаясь избавиться от чего-то, что мешает.

– Кора… – начал он и замолчал.

– Что?

– Нет, ничего…

Но мне было яснее ясного, что там, у директора, было сказано еще что-то, но не предназначенное для моих ушей. Это можно было понять – элемент неожиданности, так его…

Нечто легкое как пух вдруг коснулось моей щеки нежным дуновением. Что это? Я подняла голову. С лилового вечернего неба, медленно кружась в воздухе, падали снежинки. Первый снег в этом году… Он ложился на черную расхлябанную землю и тут же растворялся в грязи. Но я знала, что еще немного – и снег укроет все белым чистым покровом. Я чувствовала, как вместе со снегом в душу проникает радость. Каждый стихийник с раннего детства ощущает эту связь: снег – безопасность. Время покоя и умиротворения. Можно выдохнуть и ничего не опасаться до самой

весны.

Мы оба, не сговариваясь, опустили мечи, продолжать сражение во время этого светлого таинства казалось кощунством. Мы оба смотрели вверх и дышали полной грудью, будто до этого момента что-то крепко сковывало нас.

Мы стояли в белом шатре из снега, отрезанные плотной белой стеной от остального мира, и казалось, что нет больше никого, кроме нас. Ран даже не попытался ставить защиту, мы оба хотели ощущать, как снежинки касаются наших волос и обнаженных рук. Первый снег… Разве есть что-то лучше тебя?

Вдруг я увидела, как снежинки не просто падают на землю, они, пока летели, создавали объемные картинки. Вот снежная роза, рассыпавшаяся у самой земли. Вот маленький мальчик на коньках везет девочку на санках. А вот снежный замок.

– Это ты, да? – изумилась я.

– Ага, – прошептал Ран. – Ведь снег – это тоже вода.

Я почувствовала его руки на своих плечах. Я ощущала их тепло даже сквозь ткань куртки. А спиной чувствовала, что Ран стоит совсем рядом, в половине шага. Его дыхание на волосах… Что это? Это на самом деле происходит? Я боялась пошевелиться. Вдруг пошевелюсь, а он опомнится и отойдет? Пусть стоит. Как хорошо рядом с ним…

«Он только друг мне. Только друг…»

Мы стояли и смотрели на снежные картины. Вдвоем во всей вселенной. Он вдруг привлек меня к себе, обнял.

– Кора…

– Что, Ран? – губы меня едва слушались, а сердце билось так сильно, что казалось мне громче слов.

– Ты только помни, что я никогда не хотел бы тебя обидеть…

Совсем не те слова, которые я надеялась услышать. Такие странные слова. О чем он вообще?

– Я знаю, – прошептала я. – Только не ты.

Ран прикоснулся губами к моей макушке. Поцелуй был таким же легким, как если бы снежинка опустилась на мои волосы. Поцелуй друга? Или?..

Я почти не чувствовала под собой ног. Внутри все дрожало. Ран, что же ты делаешь со мной… Как мне все это понимать?

– Я провожу тебя. Ты совсем замерзла – вся дрожишь.

Но я отрицательно покачала головой:

– Еще минутку постоим…

Снежинки превратились в крошечные танцующие пары, которые плавно кружились в воздухе. Сейчас их танец закончится, и надо будет идти.

Глава 14
Праздник Примирения

Когда выпадает первый снег, мы отмечаем праздник Примирения. Это немного грустный, но в то же время радостный праздник. Он означает, что мы, стихийники, будто бы заключили перемирие с бестиями, отложили битвы до весны. Можно отдохнуть. Нас, студентов, даже отпускали на неделю по домам, чтобы мы могли побыть со своими семьями. Значит, завтра с утра отец создаст огненный портал и придет за нами, чтобы забрать в родовой замок.

Но, честно говоря, покидать Академию совсем не хотелось. После ссоры с Фростом я могла представить все, что ожидает меня дома. Старший братец обязательно нажалуется родителям на мое непослушание. А ведь они сто раз повторили, чтобы я слушалась Фроста так же, как их. И если раньше, возможно, удалось бы уговорить отца разрешить мне участвовать в эксперименте, то после такого вопиющего случая непослушания и речи быть не могло. К тому же после всех попыток разбудить мою магию еще в детстве, думаю, родители окончательно во мне разуверились.

Так что от поездки домой я ничего хорошего не ожидала. Так и представляю себе первый наш совместный ужин в честь праздника: родители читают мне нудные нотации, Фрост сидит довольный и надутый, как индюк, а сестры и Димер старательно смотрят в тарелки, будто в жизни не ели ничего вкуснее жареных цыплят. Вот такой отличный праздник.

Я вздохнула: хочу я этого или нет, но надо собираться.

Такие невеселые мысли крутились в голове в тот момент, когда Ран провожал меня в корпус огневиков. Я молчала, но он даже не пытался меня разговорить и, судя по его сосредоточенному лицу, тоже о чем-то усиленно размышлял.

– Кора, я хотел бы пригласить тебя завтра ко мне домой, – сказал он, сбиваясь, когда мы остановились у стен здания.

– Что? – пролепетала я, чувствуя, что под ногами разверзается пропасть.

– Почему нет? Ты мой друг, а я могу пригласить в гости друга. Ведь так?

– Да…

Мой голос был не громче писка мыши. Все происходящее казалось сном.

– Мой отец предупредит твоих родителей. Думаю, они не

будут против. Они давно друг друга знают.

Так и есть, семья Рана издавна заряжала охранные амулеты семьи Флогис. Молинар Маринер часто посещал наш дом. Но все, что сейчас говорил Ран, просто не укладывалось у меня в голове. Зачем ему какая-то скучная девчонка? Я думала, если он и позовет кого-то на праздник Примирения, то это будет Димер. Правда, я не заметила, что бы они в последнее время часто общались.

– Я… я…

– Согласна?

Вместо ответа я несколько раз быстро кивнула, опасаясь, что он передумает. Или я передумаю. А теперь уже отступать поздно. А потом стремглав понеслась по ступеням лестницы, не чуя под собой ног.

– Завтра, как директор объявит праздничные дни, жду тебя на нашем месте! – крикнул Ран вслед.

Я бежала, прижимая руки к пылающим щекам. Что означает его приглашение? Ему так приятно со мной общаться, что он не хочет расстаться даже на несколько дней? Мне льстила эта мысль, и в то же время я прекрасно понимала, что это ложь. У Раннитара наверняка нашлись бы другие, куда более интересные спутники, чем я.

Значит… Я пошла медленнее. Руки похолодели, кровь отлила от лица. Значит, это все часть плана… Там, в родовом замке Маринер, меня ждет новое испытание. Хотя мы и договорились не торопиться… Так, может, это действительно просто дружеский жест?

Раздираемая противоречиями, я теперь еле брела в свою комнату. На лестнице с радостными криками бегали и толкались студенты: они уже знали, что выпал первый снег, а это сулило несколько дней отдыха и развлечений.

Вита, бежавшая по ступенькам вниз, почти налетела на меня. Хотела было пройти мимо, но все же кивнула и улыбнулась:

– Привет, Кора. Снег выпал. Здорово, да? Завтра домой, да?

– Не, я к Рану, – ответила я на автомате и, тихонько обогнув однокурсницу, продолжила путь. Кажется, у Виты сильно вытянулось лицо, а глаза стали круглыми, как монетки. В любое другое время я бы, наверное, насладилась этим зрелищем, но сегодня мне было не до того.

Все сложилось удачно: к тому моменту, когда утром в главном холле директор объявил о неделе отдыха, Ран уже все устроил. Правда, разрядил весь кристалл-вестник, пытаясь связаться с отцом, за что получил выговор от куратора, но зато Молинар Маринер дал свое разрешение. И не только дал

разрешение, но и договорился с моими родителями, что меня отпустят. И более того – отец сам доставит меня в родовой замок Рана через портал, чтобы мне не пришлось трястись полдня в дороге. Вот воздушники улетают сами, создавая вихревые потоки. Стихийников-водников и земляных развозят на старых колымагах Академии, таких древних, что в стенках щели толщиной с палец. Везут по подземным тоннелям, которые прокладывают маги стихии земли, – куда более быстрый способ передвижения, чем по поверхности. Правда, студенты потом вываливаются оттуда еле живые: одни синенькие от холода, а другие зелененькие от тряски.

О том, как быстро все решилось, я узнала от самого Рана, когда пришла на наше место, как было условлено. Очень волновалась – так сжимала ручку саквояжа, что боялась оторвать ее. Волосы тщательно расчесала и заплела две тугие косы. Надела свое самое симпатичное форменное платье и теплую зимнюю пелеринку.

Я и рада была, что не придется трястись в разбитой развалюхе несколько часов, и жутко боялась остаться наедине с его родителями. Отец Рана всегда казался мне очень строгим и хмурым человеком. А его маму я ни разу не видела. Вдруг я ей не понравлюсь?

– Не волнуйся, – сказал мне Ран, будто прочитал мои мысли. Похлопал по плечу. Волноваться я не перестала, но расстроилась: это вовсе не было похоже на вчерашние нежные объятия. Хотя, вздумай он меня обнять, я бы точно умерла.

Хорошо, что долго переживать мне не пришлось: я услышала шум пламени за спиной, обернулась и увидела отца. Он вышел из огненного круга, пристально посмотрел на Рана, потом на меня. Сложил руки на груди. Мне стало не по себя, я стояла, низко наклонив голову, и не решалась поднять глаза.

– Здравствуй, Раннитар.

– Светлого вам огня, господин Флогис.

Я не видела, но знала, что Ран в этот момент приветствует моего отца жестом, принятым у нас, огневиков: рука с широко разведенными пальцами.

– Значит, приглашаешь в гости мою маленькую Кору? У вас нашлись общие интересы?

Голос у отца был мягкий, но я не обманывалась: папа не понимал, что происходит, и пытался прощупать почву. Мне стало стыдно: такое ощущение, словно я ему жениха представляю. Еще немного, и отец начнет выспрашивать Рана, как тот собирается обеспечивать будущую семейную жизнь. К счастью, голос Рана оставался ровным.

– Мы с Корой работаем вместе над важным проектом. Не хотелось бы прерываться.

Да уж, и ведь не врет… Скоро Фрост доложит папе, что это за «важный проект» такой… Ох и влетит мне. Но пока все складывалось неплохо.

– Что же, Молинару я доверяю, – сказал отец, поразмыслив. – Не думаю, что в его доме с моей дочерью случится что-то плохое.

Эх, папа. Мне бы твою уверенность…

И вот – спустя пару мгновений я стою в каминном зале родового замка рода Маринер. Стою ни жива ни мертва от смущения. Отец перекинулся парой слов с родителями Рана, поцеловал меня в лоб на прощание и ушел – ему еще братьев и сестер домой доставлять.

Отец Рана – высокий мужчина с такими же светлыми волосами, как у сына, – пристально разглядывал меня, сложив руки на груди. Знакомый жест. И на лице такое же недоверие. Пожалуй, даже в двойном размере: его сын зачем-то притащил в дом пустышку – тревожный звоночек. Все это вполне ясно читалось на его лице. Правда, пустышка-то дочь старого знакомого, с которым к тому же давние деловые отношения, потому правила вежливости надо соблюсти.

– Добро пожаловать в наш дом, Кора.

Рядом с Молинаром Маринером стояла его жена – мама Рана. Светлые волосы едва достают до плеч и вьются – необычная прическа для замужней дамы. Карие глаза смотрят весело и с симпатией. Рина Маринер выглядела очень юно – худенькая, стройная и хорошенькая. Невозможно поверить, что у нее такой взрослый сын.

– Добро пожаловать, маленькая, – повторила она вслед за мужем, улыбнулась: – Только не сожги его случайно, очень тебя прошу.

Я вскинула глаза, не понимая: неужели она не знает? Но тут же поняла – знает. Видно, считает, что это отличный способ меня поддержать. Я так не думала, если честно. Но намерения у нее добрые – это главное.

– Ран появится теперь только к вечеру. Не против, если я пока побуду с тобой? Покажу здесь все?

Я качнула головой. Испугалась, что меня не поймут, и несколько раз энергично кивнула. Рина рассмеялась:

– Не волнуйся так, Корюшка, мы тебя не съедим.

Корюшка… Мое сердце окончательно растаяло. Мама у Раннитара оказалась замечательная.

– Только сначала подберем тебе что-то из платьев. Мне кажется, серый тебе не очень идет.

Я и глазом моргнуть не успела, как меня переместили в мою комнату на время пребывания здесь и усадили на кровать. Рина хлопнула в ладони, вызывая служанку, а та, должно быть, стояла под дверью: так быстро появилась. Хозяйка прошептала ей на ухо пару слов, и вот уже на постели рядом со мной лежат несколько платьев – одно другого краше. Алое с золотом. Цвета морской волны с жемчужной вышивкой. Ярко-зеленое. Как выбрать?

– М-м-м, – протянула Рина, – мне думается, что к твоим глазам отлично подойдет цвет морской волны.

Она не ошиблась. Хотя и алое, и зеленое тоже были мне к лицу, но стоило надеть цианового и подойти к зеркалу, я себя едва узнала. Что за прелестная девушка смотрела на меня сейчас? Мои глаза казались какого-то необыкновенного глубокого синего цвета, кожа будто светилась. К тому же платье точно на меня шили. И фасон такой симпатичный – круглый вырез на шее, вышитый жемчугом, подчеркивал… Ну, в общем, то, что вполне нуждалось в подчеркивании.

– Нравится?

Вместо ответа я снова несколько раз кивнула, от чего мама Рана вновь рассмеялась.

– Я рада, маленькая.

На этом мое преображение не закончилось – та же служанка собрала мои волосы в высокую прическу, выпустив несколько локонов. Вроде ничего сложного, а с открытой шеей платье смотрелось еще лучше.

Дома все мои платья были совсем детские – с закрытыми воротниками под горлышко, с длинными рукавами. Большая часть вообще перешла от сестер. Сестры выше меня и крупнее, поэтому платья болтались на мне, как на вешалке.

А сейчас я казалась себе такой взрослой. Взрослой и очень хорошенькой. Скорее бы Ран приехал, чтобы полюбоваться на меня.

Остаток дня Рина Маринер показывала замок. Признаться, к тому моменту меня так переполняли эмоции, что я никак не могла сосредоточиться: слушала вполуха, почти ничего не запоминала, а взгляд бездумно скользил по гобеленам и гербам, по коллекции оружия, которую долгие годы собирал Молинар Маринер, по столовому серебру – предмету гордости мамы Рана, по картинам и предметам интерьера.

– Жаль, что я не могу показать тебе наш подводный дом. Он, конечно, гораздо меньше по размеру, но тоже довольно мил… А хочешь прогуляться по саду?

Я отказываться не стала, хотя голова уже шла кругом.

Родовой замок Маринер окружал сад. Сейчас, в конце осени,

листва на деревьях почти облетела, трава стала бурой – вчера здесь тоже выпал снег, но за ночь растаял. Правда, некоторые стойкие цветы – ярко-желтые бархатцы и белоснежные астры – до сих пор яркими пятнами выделялись на фоне осеннего сада. Стены замка были оплетены ветками вьющегося растения, словно укутывали его в зеленое мягкое одеяло, правда, они тоже потемнели, и становилось понятно, что скоро стены будет опутывать лишь сеточка тонких серых ветвей. Но можно представить, как прекрасно здесь в разгар лета!

Сад заканчивался широкой террасой, а сразу за ней начинались мраморные ступени, ведущие в озеро. Дальше они продолжались под водой и, думаю, вели в подводный дом семьи Маринер. Жаль, что там мне никогда не побывать.

Дом Рана мне очень понравился. Он так сильно отличался от места, где я родилась и выросла. Большую часть года замок Флогис окружала выжженная степь с островками рыжей травы. Только весной, когда трава появлялась, она была зеленой, но это продолжалось недолго. Скоро солнце, а еще больше непрекращающиеся бои с бестиями вновь окрашивали ее в ржавый цвет.

Я оглядывалась в восхищении, и в голову невольно закралась мысль: а я бы, пожалуй, смогла здесь жить. Это я вспомнила рассказ девочки-воздушницы о родителях и о том, как ее мама тосковала по прежней жизни. Я бы не тосковала. Мне здесь нравилось даже поздней осенью.

И тут же стало стыдно – никто меня, вообще-то, жить сюда не приглашает. Я испугалась, что Рина узнает мои мысли, и поспешила отвернуться. Нет, она, конечно, ни о чем не догадалась и даже не заметила покрасневших щек.

– Я бы хотела немного отдохнуть, – прошептала я. Это было правдой – ноги едва меня держали, но еще больше хотелось спрятаться ото всех и посидеть в тишине.

Госпожа Маринер всплеснула руками:

– Конечно, маленькая. Я тебя совсем замучила своими разговорами. Сейчас мы пообедаем, и ты отдохнешь!

– Я не голодная…

Мне неудобно было отказывать хозяйке доме, но очень хотелось остаться одной. К счастью, мама Рана все поняла, мягко улыбнулась.

– Конечно. Я провожу тебя в твою комнату. Нужно отдохнуть перед праздником. Когда Ран приедет – пришлю служанку, чтобы она помогла тебе одеться к ужину.

Едва дверь в спальню закрылась за мной, я почувствовала облегчение: еще никогда я так долго не находилась в центре

внимания. Мне и льстило это, и пугало. Рина Маринер вела себя так, будто я обычная стихийница, а не пустышка, не нужная никому.

Я осторожно сняла платье, распустила волосы и прилегла – думала, что на минуточку, а на самом деле уснула. Очнулась оттого, что кто-то тронул меня за плечо. Оказалось, служанка.

– Госпожа Флогис, просыпайтесь. Молодой хозяин приехал. Госпожа Маринер послала за вами.

Ран. Ран уже здесь! Сердце забилось как сумасшедшее. Да что со мной такое! Я ведь видела его буквально несколько часов назад.

Платье. Прическа. Туфельки. Не мои серые сапожки на толстой подошве. Нет, это были милые маленькие туфельки из голубой замши. Мама Рана передала их вместе со служанкой.

Девушка в отражении мне определенно нравилась. А румянец и яркие губы – я искусала их от волнения и нетерпения, пока служанка заново переделывала мою прическу, – нисколько не портили образ.

– Он там, он внизу? – в сотый раз спросила я.

– Да, госпожа. Попросил передать, что дождется вас, чтобы поздороваться, а после пойдет переодеваться с дороги.

Лестница со второго этажа спускалась прямо в гостиную, где меня ожидали все члены семьи Маринер. Рина, заметив меня, улыбнулась. Ран стоял спиной. Я видела, что его костюм и даже волосы припорошены пылью. Уверена, ему не терпелось сменить одежду, но он решил сначала увидеть меня. Это было так приятно!

В руках Ран держал бокал с вином и вполголоса обсуждал что-то с отцом. Рина Маринер тронула его за рукав и кивком головы указала на меня. Мой друг обернулся.

Готова спорить на что угодно, но первые несколько секунд он меня просто-напросто не узнавал. У него был восхищенный взгляд и вопрос в глазах: что это за прелестная незнакомка? А потом брови его поползли вверх, а лицо сделалось такое растерянное, ошеломленное даже, что я невольно рассмеялась, а в крови словно забурлили веселые пузырьки. Сюрприз удался!

Мама Рана, заметив происходящее, тоже едва сдерживала смех. А вот его отец выглядел недовольным, и, заметив сжатые губы, я тоже потупилась.

– Отлично выглядишь, дружище! – воскликнул Ран.

Взбежал ко мне по ступеням и протянул руку, помогая спуститься. Подвел к родителям, вручил свой бокал и умчался переодеваться. Я пригубила вино – терпкое и сладкое. Думаю, дома мне бы не налили вина даже в честь праздника, хотя я уже

взрослая, к слову сказать. Впрочем, у отца Рана тоже закрались сомнения на этот счет.

– Кора, напомни-ка, сколько тебе лет?

– Семнадцать.

В семнадцать моя мама была уже замужем. В семнадцать все стихийники становятся совершеннолетними. Так что я буду пить вино, и никто мне ничего не скажет. Я довольно дерзко посмотрела на Молинара Маринера и сделала еще глоток. Бокал скоро опустел, а голова закружилась. Ну и пусть! Праздник все-таки.

Ран не заставил себя долго ждать. И на этот раз уже я едва сдержала восхищенный вздох. Он был одет в черный костюм с серебряной оторочкой, который отлично подчеркивал стройную фигуру. Волосы казались еще светлее, а глаза еще темнее. Мы будто соревновались, кто кого сильнее потрясет. Но я пока вроде бы вела.

А потом был праздник. Самый прекрасный праздник Примирения в моей жизни. На террасе у воды накрыли столы. По краям площадки разожгли костры и окружили их магическим экраном, который пропускал тепло, но не гарь.

Слуги с семьями, некоторые их родственники из окрестных сел тоже были приглашены на праздник. И в нашей семье существовала такая традиция, но в семье Рана все проходило гораздо веселее. Мы бы чинно сидели за столом, разговаривая о ничего не значащих вещах. Здесь же, наскоро перекусив, люди сдвинули столы и устроили зажигательные танцы под аккомпанемент местных инструментов, напоминающих свирели. Мама Рана в своем ярком синем платье кружилась и смеялась посреди пестрой толпы девушек и женщин. Ран, его отец и другие мужчины стояли полукругом и, наблюдая за танцем, хлопали и подбадривали криками. Я танцевать не решилась, и никто не стал меня заставлять.

Это был женский танец, но в следующем танце и мужчины, и женщины уже отплясывали вместе. Они то расходились, то сходились и переплетали руки в каком-то замысловатом танцевальном узоре. Мое сердце замирало от восторга. Какие они необыкновенные! Такие живые, такие настоящие все.

Ран подошел ко мне. Стоял и отбивал такт ногой. Ему хотелось туда, в круг, но он не оставил меня одну. Это было приятно.

– Отличный праздник, – сказала я. – Спасибо, что позвал.

– Не стоит благодарности, – ответил он, как всегда говорил на все мои «спасибо». – Ты не хочешь потанцевать?

Я хотела. Очень хотела. Но не решалась выйти одна среди

всех этих милых, но совершенно незнакомых людей. Ран, кажется, догадался обо всем. Димер непременно начал бы подтрунивать над моей скованностью, но Ран сказал:

– А со мной потанцуешь, маленький дружище?

Потанцую ли я с тобой, Ран? Возьму тебя за руку, а ты обнимешь меня за талию, и наши тела будут так близко… Ты еще спрашиваешь? Конечно, я потанцую! Пусть мне все равно страшно до дрожи.

Как будто в ответ на мои мысли заиграла медленная музыка. Ран протянул мне руку, и я вложила в его ладонь свои пальцы. Хорошо, что нас с детства учат танцевать, и все движения отработаны до автоматизма, иначе я бы непременно упала от волнения – я не чувствовала своих ног.

Ран отлично вел. Угадывал все мои движения. Так бережно держал меня за талию, так осторожно сжимал ладонь. Жаль только, не было видно его глаз. Я поднимала голову, а видела застегнутую маленькую серебряную пуговицу под подбородком, четко очерченные скулы… О чем ты думаешь сейчас, Ран?

Когда танец закончился, он, прежде чем склониться в традиционном поклоне, поцеловал меня в лоб. Друзей ведь так не целуют, правда?

Завершающим аккордом вечера стал водный фейерверк. Семья Маринер действовала слаженно, думаю, они не один раз уже устраивали что-то подобное. Музыканты продолжали играть, а струи воды под музыку вздымались в небо. То прямые, как стрелы, то закручивались водяными вихрями, то рассыпались яркими брызгами. Сердце замирало от восторга.

Я бы хотела, чтобы этот вечер никогда не заканчивался. В ту ночь, лежа в кровати, я впервые не могла заснуть от счастья. Вернее, не то чтобы не могла – я не хотела спать. Я боялась закрыть глаза. Я длила и длила эти минуты. Ведь утром наступит новый день, а этот чудесный вечер навсегда отступит в тень прошлого. Никогда больше не вернется…

Если бы я только знала, что готовит мне грядущий день… Если бы я только могла предположить, что завтра в это же время меня будут душить слезы…

Глава 15
Лабиринт

Утро встретило меня солнечными лучами, пробивающимися сквозь витражные окна. Тени ветвей качались в саду. Казалось, что там, за пределами стен, до сих пор стоит знойное лето.

Интересно, сколько сейчас времени? По ощущению уже ближе к полудню. Я сладко потянулась, улыбаясь. В памяти вспыхнули мгновения вчерашнего дня. Как он держал меня за руку… Как поцеловал…

Мне захотелось немедленно, в эту же секунду его увидеть. Почему, ну почему меня не разбудили! Утро теперь потеряно зря! Я натянула на себя форменное платье, сапожки и выбежала из комнаты. А если он ушел куда-нибудь с отцом? А если я его сегодня не увижу?

Запыхавшись, я ворвалась в столовую и натолкнулась на удивленные, хотя и приветливые взгляды семьи Маринер, в полном составе завтракающей за столом. Наверное, я забавно выглядела сейчас – бегу, будто за мной кто-то гонится. Ран поднялся на ноги, отодвинул стул, приглашая сесть.

– Что-то случилось, Кора? Куда ты так бежишь?

– Никуда…

Как неловко получилось. Я уставилась в тарелку с омлетом, которую слуга тут же поставил передо мной.

– Мы не стали тебя будить. Для тебя бы накрыли стол в любое время, – ласково сказала Рина и коснулась моей руки. Похоже, она решила, что я боялась опоздать на завтрак. Какой позор!

– Спасибо, – прошептала я, потому что не представляла, что можно ответить.

И все же утро было отличным. Ран расположился напротив и подливал в мой стакан сок. Солнце заполняло комнату, достигая самых потаенных ее уголков, пылинки мерцали в его лучах, как искры. Золотились волосы Рана…

– Чем планируете сегодня заняться, молодежь? – спросил Молинар Маринер, отодвигая от себя тарелку и кидая поверх нее скомканную салфетку. Завтрак он закончил, но уходить не спешил. И в его приветливом вопросе мне слышались отзвуки скрытого недовольства.

– Я хочу показать Коре лабиринт, – спокойно ответил Ран, который если и расслышал грозные нотки в голосе отца, виду не подал.

– Лабиринт? – переспросила я. Вот так новость! Что за лабиринт?

– Подземный лабиринт под развалинами старого родового замка Маринер, – объяснил Ран. – Пару столетий назад подземные воды изменили свое течение, озеро высохло и пришлось перебираться на новое место. А старый замок постепенно разрушался, теперь на его месте почти ничего не осталось кроме груды камней и остовов башен. И еще лабиринт. Сеть подземных ходов, таких запутанных, что их теперь все называют просто лабиринт. Не представляю, зачем моим предкам понадобилось создавать это странное место…

– Есть мнение, что таким образом можно было оторваться от врагов, захвативших замок. Выбраться наружу могли только те, кто знал секрет лабиринта, а враги оставались навечно заперты там, – подхватил Молинар, который, чувствуется, в юном возрасте исходил и излазил все подземные тоннели.

– Как интересно, – прошептала я.

Аппетит пропал. Холодная рука страха цапнула за горло. Ну кого Ран надеялся обмануть этим жизнерадостным тоном? Ясно же, ясно как день, что он приготовил мне очередное испытание. Подземный лабиринт может пробудить во мне силу земной стихии. Как я и предполагала, поездка в замок была лишь предлогом для нового эксперимента.

Но мне ли жаловаться? Я сама этого хотела, практически заставила Рана, а теперь иду на попятную? Нет, смелее, Кора!

Я заставила себя улыбнуться и подняла глаза на Раннитара, едва заметно кивнула.

– Отличная мысль, – сказала я с энтузиазмом.

Но Рина нашего восторга не разделяла.

– А я вот что-то волнуюсь. Там такие катакомбы, все держится на честном слове… Кора такая хрупкая. Упадет, ударится…

– Ой, да брось, мам. Я с Димером сто раз там был, знаю все ходы и выходы. Ничего не случится!

– Да, Ри, – поддержал нас старший Маринер. – Не становись ворчуньей, не порть ребятам день.

Стыдно признаться, но, если бы Рина все же наложила запрет на нашу затею, меня бы это больше порадовало, чем ее молчаливое согласие. Хотелось малодушно сказать что-то вроде: «Ну, нет так нет!» И продолжать просто радоваться этому чудесному ясному дню.

Я, конечно, ничего не сказала. Ран придумал все это, чтобы мне помочь, и я не стану отступать. Да и что такого страшного может случиться в лабиринте? Ну, оставит он меня там одну, надеясь, что я испугаюсь, получу магию и с помощью нее

выберусь наружу. Я, конечно, заблужусь. Проплутаю в подземных ходах всю ночь, устану и продрогну. Он поймет, что попытка была неудачной, вернется и заберет меня.

Вот как я хорошо все распланировала и мысленно скрепила сердце перед предстоящими трудностями. Перед выходом надела под сапожки теплые шерстяные носки, а поверх платья свою пелеринку на меху. Сейчас на солнце будет даже жарко, но под землей я буду рада тому, что захватила ее. Тем более что придется блуждать всю ночь. Крепись, Кора, крепись.

Ран ждал меня у крыльца. Он не стал утепляться, надев поверх только тонкую академическую куртку, и потому посмотрел на меня, закутанную и застегнутую на все пуговицы, немного удивленно.

– Смотрю, ты подготовилась, – усмехнулся он. – Раскусила меня, да?

– Ага, – созналась я. – Это плохо, что я все поняла?

– Ну, ничего хорошего, конечно, но попробовать стоит. Согласна?

Конечно, я была согласна. Теперь, когда я знала, что меня ждет, стало веселее, и жизнь снова заиграла красками и наполнилась звуками. Мы шли к развалинам по тропинке, ведущей между лугов, которые, несмотря на последние ясные дни, еще были полны жизни. Там в пожелтевших травах стрекотали какие-то жучки, каким-то чудом выжившие после снегопада. По правую руку темнел лес, и тропинка то приближалась к его кромке, то вновь отдалялась от него.

Я не знала, о чем говорить. Вертела в голове разные вопросы, и все казались мне невероятно глупыми. А Ран, кажется, совсем не тяготился молчанием. Сорвал длинную травинку и грыз ее, задумчиво поглядывая по сторонам.

– Хорошо дома все-таки, – сказал он, и я поняла, о чем он думал все это время. – Когда я был маленький, то бегал сюда сражаться с бестиями.

Я вскинула удивленный взгляд, а Ран вместо ответа поднял с земли палку и изобразил ей выпад меча. Раз-два, и соцветие болиголова упало к его ногам, как голова чудовища.

– На самом деле все оказалось не так весело, как я себе представлял в семь лет, – улыбнулся он, но улыбка вышла довольно мрачной.

Наверное, в эту секунду Ран вспомнил все те настоящие битвы, участие в которых он принимал вместе с родителями. И всех тех бестий, которые вовсе не походили на цветы.

Мы помолчали, продолжая путь. Наконец я набралась храбрости и произнесла то, что действительно хотела сказать:

– Твоя мама так добра ко мне. Она чудесная.

– Да. Чудесная. Мама всегда хотела иметь дочь, но…

Ран не договорил.

– А почему… – начала я и тоже замолчала. Нельзя такое спрашивать. Уж кто-кто, а пустышки знают толк в бестактных вопросах.

Развалины замка внезапно вынырнули в перелеске между двух лесных островов. Озеро, когда-то бывшее здесь, ушло без следа. Стены, осевшие в землю, были увиты плющом, и только серые башенки еще пытались как-то пробиться наружу из ласковых объятий, которые, однако, сулили только забвение.

– Мы пришли, – сказал Ран.

– Пришли, – эхом вслед за ним повторила я.

Полуразрушенный вход в лабиринт был прикрыт замшелым валуном. Казалось, нам его ни за что не сдвинуть с места – таким он выглядел тяжелым, но Ран навалился плечом, и камень довольно легко поддался его усилиям.

Ран шагнул вперед, на выщербленные ступеньки и протянул мне руку:

– Заходи.

В лицо дохнуло холодом и сыростью. Запах был как от застоявшейся болотной воды – не слишком-то приятный. Я стиснула зубы и вошла.

– Будем блуждать в темноте? – бодрясь, спросила я. – Я тут не помощник, сам знаешь.

– Ну зачем же в темноте. Пока, – мне даже показалось, Ран специально подчеркнул это слово, – пока при свете.

Он вытащил из кармана – ох уж эти волшебные карманы – амулет из желтого металла. Я узнала его – такие же точно заряжает мой папа. Огненные светильники. Стоит открыть, и возникнет шар-огневик, который держится иногда несколько часов. Дорогая игрушка, зато светильник куда надежнее, чем свечи. Ветер его не задует, и даже слабый дождь ему не помеха.

Амулет щелкнул, раскрываясь, и над нашими головами повис огневик, освещая дорогу. При свете подземелье стало выглядеть еще более мрачным и зловещим. Стены покрыты мхом и слизью, с потолка свисают паутина и какие-то серые сосульки, с которых капает вода. Весь пол в тине и иле, наверное, весной подземелье заполняется водой. Брр.

– Вперед, мой юный друг, – сказал Ран и зашагал по тоннелю. Я за ним. С потолка что-то лилось прямо мне на голову и за шиворот. Меня передергивало от омерзения. Как же гадко будет здесь одной в темноте.

– А когда ты меня оставишь? А как мне тебя позвать на

помощь, если что? А долго мне надо будет здесь ходить? А крысы здесь водятся?

– Кора, сколько вопросов, – прервал меня Ран. – Не волнуйся так. Давай я тебе сначала кое-что покажу.

Мы шли по коридорам, которые ветвились и переплетались очень странно. Один тоннель мог разделиться на три, а потом они же соединялись вновь в один, некоторые ходы заканчивались тупиками, другие вели вниз, в непроглядную темноту, куда не доставал свет огневика.

Легко сказать, не волнуйся. Мое сердце билось как у загнанного зверька. Я с трудом заставляла себя идти вперед. Очень хотелось схватить Рана за руку и попросить его вернуться. Все равно ведь ничего не выйдет, я уже сейчас это чувствую. Но я молчала, а он вел меня вперед, все дальше и дальше по запутанной сетке тоннелей.

Мы вышли к круглому залу, чьи стены сложены из белого кирпича, а пол вымощен узорчатой плиткой, которая со временем потрескалась и затерлась. И все же когда-то здесь было, наверное, даже красиво. Думаю, мы пришли в центр лабиринта.

Ран подвел меня к одной из стен, и я увидела, что она испещрена надписями. Некоторые из них были почти неразличимы, стерлись с годами. Хорошо сохранились только те надписи, которые были процарапаны в камне.

– Смотри, – сказал Ран.

Я наклонилась ближе и увидела буквы, которые скакали и валились друг на друга. Неровные и смешные буквы, вырезанные детской рукой. «Димер и Ран, покорители подземелий», – прочитала я. О, Димер. Ясно. Наверное, я должна прийти в бурный восторг по поводу этого?

– Круто, – кисло сказала я. – Кстати, вы с Димером поссорились, что ли? Почти не общаетесь в последнее время.

– Мы не ссорились. Просто интересы как-то разошлись…

Бывает, ага. У меня с ним давно интересы разошлись. С рождения, видно. Я удивлена, что Ран еще так долго мог выносить моего несносного братца.

– Это все, что ты мне хотел показать?

Ран подумал секунду, потом указал на другую надпись.

– Увидел случайно в прошлом году. Вроде ерунда, но…

Я посмотрела на стену и поняла, что значило это «но». «Ри и Мол» было написано там. Два имени заключены в сердечко. И понятно было, что это писали родители Рана, когда сами еще, наверное, учились в Академии.

Два имени, дорогих его сердцу. Я оценила доверие. Конечно, для него это вовсе не «ерунда».

– Здорово, – прошептала я. – Твоя мама, оказывается, тоже сюда спускалась!

– Да… Иногда мне кажется, что мама куда более решительная, чем хочет показаться. Впрочем, неудивительно. Бестий она крошит просто в труху.

Я рассмеялась, представив хрупкую Рину, которая крошит бестий в труху. Но если Ран так говорит, значит, так оно и есть.

Ран тоже улыбнулся, но потом лицо стало серьезным.

– Готова? – спросил он.

Разве к этому можно подготовиться? Да он и не стал ждать ответа. Огненный амулет щелкнул, свет погас. Я осталась одна в темноте подземелья.

– Ран… – жалобно прошептала я, уверенная, что он не отзовется. Знала ведь, что так будет, а все равно стало жутко. Он мне так и не рассказал про крыс. И как на помощь позвать. И…

– Что? – спросил Ран у меня над ухом.

Я видно очень громко вздохнула от облегчения, потому что он хмыкнул и сказал своим серьезным голосом наставника:

– Давай, Кора, сосредоточься и постарайся вывести нас отсюда. Не торопись. Закрой глаза. Прислушайся. Может быть, ты почувствуешь что-нибудь?

Я послушно закрыла глаза и прислушалась. Я слышала, как капает с потолка. Слышала какой-то неясный гул в стенах, будто там, внутри, течет вода. Дыхание Рана и даже стук собственного сердца. Но, боюсь, это все никак не могло мне помочь в выборе правильного пути.

Что чувствуют сами земляные? Может быть, маг стихии земли буквально увидел бы путеводную нить, светящуюся во тьме? Или скорее просто прошел бы напролом, раздвигая стены. Я не знаю. Я никогда про это не слышала и не читала. Среди моих знакомых не было магов земли.

– Ну, пойдем, – прошептала я нерешительно.

Я не знаю, сколько времени мы бродили по этому проклятому лабиринту. Мне показалось, что вечность. Во всяком случае, есть хотелось ужасно и пить тоже. Я чувствовала себя слепым кротом. Но кроты хотя бы знают, куда надо двигаться, а я этого не знала, то и дело натыкаясь на стены и тупики.

– Ран, – взмолилась я. – Ничего не выйдет! Давай возвращаться.

Ран все это время молча и неотступно следовал за мной. Это он меня называл упрямой? Да он сам сделан из какого-то несгибаемого железа. Упрямый и упорный. Все, что я услышала от него за это время, было:

– Кора, сосредоточься.

Правда, сейчас он сказал другое:

– Кора, ты маленький нытик.

А потом уже свое любимое:

– Сосредоточься.

– Неправда, – воспротивилась я. – Я большой нытик. Ну, серьезно. Кроме шуток, ничего не получится. Потому что мне холодно, голодно, но совсем не страшно.

– Почему?

– Потому что ты со мной…

Сказала и только потом поняла, что это правда. Ран со мной, поэтому мне не страшно.

– Эх, Корюшка… Ладно. Пошли.

Щелкнул амулет, подземелье осветилось. Я зажмурилась – глаза отвыкли от света. Теперь Ран пошел вперед, показывая дорогу. Уверена, он вывел бы нас из подземелья даже в темноте.

Я малодушно радовалась. Испытание окончилось, пусть даже моим полным поражением, но почему-то сейчас это почти не волновало.

А дальше все случилось так быстро… Это потом уже, вспоминая, я могла отчетливо представить каждый миг.

Неясный гул нарастал в стенах по мере нашего движения вперед. Вероятно, не все подземные воды ушли, а только лишь проложили себе новый путь где-то в толще земли, рядом с лабиринтом. Они, очевидно, потихоньку размывали стены, делая их хрупкими и только на вид крепкими. Может быть, одного только нашего присутствия и эха наших шагов хватило для того, чтобы каменная порода, в которой были проложены ходы, пришла в движение.

Я ничего не успела понять. Раздался треск, невероятный шум, будто вода прорывается из тесного каменного заточения. Казалось, она хлынет сейчас, но вместо воды на наши головы обрушился каскад камней.

Увесистый булыжник ощутимо ударил меня по плечу. А потом Ран отшвырнул меня прочь так сильно, что я впечаталась в стену и упала на колени. Глаза застилала пыль, она же набилась в нос и рот, так что я ничего не слышала и ничего не могла разглядеть.

А когда прокашлялась и протерла слезящиеся глаза, когда обернулась, ища глазами Рана, то закричала от отчаяния.

Ран был погребен под толщей обрушившейся породы.

Только его рука высовывалась из-под груды камней и безжизненно белела на покрытом грязью полу.

Мир померк. Нет, шар-огневик исправно работал, безразлично, будто не случилось ничего страшного, освещал

лабиринт. Я чувствовала, как мою душу заполняет тьма.

Это длилось секунду, наверное. А потом я подумала: может быть, он еще жив. Я вытащу его. Я буду таскать эти камни, пока не уберу все.

Тяжелые, неповоротливые, с острыми гранями. Я изранила ладони почти сразу. Камни как живые стремились вырваться из рук, я удерживала некоторые просто каким-то нереальным усилием воли. Ногти обломались, и скоро все кончики пальцев сочились кровью.

Я старалась не выть, чтобы не терять напрасно сил. Я только беспрерывно шептала: «Ран, я вытащу тебя. Я вытащу. Потерпи».

Я не знаю, сколько времени я пыталась освободить его из-под завала. Но понимала, хоть и не хотела себе в этом признаваться, пока еще не хотела, что слишком долго. Что никто не сможет продержаться так долго. Что он безвозвратно и окончательно мертв.

Это не могло быть правдой. Как это возможно? Вот он идет рядом. А вот – секунда – и ничего, кроме этой безжизненной руки. Я не могла ее коснуться, как ни заставляла себя.

Что я скажу его родителям? Как посмотрю им в глаза? Единственный сын…

Все это металось и металось в моей голове, пока я продолжала поднимать камни и откидывать их в сторону, тихонько скуля от боли в израненных руках и от отчаяния.

Надо перестать. Остановись, Кора.

Я не могла.

Если бы была хоть единственная возможность того, что у меня мог проснуться магический дар, то это случилось бы сейчас. Потому что ничего более жуткого мне переживать не приходилось.

Остановись, Кора. Ты ему уже не поможешь.

Я впилась кровоточащими пальцами в камень, который сейчас сжимала, будто хотела раскрошить его в порошок. И закричала.

Я так кричала, что у меня внутри словно разломилось что-то. Мне даже показалось на миг, что это какая-то моя кость. Или сердце разорвалось. Пусть бы разорвалось…

Я упала на грязный пол. Сил не осталось даже на то, чтобы закрыть глаза.

А потом у меня начались галлюцинации. Я слышала, такое с людьми случается от сильных потрясений.

Куча камней зашевелилась, будто они только выглядели тяжелыми, а на самом деле были игрушками из папье-маше. Но я-то знала, что каждый из них был настоящим. Мои израненные

пальцы не давали мне об этом забыть.

А в моей галлюцинации камни легко осыпались, выпуская Рана. Целого и невредимого. Ни одной царапины. Какой спасительный бред. Если я сошла с ума от горя, то я не желаю больше приходить в себя.

Раннитар-призрак смотрел на меня совершенно безысходным взглядом. И мне на секунду почудилось, что это я умерла. Потому что так – безнадежно и грустно – смотрят на тех, кто или уже умер, или вот-вот умрет.

– Корюшка, – прошептал Ран-призрак, опускаясь рядом со мной на колени. – Моя маленькая… Что я натворил…

Он легко поднял меня на руки и понес по лабиринту. А я безвольно лежала, радуясь этому бреду. Главное, не спугнуть. Иначе наваждение рассеется, и окажется, что я лежу у груды камней, которые превратились в могилу моего друга.

Он вынес меня из подземелья. На поверхности день уже клонился к вечеру. Холодный ветер коснулся моих расцарапанных рук, принося облегчение. Наверное, я все-таки тоже умерла.

– Кора, посмотри на меня. Посмотри на меня, мой маленький смелый дружище…

Ран опустился за землю, все еще держа меня на руках. Попытался заглянуть в глаза.

– Кора, не пугай меня! Очнись, девочка! Очнись!

Он легонько встряхнул меня за плечи. В его голосе появились нотки отчаяния.

– Я жив. Ты ведь видишь? Со мной все хорошо! Это все талисман…

Ран вытянул из-под куртки уже знакомый мне талисман – лабиринт, перечеркнутый крест-накрест.

– Талисман, зачарованный магией земли. Дает немного власти над земной стихией. Защищает… Прости, я думал, это тебе поможет. Прости, Корюшка.

Он обнял меня, качая на руках, как маленькую. Руки у него были теплыми, и дыхание щекотало шею.

И тогда я зарыдала. Не знаю, от облегчения или от жгучей обиды. Я думала, я его раскусила. Думала, что испытание уже позади. Не могла даже предположить, что настоящее испытание будет таким жутким!

– Никогда… – шептала я, захлебываясь слезами. – Никогда… Больше… Так… Не делай…

Ран, услышав мой голос, просветлел.

– Никогда больше, – сказал он. – Обещаю.

Он взял меня за руку и теперь только заметил израненные

пальцы. Его лицо скривилось от боли и раскаяния. Осторожно-осторожно поцеловал тыльную сторону ладони.

– Ты моя хорошая, – сказал он.

Я все-таки брежу, да? Но я даже плакать забыла, когда ощутила прикосновение его губ.

Он нес меня домой на руках, а я время от времени проваливалась в забытье. Не помню, как мы пришли. Не знаю, что он сказал своим родителям. Смутно слышала, как мама на него кричала.

Потом мне натерли руки какой-то мазью, от которой боль тут же стихла, и перебинтовали. Ран отнес меня в спальню и осторожно уложил на кровать.

– Мама, я хочу все объяснить… – начал он.

– Пошел вон, – сказала Рина, и в ее голосе сквозили стальные ноты. – Этот талисман тебе не для того дали…

– А для чего, позволь спросить?..

– Вон, – тихо, но жестко повторила Рина, и Ран не посмел ослушаться.

Служанки раздели меня. Рина Маринер укрыла одеялом.

– Эти мальчишки такие глупые, – сказала она. – Ран не исключение. Он мне сказал про курсовую. Кора, не стоит так себя мучить. С некоторыми вещами просто надо смириться…

Я молчала. Рина вздохнула, выключила свет и ушла, оставив меня одну.

Я так надеялась, что упаду в спасительные объятия сна, но уснуть не могла. Снова и снова я переживала произошедшее.

Какая же я никчемная. Ни на что не способная. Я никого и никогда не смогу спасти. Даже того, кто так сильно мне дорог. Снова не смогу…

По моим щекам катились горькие слезы…

Глава 16
Шкатулка

Утром я специально как можно дольше не выходила из комнаты, надеясь, что смогу позавтракать в одиночестве. Платье к моменту моего пробуждения уже почистили и погладили, а вот чтобы застегнуть пуговицы, пришлось позвать служанку – забинтованными руками сложно было даже пояс завязать.

Прокралась в столовую, мечтая, чтобы меня никто не увидел: лицо распухло от слез. В столовой было тихо и пусто. Стол накрыт приборами на одного, и, когда я села, слуга поставил передо мной тарелку дымящейся гречневой каши, а рядом кувшин с молоком. На душе стало немного теплее – несомненно, все это специально для меня приготовили. Это огневики любят гречку, нас и в Академии часто ею кормили на завтрак и в качестве гарнира. Водники предпочитают съедать утром что-то легкое, вроде овощных салатов.

Вот только как мне удержать ложку своими забинтованными культяпками? Едва я как-то приспособилась ухватить ее за черенок, в столовую стремительно вошел Ран и ложку у меня отобрал.

– Эй!

Ран ничего не ответил на мой возмущенный крик, но как ни в чем не бывало указал на кувшин:

– С молоком?

Я оторопело кивнула.

Ран добавил к гречке молока, перемешал, зачерпнул ложку и поднес ее к моему рту. Я отодвинулась:

– Ты серьезно? Будешь кормить меня, как маленькую?

– Да, серьезно, – сообщил тоном, не терпящим возражений. Тут его взгляд упал на мои искалеченные пальцы, и по лицу прошла судорога: – Кора, я виновник этого безобразия. Разреши хотя бы что-то сделать…

Я видела, что ему действительно плохо. Может, даже хуже, чем мне. Ладно, пусть. Глупейшая, конечно, ситуация, и неловкая, но поесть действительно нужно.

– Кора… Я даже предположить не мог, что это будет так… – продолжал он, пока я пыталась справиться с ложкой каши, которую Ран зачерпнул прямо от души. – Когда я планировал, мне не казалось это чем-то настолько страшным. Я был уверен, что позже, когда все прояснится, мы вместе посмеемся…

– Ха-ха, – мрачно сказала я, расправившись с первой порцией.

– Прости.

Бедный Ран. На нем лица не было. К тому же я, несмотря на обиду, прекрасно понимала, что сама вынудила его на это. Он просто пытался помочь.

– Ладно, прощаю. Только давай сделаем передышку, хотя бы на недельку. Спасибо, что помогаешь…

Ран тепло улыбнулся мне, и какое-то время мы молчали. Я была рада, что рот занят кашей и можно не разговаривать, потому что мысли разбегались. Сейчас, когда мы поговорили и обида растворилась без следа, я могла думать только о том, как он вчера коснулся губами моей руки. Это ведь ничего не значит, да? Мы все еще просто друзья? Остается только гадать, потому спросить напрямую я, конечно, никогда не решусь.

За ночь погода испортилась. Небо затянули низкие темно-серые тучи, обещающие скорый снег. В окнах было видно, как трепещут под порывами ветра ветки деревьев. Но все же мы решили пойти прогуляться.

В саду стояла беседка, вся усыпанная сейчас желтыми листьями. Стояла немного на возвышении, из нее открывался отличный вид на озеро, сейчас хмурое, подернутое рябью. Ран провел рукой по скамейке, стряхивая листья. Влага, повинуясь его силе, мгновенно высохла. Он усадил меня и сел рядом, облокотившись на перила. Ветер трепал волосы, дул прямо в лицо. Раннитар натянул мне на голову капюшон, подтянул тесемки, чтобы он не свалился.

– Я не просила, – пробурчала я, вновь ощущая себя малявкой.

– Уши продует. Разболеешься – не сможешь тренироваться.

Ну, разве что… Вполне в духе Рана – тренировки превыше всего. Да мне и самой не хотелось бы пропускать.

– Красиво здесь, – прошептала я, любуясь осенним, но все еще пышным садом. – Правда. У тебя отличный дом.

Ран кивнул. А потом привлек меня к себе, обнял.

– Тепло? – спросил он.

Я оторопела. Жаль, я не могла видеть его глаз, может, они подсказали бы мне, что происходит? Тон, которым он задал вопрос, был совершенно нейтральный. Но объятия в беседке немного выходят за рамки дружбы, нет?

Я зажмурилась. Так тяжело было произнести это вслух.

– Ран, что происходит? – прошептала я. – Мы с тобой по-прежнему просто друзья?

Ран разжал руки, обнимающие меня.

– Да, конечно, – растерянно сказал он. – Извини, я, наверное, границы перешел… Кора, как тебе объяснить…

– Уж как-нибудь постарайся…

– Я к тебе отношусь, похоже, с большей нежностью, чем к другу.

Сердце помчалось галопом! Я прикусила губу. Ну, говори же, не молчи!

– Понятно, что друга я бы не стал обнимать в беседке. От Димера за такие дела точно бы в глаз получил.

Ран усмехнулся, а я не могла разделить его веселье – сидела ни жива ни мертва.

– Я отношусь к тебе, наверное, как к младшей сестренке, которой у меня никогда не было. Хочется защищать тебя. Никому не давать в обиду. Извини, что навязываюсь со своей заботой, у тебя и так недостатка в братьях нет…

– Ничего, все нормально, – проговорила я.

Все нормально, да. Ничего, что дыхание перехватывает от жгучего разочарования. Сестренка, значит… В принципе, это все объясняло. И этот целомудренный поцелуй в лоб, и то, что он меня с ложечки кормил. И этот капюшон дурацкий…

Я справилась с собой. Он, к счастью, ничего не понял. Всю обратную дорогу до дома мы весело болтали и смеялись. Да и разве смела я надеяться на что-то большее? И разве плохо, что кто-то будет меня оберегать? Что бы там Ран ни думал о моих братьях, но на самом деле не слишком-то много заботы я от них видела.

Вот только очень хотелось, чтобы глупая надежда на то, что Ран когда-нибудь увидит во мне просто девушку и полюбит меня, больше никогда меня не тревожила.

Ах да… Иногда забываю… Я не девушка, я – пустышка. На меня никто никогда не посмотрит.

* * *

Оставшиеся дни маленьких каникул мы провели просто отлично. Если забыть о том, что всякий раз, когда Ран брал меня за руку посмотреть, как заживают порезы, я горячо напоминала себе, что это просто еще один мой брат.

Зато в замке семьи Маринер я действительно чувствовала себя как дома. Через два дня уже изучила все тайные местечки. Мы вдоль и поперек излазили весь сад. И все эти уголки были полны множества историй. Ран рассказывал мне все, что мог вспомнить, а рассказывал он так забавно, что мы то и дело валились друг на друга от хохота. И вообще мы, два взрослых человека, кажется, впали в детство. Воровали ночью на кухне печенье и ели его на крыше, вернее – на чердаке, потому что на

крыше оба замерзли до колик и спрятались от пронизывающего ветра. Ран рисовал целые истории на узком чердачном окне каплями влаги, так что казалось, будто картинки оживают.

Один раз выбрались в ближайшую деревеньку, где «молодого хозяина» тут же опознали, хоть он и пытался притвориться обычным парнем, вырядившись в старый тулуп, выпрошенный у одного из слуг. Опознали, затащили в дом старосты, а оттуда мы еле ноги унесли – закормленные как на убой. Эти коварные люди нам еще с собой в дорогу пирожков напихали.

И тренировались, конечно. Куда без этого. Ран, видно, считал день без тренировки – днем, прожитым зря. Раздобыл в отцовской коллекции два затупленных старых меча, пылившихся в сундуке, – мечи ценности не представляли, кто-то по случаю подарил их Молинару, зная, что тот интересуется оружием. Кстати, с настоящим мечом в руках я чувствовала себя увереннее, может, потому что осознавала ответственность. Таким оружием уже нельзя играючи ткнуть в бок – тут надо быть крайне осторожной. Да и самой держать ухо востро и вовремя уворачиваться. Хотя, не сомневаюсь, Ран сумел бы в нужный момент удержать свою руку. Но таких моментов не было – я отбивала все удары. И, судя по лицу Рана, наставник очень гордился своей ученицей.

Назад, в Академию, отправиться должны были так же по отдельности. Рина Маринер, прощаясь, поцеловала меня в щеку.

– Я всегда буду рада видеть тебя в нашем доме, – сказала она, и я не сомневалась в том, что это правда.

Когда в центре гостиной появился огненный портал, я была уже полностью готова. Вот только отца ждала с некоторым содроганием. Теперь-то уж Фрост ему точно все успел рассказать. Какая кара за непослушание меня ожидает? Я только надеялась, что отец не станет выговаривать мне на глазах семьи Маринер.

Он действительно вышел из пламени мрачный, кинул на меня строгий взгляд. Сердце упало – если отец запретит, то это все, тут уже ничего не поможет. Его я ослушаться не смогу…

Наскоро поблагодарив семью Маринер за гостеприимство, он ухватил меня за локоть и утянул в портал. Я только успела услышать, как Ран крикнул вслед:

– Скоро увидимся, Кора!

И вот мы уже стоим у ступеней лестницы, у корпуса огневиков. Я, низко опустив голову, накручивала на палец кончик косы: в такие минуты, как эта, разом выползают на свет глупые детские привычки. Я заставила себя сжать кулаки и подняла лицо.

– Папа…

– Подожди, Кора. Сначала я скажу. Я знаю все про эту дикую

курсовую. Фрост был против, ты не послушалась!

– Папа!..

– Тихо, дочь! Я был сильно зол на тебя, но решил сначала поговорить с Терраном… Хм, с вашим директором.

Лицо у отца сделалось странное. Будто он вспоминал разговор и вновь переживал какие-то очень неприятные минуты. О чем они говорили? Что они решили? Я едва могла дышать от волнения.

– В общем, так. Если хочешь продолжать – я не буду против.

О, светлые боги, как директору удалось его уговорить?

– Я хочу! Спасибо, папа! – скороговоркой выпалила я и, быстро поцеловав его в щеку, побежала к себе, прыгая через три ступеньки. Только бы не передумал, только бы не окрикнул! Нет, он просто стоял и смотрел вслед.

Взбежала наверх и едва могла отдышаться. Странное сосредоточенное лицо отца так и стояло перед глазами. Почти как у Рана в тот вечер, когда он ходил к директору один. Что же он говорил им?

Впрочем, не важно. Главное, теперь у меня есть разрешение, и Фрост мне не указ.

Я зашла в комнатку, кинула на кровать саквояж. Комната, к которой за пару месяцев учебы я уже успела привыкнуть, после спальни в замке Маринер вновь казалась тесной и унылой. Я скользнула взглядом по стенам, по мебели. Вроде все на своих местах и в то же время кажется каким-то другим. Взгляд упорно за что-то цеплялся, но я никак не могла понять, что меня тревожит.

Постель накрыта покрывалом. Ну вот, носок я забыла убрать в шкаф, и он сиротливо выглядывает из-под кровати. Дверца гардероба опять перекосилась. Занавеска пузырится на окне, сквозь щели которого тянет сквозняком. Надо будет их как-то заклеить. Или выпросить амулет у воздушников.

Что же не так?

Шкатулка. Я столько раз скользнула по ней взглядом, а поняла не сразу. Она все так же стояла в центре стола, придавливая кипу листов с докладом. Я сама ее туда водрузила, чтобы сквозняк не раскидал листы по комнате. Только вот… Она была открыта.

Я подкралась к ней на цыпочках, будто боялась, что она только дразнится, а стоит мне подойти ближе, тут же закроется, как устрица. Ничего подобного не случилось. Шкатулка поблескивала алой изнанкой, видневшейся из-под приоткрытой крышки.

Я взяла ее в руки, подцепила крышку пальцами и осторожно

потянула вверх. Шкатулка, которая была заперта бог знает сколько времени, издала скрежет, показавшийся мне странно знакомым. Я будто совсем недавно слышала что-то подобное. Только громче, гораздо громче и…

Точно! Я вздрогнула и едва не выронила ее из рук. Я слышала этот скрежет у себя в голове в ту секунду, когда думала, что потеряла Рана навсегда. Когда сжимала в руках камень и кричала. Мне еще показалось, что у меня внутри что-то лопнуло…

Но это просто совпадение, наверное. Шкатулка здесь, я – там. И эти два события никак не могли быть связаны между собой.

Это все вихрем пронеслось в моей голове, когда я, открыв наконец крышку, заглянула внутрь. Всегда хотела это сделать! И… разочаровалась. Внутри лежало три коричневых шарика, сделанных, судя по всему, из глины. Все-таки пуговицы? Тайное детское сокровище? Кому вообще придет в голову хранить такую ерунду?

Я вынула один из шариков, положила на ладонь, чтобы получше рассмотреть. А тот вдруг потрескался и за какие-то секунды рассыпался горсткой песка. Вот это здорово! Обидно даже.

Я уже хотела было от досады швырнуть глиняную пыль на пол, как увидела, что внутри блестит искра. Яркая оранжевая искра проклюнулась, словно росток, посидела немного на моей руке, будто осматриваясь, а потом, зараза такая, взвилась и влетела в полуоткрытый рот. Я только руками всплеснула от неожиданности, чувствуя, как жжет внутри. Я ее проглотила. Надо, наверное, скорее выпить воды! Я сделала шаг к двери…

И очутилась посреди черного поля под потоками воды, льющейся с неба. Поздний вечер и грозовые тучи над головой. Все это было до боли знакомо – примерно так и начинаются первые весенние грозы. Все происходящее было настолько нереальным и неожиданным, что я даже удивиться как следует не могла, словно со стороны наблюдала за происходящим.

Сейчас должны появиться бестии, и они не заставили себя долго ждать. Вот только никогда прежде я не видела такого количества этих тварей. И не слышала, что это вообще возможно.

Как-то у нас на кухне развелись жуки. Они были мерзкие, черные, с маслянистыми гладкими крыльями. Папа приложил немало усилий для того, чтобы их вывести, – отвалил земляным кучу денег за амулеты. Так вот однажды Брида и Грета прокрались на кухню, чтобы посмотреть на жуков, а я увязалась следом. До сих пор помню чувство гадливости, когда Брида приподняла ящик, а под ним кишели, ползая не столько по полу, сколько по спинам своих собратьев, отвратительные насекомые.

Им явно было тесно под ящиком, и они, едва учуяв свободу, кинулись во все стороны и заполнили собой, казалось, все пространство. Ох и орала же я тогда…

Бестии, которых я сейчас видела, до странности напоминали тех жуков. Тварей было так много, что их тела полностью перекрыли слабый вечерний свет. Так много, что они, мешая друг другу, дрались и кусались, пытаясь прорваться вперед, чего раньше никогда не было. Они будто спасались от чего-то…

И очень скоро я поняла от чего. Следом за бурлящим морем, состоящим из бестий, медленно и неотвратимо опускались на землю какие-то гигантские существа. По пути они заглатывали бестий огромными, похожими на воронку ртами. Всасывали их вместе с воздухом. И все это так неторопливо, даже лениво. А еще от существ исходило жаркое марево, в котором другие бестии, не ставшие ужином, растворялись, оседая пеплом.

Вот только и к людям они – в голове внезапно отчетливо возникло название «танатосы» – тоже были настроены вовсе не дружелюбно. Я с ужасом наблюдала, что вся магия, которой располагали стихийники, бессильна против них. Пламя не могло их опалить. Воздушные вихри, и земляные воронки, и защитная магия водников – все было напрасно. Они надвигались, неотвратимые, как сама смерть.

Я подняла руку, выставив ее перед собой, пытаясь защититься от опасности неосознанным жестом. Это была не моя рука. Мне кажется, рука вообще принадлежала мужчине, вернее, совсем еще молодому человеку.

Прямо надо мной спускался танатос. Я отчетливо видела его белесое брюхо, освещенное сиреневыми всполохами. Я уже чувствовала, как жар опаляет кожу. И тогда я закричала, упала навзничь…

И поняла, что лежу на полу своей комнаты. Ужас, охвативший меня, отступил не сразу. Я еще долгое время слышала крики погибающих людей и ощущала смертельное приближение гигантской бестии. Настолько опасной, что спасения от нее попросту не существует…

Но я никогда прежде не слышала ни о каких танатосах. Ни в одной книжке про них не читала, хотя перечитала, кажется, гору.

Да и что это вообще было? Что за наваждение?

Я подошла к столу на ватных ногах. Шкатулка стояла открытая, в ней два оставшихся глиняных шарика, на ковре пылинки от третьего – рассыпала, когда падала. Зажмурившись, я выкатила их на ладонь – ничего. Шарики лежали смирно и никак себя не проявляли.

Действуя как в бреду, я осторожно положила их обратно в

шкатулку, прикрыла крышку и, пятясь, направилась к двери.

До приезда Рана еще несколько часов. Как же он мне сейчас нужен!

Глава 17
Отблески души

Я понимала, что еще слишком рано идти его встречать: повозки привезут студентов только к вечеру, но хотелось выйти на свежий воздух, чтобы в голове немного прояснилось.

На аллеях было непривычно тихо и безлюдно. В Академию вернулись только огневики, да и те предпочитали сейчас сидеть в корпусе. Интересно, братья и сестры тоже здесь? На секунду я задумалась – может быть, стоит поделиться открытием с ними? Но тут же отмела эту мысль – Фрост слишком зол, а остальным тоже, думаю, дела нет до моих странных видений. Расскажу потом, если пойму, что это было.

Бесцельно бродя по парку, я вновь и вновь воскрешала в памяти все, что увидела. Имеет ли это какой-то смысл? Кто такие эти танатосы? И что мне теперь с этим делать?

Я шла, глядя под ноги, погруженная в свои мысли, поэтому не заметила, как дорогу мне перегородили четверо. Сначала не придала значения – увидела тени фигур и бессознательно попыталась обогнуть их, стараясь ни с кем не столкнуться. Но мне не дали далеко уйти – чьи-то жесткие пальцы больно ухватили за плечо, сдавили так, что я вскрикнула.

– Пустышка-глупышка, зря ты ходишь здесь одна, – сказал знакомый мерзкий голос.

Вик. Снова он и трое его прихлебателей. На этот раз даже не стали прятать наглые рожи под капюшонами. Смотрят с гадкими ухмылочками. Я оглянулась, пытаясь продумать пути отступления. Так, главное, не паниковать, не показывать страха и звать на помощь, как только в поле зрения кто-нибудь появится.

– Чего тебе надо, Вик? – спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. Я изо всех сил делала вид, что меня его присутствие не пугает, что мне попросту скучно. – Кстати, ты в этот раз забыл закрыть лицо, теперь не открутишься.

Вик побледнел от злости.

– Достала! С горы тебя запустил не я!

Он нервно оглянулся и осклабился:

– Или все-таки я. Не помню! А вы, парни?

– Не-а, – подтвердили не особо умные дружки. Где только он нашел эту свору?

– Ты попросту трус, Вик. Не слишком-то много смелости нужно, чтобы одолеть девчонку вчетвером.

Вик схватил меня за второе плечо и притянул к себе, так что

наши лица почти соприкоснулись. Я почувствовала его дыхание – Вик точно не был любителем чистить зубы. Я видела поры на его носу и ставшие узкими зрачки. Вик был в бешенстве, а я умирала от ужаса: не надо было его злить, но продолжала храбриться. Уперлась ему в грудь ладонями, не давая еще сильнее прижать меня, и лихорадочно пыталась придумать выход. Выхода не было. Пустынный парк, Вик и трое его дуболомов против меня одной.

– Что тебе надо от меня? – повторила я тихо.

– Мне надо, чтобы ты никогда не стояла на моем пути, бездарница. Один твой вид меня бесит, ясно?

Я вовремя прикусила язык, потому что с него готовы были сорваться слова: «А уж как твой вид меня бесит!» Я промолчала, потому что совершенно ясно – Вик специально себя распаляет. Хочет вынудить меня на ответное оскорбление, а после уже не сдержится и непременно сделает какую-нибудь гадость. Вместо этого я попыталась достучаться до его разума, хотя, светлые боги свидетели, разума там было не много.

– Вик, – сказала я как можно спокойнее, – ты ведь понимаешь, что после того случая в столовой тебя взяли на заметку? Не говорю уже о той драке… Еще что-нибудь вытворишь – выкинут из Академии. Давай просто мирно разойдемся в разные стороны.

– Разойдемся, ага, обязательно. – Издевательский тон, которым он произносил эти слова, мне совсем не понравился. – Но сначала поучу тебя, как надо обращаться с такими, как ты, пустышка-глупышка…

– Держите ее! – это он уже своим прихвостням. Я тут же ощутила, что с обеих сторон меня крепко ухватили за локти, так, что не пошевелиться.

Я пыталась пинаться и изворачиваться, но чувствовала себя слабой зверушкой, пойманной в силки. На все мои усилия освободиться они только хохотали. Что они сделают со мной? Будут бить?

Вик, все еще ухмыляясь, взял мое лицо в ладони, так что я даже головой вертеть не могла.

– На одно пустышки точно сгодятся. В жены их, конечно, никто не возьмет, а вот скрасить вечерок…

Он потянулся губами к моим губам. Я взвизгнула и отчаянно забилась, уже понимая, что моих сил слишком мало, чтобы сопротивляться поцелую. Только не это! Мерзкий вонючий Вик!

– Эй, оставьте-ка ее в покое! – звонкий окрик спутал планы Вика, от неожиданности он разжал руки, выпуская мое лицо.

Я увидела за его спиной нескольких огневиков, а когда присмотрелась, ощутила призрачную надежду, что сегодня все обойдется благополучно: кричала Вита, а рядом с ней стояли

другие мои однокурсники, в том числе Лекс и Норли.

– А тебе-то что? – с неудовольствием пробурчал гаденыш, тут же, однако, присмиревший. – Шагайте по своим делам.

Но однокурсники стояли и уходить не собирались. Я, пользуясь заминкой, сильно дернула руками, вырывая их из хватки, и на этот раз мне удалось освободиться. Я сделала несколько шагов в сторону, не решаясь присоединиться к тем, кто меня спас. Наверное, надо просто уйти, пока Вик и его бугаи растерялись. Но Вита вышла вперед и крепко взяла меня за запястье.

– Мы тебя проводим, да, ребята?

И те, кто первое время сторонился меня и старался лишний раз даже не пересекаться взглядом, вразнобой кивнули.

– Конечно, проводим, – за всех ответил Лекс. – А ты, Вик, молись темным, чтобы Кора завтра к директору не пошла.

– И что она ему скажет? – неуверенно отозвался Вик, но даже по голосу ощущалось – поджилки у него затряслись. – Я и пальцем ее не тронул.

Я и сама знала, что не пойду, хотя теперь у меня были свидетели. Но Вик в чем-то прав – что я предъявлю… И так не хочется описывать директору всю эту гадость…

Я шла, окруженная однокурсниками. Впервые не одна со дня моего поступления в Академию. Похоже, мы все чувствовали себя неловко, но все же никто не пытался отстраниться, никто не кидал косые, быстрые взгляды, к которым я так привыкла. Я понимала, все они очень стараются одолеть свое предубеждение перед пустышками, все эти глупые суеверия о том, что бездарность заразна и если не проявится сейчас, то может отразиться на будущих детях.

– Если Вик не совсем дурак, то больше не полезет, – сказала Вита мрачно.

– Он совсем дурак, – перебила ее Норли, – ты будто не знаешь.

Посмотрела на меня:

– Но ты нам говори, если что. Мы поможем.

– Ага, – растерянно сказала я. Это действительно происходит со мной? Мои однокурсники со мной общаются? Я не обольщалась на тот счет, что они приняли меня в свою компанию, но, по крайней мере, разговаривают, как с любым другим стихийником.

– Как каникулы? – спросила Вита. – Как там Ран? Как там его курсовая?

Это она так пытается узнать, получилось ли у нас что-нибудь? Сложно сказать. Магии я не чувствовала, но ведь открывшаяся

шкатулка и странное видение – уже что-то.

– Все нормально, – ответила я нейтрально сразу на все вопросы.

Меня доставили до дверей комнаты в целости и сохранности, но долго я там не просидела. Никак не могла дождаться приезда Рана, поэтому, полистав учебник «Введение в Бестиарий», чтобы лишний раз удостовериться, что никаких танатосов в нем не упоминают, я снова вышла на улицу. Не очень умно с моей стороны, но я не могла усидеть на месте: несколько раз подходила к шкатулке и разглядывала оставшиеся шарики, то решая разбить их, чтобы извлечь искры, то убеждая себя, что таким образом только все испорчу.

Отправилась прямиком к главным воротам, куда въезжали повозки. Уже опустились ранние осенние сумерки, похолодало, так что даже зачарованная мантия не спасала – ноги все равно замерзли.

Каждую новую повозку я встречала нетерпеливым взглядом, но ни в первой, ни во второй Рана не оказалось. Водники и земляные смотрели на меня с недоумением, но не спрашивали ни о чем. Раннитар вернулся с третьей повозкой. Спрыгнул на землю, подал руку девочке-воднице, подхватил сумку и направился было к себе в корпус. По сторонам он не смотрел и меня не заметил. А я невольно залюбовалась. За то время, когда мы были вместе – всю эту неделю, – я так привыкла к нему, что почти перестала замечать, какой он красивый. А сейчас будто вновь увидела. Он был в серой академической форме, но я тут же вспомнила Рана в черном с серебром костюме. Высокий, широкоплечий, черноглазый и нахально взъерошенный, уверенный в себе и, уж я-то знаю, иногда невероятно нежный. Мне так захотелось побежать к нему навстречу, обнять крепко-крепко. Знаю, он бы обнял в ответ… Но меня вдруг одолела робость, так что я подошла тихонько, он даже не сразу заметил. Обернулся, каким-то чудом почувствовав шаги за спиной.

– О, Корюшка! Я бы зашел к тебе позже. Замерзла ведь! – Он улыбнулся с искренней радостью, но улыбка тут же замерла на губах, когда он увидел мое сосредоточенное лицо. – Что-то случилось?

Случилось, Ран. Еще как случилось! Пока я ждала, я все размышляла – стоит ли рассказать про Вика? Но взвесив все за и против, решила пока не говорить. Всем и так понятно, что мерзкий характер Викара уже ничто не изменит, но в этот раз он не успел мне навредить. Знаю, это, наверное, слабость, но о мерзкую вонючку попросту не хотелось марать руки.

Тем более мои мысли сейчас занимала более важная вещь:

шкатулка и видение, связанное с ней. О чем я и начала сбивчиво рассказывать, но Раннитар меня перебил:

– Пойдем к тебе – сразу на месте и расскажешь.

И вот он уже осторожно вертит в руках шкатулку, пытаясь определить, если ли здесь потайное дно или еще какой-то секрет.

– Так, давай повторю, что я понял, – сказал Ран. – Шкатулка открылась сама и, скорее всего, в минуту твоего сильнейшего потрясения. Прости еще раз, Кора… Магия не появилась, но, возможно… Только возможно – не забывай об этом, – шкатулка сможет каким-то образом разбудить ее. А видение и танатосы… Кора, я даже не слышал никогда про таких бестий. Может быть, ты просто уснула и видела сон?

– Нет! – Я упрямо покачала головой. – Это было ярче и реальнее любого сна. Поверь мне!

– Я верю… Предлагаю узнать, как можно больше про шкатулку и танатосов, может, тогда что-нибудь прояснится.

– Согласна, – вздохнула я. Почему-то я успела вообразить, что Ран тут же найдет разгадку этой тайны, и была немного разочарована сейчас.

– Может, надо разбить оставшиеся два шарика? – спросила я. Надежда на то, что они позволят мне обрести магию, никак не хотела меня оставлять.

– Думаю – не стоит. Всему свое время. Иначе ничего не получится. Первый сам рассыпался у тебя в руках, значит, и другие тоже должны.

Ага… После новых испытаний и слез… Как же не хочется!

– Какой у нас план? – спросила я.

За окном совсем темнело. Ран с дороги, наверное, страшно устал и хотел бы умыться, а я вела себя сейчас как настоящая эгоистка. Шкатулка до утра точно никуда не убежит. Но так не терпелось узнать что-нибудь! Я ведь не усну теперь.

Ран, видно, понял, что я чувствую. Его губ коснулась тень улыбки – так снисходительно улыбаются детям, которые требуют свою любимую игрушку и отказываются без нее засыпать.

– Подойдем к твоему куратору, попросишь связаться с отцом. Может быть, он знает, откуда в вашей семье эта шкатулка.

– От бабушки же.

– А к бабушке она как попала?

Да, действительно. Об этом я не задумывалась.

Арл Моро работал в своем кабинете на первом этаже корпуса. Кабинет был совмещен со спальней – куратор должен круглосуточно находиться рядом с первокурсниками. Держать руку на пульсе и попытаться не дать им разнести здание по кирпичикам. А по должностной инструкции, которую я как-то

мельком увидела на преподавательском столе, куратор должен «направлять, поддерживать, отвечать на вопросы и укрощать сомнения, быть наставником…». Дальше прочитать не успела. Но, надо сказать, плоховато он справляется со своими обязанностями. Где он был, когда Вик и его банда напали на меня? Отсиживался в тепленьком кабинете!

Арл Моро не слишком обрадовался нашему появлению и на мою просьбу воспользоваться кристаллом-вестником сморщился, как от зубной боли.

– Не положено, студентка Флогис. Вам, первокурсникам, только дай волю – каждую секунду будете бегать жаловаться мамочке с папочкой. Вот будут выходные – приходите. Получите положенный вам пятиминутный сеанс связи.

– Мне правда очень нужно!

– Даже если так – ничем помочь не могу. Кристалл разряжен полностью, а зарядить я его отнесу только завтра. Ведь вы все такие – всем «правда очень нужно»!

Конечно, несложно подождать до завтра. Но Ран, увидев мой потерянный вид, не выдержал:

– Кто его должен заряжать? Давайте мы сходим. И вам работы меньше.

Кислое выражение лица Арла Моро ничуть не изменилось.

– Куратор первого курса факультета земли, а он вернется только утром. Или любой земляной – старшекурсник. Но у этих снега зимой не допросишься.

– Мы попробуем, – сухо ответил Ран.

Куратор не глядя сунул руку куда-то в глубь стола и вытащил грубо обработанный кристалл горного кварца. Тот, обычно светящийся голубоватым светом, теперь был безжизненно прозрачен. Действительно разряжен. Арл Моро раздраженно передал кристалл Раннитару и выразительно посмотрел на нас: мол, что вы здесь еще делаете? Пришлось ретироваться.

– Глупая идея, – сказала я по дороге к приземистым и мрачноватым корпусам земляных. – Они даже слушать не станут. Эти штуки денег стоят.

– Попробуем, – повторил Ран.

С одним из земляных мы случайно столкнулись нос к носу. Он только что вернулся из поездки, судя по пыли, покрывающей его одежду, и явно находился не в духе. Я бы к нему даже на расстояние полета стрелы не подошла – вид у глыбы, которую по ошибке принимали за человека, был опасный. Но Ран даже бровью не повел.

– С возвращением, Морт. Тебе не сложно будет нам помочь?

Даже высокий Ран едва доставал Морту до плеча, что уж

говорить обо мне. Я предоставила вести переговоры моему другу, а сама робко остановилась поодаль.

– Сложно, – прогрохотала гора. – Но за определенную плату сможем договориться.

Мы с Раном оба происходили из знатных и обеспеченных родов. Беда в том, что студентам Академии строго-настрого запрещено пользоваться личными средствами.

– Обмен? – предложил Ран. – Заряжу два амулета защитной магией. И…

Он подумал, но все же закончил:

– Добавлю огненный светильник. Немного разряженный, но на пару-тройку часов работы хватит.

– Пойдем, – прогремел Морт.

Ран сделал знак – жди здесь. Они ушли вперед, а я осталась посреди дороги. Хорошо, что Ран отсутствовал недолго, иначе бы я от волнения вся извелась. Когда Ран вернулся, я сразу заметила, как он побледнел. Я и забыла, что заряжать амулеты куда сложнее, чем просто использовать магию в повседневной жизни. Там надо особенным образом концентрироваться и направлять силу. Папа обычно занимается этим с утра, после плотного завтрака, и не заряжает больше трех амулетов за раз.

Ран после дороги – уставший и, наверное, голодный. И все равно предложил свою помощь. А я обрадовалась и бессовестно его использую… Нет, все! Только поговорю с папой, и на сегодня хватит!

Папа долго не отвечал. Обычно кристалл у него всегда под рукой, но только не сегодня – закон подлости в действии. Наконец ответил. Кварц завибрировал, стал мерцать и секундой спустя я услышала папин голос.

– Это ты, Кора? Что-нибудь случилось?

– Нет, нет, все хорошо. Я только спросить хотела. Та шкатулка, что была у бабушки, – откуда она у нее. Что это за шкатулка вообще такая?

– Шкатулка? Какая шкатулка?

Папин голос звучал удивленно, и я уже подумала было, что зря мы приложили столько усилий – звонок ничего не даст. Но вдруг тон его голоса изменился:

– Ах, эта шкатулка. Хранится в нашем роду с незапамятных времен. Мама должна была передать ее мне, как старшему семьи Флогис, но я решил, что, раз ты к ней так привязана, пусть будет у тебя. Все равно это лишь симпатичная безделушка, не более.

– Папа, ты не представляешь, что там внутри!

– Почему же, вполне представляю. Искры жизни какого-то нашего давнего предка. Тогда големов делать не умели, искры

сохраняли в комочках глины.

– Это… Как частицы души?

– Сложный вопрос, Кора. Големы могут иногда говорить, но мне не хотелось бы думать, что мы запираем в глину частицы души. Нет, скорее отблески души. Воспоминания. Таких шкатулок дошло до наших дней очень мало. Для семьи они представляют разве что сентиментальную ценность, ведь практической пользы от них никакой. Искры не извлечь из глины – это их моментально уничтожит.

– Но…

Мне очень хотелось продолжать, но я прикусила губу. Слишком бредово бы это прозвучало. Вот если узнаю еще что-то – обязательно расскажу. А пока – нет.

– Спасибо, папа.

Мы с Раном какое-то время еще стояли в темноте, переваривая информацию. Вот оно что, значит. Я, выходит, увидела воспоминание моего давнего предка. И как это мне поможет?

– И что это мне дает, Ран? – расстроенно спросила я. – Моя магическая суперспособность – поглощать воспоминания предков? Миленько…

– Не торопись, Кора. Мы все обязательно выясним.

Ран положил руку мне на плечо. А потом вторую – на другое. Притянул к себе. Я прильнула к его груди, вдыхая дорожную пыль, перемешанную с запахом Рана – запахом трав и озерной воды. Жаль, что нельзя было стоять так вечность…

Глава 18
Смотр талантов

Утром вместо тренировки мы отправились в библиотеку. Стол, который мы в прошлый раз завалили книгами, был пуст, а книги снова стояли на своих полках. Сквозь приоткрытую дверь комнаты я видела пристальный взгляд женщины-библиотекаря. Думаю, она успела сильно пожалеть о том, что доверила мне ключ.

– Ран, – прошептала я, – что-то мне подсказывает, что библиотекарь нас сюда больше не пустит.

Но Ран меня будто не слышал: одну за другой он открывал старые книги, в которых могло встретиться описание бестий, листал и складывал в стопки. Я тоже принялась за дело, начала двигаться к нему навстречу, по порядку снимая книги с соседнего стеллажа.

Мы продвигались медленно – ветхие пожелтевшие страницы грозились рассыпаться в руках, и листать их приходилось очень осторожно. Провозились до начала занятий, а нашли только два незнакомых вида. Но рядом с описанием располагались рисунки, и сразу становилось понятно, что это не танатосы.

– Ничего, – постарался успокоить меня Ран, заметив, что я опустила плечи. – Мы еще только начали искать. Если танатосы существовали или существуют – мы их найдем!

Сегодня повезло только в том, что первая лекция проходила у магистра Корра. Введение в Бестиарий – мой любимый предмет. Я пришла в кабинет на несколько минут раньше и первым делом залезла на полку с учебниками, которые предназначались для старших курсов. Мы их пока не видели. Я положила рядом с собой на стол стопку книг и с головой погрузилась в изучение. Так увлеклась, что не заметила, как пришел преподаватель, как расселись по местам однокурсники, как стихли разговоры – все приготовились слушать. В тишине раздавался только шелест переворачиваемых страниц.

– Извините, что беспокою вас, юная леди, – обратился ко мне магистр Корр. – Знаю вашу искреннюю заинтересованность в моем предмете и ценю ее. Но не могли бы вы отвлечься от чтения и обратить внимание на меня?

– Простите, – пробормотала я, откладывая в сторону учебники. Все равно, судя по всему, здесь тоже не найдется никакой информации о танатосах. Что, если мне действительно это просто привиделось?

Преподаватель откашлялся и развернул на столе старую карту с обтрепанными краями, но я так и не дала ему начать занятие.

– Простите, – повторила я громче. – Можно вопрос! Вы всех бестий знаете?

– Что за вопрос, студентка Флогис! – Бедный магистр Корр даже пошел пятнами – не ожидал от меня такой наглости.

Я чуть было не пискнула «простите» в третий раз, но это точно выглядело бы как издевательство. Поэтому перешла сразу к делу:

– Вы что-нибудь слышали про бестий, которых называют танатосы?

Магистр Корр пристально посмотрел мне в глаза, будто решая – не ослышался ли он. Вокруг меня поднялся тихий гул голосов. Все переспрашивали друг друга, известно ли кому-нибудь это название. И, как я поняла, первокурсники слышали его впервые. Я совсем было уверилась, что загадочное видение лишь бред, случайно пригрезившийся мне, но преподаватель вместо того, чтобы отругать меня за то, что несу чепуху, сказал:

– Я рад, Кора, что ваши познания выходят за рамки учебной программы. Зайдите ко мне после занятий – в моем кабинете хранится книга, где содержатся кое-какие сведения о так называемых танатосах, или медленных убийцах.

Всего одна фраза, а я почувствовала, как забилось сердце. Я не выдумала их! Они действительно существуют!

После занятий, прежде чем подняться в кабинет магистра Корра, вихрем слетала к озеру, где сейчас по расписанию проходили занятия третьего курса факультета воды. Я уже издалека заприметила Рана.

Маги водной стихии тренировались ходить по воде. Хорошо получалось не у всех. Некоторые растяпы брели, по колено увязнув в озере. Некоторые шлепали, погрузившись только по щиколотку, – у этих вид был куда более гордый. Ран ушел вперед на несколько десятков метров, легко ступая по водной глади, как по мощеной дороге. Он даже не промочил ног. Как я гордилась сейчас тем, что у меня такой одаренный друг!

– Ран! – крикнула я, привлекая его внимание. Хорошо, что бежала вниз с пригорка, и он, подняв голову на оклик, тут же увидел меня. Кивнул, пошел навстречу.

– Что-то случилось? – спросил он, подождав, пока я отдышусь.

– Ты можешь сейчас пойти со мной к магистру Корру? Это по поводу…

Я не договорила, но он понял.

– Сейчас отпрошусь.

Если магистр Корр и удивился тому, что я пришла не одна, а в компании с другом, вида он не подал.

– Как приятно видеть молодых людей, интересующихся не только боями на мечах, – сказал он с грустью в голосе. – Бои важны, не спорю. Но знания так же необходимы! А у некоторых одни бесконечные тренировки в голове.

Мы с Раном переглянулись, я многозначительно двинула бровями, мол, вот послушай, что говорят умные люди. Ран прищурился и укоризненно покачал головой. «Ай-ай-ай, лентяйка!» – читалось в его взгляде.

– Вы обещали показать книгу, – напомнила я цель визита, потому что, судя по настрою преподавателя, он готов был прочитать часовую лекцию о вредном влиянии тренировок на мозги студентов.

– Да-да…

Магистр Корр указал нам на диван, предлагая присесть, а сам вышел в смежную с кабинетом комнату. Вернулся с тоненькой книгой, потрепанной и старой, протянул ее мне.

– Где-то в самом начале…

Книга называлась «Вымершіе і редкіе віды Бестій». Я принялась листать, но пальцы так дрожали, что Ран вынул книгу из моих рук и принялся сам переворачивать страницы. На седьмом развороте я заметила черно-белый набросок огромного туловища: рот-воронка, полосы-всполохи на белесом животе твари. Так себе набросок, будто художник рисовал по рассказам, а сам не видел. Но это точно был он – танатос. Как живой встал перед моими глазами.

Я опустила руку на страницу, пока Ран не перевернул.

– Это он!

И действительно, рядом с рисунком была сделана короткая запись: «Танатосы, ілі же Медленніе убійцы. Безсмертные твари, мощі велікой. Многа горя прінеслі в мир людей. По мілості светлых богов ушлі і боліе не являлісь».

– Хм, – сказала я. – Негусто.

– Зато мы теперь точно знаем, что они существовали. То воспоминание было реальным, тебе ничего не привиделось. Это ведь хорошо?

– Да, наверное…

Я до сих пор не понимала, чем все это мне поможет. Ну, жили когда-то танатосы. Ну, вымерли, слава богам! И предок реальный, и воспоминание тоже. Что мне от этого? Может, это вообще его последнее воспоминание перед смертью. Я вспомнила, как он выставил перед собой руку, защищаясь. Бедный парнишка…

Чуть позже мы сидели на широком парапете у центрального корпуса, обдумывая дальнейшие действия. Я настаивала на том, чтобы Ран как можно скорее придумал для меня новое испытание, но он на все мои уговоры только качал головой:

– Кора, тебе нужно отдохнуть. Не надо торопить события. Две-три недели, ты придешь в себя…

– Три недели! Ран! Когда разгадка так близко!

– На самом деле мы не знаем, как это работает. Может быть, следующая искра освободится сама, спустя какое-то время. Я понимаю твое нетерпение, но…

– Но что?

Ран взял меня за руку, ощутив в моем голосе отчаянные нотки. Мне не хотелось тянуть и откладывать дело на потом. Лучше сразу, а там будь что будет. Но он, очевидно, так не думал.

– Кора, я не стану сейчас снова подвергать тебя испытанию. Ты едва в себя пришла. Так до нервного срыва недалеко. Просто выдохни, хорошо?

Его ладонь была такой успокаивающе теплой.

– Хорошо, – прошептала я. – Только ты уж постарайся, придумай что-нибудь потруднее. Чтобы точно сработало. Только… без твоей мнимой гибели.

Ран невесело хмыкнул:

– Я ведь обещал.

* * *

Из-за праздника Примирения план занятий немного сдвинулся. Занятия по боевым заклятиям начались на неделю позже, чем ожидалось. Зато, как только в учебный кабинет стремительной походкой в развевающемся красном плаще, снимая на ходу перчатки, влетел высокий и поджарый магистр Толли, все поняли, что скучать на его занятиях точно никому не придется. Магистр кинул перчатки на стол и оглядел студентов пристальным взглядом, под которым мы замерли, как кролики, будто наш преподаватель был ястребом, выглядывающим добычу. Он и напоминал немного хищную птицу – с его длинным носом и близко посаженными маленькими глазами.

– Все, что могу сказать вам сейчас, – не надейтесь отсидеться за партами. На моих занятиях мы будем работать, работать и работать до кровавого пота. Обещаю, вы меня возненавидите.

Мои однокурсники оживленно зашептались, а я сжалась, пытаясь спрятаться за спинами. Я со страхом ждала начала занятий, когда моя бездарность проявится в полной мере. И вот,

дождалась… Теперь уже не выехать за счет знаний и зубрежки. На боевых заклятиях нечего делать без магии.

– Мы потеряли слишком много времени, – продолжал между тем преподаватель. – Возмутительно много времени. Не знаю, кто составлял расписание, но я уже отправил директору докладную записку. Не представляю, как вы собираетесь сдавать зачет через два месяца. Потому я переговорил с госпожой Руни и договорился с ней о том, что буду свои лекции чередовать с практическими занятиями. Она, в свою очередь, также будет проводить с вами занятия на полигоне. Тогда, возможно, вы и нагоните программу. Всем все понятно?

Студенты выдохнули «да», я чувствовала, что магистр Толли покорил всех своей энергией и напором. Я и сама испытала было прилив энтузиазма, который длился ровно до той минуты, как преподаватель вдруг громогласно объявил:

– Кора Флогис, встаньте!

У меня от страха тут же колени затряслись. Чего он хочет? Собирается перед всеми сообщить о том, что я могу не посещать его занятия? Это было бы логично – зачем тратить время и силы на пустышку…

Я сжала кулаки, поднялась и смело посмотрела в лицо преподавателю. Ну, давай попробуй выгнать. Не имеешь права. Я все равно буду приходить!

– Вижу-вижу, вид у вас грозный, студентка Флогис. Боюсь только, бестий своим пылающим от негодования взглядом вы не напугаете. Здесь что-то посильнее должно пылать.

Я сжала губы. Унижать меня будешь? Плевать. Я еще и не такое слышала. Но магистр Толли вдруг смягчился, его взгляд стал не таким пронзительным, скорее он присматривался ко мне с любопытством.

– Сначала я хотел освободить вас от посещения занятий. Но директор сообщил мне о том, что вы со студентом Маринером работаете над курсовой. Мне известна тема этой курсовой, и потому я решил, что изучение боевых заклятий может вам помочь. Вы будете посещать лекции и практические занятия. А я со своей стороны обещаю, что поблажек вам не будет. Ясно?

Я оторопело кивнула. Такого я не ожидала. Мне было одновременно страшно и приятно. Страшно оттого, что я представила, как нелепо буду выглядеть на практических занятиях, когда моя бездарность проявится во всей красе. И приятно оттого, что мне снова дают шанс. Я видела, как однокурсники оборачиваются ко мне. Многие смотрели удивленно. Вик с открытой неприязнью – заметив мой взгляд, он оскалился в мерзкой ухмылке. Зато Лекс подмигнул, и Вита

кивнула, подбадривая.

Магистр Толли хлопнул в ладоши, прерывая этот молчаливый обмен взглядами.

– А теперь быстро все встали, оделись – и вперед за мной. На полигон! Посмотрим, на что вы способны!

На первом занятии наш преподаватель устроил нам «смотр талантов», как он сам это назвал, усмехаясь. Построил первокурсников в шеренгу на раскисшем, набухшем от грязи полигоне, где мы ежились от пронизывающего ветра, и гаркнул, пытаясь перекричать его завывания:

– А теперь удивите меня!

Как я потом узнала, «смотр талантов» магистр Толли устраивал ежегодно, и это было любимым зрелищем всех учащихся Академии, которые, каким-то образом заранее прознав про первое практическое занятие по дисциплине боевых заклинаний, стекались на полигон со всех сторон. Их можно понять: магия стихии огня действительно проявляется очень красиво. Я уже рассказывала, как мои братья и сестры пытаются перещеголять друг друга на празднике богини Солнце. Так вот, на смотре первокурсники тоже изо всех сил стараются произвести впечатление на преподавателя.

Зрители постепенно образовали широкий круг – своеобразную сцену, на которой и должны были проходить выступления. Я только теперь поняла, что их, видимо, по такому случаю даже отпустили с занятий.

Я стояла последняя в шеренге, с ужасом вглядываясь во все эти незнакомые лица. О, светлые боги, сколько людей станут свидетелями моего позора!

Вдруг взгляд выхватил из толпы лицо Фроста. Мой старший брат в упор смотрел на меня, и его вид не предвещал ничего хорошего. Сжатые губы, нахмуренные брови – он явно злился. Рядом с ним я заметила сестер и Димера. Димер, поймав мой взгляд, указал на меня, на толпу, на магистра Толли и выразительно задрал брови: мол, что ты здесь делаешь? Я в ответ развела руками: мол, не моя вина.

Фрост прошел вперед, растолкав студентов, направился прямиком к нашему преподавателю и принялся что-то говорить. Я не могла разобрать что – ветер уносил слова. Но и так несложно было догадаться – Фрост просил убрать меня с поля и не позорить семью Флогис. Не знаю, что ответил магистр, но закончилось все тем, что старший брат вернулся на место, отрывисто кинул что-то сестрам и Димеру, а после они просто развернулись и ушли прочь. Брида, правда, обернулась и подняла руку с раскрытыми пальцами – «удачи»…

Удачи, ага… Бросили меня на съедение. Все как обычно.

Интересно, есть ли в этой толпе Ран? Видит ли он меня сейчас? Мысль о том, что он, возможно, где-то совсем рядом, немного приободрила.

Между тем смотр как раз начался. Первым в центр импровизированной сцены вышел Вик. Самодовольный и уверенный, с ехидной улыбочкой на лице. Он явно не сомневался в том, что сумеет удивить преподавателя.

Он раскрыл обе ладони, и с его пальцев взметнулись и зависли над головой шары-огневики, почти невидимые в дневном свете. Шары висели, зрители ждали, и вот, когда над толпой пронесся разочарованный вздох – такую ерунду, как шар-огневик, мог сотворить даже трехлетний малыш, – Вик шевельнул пальцами, и каждый маленький шар раскрылся, взорвался, словно зерно кукурузы на сковороде, превращаясь во что-то особенное. Огненный цветок, огненный вихрь, огненная шестиконечная снежинка – глаза не успевали рассмотреть все. И, наконец, лицо самого Вика, смеющееся в пламени.

Толпа взорвалась одобрительными криками.

– Неплохо, – сдержанно похвалил его магистр.

Вита окружила себя порхающими огненными бабочками, которых она сначала заставила танцевать, а потом направила их полет к зрителям. Кто-то попытался подставить ладонь, но тут же вскрикнул, когда бабочка, сотканная из пламени, обожгла его своими крыльями. Все отступили назад в едином порыве – бабочки были красивые, но опасные. Выступление Виты тоже встретили на ура.

Да что говорить, каждый первокурсник старался изо всех сил, пытаясь заслужить высший балл. Лекс, правда, перемудрил. Он не стал создавать иллюзий, а решил показать свое мастерство. Пробежался пальцами по воздуху, словно играл на невидимых струнах, и вот из ничего соткалась огненная сеть, даже на вид тонкая и мерцающая от недостатка энергии. Сеть обрушилась на землю, и вверх, зашипев, взметнулись ручейки пара.

– Смотрю, вы хотели меня потрясти заклинанием «Огненная сеть» первого уровня, – с неприкрытой иронией сообщил магистр. – Боюсь, вам это не удалось. Любой второкурсник справился бы лучше. Не стоит использовать то, чего вы делать пока не умеете.

Лекс стоял, опустив голову, смущенный и пристыженный. До этого момента его всегда только хвалили.

Признаюсь, я тоже увлеклась огненными иллюзиями, но чем ближе подходила моя очередь, тем сильнее билось сердце. Я продвигалась вперед на ватных ногах, вообще не понимая, что я

буду делать, когда выйду в центр круга. Наверное, надо просто уйти. Я бы могла сбежать тысячу раз… Но почему-то не сбежала…

– Кора Флогис, – наконец объявил магистр Толли, и я вышла вперед.

Лица в толпе расплывались перед глазами. Я не могла разглядеть там Рана. Я видела только какие-то бледные пятна. Они знали, кто я такая. Ветер доносил до меня смешки и перешептывания. Они ждали только разрешения преподавателя, чтобы открыто высмеять меня.

Хотелось закрыть лицо руками, спрятаться. Но я стояла, высоко подняв голову и расправив плечи. Никто не видел, что внутри у меня все дрожит.

– У юной Коры Флогис нет дара, – во всеуслышание объявил магистр. – Вы все это знаете!

Стой, Кора. Смотри. Не смей плакать! Скоро все закончится!

В толпе заулюлюкали, но преподаватель поднял руку, требуя тишины.

– Я был уверен, что у нее не хватит сил встать перед вами. Я давал ей время уйти. Но она сейчас здесь! У нее нет дара, но есть то, чего некоторым из вас недостает! То, без чего не победить наших извечных врагов. У этой девушки столько мужества, что с избытком хватит на нескольких стихийников. И я прошу уважать ее за ее внутреннюю силу.

Толпа молчала. Улыбки погасли. Стихийники опускали глаза. А у меня противно защипало в носу от подступающих слез. Но вовсе не от обиды, нет. Я поняла, что сделал для меня сейчас этот суровый, неулыбчивый человек с пронзительным взглядом. Теперь я знала, что всегда открыто и смело смогу посмотреть в лицо любому. Я больше не опущу глаз.

Глава 19
Воздушный мост

Спустя три недели снег укрыл землю. Зима в этом году наступила неожиданно быстро и сразу. Еще вчера с ветвей деревьев ветер срывал последние хрупкие листья, а сегодня утром я проснулась и увидела белый свет, струившийся из окна. Выглянула и улыбнулась: вокруг, насколько хватало глаз, все покрыто пушистым снегом. Чуть позже по нему разбегутся цепочки следов, протянется сеть дорожек, но пока ничто не нарушило его чистоты.

Напевая, я сложила в сумку учебники. Настроение было отличное. За последние недели жизнь ощутимо изменилась к лучшему. Во-первых, теперь я ощущала себя настоящей стихийницей. Во всяком случае, ко мне относились именно так. Не отводили взгляда при разговоре, не отходили при моем приближении, разговаривали иногда о каких-то незначительных мелочах, а не только коротко отвечали на вопросы, как раньше. Не могу сказать, что мы стали закадычными подругами с Витой и Норли, но сидели рядом в столовой, болтали на переменах, иногда вместе занимались в библиотеке.

Во-вторых, сегодня тренировки перенесут в крытый амфитеатр. В последние дни на полигоне заниматься стало просто невозможно – спустя несколько минут руки коченели от холода и едва удерживали тяжелые мечи. Ран, случайно увидев вчера мои замершие, покрасневшие пальцы, убрал оружие и несколько минут отогревал их в своих ладонях.

– Нет, так дело не пойдет, – покачал он головой. – Прекращаем тренировки. Подождем, пока откроют амфитеатр.

Я и рада была сделать передышку, и не хотела разлучаться с Раном. Конечно, мы бы и так виделись, но не два раза в день точно. А теперь все, теперь не отвертится. Я рассмеялась, представив, как удивился бы мой наставник, услышав, что собирается отвертеться.

Первым занятием сегодня лекция у магистра Толли. Лекции я любила больше, и понятно почему: на лекциях разница между мной и другими студентами не ощущалась. Мы все усердно скрипели перьями, записывая то, что позже предстояло разобрать и закрепить на практике. «Поток красной энергии направить по вене правой руки до ощущения жжения в кончиках указательного и большого пальцев…» Вот что записывали в прошлый раз. Темный лес для меня. Энергия, как выяснилось, делилась на

красную, желтую, оранжевую и белую. Для каждого заклинания – свой вид энергии. Мои однокурсники хоть и пыхтели с таким же непониманием, как я, но, похоже, все же по наитию могли догадаться, что за энергия и где ее брать. А я могла лишь надеяться на то, что все эти записи в один прекрасный момент мне пригодятся. Ведь на практических занятиях, пока другие пытались вырастить из своих пальцев огненный луч, я стояла как изваяние, вытянув руку вперед, и концентрировалась под пристальным взглядом магистра. Я старалась, правда старалась! Правда, спустя полчаса такого стояния голова начинала думать о чем угодно, но только не о «потоке красной энергии».

Шкатулка стояла на столе, и в ней по-прежнему ждали своего часа два глиняных шарика. Еще неделя-другая, и Ран сдержит обещание: придумает новое испытание. Тогда, может быть, я стану на один шаг ближе к цели…

Я и ждала нового испытания, и боялась его. Иногда ловила себя на малодушной мысли: сейчас все так хорошо, зачем что-то менять? Но эти минутки слабости были редкими и недолгими. Отступать нельзя. Только вперед.

Прыгая через две ступеньки, я поспешила вниз по лестнице. В коридорах царила тишина, а значит, я первая пробегу по нетронутому снегу и оставлю свои следы. Радовалась как маленькая!

Распахнула дверь наружу и столкнулась с кем-то, кто стоял на пороге. Вот недотепа – почему нельзя отойти в сторону! Кто-то поймал меня в охапку и, не обращая внимания на мои писки, оторвал от земли и покружил. Я, конечно, почти сразу поняла, что это Ран. Явился сообщить мне о том, что вечером состоится тренировка. Неугомонный мой.

Я почувствовала, что краснею. Не мой. Конечно, не мой…

– Пусти меня, – прошептала я.

Попыталась поправить сбившуюся одежду. Меховая полоска, закрывающая уши, сползла на лоб, и как я ни пыталась вернуть ее на место, но получилось только хуже – волосы лезли в глаза и мешали.

– Ну что ты, подожди.

Ран осторожно снял ее с моей головы, пригладил пряди волос.

– Вот, другое дело. Ты что, обиделась?

– Конечно, нет. Я просто… тороплюсь!

– М-м, вот оно что. А я хотел вечером пригласить тебя на…

– На тренировку? Да, я знаю. Теперь уже должны открыть амфитеатр.

Ран тихонько взял меня за подбородок, пытаясь заглянуть в

глаза. Наверное, терялся в догадках, не понимая, что со мной творится. А я просто не успела подготовиться к его появлению. Он застал меня врасплох. Чудесное, сказочное утро. Снег, укрывший землю. Я сбежала по лестнице, переполненная радостью. А тут еще он подхватил меня на руки и закружил. Нет, нельзя так. У меня сердце до сих пор стучит неровно, пропуская удары.

Он так ничего и не понял, продолжил растерянно:

– Да, это тоже. Но потом, после тренировки, прогуляемся до корпусов воздушников.

– Прогуляемся? – уточнила я, думая, что ослышалась. – Вверх по горе, ты имеешь в виду?

– Да, по той самой тропе. Помнишь, я говорил?

– А зачем?.. – начала было я, но осеклась, догадавшись: – Мне ведь тебя ни о чем нельзя сейчас спросить?

Бедное мое сердце еще от первого потрясения не отошло, как опять затрепыхалось, словно огонек свечи под порывом ветра: Ран приготовил мне новое испытание.

– Будет лучше, если я пока промолчу. Ты все узнаешь вечером.

Я думаю, он увидел, как мое лицо побелело. Я почувствовала, как закружилась голова. Гора воздушников в прошлый раз оставила в памяти самые неприятные воспоминания.

– Если хочешь – отложим на несколько дней?

– Нет… – Я качнула головой и уже уверенно повторила: – Нет! Чем быстрее, тем лучше.

Ран протянул было руки, чтобы шутливо обнять, но, вспомнив недавнюю мою реакцию, просто поправил капюшон на мантии.

– Смелый дружище, – сказал он весело, но с ноткой нежности. – Давай провожу тебя, а то мне не нравится, как ты побледнела.

Думаешь, мне нравится, Ран? Очень хочется выглядеть невозмутимой сорвиголовой. Снова шагнуть с горы в пропасть, если понадобится. Приподнять иронично бровь, сказать скучающим тоном что-то вроде: «Хм, неужели опять придется полетать?» – и шагнуть. Так нет же, я уже отчаянно трушу.

На занятиях я едва слышала, что говорят преподаватели. Даже на любимом предмете «Введение в Бестиарий» не смогла ответить на простейший вопрос, и старенький магистр Корр, сокрушенно покачав головой, влепил мне «скверно».

– Что с тобой, Кора? – допытывалась у меня Вита во время обеденного перерыва.

– Ты совсем ничего не ешь, – подхватила Норли. – Кстати, ты

будешь доедать этот кусочек курочки?

– Не, не хочу, забирай, – это я пухленькой Норли, а Вите только улыбнулась. Мне очень хотелось рассказать о грядущем сегодня испытании, но я понимала, что делать этого не стоит.

В круглое здание песочного цвета, где зимой проходили тренировки, а иногда театрализованные представления, поставленные силами студентов, уже стекались желающие позаниматься. У входа образовался затор: узкие двери не пропускали больше нескольких человек за раз. Людской водоворот затянул меня, плечи и бока оказались стиснуты со всех сторон.

Эх, надо было встретиться с Раном на нашем прежнем месте – у корпуса огневиков. Но я, зная, что никогда не прихожу вовремя, побоялась, что совсем заморожу Рана, пока он меня дождется.

Поэтому я маленькими шажками продвигалась вперед, выслушивая негодование других, не таких терпеливых стихийников. Некоторые возмущались в голос:

– Темные их возьми! Надо тогда расписание на тренировки составлять! Вот, посмотрите, малышня прет напролом.

Это обо мне, что ли?

– А по-хорошему, приоритетное право должно быть у старшекурсников!

Вот брюзга! И никуда не спрятаться от него.

Вдруг я почувствовала, как кто-то больно ткнул меня в бок. Я первые секунды думала, что это, вероятно, случайность – мало ли кто что перепутал в таком столпотворении. Но толчок повторился, а следом за ним жесткие пальцы ухватили кожу на моем предплечье, выкрутили так, что я задохнулась от боли. Растерялась, не могла даже крикнуть. Да что там – даже голову не могла повернуть, чтобы понять, кто это и что происходит.

Все скоро прояснилось.

– Идешь на тренировку к повелителю болотной жижи? – ехидно прошептал в ухо мерзкий знакомый голос.

Вик! Он мог безнаказанно и незаметно толкать и щипать меня, вплотную притиснутый толпой.

– Спорим, я знаю, чем вы на самом деле занимаетесь!

Он стоял так близко, что я чувствовала, как его дыхание сдувает волосы со лба. Навис прямо надо мной. Снова ущипнул, теперь уже за плечо, которое словно обожгло раскаленным углем. А может, и на самом деле обожгло – Вик и не на такое способен.

Я вскрикнула, пытаясь обернуться. А на меня оглянулась девушка, стоящая впереди.

– Тсс, маленькая пустышечка, – прошептал Вик с наигранной, отвратительной ласковостью. – Тихо, тихо, тихо.

– Чем мы занимаемся? Ты что, ненормальный, Вик? Все это знают! Даже директор!

– О, я совсем не про эти игры «Преврати пустышку в огневушку», я про другое. Одно слово отцу Рана или твоему отцу, и ваши милые игры закончатся навсегда.

– Да ты про что… – Я совершенно не понимала, о чем он толкует, а потом вдруг будто кипятка хлебнула – во рту пересохло. – Да ты что! Ты с ума сошел! Мы с Раном никогда…

Что за глупости! Никому и в голову бы не пришло так думать о нас. Ран мой наставник и друг семьи! Как он может!

И в то же время я понимала, если этому подлому существу, каким является мой недалекий, но злобный однокурсник, придет в голову испортить нам жизнь, то его ничто не остановит.

– Чего ты хочешь? – прошептала я.

– Ничего такого. Поиграть с тобой, маленькая пустышечка. Быть уверенным, что о моих играх никто не узнает. Ни директор, ни Ран. Никто и никогда. А иначе…

– Тебе никто не поверит…

– Хочешь проверить?

Он снова защипнул кожу на моем плече двумя пальцами и вывернул ее.

– Тихо, тихо, тихо… Тсс… – приговаривал он, пока я пыталась не застонать. Слезы все равно потекли из глаз, тут я уже ничего не могла поделать.

Люди, обступившие меня со всех сторон, ничего не замечали. Со стороны мы казались просто двумя студентами-огневиками, беседующими о чем-то. Наверное, это выглядело довольно мирно: высокий рыжеволосый парень наклонился над расстроенной однокурсницей. Наклонился и утешает, гладит по плечу. Сама забота…

Я не знаю, сколько это продолжалось, едва ли долго – все ждущие своей очереди на вход медленно, но верно продвигались вперед. И вот наконец тесный проем пройден. Вик выпустил меня.

– Смотри, бездарница! Одно лишь слово, и ты пожалеешь.

Ран первый увидел меня. Я почувствовала, как лезвие деревянного меча плашмя легло мне на плечо.

– Все, Корюшка. Бестия сцапала тебя!

Мы часто шутили так: смысл состоял в том, чтобы застать противника врасплох. Выигравший получал преимущество на тренировке. Обычно я, попавшись, начинала гоняться за Раном, пытаясь если не проткнуть его мечом, так хотя бы попытаться это сделать. Он хохотал и уворачивался.

Сегодня мне было не до смеха.

– Что-то случилось, Кора?

– Нет, все хорошо…

Я смотрела в сторону, но Ран все равно заметил, что мои глаза покраснели. Проклятый Вик. Не сумел открыто испортить мне жизнь – начал действовать исподтишка. Я понимала, что никто бы не поверил его грязным сплетням… Но рисковать не хотелось.

Ран все понял по-своему.

– Кора, на тебе лица нет. Давай отложим.

Но отступить сейчас означало бы, что Вику удалось меня сломить. Я не дам ему это сделать!

– Нет, Ран. Сегодня. Я готова, правда!

* * *

К горе Воздушников подошли в сумерках. В темноте она казалась еще более отвесной и неприступной, чем при свете дня. Правда, с одной стороны спуск выглядел более пологим. Здесь за бурые камни кое-как цеплялись низкорослые кривые деревца и кустарники. Если существует секретная тропинка наверх, то она может скрываться только здесь.

– Не подумай, что я жалуюсь, – осторожно сказала я, когда Ран вскарабкался на валун и подал руку, чтобы подтянуть меня туда же. – А не проще попросить Аллиса нам помочь?

– Аллис нам и так будет помогать. Он ждет наверху… Понимаешь, я не хочу, чтобы его с нами видели, если что-то пойдет не так.

Если что-то пойдет не так… Не могу сказать, что эти слова меня вдохновили.

Узкая тропинка едва угадывалась по обломанным веточкам вдоль нее. Ран шагал позади, страхуя, время от времени подталкивал меня, помогая взобраться. Шагал – это, конечно, сильно сказано. Мы медленно ползли вперед, цепляясь то за клоки травы, чудом уцелевшие в это время года, то за ветви кустов. Один раз камень вывернулся у меня из-под ноги, но Ран обхватил меня за талию прежде, чем я успела как следует испугаться.

– Смотри под ноги!

О, опять этот наставнический тон!

Кое-как, исцарапавшись о камни и ветки, мы забрались наверх. Ран отодвинул в сторону свисающую до земли ветвь, и мы оказались в печально знакомом месте. Я поежилась, вспомнив тот вечер.

Ран тихо свистнул, подавая сигнал Аллису. Воздушник не

заставил себя ждать, вынырнул из темноты, подошел и встал, сложив руки на груди.

– Предлагаю сначала выпить… – начал он и рассмеялся, не сдержавшись, глядя на наши удивленно вытянувшиеся лица. – По чашечке настоя. А вы что подумали? Кора вон бледна как смерть. Свалится, и двух шагов не сделает…

– Аллис, тихо!

– Ой, да. Извини. Ну так как?

Костерок удалось развести не сразу. Хворост и ветки отсырели и никак не хотели загораться – только дымили. Я представляла, как легко смог бы развести пламя любой из моей семьи даже из отсыревших веток, а сама могла только беспомощно наблюдать, как Ран и Аллис ползают вокруг шалашика, устроенного из хворостинок, и старательно дуют на угольки, которые воздушник принес с собой. Но после долгих стараний огонь все-таки занялся. Тут же обнаружился и котелок, который парни подвесили над костром. Аллис достал из-за пазухи полотняный мешочек, развязал его, и над ночным парком поплыл запах душистых трав.

– Смотрю, ты подготовился, – улыбнулся Ран. – У нас вроде бы не вечеринка.

– Ой, будем считать, что вечеринка. Такие глупые выходки, как та, что ты задумал, только на вечеринках и творят. Нет, ну вообще, круто. Вы оба немного отмороженные, ребята, вот что я скажу. Но крутые.

Вот еще бы и мне понять, в чем именно я так крута.

Аллис забыл взять кружки, так что пить горячий напиток пришлось прямо из котелка. К счастью, Ран быстро остудил его до нормальной температуры – настой не обжигал, но приятно согревал. Мы передавали котелок по кругу, делая маленькие глотки. Я, Ран, Аллис словно совершали какой-то неведомый обряд. Сидели в темноте у потрескивающих в пламени дров и вдыхали аромат трав. Пожалуй, это была лучшая вечеринка в моей жизни…

Вот только совсем скоро беззаботный настрой растаял без следа.

– Так какой длины сделать мост? – между делом спросил воздушник. – Метров сто, пятьдесят? Сколько? Но сто она точно не пройдет, оба задохнетесь.

– Что? – прошептала я ошеломленно.

Ран сдвинул брови.

– Ал, ты зачем ее пугаешь раньше времени?

– Да сколько тянуть можно? Объясни ей все и давай уже – за дело.

Ран обернулся ко мне, и его виноватый вид очень мне не понравился.

– Слушай, что я придумал. Аллис построит воздушный мост. Тебе придется идти буквально по воздуху – под ногами пропасть, а перил нет.

– Ничего, – сказала я, бодрясь. – Отличная идея. А куда я должна прийти?

– На другом краю расположится островок. Там тебя буду ждать я…

– Здорово!

– И еще одно… С каждым твоим шагом дышать будет все труднее. И тебе, и мне…

Я невольно отпрянула, и Ран быстро договорил:

– Но как только ты коснешься меня – все закончится. Я думаю, этого вполне хватит, чтобы добыть следующую искру…

– Ты ведь обещал, – прошептала я. – Обещал обойтись без твоей мнимой гибели.

– Но я и выполняю обещание: в этот раз все будет по-настоящему!

– Пугаете вы меня, ребята, – подытожил Аллис, который, однако, испуганным не выглядел и переводил заинтересованный взгляд с меня на Рана и обратно. – Так сколько метров делать?

Глава 20
Здравствуй, преемница!

– Нужно сто метров, – сказала я. – За минуту человек проходит сто метров. И столько же примерно может обойтись без воздуха.

Мой голос прозвучал даже чересчур спокойно. Оба стихийника удивленно переглянулись.

– Да, точно… – согласился Аллис.

– Объясни только еще раз, как это работает, – попросила я, бодрясь. – Я не совсем поняла.

– Легко. Я создам что-то вроде коридора, откачаю весь воздух… Ну, что-то там останется, но для дыхания не хватит. Будешь себя чувствовать рыбкой, выброшенной на берег… Прости. Так вот. Коридор настрою так, что внешняя оболочка лопнет, как только ты коснешься Раннитара. Понятно? Только ты уж постарайся – дойди. Я настрою мост, а потом уже повлиять на него не смогу. Ну как, смогу… Но не скоро. Что угодно может случиться, если ты не дойдешь даже пары шагов. Справишься, как думаешь? Ран вот убеждает, что да.

– Да, – сказала я.

Как хорошо, что мой уверенный тон их обоих убедил. А вот себя мне убедить так и не удалось.

Аллис увел Рана за собой. Сейчас он делает мост, и где-то там, в черноте между звезд, он подвесит Рана на крошечном пятачке – островке, таком же невидимом, как сама воздушная дорога.

Я буду видеть его все время, что иду по мосту. А он будет видеть меня. Наверное, его взгляд придаст мне сил. И что за ерунда, подумаешь – минута без воздуха. Я тут же, без промедления, задержала дыхание, чтобы почувствовать, как это – не дышать какое-то время. Не страшно совсем. Я считала про себя. Раз, два, три… Дошла до тридцати и почувствовала, как кружится голова. Но это ничего, это я просто волнуюсь.

А может, надо бежать? Тогда сто метров я преодолею быстрее. Но тогда я могу упасть… Могу ли я упасть? Надо спросить Аллиса, когда он придет за мной.

Аллис вышел из тени, будто в ответ на мои мысли.

– Как ты быстро… – прошептала я внезапно осипшим голосом.

– Да там дел на пять минут. Готова?

Конечно, не готова…

– Да, само собой!

Мы встали на плоский камень, такой аккуратной прямоугольной формы, что он напоминал первую ступеньку лестницы широкого и основательного каменного моста. Вот только обрывался прямиком в пропасть, полную звезд. Казалось, сделай шаг – и взлетишь в эту черноту, усеянную огненными искрами. Посмотрела, и голова снова пошла кругом. Так, взбодрись, Кора!

Недалеко впереди я увидела Рана, стоящего в пустоте на невидимом воздушном островке. Заметив нас, он помахал рукой. Потом сложил обе ладони в замок и поднял над головой: так водники желают удачи.

– Мне просто надо сделать шаг? – уточнила я, подойдя к самому краю и заглядывая вниз.

Внизу ничего не было видно: снег и огоньки корпусов где-то очень далеко, будто бы в другом мире. Тишина и ветер…

– Иди, – тихонько подтолкнул меня Аллис.

– Не толкай ее, – услышала я голос Рана очень отчетливо, будто он находился в двух шагах от меня. Это все воздушная магия, понятно. – Пусть она сама.

– Ой! Всю ночь теперь будем стоять!

– Умолкни, Ал!

– А я могу бежать? – Я решила разъяснить мучивший меня вопрос. – Не упаду?

– Легко упадешь! Перил нет, тебя ничто не удержит.

Понятно. Значит, надо идти очень-очень осторожно и попытаться не тратить воздух напрасно.

Труднее всего было сделать первый шаг, хотя я и понимала, что под ногой окажется дорога, но глаза говорили обратное – шагну и упаду в пропасть. Я зажмурилась и подвинула ступню вперед, нащупывая мост. Почувствовала, как подо мной оказалось упругое и пружинящее покрытие. Ничего, одолела ведь я в конце концов тот шатающийся мостик на полосе препятствий. И сейчас справлюсь.

Вот, стою уже двумя ногами. Решилась приоткрыть один глаз и посмотреть. Ух! Под ногами тьма. Я подняла глаза на Рана, он весь подался ко мне, но не мог выйти из круга. «Иди!» – показал он знаками, энергично размахивая руками. А сказать нельзя?

Тут я поняла, что теперь, когда я вступила на мост, наложенное Аллисом заклинание начало действовать – Ран молчит, потому что экономит воздух. Мне тут же немедленно захотелось вздохнуть полной грудью, но я понимала, что это делать нельзя – пойму, что дышать нечем, запаникую и свалюсь! Так, спокойно, Кора, спокойно. Не дыши!

Просто надо идти. Шаг за шагом. Но драгоценные секунды убегали, а я не продвинулась вперед ни на метр.

– Иди! – закричал Аллис за моей спиной. – Оторви ногу от моста и сделай шаг!

Его крик привел меня в чувство. Я вздрогнула и шагнула: мост пружинил и мягко раскачивался. Я старалась делать небольшие шаги, чтобы случайно не промахнуться мимо невидимой дороги.

Первые метров пятьдесят все шло хорошо. Ран смотрел на меня, и я словно опиралась на его взгляд. А вот потом все стало меняться в худшую сторону. Я выдыхала воздух по капле, и с каждой секундой все больше ощущалось, как что-то тяжелое давит на грудь. Сначала только сжимало – неудобно, но терпимо, а потом все внутри загорелось огнем. Нет, я не обольщалась на этот счет: горели мои легкие, требующие воздуха.

Бессознательно я потянулась рукой к горлу и увидела, как то же самое, не отдавая себе отчета, сделал Ран. Но, должно быть, заметил ужас в моих глазах и руку опустил, улыбнулся сквозь силу. «Иди», – прошептал он одними губами.

Если я не дойду, я и себя погублю, и его. В голове все начало путаться. Ног я уже не чувствовала, только понимала, что все-таки каким-то чудом продолжаю продвигаться вперед.

«Ал сказал, что тут останется немного воздуха… Если попробовать вдохнуть? Мне много и не надо…»

Это была неправильная мысль. Губительная мысль, но искушение сделать один хоть маленький вдох казалось таким притягательным, что я уступила. Очень зря.

Аллис сравнил меня с рыбкой, выброшенной на берег, – именно так я себя и чувствовала. Открывала рот, но пространство вокруг меня казалось налипшим на голову одеялом. Иногда так просыпаешься среди ночи от невозможности сделать вдох, и оказывается, что ты укуталась с головой в тяжелую ткань. Так и сейчас, я раз за разом пыталась вдохнуть и не могла.

Стало очень страшно. Кажется, Аллис кричал что-то, но я совсем не могла разобрать слов. Я запнулась и упала на колени, вцепившись в горло.

Ран, прости… Я подняла голову, чтобы посмотреть на него. И для меня стало настоящим потрясением увидеть то, что я почти дошла. Ран был совсем близко, метрах в пяти, не больше. Он стоял на коленях в центре круга и протягивал ко мне руку. Ужасно бледный. Но даже сейчас я видела в его взгляде не укор, а поддержку. Как он может оставаться таким спокойным? Уму непостижимо… А у меня совсем не осталось сил.

Так мы и стояли на этом воздушном мосту. Ран тянул ко мне

руку: вот моя ладонь, совсем близко, не сдавайся.

Аллис, отчаявшийся докричаться, построил параллельную мосту дорогу и добежал до нас. Он пытался сломать оболочку – я чувствовала едва уловимые толчки. И словно волны проходили внутри запертого тоннеля, но у него ничего не получалось.

– Ран, Кора, я вас сам убью, поняли? – орал он так грозно, что я готова была поверить – убьет.

У меня в глазах стали взрываться пятнышки света: еще немного – и потеряю сознание. Тогда мы оба погибнем…

Я больно прикусила губу, еле-еле поднялась на ноги и пошла вперед. Никогда не думала, что сделать пять шагов так трудно. Кончики наших пальцев соприкоснулись, и Ран тут же втянул меня в центр круга, мы почти рухнули друг на друга.

И в это мгновение магическая оболочка слетела, и тут же исчезло ощущение налипшей на голову материи. Я снова могла дышать! Какое счастье, оказывается, просто дышать! Вместе с воздухом ворвался ветер, ледяными пальцами погладил мои разгоряченные щеки.

Пару минут мы оба только и могли, что дышать, лежа на узком пятачке, привалившись друг к другу. Ран сжимал мои пальцы, словно хотел сказать, что все уже хорошо. И мы совершенно не обращали внимания на Аллиса, который бегал вокруг и ругался на двух идиотов, вернее, трех идиотов, потому что он третий – повелся на это дело.

…Ран проводил меня до двери комнаты.

– Хочешь, побуду с тобой?

Я поняла, про что он: спрашивает, не нужна ли мне поддержка, когда открою шкатулку. Но я отрицательно помотала головой:

– Нет, я сама.

Сказать по правде, мне было страшно ее открывать. А если не сработало? А если первый раз был случайностью?

Я решила сделать это утром и без сил рухнула на кровать, даже не раздеваясь. Вот только уснуть никак не могла: стоило закрыть глаза, и я снова брела над пропастью, а легкие готовы были разорваться от недостатка воздуха. Я делала судорожный вдох и садилась на постели. В итоге к утру я ощущала себя совершенно разбитой. Когда в окна забрезжил сероватый угрюмый рассвет, я встала и подошла к столу.

– Ну что, – прошептала я шкатулке. – Ты ведь меня не подведешь, да?

Два глиняных шарика лежали на дне, и каждый прятал в себе отблеск души. Откроется ли мне сегодня новая тайна? Или мы рисковали напрасно?

Я вытащила один шарик и положила на ладонь. Если сработало – я это быстро пойму.

«Ну, миленький, ну откройся!» – мысленно шептала я, словно глиняный шарик был живым существом. Или все-таки был? Хоть немного?

Не знаю, в ответ ли на мои мольбы, но, скорее всего, все же потому, что я преодолела сложное испытание, он, как и первый, покрылся сеточкой трещин, а потом осел на ладони горсточкой пыли. Маленькая искорка выпуталась из коричневых крошек, поднялась в воздух на уровень моих глаз. Мне показалось, будто она рассматривает меня.

Я высунула язык, как в детстве, когда пыталась поймать ртом снежинку. Отчетливо вспомнила это ощущение, когда холодная снежинка колет словно маленькой иголочкой. Искорка ужалила гораздо больнее. Но ни вскрикнуть, ни отпрянуть я не успела.

Потому что уже в следующую секунду провалилась в темный колодец, а вынырнула в пасмурный день. Накрапывал дождик, я ощущала, как капли стекают по щекам. Но это было мелочью по сравнению с тем, что я стояла напротив полиписа, чьи стрекательные щупальца шевелились в опасной близости от моего лица. Я подняла руки в упреждающем жесте, словно хотела успокоить это существо, которое нервничало сейчас и готово было напасть.

Те самые руки, я их узнала. Но теперь их владелец был уже не так юн, как в первый раз. На тыльной стороне ладони давний зарубцевавшийся шрам. Это были руки с длинными тонкими пальцами, но в них ощущались сила и уверенность – руки аристократа и воина.

– Подчиняйся! – услышала я.

В голосе тоже сквозила твердость. Он произнес это слово так, словно безмозглая тварь полипис действительно могла понять и послушаться.

Бестия издала свой душераздирающий вопль, который в прошлый раз на несколько минут вывел меня из строя. А тот, чьими глазами я сейчас смотрела, даже на секунду не отвлекся. Удивительная энергия струилась в нем. Я только не могла понять, что это. Одно ясно – полиписа он не только не боится, но, кажется, задумал его себе подчинить. Никогда ни о чем подобном не слышала.

– Подчиняйся и слушайся меня, – повторил он.

Стрекательные щупальца вздрогнули в последней попытке одолеть врага, но тут же безвольно обвисли.

– Покружись-ка, малыш, – теперь в голосе уже не чувствовалось напряжения. – Давайте все потанцуем.

Он обвел глазами пространство, и я вместе с ним увидела внутренний двор замка, вымощенный брусчаткой, сейчас мокрой от дождя. Потемнели от дождя и стены. Кто-то осознанно снял защиту, чтобы впустить бестий в дом. На крытой галерее я увидела людей, наблюдающих за происходящим. Их лица хоть были сосредоточены, но напуганными они не выглядели. Значит, если я правильно понимала, здесь проходило какое-то запланированное испытание.

А еще я увидела, что двор заполнен бестиями. Полиписы, змеехвосты, ридусы, топперы и другие. Все раскачивались на месте, словно одурманенные, не пытаясь напасть. После приказа «потанцевать» твари стали медленно поворачиваться вокруг своей оси.

На галерее закричали, начали аплодировать и обниматься.

– Крис, они наши, они наши! – кричал какой-то паренек. – Следующую битву мы не проиграем! Ты это сделал!

– Я ведь говорил, – сказал хозяин голоса немного самодовольно, но в то же время снисходительно. – Единственный способ одолеть танатосов – обратить других бестий против них.

Я чувствовала, как тот, чьими глазами я смотрю, горд собой и в то же время опустошен – подчинение бестий прошло не так просто, как он хотел показать. Я знала, что он устал и нуждается в отдыхе. Но Крис – ведь его так назвали – продолжал стоять и улыбаться.

– Прочь! – бросил он бестиям, и те, как пьяные, поплелись к раскрытым воротам. – Ставьте защиту! – крикнул он людям, следившим с галереи.

Доверив другим активацию защитных амулетов и подумав: «Хоть с этим они должны справиться!», он шагнул в прохладный темный коридор, под каменные своды, и без сил прислонился к стене. «Проклятие, как я устал. К вечернему совету надо прийти в себя».

Тяжело ступая, он поднялся на второй этаж в свою комнату. Дрова, горкой сложенные в камине, запылали по щелчку его пальцев. Окно было распахнуто настежь, в комнате пахло сыростью. Крис протянул руку в сторону окна, и створки со всей силы захлопнулись.

Что? Как такое возможно? Это магия стихии воздуха. Но он только что разжег огонь, я ведь видела!

Крис заглянул в смежную со спальней клетушку. Я увидела древний рукомойник, деревянную шайку, подставленную под него. Понятно, комната для умывания. Тот, чьими глазами я смотрела, нажал на стержень, выпускающий воду, но тоненькая струйка бежала едва-едва.

– Все приходится делать самому! – пробормотал он.

Снял крышку с рукомойника, заглядывая внутрь. После дождя все напиталось влагой, но сейчас я почувствовала, что воздух стал сухим и шершавым, как в тот день в столовой, когда Ран вытянул воду, чтобы залить огонь. Зато рукомойник оказался заполнен почти наполовину.

– Отлично.

Кажется, сам Крис был вовсе не удивлен тому, что он обладает магией трех стихий. Может быть, и стихией земли тоже, просто я не видела. Для него происходящее было в порядке вещей, а я, наблюдая, мысленно кричала от изумления. Я никогда-никогда не видела ничего подобного.

Пока я пыталась переварить увиденное, он с удовольствием умывался, раздевшись до пояса. Прохладная вода стекала по плечам и груди. Когда он опускал взгляд, я видела шрамы, змеившиеся по коже, – десятки шрамов. Должно быть, подчинить бестий удалось не с первого раза.

Вот он умылся и, протерев от влаги зеркало, посмотрел на свое отражение. Я увидела молодого еще мужчину с длинным узким лицом, синими яркими глазами и черными, слегка вьющимися волосами, достающими до плеч. Я никогда не видела, чтобы у стихийников были волосы цвета воронова крыла. У земляных бывают темно-русые, но им далеко до этого насыщенного темного оттенка. И хотя я точно знала, что раньше не встречала этого человека, все же его лицо было мне странно знакомо.

На меня смотрел из зеркала волевой, самодостаточный и уверенный в себе человек, который знает о своей силе, но использует ее разумно.

Крис смотрел на отражение и в то же время будто бы сквозь себя. Вот он наклонился ближе, и я погрузилась в пронзительную синеву его глаз. Тут он подмигнул и улыбнулся краешками губ.

– Ну, здравствуй, преемница, – сказал он вслух.

Глава 21
Разговор с директором

Ран ждал на нашем месте. Давно ждал, наверное: поднял воротник пальто, спасаясь от ветра, и снежинки уже успели припорошить волосы. Он еще не видел меня, задумчиво глядя в сторону, а я замерла на верхней ступеньке, любуясь. Сердце готово было разорваться от нежности. После бессонной ночи и очередного видения, которое меня потрясло, очень трудно было контролировать эмоции. Но я и сама затруднялась назвать, что же чувствую на самом деле. Все чувства перемешались. Благодарность – он так верит в меня, не бросает, он всегда рядом. Восхищение – он такой сильный и смелый, просто невероятный. А еще сразу полезли в голову непрошеные воспоминания. Вот он ведет меня в танце, бережно обнимая за талию. Кормит с ложечки. Поправляет капюшон, чтобы закрыть от ветра. Греет мои заледеневшие руки.

Ран, ты просил в тебя не влюбляться. Ты с самого начала старался быть честным, не хотел, чтобы я испытывала напрасные надежды… Но как, скажи на милость, не влюбиться в тебя?

Он обернулся, увидел, взбежал по ступенькам навстречу.

– Ты как, Корюшка? – спросил, пытаясь поймать мой взгляд.

Переживает за меня. Конечно, как за младшую сестренку, не больше, и все-таки… Бедное мое сердце, я уже дышать едва могу…

Ран не знал, что со мной творится, но, видимо, понял, что я на грани нервного срыва. Притянул к себе, обнял, прижался щекой к моей макушке. А я вдыхала его теплый запах и готова была стоять так до скончания веков.

– Ничего не получилось? Не переживай. Ерунда. Ты только не расстраивайся. Мы еще не сдаемся.

– Все получилось, Ран, – прошептала я. – Ты только не подумай, что я врушка. Я сама ни о чем подобном не слышала никогда…

– Даже в мыслях не было так подумать о тебе. Ты просто начинай рассказывать: слово за словом. Я очень внимательный слушатель, поверь.

Он отпустил меня и предложил свой локоть в качестве опоры.

– Держись, и пойдем прогуляемся. До начала занятий есть время – утреннюю тренировку я решил отменить.

– Да неужели? – улыбнулась я. – Ого! Чудеса не прекращаются!

Ран, увидев мою улыбку, выдохнул с облегчением. Тоже улыбнулся.

– А будешь хихикать, сейчас быстро передумаю.

– Ой-ой, боюсь-боюсь!

Он сделал движение, будто собирается меня схватить, я смеясь отпрянула, но тут же поскользнулась на обледеневших ступеньках и едва не упала. Ран удержал у самой земли. Его лицо оказалось рядом с моим, так близко, что я окунулась в темноту его глаз. Его губы в сантиметре от моих. Я чувствовала его дыхание. Сколько он так держал меня? Не знаю – секунду, а может, столетия… Время остановилось. Поцелуй меня. Поцелуй меня, Ран. Пожалуйста…

– Так, все же давай держись за меня, – сказал он строго, поднимая меня на ноги и отряхивая мантию, которая успела испачкаться в снежной крошке.

Чудесное мгновение растаяло, оставив после себя ноющую пустоту. И все же – вот он, рядом. Пусть только как друг. О, светлые боги, спасибо и за это…

Я оперлась на его руку, и мы отправились гулять по безлюдным дорожкам парка. От свежего воздуха голова прояснилась, и я постаралась рассказать об увиденном без эмоций. Факты, только факты. Ран внимательно слушал, не перебивая, а когда я замолчала, сказал:

– Невероятно.

Уверена, внутри у него все бурлило от изумления. Но в этом весь Ран – сдержанный и рациональный.

– Прямо мне в глаза посмотрел, – повторила я последнюю фразу. – Словно он меня видел. Но ведь это лишь воспоминание, как такое возможно? И преемницей меня назвал, представляешь? Вдруг я так тоже смогу… Ну, когда…

– Кора, ты ведь помнишь, что нам говорил директор? Магию получают только два процента… Не очаровывайся раньше времени, чтобы потом не разочароваться. Но, знаешь, мне кажется, то, что ты увидела, очень важно! Терран Аквидус – куратор моей курсовой, может быть, он подскажет что-то? А по поводу того, что Крис – так ведь его звали? – разговаривал с тобой… Я, конечно, в огненной стихии очень мало что понимаю, но ведь разве ваши глиняные големы, хранящие отблески душ ваших предков, не разговаривают с вами? Что-то, видно, остается – не только память.

– Где же он теперь? – задумчиво спросила я.

Ран покачал головой:

– Если бы знать… Но я думаю, где-то внутри тебя. Стал частью твоей души, быть может.

– Ж-жутковато. – У меня, правда, даже голос задрожал.

Ран потрепал меня по плечу.

– Ну а кто говорил, что будет легко? Держись, дружище.

Мы так увлеклись беседой, снова и снова обговаривая детали, что едва не опоздали на занятия. Я ворвалась на лекцию по истории магии, уверенная, что пришла позже всех. Но волновалась зря. Лоерран Мен, тот самый пожилой преподаватель, что провел у нас когда-то первое вводное занятие, сам любил опаздывать. Мало того что задерживался на несколько минут, на самих лекциях он словно существовал отдельно от нас: заводил монотонным голосом пересказ основных исторических событий. И так это нудно у него получалось, что даже эпические сражения – например, битва при Нарре, сказания о которой хранились в каждой семье, – превращались в сухое перечисление фактов. Особо прилежные студенты честно пытались вести записи, но большинство занимались чем угодно, только не учебой. Компании, устроившиеся на задних рядах, играли в «Звездочку» – ведущий прятал крошечный огневик где-то в аудитории, а другие участники задавали ему наводящие вопросы, пытаясь угадать, где огневик находится. Иногда так увлекались, что начинали говорить громче преподавателя. Того, впрочем, это нисколько не смущало – он даже не повышал голоса: как вещал, так и продолжал.

Я вошла в учебный кабинет и увидела, как огневики вольготно расположились за партами, ожидая появления магистра Мена. Некоторые, подложив под голову матерчатые сумки, всерьез намеревались поспать. Вита и Норли, сидевшие наверху, помахали мне, приглашая присоединиться. Так приятно. Кажется, я только сейчас впервые почувствовала, что стала здесь своей. Что вхожу в аудиторию без опаски, смело смотрю в глаза однокурсникам. Всем, кроме одного…

Я замерла на пороге, отыскивая взглядом Вика. Тот сидел на своем обычном месте – в центре. Он всегда сидел один, ни с кем не желая делить стол. Вот и сейчас развалился, раскинув руки по спинке скамейки и расставив ноги почти на ширину плеч. Словно хотел занять как можно больше места в пространстве. Поглядывал вокруг с чувством превосходства.

Заметил меня на пороге, и лицо расплылось в нехорошей улыбке. Он был уверен теперь, что я у него на крючке.

Признаться, вчера он действительно меня напугал. Теперь я вспоминала наш разговор и недоумевала: как я могла повестись на шантаж? Довольно жалкая и глупая попытка, если разобраться. Кто поверит бастарду?

Я смотрела сейчас и видела озлобленного мальчишку,

который с боем вынужден добиваться своего места в жизни. Без конца доказывать, что он тоже достоин находиться здесь. На самом деле, если разобраться, между нами было больше общего, чем казалось. Жаль, что он такой мерзавец…

Еще вчера я бы отвела взгляд, опустила голову и попыталась незаметно прошмыгнуть мимо, но сегодня утром во мне что-то изменилось. Я видела растерянного парня, который думает, что получить что-то в этой жизни можно только силой.

Я не стала отворачиваться и пошла прямиком к столу Вика. Вита и Норли делали большие глаза и подавали руками запрещающие знаки. Я и сама побаивалась, но уже хорошо изучила Вика. Он же трус. Показывает свою удаль только тогда, когда уверен, что никто из преподавателей не видит. А сейчас, при всех, остережется что-то мне сделать.

Вик не ожидал такой наглости от пустышки и продолжил сидеть. Этим я и воспользовалась: оперлась руками на парту и нависла над огневиком, глядя ему прямо в глаза – тот даже подался назад.

– Слушай, ты! – сказала я, стараясь подражать Грете, которая у нас вообще-то девушка суровая и спуску никому не дает, даже с папой умудряется спорить. – Я тебе даю последнюю возможность оставить меня в покое.

– Что, побежишь к директору жаловаться, пустышка-гнилушка? – Вик старался сохранять хладнокровие и плевался ядом, но меня ему обмануть не удалось – занервничал, да еще как!

– Ну зачем же к директору! Скажу братьям, и они тебе голову оторвут. С удовольствием причем!

– Нужна ты больно своим братьям… – Голос уже не такой решительный, как вначале.

– А не важно – нужна я им или нет. Они вступятся за честь семьи. Потому что то, в чем ты попытаешься меня обвинить, это, знаешь, на оскорбление рода Флогис тянет. Может, и папа подключится к отрыванию головы. А также Ран и его отец. Но так как голова у тебя только одна, то, боюсь, другие части тела тоже оторвут. Так что держи их при себе, понял?

Я хотела ущипнуть его так же сильно, как он меня вчера, но не стала пачкать руки об эту мерзкую тварь. Ограничилась тем, что смела со стола учебники и удалилась наверх под одобрительный гул голосов. И рада бы праздновать победу, но на душе стало гадко, словно в грязи извалялась. Но по-другому как? С такими, как Вик, видно, никак. К тому же торжество момента испортило то, что он прошипел мне в спину: «Еще посмотрим, кто кого, пустышка!»

Посмотрим. Ладно. Я тебя не боюсь больше!

Бухнулась за парту и дрожащими руками принялась вытаскивать книги. Подруги смотрели с уважением. Вита отобрала мою сумку и принялась помогать: выложила учебник «История магии», стопку листов и чехол с перьями.

– Кора, это было нечто! – прошептала она. – Ты что такое с утра проглотила, отважный мышонок?

Я почувствовала, как меня разбирает смех. Вита, сама того не понимая, угодила прямо в точку. С утра я кое-что проглотила. Может быть, моя смелость действительно связана с этим. А может, у меня после бессонной ночи нервы на пределе и я готова порвать всех на лоскутки. Представив, что рву Вика на лоскутки, я прыснула, не в силах больше сдерживаться. Вита и Норли захохотали вслед за мной.

Наше веселье прервал Арл Моро, внезапно выросший на пороге аудитории.

– Что за хохот? – крикнул он, обводя первокурсников хмурым взглядом. Взгляд остановился на мне: – Кора Флогис – к директору. Быстро.

– Но я… – пискнула я. – Я больше не буду. Правда.

– К директору! – повторил куратор и скрылся в коридоре.

Вик обернулся и ехидно мне подмигнул. Вот так всегда. А я уже думала, что выиграла эту битву…

К директору плелась еле-еле, оттягивая момент. В коридорах стало тихо – студенты и преподаватели разошлись на занятия. Куратор тоже не стал меня дожидаться – знал, что ослушаться я не посмею. Подумаешь, посмеялась немножко – за это сразу к директору?

Я замерла у черной двери. Что надо говорить в таких случаях? «Господин директор, я такая-то, меня направили к вам за проступок такой-то?» Ну, звучит неплохо, так и начну! Я решительно повернула ручку, дверь распахнулась неожиданно широко, и я стремительно влетела, с трудом затормозив уже у самого директорского стола.

– Эффектное появление, – сдержанно заметил Терран Аквидус. – Думаю, мастер Маринер, ваши опасения насчет угнетенного состояния духа вашей подопечной немного необоснованны.

Мастер Маринер? Я удивленно оглянулась и увидела Рана, сидящего в кресле.

– Кора, садись, – прошептал он.

– Да, присаживайтесь, госпожа Флогис.

Я присела на краешек свободного кресла, прямая, как палка. Директор посмотрел на меня, и его взгляд смягчился.

– Кора, будь добра, перескажи мне все, что ты видела. Ран очень беспокоится за тебя. И я, признаться, тоже.

– Да, хорошо… Но с чего начать?

– Расскажи, начиная с первого видения, а на втором остановись подробнее. Договорились? И не волнуйся так, мы здесь для того, чтобы помочь тебе.

Я вздохнула. Одно дело – рассказывать Рану, и совсем другое – директору Академии. Я его немного опасалась. Он смотрел на меня внимательно и строго, и, хотя губы его улыбались, в глазах улыбки не было.

Но когда я начала говорить, то сама не заметила, как увлеклась и постаралась припомнить все подробности, какие успела заметить во время своего недолгого погружения. Только иногда, наткнувшись на взгляд Террана Аквидуса, я ненадолго терялась – такой это был тяжелый, изучающий взгляд. Словно он хотел проникнуть в мои мысли.

– Так ты говоришь, его звали Крис?

– Да… Так его называли. Думаю, это его имя…

Директор откинулся на спинку кресла и задумался, сцепив руки на груди. Я только сейчас заметила, какой у начальника Академии уставший вид. Лицо осунулось с нашей последней встречи, в волосах появилось много седины. Как-то он сдал за эти пару месяцев. Чем-то болен?

– Надежда еще есть, – пробормотал он, забывшись, но понял, что мы его услышали, и преувеличенно бодро улыбнулся. – Я говорю, есть надежда на то, что наша старательная Кора получит магию.

– Господин Аквидус, – робко обратила я на себя внимание. – Я могу магию всех стихий получить? Крис, кто бы он ни был, назвал меня преемницей.

Директор рассмеялся, но так ненатурально, что мы с Раном переглянулись.

– Что ты! Четыре стихии! Боюсь, при всей живости твоего рассказа эта часть тебе просто померещилась. Ты выдаешь желаемое за действительное. Окно захлопнулось сквозняком, воду наверняка еще раньше налили в рукомойник. Твой предок, несомненно, был магом огня.

Я открыла рот, чтобы возразить – ведь я все видела ясно, – но директор говорил так уверенно, что я теперь тоже засомневалась. Во всяком случае, я обрадуюсь даже одной стихии, если она появится у меня.

– Кстати, я подумал о следующем испытании для Коры.

При слове «испытание» у меня чуть глаз не задергался. Нет, я, конечно, на все согласна, но дайте мне передохнуть! Ран, похоже,

думал так же.

– При всем уважении, господин Аквидус, мне кажется, что об этом рано говорить.

– Мастер Маринер, похвально, что вы волнуетесь за свою подопечную, но я руководитель курсовой и имею право вас направлять. – Директор попытался сгладить суровую выволочку улыбкой, но уже стало ясно – он настоит на своем. – К тому же у Коры будет месяц на то, чтобы подготовиться.

– К чему подготовиться? – не выдержала я. В конце концов, речь шла о моей жизни.

– К турниру, Кора. К ежегодному турниру на мечах. Думаю, Ран неплохо тебя подтянул за это время. Ты должна выйти в финал. И в финале сразиться с одной из бестий.

Ран поднялся, не в силах больше молчать.

– В Большом Турнире принимают участие студенты не младше третьего курса. Кора едва научилась правильно держать меч, – отчеканил он, с трудом удерживаясь в рамках приличия: на полтона выше, и это была бы уже непозволительная дерзость. – Бестию финалисты должны одолеть с помощью магии своей стихии. У Коры нет магии. Как она справится?

– Как? – Терран Аквидус приподнял брови, будто правда удивился. – Ты ведь слышал. Как там говорил Крис: «подчиняйся» и «слушайся»? Я уверен, у Коры все получится. А ты?

Ран сжал губы. Кивнул. У нас, похоже, просто не было выбора. С другой стороны, чем это испытание хуже любого другого? У меня будет еще месяц на подготовку.

– Мы можем идти?

Директор кивнул. Я опять увидела уставшего, пожилого человека, на плечах которого словно лежал непосильный груз.

Я поднялась. В последнюю секунду заметила, что на столе перед Терраном Аквидусом лежит древняя книжица, такая потрепанная, что название с трудом можно было прочитать на побуревшей от времени обложке. «Устав Академіі, собственнаручно составленный господіном Рігером в год основанія ея».

Ничего себе. Если верить названию, то это самая старая книга из тех, что хранятся в Академии. Зачем директор Аквидус изучает ее? Что он надеется там найти?

Я засмотрелась на «Устав», поэтому Рану пришлось схватить меня за руку и буквально утащить за собой.

В коридоре он тихонько встряхнул меня за плечи.

– Кора, ты как? Ничего не бойся, слышишь? У нас есть еще месяц на подготовку… Мне все меньше это нравится. Ты заметила – директор сам не свой. Он будто лично заинтересован. Это уже

переходит все разумные границы…

– Ничего. Испытание как испытание. Еще месяц впереди. Я не боюсь, честно.

Ран тряхнул головой.

– А я боюсь. Я очень за тебя боюсь!

Ах, Ран. Да только за эти слова я готова сразиться со всеми бестиями мира. Я знаю, я просто глупая влюбленная девчонка. Я уткнулась ему в плечо, пряча улыбку. А Ран, уверенный, что я замерла от страха, прижал меня к себе, утешая.

Глава 22
Сессия приближается

Утром следующего дня на занятие по боевым заклятиям магистр Толли ворвался сам не свой. Все, конечно, и так давно привыкли к его стремительности: наш преподаватель не входил в аудиторию, а влетал, не снимал перчатки с рук, а сдергивал, так, что становилось страшно, вдруг пальцы останутся внутри. Во время лекции, не переставая, ходил по классу, а если присаживался, тут же начинал раскачиваться на стуле. Он словно всегда до краев был наполнен энергией. Поэтому, когда он превзошел сам себя – распахнул дверь с такой силой, что она ударилась о стену и срикошетила обратно, мы, и так сидевшие на его занятиях тише воды ниже травы, совсем затихли.

– У меня для вас две новости – одна хорошая, другая плохая. С какой начать?

– С плохой, – мрачно озвучил наше общее мнение Давен.

– С этого дня практические знания по применению боевых заклятий станут ежедневными. Мы с госпожой Руни договорились, что дополнительную практику проводить буду я. Для меня это хорошая новость, но вас, боюсь, она не обрадует. Тренировки по мечевому бою также увеличатся вдвое. Зато число теоретических занятий сократят.

– А что, мы к вражескому наступлению готовимся? – мрачно пошутил кто-то.

– Вот теперь мы перейдем к хорошей новости! Первокурсники в этом году по решению директора будут допущены к участию в Большом Турнире.

Если магистр Толли думал, что эта новость кого-то обрадует, то он сильно ошибся – все сидели с кислыми лицами. Только я раскрыла рот, ошеломленная этим известием. Это все из-за меня? Директор понял, что участие в Турнире одной-единственной первокурсницы будет выглядеть странно, и внес изменения в устав? Ого…

– Вы рады чести, оказанной вам? – По магистру Толли никогда не было понятно – шутит он или говорит серьезно, лицо его всегда выглядело довольно угрюмо.

– Безмерно, – высказался за всех голос с задних рядов.

В тот же день нам объяснили детали. Большой Турнир в этом году сдвинут на месяц, на конец зимы, – специально, чтобы мы успели подготовиться. Отличная новость – значит, у меня в запасе не месяц, а два месяца. Спасибо, директор!

Обычно Турнир совпадает с зимней сессией, а в этом году мы закроем сессию и сможем спокойно готовиться к соревнованиям. Тоже хорошо!

Преподаватели, ведущие теорию, ворчали весь остаток дня. Особенно возмущался магистр Корр, хотя его курс «Введение в Бестиарий» никто не урезал, оставили все лекции.

– Совсем детям заморочили мозги своими железяками и заклятиями. А кто будет развивать мозги? В бою в первую очередь нужны мозги, а не умение размахивать мечом!

Даже я понимала, что в бою на одной только смекалке не выедешь, что нужно все сразу – и владение заклятиями, и твердая рука, и ум, конечно, куда без него. Но пожилому преподавателю мы не перечили – вздыхали и кивали, надеясь, что на экзамене за наши страдания к нам будут более благосклонны.

Со следующей недели началась веселая жизнь. Утром тренировка с Раном, затем лекции, потом практические занятия, после бои на мечах. Вечерние тренировки Ран отменил, сказав, что я и так шатаюсь, как былинка, а на лице одни глаза остались. Я возразила, что там по меньшей мере имеется еще и нос, но Ран усмехнулся и ответил, что эту кнопку назвать носом можно с большой натяжкой.

И даже несмотря на уступку с его стороны, все, что мне хотелось сделать, приползая домой едва ли не на четвереньках, – это лечь и умереть. Но в преддверии сессии нам задавали столько всего учить, что я, покричав от злости в подушку, зажигала пару свечей, садилась за стол и открывала учебник.

Радовало то, что я успевала почти по всем предметам. Правда, едва начинала читать историю магии, в голове немедленно возникал размеренный тихий голос магистра Мена и начинало неудержимо клонить в сон. Но я надеялась, что ближе к сессии все же соберусь и одолею все параграфы.

А вот боевые заклятия стали неодолимым рубежом. Магистр Толли всегда бывал крайне сдержан – он не хвалил меня, конечно, смешно было бы хвалить пустышку, все занятие простоявшую с вытянутыми руками и зажмуренными глазами – это я концентрировалась так. Но и не ругал. Ругать меня тоже было не за что, я честно старалась.

Я немного завидовала однокурсникам, которые прямо на глазах учились применять магию. У Лекса получилась огненная сеть второго уровня. А Вита чудесно умела изготавливать огненное лассо. Да, я завидовала, но еще больше я гордилась ими и каждому желала удачи на Большом Турнире.

Пока о Турнире я предпочитала надолго не задумываться. Я знала: для того чтобы выйти в финал, мне придется одолеть

пятерых соперников. Я уже неплохо владела мечом, благодаря Раннитару, но понимала, что до совершенства мне далеко. Что же, значит, тренировки, тренировки и еще раз тренировки.

А вот если я окажусь в финале… Каждый финалист выйдет один на один против бестии. Какой – решает жребий. Оружие запрещено. Одолеть тварь придется с помощью магии. Едва я пыталась представить, как стою на арене амфитеатра напротив змеехвоста или топпера, лоб покрывался холодной испариной. Я даже пикнуть не успею, как окажусь разрезанной пополам, или искусанной, или… Так, лучше не представлять!

Но пока и сам Турнир, а тем более финал казались чем-то очень далеким. Сначала надо сдать сессию, а там посмотрим.

Как раз сессия надвигалась неотвратимо, как снежная лавина. На двери нашего кабинета повесили расписание экзаменов. Первой оказалась история магии. Я издала стон, а следом за мной Вита.

– Не-вы-но-си-ма-я скука! – вслух озвучила она то, что вертелось у меня на языке. – Сейчас изреку пророчество!

– Ну? – заинтересовалась я. Основы предсказаний у нас начинались только со второго курса.

– Пророчество! – Вита закатила глаза и протянула вперед скрюченные пальцы. – Я получу первую в жизни отметку «скверно»!

Это получилось у нее так уморительно, что я покатилась от хохота. Ну, если уж Вита получит «скверно», то мне больше чем на «чудовищно» и надеяться не стоит. О чем я ей незамедлительно сообщила.

– А ты попроси Рана тебе помочь, раз он все равно взялся тебя учить. Он по этому предмету лучший на курсе.

– Правда? – удивилась я. Об этом я не знала.

– Ну да. Сестренка рассказала. Она третьекурсница, у них иногда бывают общие занятия с водниками. Говорит – хочется иногда Рана стукнуть по голове чем-нибудь. Нельзя же быть таким хорошеньким и таким занудным.

Ран – занудный? Вот бы ни за что не сказала! Я-то знала, что он способен быть веселым, и забавным, и смеяться вместе со мной. Но соглашусь, со стороны может сложиться такое впечатление – обычно он неулыбчивый, вежливый и серьезный.

Следом за историей магии два дня подряд будем сдавать боевые заклятия огненной стихии. Первый день теорию, второй – практику. И если за теорию я не очень волновалась, то практика… Ну, понятно.

Вита заметила, что я погрустнела, и вздохнула.

– Кора, да не расстраивайся. Магистр Толли на твоей

стороне. Просто поставит тебе «весьма посредственно», и все…

Она быстро посмотрела на меня – не обиделась ли я. Я не обижалась. На правду, какой бы горькой она ни была, не обижаются.

– Ладно, пойдем. – Я толкнула дверь и вошла в кабинет.

Студенты гудели как растревоженный улей. Похоже, расписание сессии, хотя все и так прекрасно знали, что она не за горами, стало последней каплей, переполнившей чашу терпения.

Кеннет, наш остряк-самоучка, рассказывал анекдот про студентов:

– Выступает директор перед попечительским советом Академии и говорит: «Студенты наши с утра до ночи на мечах тренируются, и ничего, не ропщут. А еще лекции, да на дом задания – с пониманием относятся. Сессию и Турнир скоро на них обрушим – молчат, терпят». Тут голос с задних рядов: «А вы ядом не пробовали?»

– Что-то не смешно, – буркнул Вик. – Тупо как-то.

– Это про то, что нас ничего не берет, – принялся объяснять Лекс, все принимающий за чистую монету. – А ядом – чтоб наверняка!

– Да понял я, – огрызнулся Вик.

– Но, если честно, сил нет никаких, – пожаловалась Клара. – Я никогда не слышала, чтобы на первокурсников такая нагрузка была.

Все согласно закивали и замычали.

– Не пойму, зачем это старикану, – зло сказал Вик. – Это уже не учеба, а какой-то театр военных действий.

Его реплика тоже была встречена понимающими вздохами и унылыми гримасами. Но назревающий в рядах первокурсников бунт быстро пресек магистр Толли, который, оказывается, давно стоял на пороге, прислушиваясь.

– Так-так, что это за упадочнические настроения? Старикан, – он выделил это слово голосом так, что Вик посерел и скукожился, – не одобрил бы. Вам дают возможность развиваться и совершенствоваться. Верят в ваши способности и силы. А вы недовольны?

Студенты разошлись по местам, опустив головы. Я тоже ужасно устала от занятий, тренировок, волнений, но не могла даже жаловаться. Вдруг это из-за меня директор устроил всем веселую жизнь?

Как бы там ни было, а до сессии оставалось меньше двух недель. Вечером того дня я села с учебником по истории магии, полная решимости одолеть хотя бы три параграфа. Утром обнаружила себя спящей на столе, удобно устроившись щекой на

книге вместо подушки. Караул! Так дело не пойдет. Похоже, действительно придется попросить помощи у Рана.

И на тренировке, не откладывая дела в долгий ящик, в тот момент, когда Ран в очередной раз отбил мой удар, выпалила скороговоркой:

– Помоги мне, пожалуйста, подготовиться к истории магии, а то я завалю!

Какой отличный момент я выбрала, чтобы попросить об услуге, – Ран удивился и пропустил укол.

– Ага! Один – один!

И притихла, ожидая его решения.

– Кора, я бы с радостью. Но где? Вечером корпуса закрыты. В парке холодно. К себе я тебя пригласить не могу – сама понимаешь…

– М-м-м… В коридоре нашего корпуса? Сядем на подоконник и будем заниматься.

Ран задумался. Наверное, взвешивал все за и против.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Но обещай слушаться!

– Я тебя всегда слушаюсь, – сказала я, опуская глаза и всем видом изображая прилежную ученицу – только бы не передумал.

– Хитруля! Кстати, после того как сдашь сессию, тренировки придется усложнить. Тебе надо пройти в финал. И ты пройдешь – обещаю.

Вот так новость, и он очень уверенно об этом говорит.

– Но как?

– Пока не скажу, – улыбнулся Ран. – Позже, позже…

– Ах, коварный!

Пока Ран отвлекся, я ткнула его мечом в бок, что не совсем по правилам, но до его плеча дотянуться сложно:

– Попался! Бестия сцапала тебя!

* * *

Заниматься в коридоре, сидя на подоконнике… Увы, уже через полчаса стало ясно, что это плохая идея. Никогда не думала, что вечером студенты ведут такую активную жизнь. Я, возвратившись в комнату, больше ее не покидаю. Но, как оказалось, я одна такая. Все ходили-бродили, компаниями и поодиночке, перемещаясь из одной комнаты в другую. За короткое время, когда мы честно пытались учить, мимо прошли, кажется, все знакомые огневики. Включая родных братьев и сестер. Фрост сделал вид, что не заметил меня, чего и следовало ожидать. Димер протащил мимо огромный бумажный пакет, до

краев заполненный смесью орехов и сухарей.

– Ран, у нас тут посиделки на втором этаже. Присоединяйся, – махнул он рукой. – Мы как-то мало общаемся в последнее время. Окончательно решил променять меня на Корявку?

Меня, ясное дело, никто присоединиться не пригласил. Я побоялась, что Ран предпочтет Димера скучным урокам, тем более что братец явно давил на его совесть. Действительно, ведь это из-за меня их дружба разладилась… Но Ран покачал головой:

– Не сегодня. Я никого ни на кого не меняю. Просто занят в последнее время.

– А-а, курсовая, все дела. Прогиб удался?

По лицу Рана пробежала тень. Мне в этот момент показалось, что он уже не первый раз слышит обвинения в свой адрес. Наверное, все думают, что курсовая – просто удачный способ подмазаться к директору. Одна я знаю, что на самом деле он согласился ради меня.

– Ты нас отвлекаешь, – сухо сказал он.

Димер хохотнул и ушел, но спокойнее не стало. Из своей комнаты выплыла сонная Грета, видно, ей сообщили, что сестра, как беспризорница-сиротинушка, мерзнет в коридоре.

– Ты чего здесь? А-а-а, к экзамену готовитесь. Вот вы неугомонные! Спать идите!

Мы твердо сказали, что будем учить.

Грета покачала головой, но сделала пару огневиков, причем таких, которые не лопнут с уходом хозяйки, а будут светить еще несколько часов. К сожалению, даже после этого в покое нас не оставили.

Мне очень нравится Вита. И Норли. И даже к Лексу я питаю нежные чувства. Но когда эта компания пристраивается рядом на подоконнике, думая, что поддерживает нас, а на самом деле жутко мешая, кровь, даже моя, начинает медленно закипать. Вита причем уселась едва ли не на колени к Рану, хихикая и кидая на него лукавые взгляды из-под челки. Я не ревновала, совсем нет. К тому же Ран все-таки не шутил, когда говорил, что не может влюбиться. Я ни разу не замечала, чтобы он кинул на кого-то более заинтересованный взгляд, чем обычно. Вот и на Виту смотрел с вежливой улыбкой, терпеливо выслушивая ее жалобы на преподавателей-извергов.

– Вита, – не выдержала я наконец. – Мы уже час здесь сидим и ничегошеньки не выучили!

– Ладно, ладно. Я поняла, – вздохнула подруга. – Пойдемте, ребята.

На минуту все стихло, мы даже успели склониться над учебником и прочитать первый абзац, как в соседней комнате

раздался взрыв хохота, тут же перепутав в голове все мысли.

– Прости, Корюшка, заниматься здесь невозможно, – сказал Ран, аккуратно закрывая книгу. – Я постараюсь что-то придумать завтра, но сегодня надо прерваться.

Еще один вечер прошел впустую. Как обидно. Наверное, только от досады я сказала то, что сказала:

– А пойдем ко мне. Там тихо и спокойно, никто не помешает.

– Кора…

– Ран! Вон в соседней комнате их толпа набралась – и девушки, и парни. И никто их не обвинит в чем-то. Да никто и не узнает! И вообще, что за прошлый век! Ты в себе уверен?

– Абсолютно.

– Я в себе тоже! Так что бери учебник и пошли заниматься!

Так и получилось, что половину ночи мы провели на моей кровати. Учили, само собой, а не то, что Вик бы про нас вообразил. Сначала Ран думал, что мы будем читать параграф, а потом разбирать его, но учебник был написан таким сухим языком, словно сам магистр Мен его и сочинил.

Ран плюнул, отложил книгу и принялся рассказывать сам. Вот кто прирожденный преподаватель, честно. И я это вовсе не из-за того говорю, что самым бессовестным образом влюблена в моего друга. Он рассказывал так, что события и герои оживали, становились реальными людьми, которые любили, сражались и гибли. Я поняла, что легко и быстро все запоминаю.

Не знаю, как получилось, что моя голова лежит на его коленях, а Ран, перечисляя магические семьи, объединившиеся для битвы Поздней Весны, перебирает мои волосы. Он просто увлекся историей, но я и не думала его прерывать. Мы ничего плохого не делали…

Все закончилось тем, что я уснула, а потом сквозь сон слышала, как Ран тихонько опустил меня на постель, укрыл одеялом и выскользнул за дверь.

Глава 23
Первый экзамен

С тех пор мы занимались у меня. И если раньше начала сессии я ждала только со страхом, то теперь присоединилась еще и грусть: сдам экзамен – и эти чудесные вечера закончатся.

Наверное, Грета решила бы, что я ненормальная. Романтика ведь так себе – повторение основных битв и генеалогия самых известных родов. Так называемой Дюжины Силы. И род Флогис, и род Маринер были одними из самых древних, уходящих корнями в далекое прошлое. И, само собой, наши семьи принадлежали к Дюжине Силы. С чем мы друг друга и поздравили, хлопнув ладонью о ладонь.

– Ты будто не знаешь, – изумился Ран.

Но я отмахнулась:

– Знаю, да… Но как-то не держу в голове. Ты ведь понимаешь…

Я хотела сказать, что от меня продолжения рода не дождаться, потому совершенно не важно – к знатной семье я принадлежу или нет. У меня никогда не будет детей, которым я смогла бы это рассказать.

Я не договорила, но Ран все и так понял. Положил руку мне на плечо:

– Кора, но ведь скоро, может быть, все изменится!

– Да… Да, может быть.

Я очень-очень хотела на это надеяться. И тогда двум знатным и старинным семьям ничто не помешает объединиться…

Вот бы все лекции были такими, как эти вечерние занятия с Раном. Между делом я грызла орешки, а Ран, предпочитающий фрукты, время от времени отщипывал от грозди виноградины. Но так как говорил в основном он, то я, расправившись со своими запасами, незаметно подбиралась к ягодам и почти полностью обгладывала веточку, заслушавшись очередной историей.

– Ты ведь не любишь виноград? – один раз не столько возмутился, сколько удивился Ран.

– Ну, так-то да… Но я заслушалась!

– Хм… А вода в доме есть?

Я протянула ему кружку.

– М-м?

– Ну, сам себе сотвори немножко. В этой комнате столько сырости, что не на одну кружку хватит.

– Славно-славно, – притворно ворчал Ран, пряча улыбку. – Я

тут с ней занимаюсь, ночей не сплю. А она меня сыростью поит!

И все же, как ни прекрасны были эти вечера, но однажды наступил последний. Завтра утром первый экзамен. Сессия, которую все так ждали и так боялись, наконец началась. В тот вечер мы еще раз пробежались по основным вехам и событиям, и мне казалось, что я ничего, просто ничегошеньки не помню. Я совсем загоняла Рана, снова и снова заставляя его вкратце пересказывать то один момент, то другой, пока он не остановил меня:

– Кора, это бессмысленно. Либо ты знаешь, либо нет. Но ты знаешь! И перестань в себе сомневаться!

Утром у кабинета стояла толпа бледных, невыспавшихся однокурсников, которые держали в руках кипы исписанных листов. Они то застывали статуями, глядя в пространство остекленевшими глазами, то начинали судорожно перелистывать конспекты, как будто именно сейчас, в эту секунду, их озарило видение того, какой именно билет попадется. Я, помня о том, что сказал Ран, решила отпустить ситуацию. Я сделала все, что могла. Я честно учила. А теперь надо просто пойти и сдать.

Ко мне притулилась печальная Вита.

– Коржик, я без сил, – сообщила она. – И это, между прочим, только первый экзамен. На последнем я, видно, просто умру.

Дверь отворилась, и в коридор выглянул магистр Мен в парадной синей мантии. Студенты при виде него попятились прочь, образуя вокруг преподавателя кольцо, так, словно навстречу вышел не сухенький старичок, а какой-нибудь полипис.

– Ну, кто смелый? Кто в первой пятерке? – приветливо спросил пожилой водник.

– Пойдем! – Я потянула Виту за руку. – Быстрее зайдем, быстрее выйдем!

Она шмыгнула носом, но сопротивляться не стала. Лекса и Норли мы тоже утащили следом за собой. Пятым увязался Вик. Вот его только не хватало!

Наш привычный светлый кабинет сейчас казался мрачной обителью зла. На столе магистра Мена ровным полукругом были разложены прямоугольники бумаги – билеты. Честное слово, я сейчас испытывала ужас почти такой же, как тот, что чувствовала, ступая на воздушный мост. Один в один ощущения – моя рука зависла над билетом, как над беспросветной пропастью.

– Тяните, госпожа Флогис, не тяните! – скаламбурил Лоерран Мен. Он, кажется, как раз наслаждался происходящим: наконец-то чувствовал себя главным человеком в этой аудитории.

Я зажмурилась, цапнула бумажный квадратик, поднесла к лицу и только тогда открыла глаза. «Битва Поздней Весны.

Объединение родов. Ход и итоги битвы».

И тут же словно теплая волна укутала меня. Битва Поздней Весны, о которой я услышала в тот самый первый вечер. Ран рассказывает и гладит мои волосы… Я поняла, что помню все-все.

– Какое у вас довольное лицо, госпожа Флогис. Поняли, что знаете билет?

– Ага, – счастливо выдохнула я.

– Рад за вас. Садитесь, готовьтесь.

Вита, Норли и Лекс тянули следом, и, судя по облегчению, что отразилось на их лицах, билеты им тоже достались неплохие.

Вик свой билет сжег. Поднял, перевернул, заглянул на оборот, и бумага тут же вспыхнула в его руке.

– Ой, простите, магистр! Это от волнения!

От волнения, конечно! Даже голос его звучал неубедительно. Не только мы не поверили, магистра ему тоже обмануть не удалось.

– Еще одна такая выходка, Викар, и придете на пересдачу. А пока – минус один балл!

– Мастер Викар, – мрачно поправил его Вик.

– Мастером ты был бы, если бы родился в семье аристократов. Так что – просто Викар.

Ух, как он его! Жестко… Вик, несомненно, все это заслужил. Он сам считал всех ниже и глупее себя, вот и допросился. Но я увидела, как безвольно он опустил руки, и внезапно ощутила сочувствие. Я могла представить, что он испытывает сейчас.

Вик вытянул еще один билет и на этот раз молча ушел готовиться. А я, едва он сел, побежала к столу преподавателя. Я даже не стала ничего записывать – я и так все отлично знала.

Выпорхнула из кабинета десять минут спустя – у меня будто выросли крылья. «Выше всяких похвал», – нацарапал магистр Мен в ведомости напротив моей фамилии. Я сделала это! Я, еще несколько месяцев назад уверенная, что буду переползать с курса на курс с ведомостями, полными унылых «посредственно» и «приемлемо»

Магистр, пока писал, пробурчал под нос, думая, что не слышу: «А кровь-то не скроешь. Такая же упрямая, как все Флогисы». Это была, пожалуй, лучшая похвала.

Как жаль, что Ран сейчас на занятиях – сессия у третьекурсников начиналась на неделю позже. Так хотелось ему рассказать прямо сейчас. Ведь это и его успех, не только мой! Что же, придется подождать до вечера.

Я прислонилась к стене, ожидая, пока выйдут мои друзья, и тут же оказалась в эпицентре урагана.

– Кора, ну как там? Как у него настроение? Валит? Или

нормально? А какой тебе достался билет? Ты его куда положила? С краешка слева? М-м-м… Ну, я все равно этот вопрос не учил. А ребятам что досталось? Не знаешь? Ну как так-то? – Однокурсники налетели на меня как бестии, еле успевала отбиваться.

Хорошо, что дверь скоро отворилась, выпуская вспотевшую Виту, у нее даже челка ко лбу прилипла. Выглядела Вита так, словно только что провела бой.

– Ну что? – спросила я с замиранием сердца.

– Выше всяких похвал! – выдохнула она, словно сама не могла поверить в такую удачу.

– Ура! – закричала я.

Мы принялись прыгать как сумасшедшие, вгоняя в уныние однокашников – у них все самое страшное было впереди.

Вскоре к нам присоединился Лекс, тоже получивший высший балл, и Норли с «приемлемо», но она даже этому была рада.

– Это дело надо отметить! – сказала Вита. – Пойдемте в столовую, купим сока и заварных колечек.

Тех карманных денег, что нам выдавали на день и которые все же разрешали тратить на мелкие нужды, только на сок с колечками и хватит. Или на кулек орехов в лавке у Минни. Или на большую гроздь винограда. Именно виноград я и планировала сегодня купить. Для Рана…

Вита увидела, что я мнусь, и добавила:

– Пойдем, пойдем. Я угощаю!

Неудобно стало, но и отказываться не хотелось. И так приятно на самом деле, что меня зовут с собой.

– Ну ладно.

Но далеко мы уйти не успели: у лестницы нас остановил куратор. Сначала думал, что мы решили сбежать с экзамена. Потом, после наших объяснений, поздравил с первым успехом. А в итоге огорошил неожиданной новостью:

– Через два часа жду вас в холле спального корпуса. Будем решать насчет Зимнего Бала.

– Что? – опешили мы, впервые узнав о бале.

Но уже через мгновение я вспомнила про эту традицию – сестры рассказывали. Зимний Бал устраивают в честь первокурсников, сдавших первую сессию. Мы все будем открывать праздник – танцевать вальс.

– А кто будет в парах? – заинтересовалась Вита.

– Вот это и решим на собрании.

Когда мы, объевшиеся колечек, явились в холл, там уже собрались все наши. И кажется, что-то уже решили. Арл Моро тряс шапкой, в которой перекатывались свернутые в трубочку

бумажки. Увидел нас и крикнул:

– Вот они, явились! Быстро пишите свои имена. Сейчас будет жеребьевка.

Как выяснилось позже – распределить первокурсников по парам мирным путем не удалось, и Арл Моро решил подключить к этому делу судьбу: девушки пишут свои имена на листочках, молодые люди вытягивают их и получают пару для вальса.

– Несправедливо, – ворчала Вита, опуская бумажку со своим именем в шапку. – А почему это они выбирают? Почему не наоборот?

– Без разговоров! И чтобы я больше не слышал всего этого: ой, а мы по росту не подходим, ой, он танцует как моргер, которому башку отрубили. Все, демократия закончилась!

Я решила не возмущаться. Подумаешь, один танец. Зато потом весь вечер мы сможем танцевать с кем захотим! Я, например, точно знала, с кем хочу танцевать. Вспомнила свою ладонь в его руке и как он обнимал меня за талию, и улыбнулась.

– Я очень рад, студентка Флогис, что вы довольны выбором своего партнера, – услышала я голос куратора. Пока я отвлеклась, меня, выходит, кто-то уже выбрал. Кто же?

Я подняла голову и встретилась взглядом с ухмыляющимся Виком, который держал листочек с моим именем. Нисколько не сомневаюсь, что он снова сжульничал: просто подсмотрел, когда я опускала его в шапку.

– Я не собираюсь с ним танцевать! – крикнула я, но Арл Моро предостерегающе поднял ладонь. Судя по нахмуренным бровям, обсуждать выбор он явно не собирался.

– Вы свободны, студентка Флогис. Примерка платья вечером, не забудьте явиться. Потому что, если станете во время вальса наступать себе на подол, то сами будете виноваты!

Я не ушла, осталась ждать Виту. Хотя внутри все бурлило от чувства несправедливости и обиды. Я вынуждена буду дать ему свою руку? Разрешить ему безнаказанно обнимать себя за талию? Какая гадость! Я в упор смотрела на Вика, надеясь, что все чувства – и ненависть, и отвращение – написаны у меня на лице. Он, конечно, все понял, но только забавлялся. Подмигивал и делал вид, что кружит меня в танце, и правую руку, ту, что должна лежать у меня на талии, специально опускал все ниже, закатывая при этом глаза. Мерзкий.

Вита будет танцевать с Кеннетом, Норли с Лексом. Везучие!

Но я постаралась выкинуть неприятное происшествие из головы, повторяя себе, что это всего лишь один танец, а Вик на глазах у всех ничего не сможет мне сделать. Один танец, и я свободна! Не стоит даже печалиться! Тем более сегодня такой

отличный день. А скоро я увижу Рана, расскажу ему о том, какие мы молодцы!

В этот вечер я впервые за все время пришла на место встречи первой. Хорошо, что Ран не из тех, кто опаздывает, иначе бы мои руки, которые держали бумажный кулек с виноградом, совсем замерзли.

Он уже все знал! Ему, конечно, рассказали. Не знаю кто – может, сам магистр Мен, может, кто-то из студентов, ведь все давно в курсе, что Ран мой наставник.

Он шел и улыбался. Протягивал руки мне навстречу. Нет, нам нельзя так – кидаться друг другу в объятия у всех на глазах. Даже если это только дружеские объятия. Но он все равно меня обнял. По-моему, Рану по большому счету всегда было плевать на условности. Он был первым здесь, кто повел себя по отношению к пустышке так, словно она такой же человек, как остальные. Никогда этого не забуду.

Несчастный пакетик с виноградом, придавленный к широкой груди Рана, жалобно скрипнул и разорвался, несколько ягод упало на землю.

– Виноград? – удивился он.

– Ага… Это тебе. Вот.

Я быстрее сунула ему в руки пакет. Ран стоял такой растерянный, бережно держа на ладонях гроздь винограда, не зная, что сказать.

– Спасибо за то, что так хорошо меня подготовил, – окончательно смутилась я.

– Не стоит благодарности, Корюшка.

Мы оба неловко молчали какое-то время.

– Ну, пойдем тренироваться? Утреннюю тренировку пришлось пропустить из-за экзамена, так что будем наверстывать, – сказал Ран нарочито сурово.

– Не могу, – вздохнула я. Даже не притворялась – мне действительно было жаль, что тренировку придется отложить до завтра, но платье само себя не примерит.

Я рассказала ему про бал, только про Вика рассказывать не стала. Это мои проблемы. Даже не проблемы, а так – мелкие неприятности. Зачем Рану этим голову забивать, сама справлюсь. К тому же в чем я могла обвинить Вика? В том, что танец со мной достался ему по жребию?

– Ах да. Бал первокурсников, совсем вылетело из головы! Тебя проводить?

– Да, конечно! – обрадовалась я. Жаль было бы расставаться, едва увидевшись.

Мы шли по снежным тихим дорожкам. Постепенно темнело –

зимой такие короткие дни. Ран ел виноград, пытаясь и мне подсунуть, но без захватывающей вечерней истории виноград потерял для меня всю свою привлекательность. Тем более что теперь рассказывала я, а Ран слушал, время от времени покатываясь от смеха. Я и не думала, что рассказ о первом экзамене получится таким забавным.

На примерку собирались в большом зале центрального корпуса, где спустя несколько дней пройдет бал. Пока обстановка здесь царила совсем не праздничная. Столы, заваленные кипами материи, кабинки, обтянутые тканью, толпы озадаченных первокурсников, не понимающих, куда надо идти и что делать. Для того чтобы сшить наряды для бала, нанимали несколько десятков портных. Академия Пяти Стихий твердо стояла на том, что одежда, которую студенты надевают в стенах учебного заведения, здесь и должна быть изготовлена. По-моему, чрезвычайно хлопотная традиция. Уступка только в одном – платья и костюмы для бала первокурсников окрашены в цвета факультетов. Для огневиков – красные. Ну ладно, я еще могу понять красное платье на девушке. Но вот костюм красного цвета у парня! Все-таки иногда традиции бывают очень странные!

Ран, который сам когда-то присутствовал на такой примерке, твердо взял меня за руку и повел туда, где располагались кабинки факультета огневиков. Не прошло и пяти минут, как я оказалась втиснута в платье, в котором едва могла дышать, зато подол был таким длинным, что волочился за мной по полу.

– Ничего, ничего, госпожа, сейчас все поправим!

Пожилая портниха принялась ловко и быстро подкалывать материю.

– К следующей примерке все будет готово! А так идеально сидит на вас!

Зеркала отсутствовали, и оценить правдивость ее слов я не могла.

– Дышать тяжело, – пожаловалась я.

Она поднялась и оглядела меня критически:

– Да, грудка подросла. Ничего, разошьем.

Хорошо, что Ран этого не слышал. Я чуть со стыда не сгорела! Портниха, очевидно, добрая женщина и знает свое дело, но я уже не в первый раз замечаю, что с детьми аристократов они общаются так, словно перед ними глупые, ни на что не способные цыплята.

– Пройдитесь-ка, госпожа, – добавила она, так и не заметив своей оплошности.

Я послушно пошла вперед, путаясь в складках. И тут наткнулась взглядом на Рана. Он смотрел на меня так же, как в

вечер праздника Примирения, – будто узнавал и не узнавал одновременно.

– Ты совсем взрослая, Корюшка, – тихо сказал он.

Вот так новость. Он впервые это понял?

– И очень красивая.

Я почувствовала, как краснеют щеки. Наверное, я бы совсем сгорела от смущения, но Ран все-таки последнюю фразу сказал так, словно он мой брат и выпускает сестренку в свет. С нежностью и с гордостью, но немного отстраненно. И все равно после этих слов мое сердце забилось быстро-быстро.

Глава 24
Зимний Бал

Сессия, набирая обороты, торопливо катилась вперед. По всем теоретическим дисциплинам, даже за теорию ведения боя, я получила высший балл. Практика далась хуже. Мечевой бой я едва не завалила. Меня поставили против паренька с факультета воздушников. А они просто нереальные ребята, я еще в первый день это поняла. Меч в его руках словно летал: даже разглядеть сложно – казалось, он сжимает стальной вихрь.

– Давай, давай, Кора, смелее, – крикнул магистр Сверр, наш преподаватель. – Ты ведь собираешься участвовать в Турнире?

Собираюсь, еще как собираюсь! Я выдохнула, пытаясь сосредоточиться и вспомнить все, чему меня учил Ран. У каждого есть свое слабое место, говорил он мне. И хотя на первый взгляд слабого места у моего соперника не было, но я решила, по крайней мере, не сдаваться. Если он такой стремительный и быстрый, то я, наоборот, постараюсь стать сосредоточенной и осторожной. На каждые его несколько перемещений и выпадов я делала только небольшие шаги, уклоняясь от уколов. Сама пока не атаковала, присматривалась. И вот, спустя несколько минут поняла, что мой противник устал, хотя казался неутомимым, как ветряная мельница. Просто он привык к быстрому бою, вот и вымотался. В то время как я все еще была полна сил. Вот оно – слабое место. Ошибка не заставила себя долго ждать. Воздушник оступился, его повело в сторону, и он открылся для удара. Я не упустила свой шанс, ведь все это время я была готова к броску и ждала только подходящего момента.

– Кора, сдала! – Преподаватель тоже внимательно следил за боем. – А ты, Эрис, сбавь обороты в следующий раз. Скорость – это еще не все. В бою нужна голова. Кора – высший балл. Эрис – приемлемо. Удачи на Турнире!

Я бежала к своим, не чуя под собой ног от радости. Еще один высший балл! Я вспоминала первый учебный бой с Раном, когда я так нелепо пыталась напасть на его меч, и понимала, что прошла огромный путь. Я почти верила теперь, что смогу выйти в финал Турнира.

Мои однокурсники, сидевшие на трибунах амфитеатра, ожидая своей очереди, при моем приближении одобрительно загудели. Я плюхнулась рядом с Витой и Норли.

– Коржик, ты молодчина!

Вита тоже сдала, правда, на «приемлемо», но по этому поводу

нисколько не переживала. Куда сильнее ее волновал грядущий Зимний Бал, о котором она заводила разговор в каждую свободную минуту.

– Все-таки это очень обидно, что нельзя надеть платье такое, какое захочешь! Мне вот красный совсем не идет! – сокрушалась она десятый раз за день.

– Он всем огневикам идет, не выдумывай, – возразила Норли, не выдержав это слушать.

– Зато у каждого платья свой фасон, – попыталась подбодрить я Виту. – У тебя вот юбка укороченная спереди, до колена всего. Тебе очень к лицу. А у меня до пола, буду спотыкаться весь вечер.

На самом деле я была очень довольна своим платьем, оно так славно на мне сидело, подчеркивая все достоинства фигуры. Портниха знала свое дело, этого не отнять. Я уже представляла, как буду кружиться в танце с Раном. Он ведет так аккуратно, что точно не запутается в складках моего платья и не отдавит ногу. А вот в Вике я, конечно, не могла быть уверена. Этот может и специально на подол наступить.

Так, кажется, я заразилась от Виты! А между тем до бала надо еще дожить. Впереди самый страшный для меня экзамен – практическое применение боевых заклятий. Не столько страшный, конечно, сколько унизительный. Получу отметку «весьма посредственно», ничего для этого не сделав. Стыдно…

Экзамен проходил следующим утром, здесь же, в амфитеатре. На всякий случай кроме первокурсников-огневиков и магистра Толли присутствовали преподаватели-водники, чтобы затушить пламя, если кто-то из молодых стихийников не сможет удержать магию под контролем.

Вызывали по одному. Каждый студент должен был сотворить огненную сеть, огненную петлю и огненный жезл. Все справлялись вполне прилично, не зря магистр столько с нами возился. Никто его не возненавидел, наоборот, были благодарны.

Вот только я, с каждой новой названной фамилией, все ниже опускала голову. Я радовалась за друзей, отлично справившихся со всеми заданиями, но как же мне самой хотелось стоять сейчас там, на сцене, и чувствовать загадочную красную или желтую энергию, проходящую по венам. Какая она, эта энергия? Как ее можно ощутить? Как горячий поток, струящийся по рукам?

Я пыталась узнать у Виты, и она честно пыталась объяснить, но, видно, в языке просто не было подходящих слов. Она говорила, что это одновременно и как щекотка, и как жжение, и все тело словно наливается светом и силой, а внутри будто клубок из перепутанных нитей красного, белого, желтого и оранжевого цветов – надо вытянуть нужную. Красиво и чудесно…

Так что, пока мои однокурсники творили магию, я могла только любоваться и мечтать о том, что когда-нибудь я тоже так сумею.

Магистр Толли вызвал меня самой последней, когда все уже разошлись. Только мои друзья дожидались у дверей.

Я стояла, понурившись, ожидая своей незаслуженной оценки.

– Кора, ты заслужила свою отметку хотя бы за старание, – мягко сказал преподаватель, будто прочитал мои мысли.

Кто знает нашего магистра, тот понимает, что слова «магистр Толли» и «мягко» – два несовместимых понятия. Потому я так удивилась, что даже подняла на него взгляд.

– Кора, тебе не в чем себя винить. Я давно не видел студентов, которые были бы столь же старательны. Ты делаешь все, что в твоих силах. К сожалению, иногда даже самое сильное стремление не может исправить то, что не в нашей власти. Ты честно получаешь сегодня «весьма посредственно», к сожалению, выше оценку я тебе поставить не могу.

– Спасибо. Я все понимаю, – прошептала я. Магистр Толли всегда говорил именно то, что мне нужно было услышать. Честно и прямо, но не обидно.

Едва мы успели выйти из амфитеатра, Вита затормошила меня, запрыгала вокруг:

– Ты хоть понимаешь, что сейчас произошло, Коржик? Мы! Сдали! Свою! Первую! Сессию! Вечером бал!

– Ага, – сказала я, не вполне еще осознавая, что первая в моей жизни сессия действительно позади.

Но вдруг налетел прохладный ветерок, поднял и закружил в воздухе белые снежинки. На небе в просвет между облаков выглянуло солнце. И я почувствовала такую радость и свободу, что захотелось петь. Мы сдали!

– Ура! – крикнула я, уже искренне. И Вита, Норли и Лекс закричали следом за мной, а потом мы принялись бегать друг за дружкой, пытаясь окунуть в сугроб.

Это был прекрасный день. Окрыленная первым успехом, я верила теперь, что у меня все обязательно получится. Я выйду в финал, я сражусь против бестии один на один, последний глиняный шарик откроется, и далекий предок передаст мне свою силу. Все так и будет. Обязательно!

Время до вечера пролетело как одно мгновение. В центральный корпус надо явиться заранее: учебные классы на время превратятся в гримерные и костюмерные. Нам помогут одеться и уложат волосы в красивые прически. Только первокурсникам такая привилегия. Это наш праздник, наш бал.

Я замешкалась в комнате, хотя ничего меня не держало –

наряжаться и причесываться не нужно, все сделают за меня. Но когда я осталась одна в тишине, холодок пробежал по сердцу – о первом танце я старалась не думать, однако в эту секунду очень ясно представила липкие руки Вика и его ухмылку. Даже неосознанно вытерла ладони о платье. Фу. Как говорят: ложка золы на белом снегу. Начало вечера он мне точно испортит. Или гадость какую-нибудь скажет, или руку вывернет незаметно. Ну, тогда я тоже молчать не стану. Я давала ему последний шанс.

В дверь забарабанили, и я услышала возмущенный голос Виты:

– Кора, ну где ты там? Сколько можно ждать? До бала полтора часа, а мы еще не одеты, не причесаны!

Я постаралась выкинуть из головы все неприятные мысли, улыбнулась и пошла открывать.

Помощницы, которые должны были готовить нас к выходу, тоже ругались, что мы явились так поздно, хотя, на мой взгляд, времени более чем достаточно. Но это я сначала так думала, пока на меня не стали надевать платье. Оказалось, у него к тому же куча нижних юбок, и корсет с тонкой шнуровкой, и миллион тесемочек, которые следовало завязать.

После того как меня утянули везде, где нужно, завязали все шнурочки и разгладили все складочки, времени едва хватало на то, чтобы уложить волосы в прическу. Я попросила сделать высокую, с несколькими выпущенными прядями. Как в тот день, когда я впервые танцевала с Раном в его родовом замке.

Последние штрихи к образу – алые туфельки и бархатные перчатки, скрывающие руку до локтя. Само платье было с короткими рукавами и глубоким вырезом спереди. На обнаженные плечи накинули газовый платочек и закололи изящной тонкой брошкой-капелькой, переливающейся от каждого случайного лучика света.

– Вот, присядьте, госпожа.

Меня осторожно усадили на стул, словно фарфоровую куклу, такую хрупкую, что лишний раз страшно дотронуться. Я оглянулась и увидела сосредоточенных однокурсниц, которые сидели так прямо, будто боялись сломаться, отклонившись хоть на сантиметр в сторону. Вита с распущенными, слегка завитыми волосами выглядела очень хорошенькой и очень нетерпеливой. Она тоже боялась пошевелиться, но постукивала носком туфельки, будто уже пустилась в пляс. Вита тоже на меня посмотрела.

– Красавица! Ран весь твой! – сообщила она между делом вслух то, что я не решалась сказать даже себе. Неужели мои чувства так заметны? Щеки покрылись румянцем.

– Вита, ну ты что! Мы просто друзья!

– Ага, конечно, – легко согласилась подруга, но и так было понятно, что она думает на самом деле.

В класс заглянул куратор:

– Так, все готовы? Ах, красавицы мои! Ну, пойдемте, партнеры ждут.

Помощницы на него зашикали, прогоняя:

– Еще несколько минут!

– Пять минут! – пригрозил он. – Пора начинать бал!

Все засуетились, пытаясь в последние секунды успеть довести начатое до совершенства – закалывали брошки, закручивали пряди, разглаживали чуть примятые кружева, стирали с обуви несуществующие пылинки.

И вот уже первокурсницы выстроились у дверей. За ними нас ждут наши однокашники. Предложат руку и поведут наверх, в зал, где уже все готово к торжеству. Сердце заныло от нехорошего предчувствия. Стоит ли ждать гадость от Вика сразу или он прибережет ее для танца?

Я шагнула за порог и натолкнулась на него взглядом. Вик странно смотрелся в красном костюме, словно стал старше и выше ростом. И не гримасничал, как обычно, был странно сосредоточен. Я замерла на секунду, не решаясь взять его под руку.

– Давай, Кора. Я не кусаюсь, – буркнул он.

Ладно, куда деваться. Я была готова к тому, что он нарочно быстро потащит меня вперед, чтобы я спотыкалась на каждом шагу, но Вик шел медленно, приноравливаясь к моим шагам. Ясно – не хочет получить выговор от куратора.

Большой зал для торжеств занимал весь верхний этаж центрального корпуса. Мы встали у восточного выхода, ожидая сигнала. Я знала, что каждый факультет расположился сейчас у своего выхода. Мы зайдем в зал все вместе с четырех сторон. Каждый факультет в нарядах своего цвета. Алый у нас, огневиков. Синий у водников, зеленый у воздушников и черный у земляных.

И вот наконец оркестр заиграл быструю, веселую мелодию, приглашая первокурсников. Я едва могла дышать от волнения, наблюдала за происходящим словно со стороны.

Из полутьмы коридора мы вынырнули в сверкающий, залитый светом огромный зал. С зеркал, располагающихся по стенам, сняли защитные панели, и казалось, что пространства в два раза больше, чем есть на самом деле. Под потолком висели грозди радужных, ярких огневиков. Студенты приветствовали нас радостными криками: они уже собрались в зале. Где-то там среди них Ран. Он видит меня сейчас! Они все были в жемчужно-серых

костюмах и платьях, тоже симпатичных. Но только первокурсники сегодня блистали во всей красе.

Мы встали в позицию для вальса, ожидая начала музыки. Мое сердце билось так сильно, что слышала его стук у себя в ушах. Вышел директор, чтобы сказать приветственную речь. Сквозь гул голосов и смех я слышала его ровный, строгий голос, но почти не могла разобрать слов. Не страшно – он не говорил ничего важного, поздравлял с окончанием первой сессии и надеялся, что мы и впредь будем поддерживать честь Академии своим старанием и прилежанием.

Но вот наконец раздались первые такты вальса. И вновь я порадовалась тому, что все движения доведены до автоматизма и не нужно вспоминать, куда ставить ногу и как держать руки. Однако первую минуту так волновалась, что совсем забыла, кто держит меня за руку.

Вик. Вздрогнув, я подняла на него глаза. Вик не смотрел на меня, он выглядел очень отрешенным. Я боялась, что он сожмет мою ладонь слишком сильно, чтобы сделать больно, или еще какую-то гадость совершит, но он двигался как заводная кукла. Мгновение спустя я поняла, что с ним.

Вика никто не учил танцевать вальс так, как нас – выросших в благородных семьях. У него не было этих бесконечных занятий, когда отрабатываешь и отрабатываешь шаг за шагом танцевальные движения. Наверное, он учился сам – взял несколько уроков. И теперь страшно боялся сбиться и опозориться на глазах у всех.

Я видела, что по его щеке скатилась и повисла на подбородке капелька пота. Рука тоже была мокрой, как я и предполагала. Довольно гадкое ощущение. Но, по крайней мере, он слишком занят сейчас, чтобы оставались силы на какую-нибудь подлость.

Мы кружились по залу. Алые, синие, зеленые и черные наряды перемешались, но являли собой не хаотическое нагромождение цветов: они переплетались, как узоры в калейдоскопе, а зеркала множили это великолепие.

Мы с Виком скользили по внешней стороне круга, мимо улыбающихся студентов в жемчужных одеждах, мимо колонн, мимо выходов на балкончики, которые сейчас, зимой, были закрыты. Балкончики шли по всему периметру зала, и потом, летом, когда состоится выпускной бал старшекурсников, можно будет выбегать на них, чтобы подышать свежим воздухом.

Мелодия почти закончилась. Я услышала последний, завершающий проигрыш и уже стала обдумывать, как мне поскорее отыскать Рана в этой толпе, как случилось непредвиденное.

Я расслабилась и перестала ждать от Вика подвоха. А зря. Мы оказались напротив очередного балкончика, и в этот момент он толкнул дверь, поднял меня за локти и в одно мгновение перетащил за порог.

Дверь захлопнулась, отгородив нас от света и шума, от музыки и кружащихся в танце пар. Я, разгоряченная танцем, еще не совсем понимала, что произошло. Почему мы сейчас здесь, на крошечном балконе, в темноте. Холод немедленно пробрался под легкий платочек, влажная кожа покрылась мурашками.

– Ты чего? – прошептала я, пытаясь обойти Вика и вернуться в зал. – Очень глупая шутка. Не смешно!

– А я не смеюсь!

Сдвинуть его с места не представлялось никакой возможности. Я быстро шагнула к резным перильцам, вглядываясь в темноту – нет, слишком высоко, не спрыгнуть.

Что он задумал? Я почувствовала во рту металлический привкус страха, но внешне постаралась сохранять хладнокровие.

– Немедленно отпусти меня, – сказала я. – Ты забыл, что я тебе давала последний шанс? Ты хочешь неприятностей?

Хуже всего было то, что Вик молчал. Я не видела в темноте его лица, только слышала тяжелое дыхание. Он будто пытался на что-то решиться, но пока не мог.

– Отпусти! – Я кинулась на него с кулаками, понимая, что не в силах причинить вреда. Наверное, это был жест отчаяния. Что он сделает со мной? Станет мучить? Скинет с балкона?

Он схватил меня за запястья, больно сжал, отрывая от себя. Прижал спиной к кованой решетке, украшающей дверь. Я почувствовала, как льдинки, намерзшие на решетку, больно жалят обнаженные плечи. Я не могла вытащить руки из его хватки, хотя очень старалась. Я пыталась наступить туфелькой ему на ногу, но Вик встал достаточно далеко – мне было не дотянуться.

Уговаривать его бесполезно. Я сжала губы, изо всех сил сдерживая слезы.

– Ты гадкая, мерзкая девчонка. Ты сколько еще будешь надо мной издеваться? – прошипел он, наклоняясь к моему лицу.

Это было так неожиданно, что я совершенно опешила.

– Что?

– Ты ничего не замечаешь, да? Серьезно?

Я испуганно покачала головой. Я совсем не могла понять, о чем он сейчас пытается сказать. Вик дышал сквозь стиснутые зубы так страшно, что казалось, будто он сходит с ума. Может, так и есть? В чем он пытается меня обвинить?

Он отпустил мою правую руку и тут же сдернул с нее

перчатку. Я вскрикнула от неожиданности. Ледяной ветер защипал обнаженную кожу. Вот сейчас он сделает мне больно. Я зажмурилась, пытаясь втиснуться в стену.

Но Вик сделал что-то совсем иное. Он поднял мою ладонь и прижал ее к губам.

– Ты меня с ума сводишь, пустышка, – прохрипел он каким-то чужим голосом. – А мы ведь отличной парой были бы – бастард и пустышка. Да?

Он захихикал, но неестественным, зловещим смехом.

– Я с первой встречи, с первого взгляда понял, что только тебя хочу видеть рядом с собой. Но кто я такой? Незаконнорожденный. Никто. Так несправедливо. Ты пустышка. Почему ты стоишь выше? Почему ты на недосягаемой высоте? Только по праву крови? Кора…

Он снял с меня вторую перчатку, прижал мои захолодевшие руки к своему лицу, вдыхая запах. Я стояла ни жива ни мертва, ошеломленная этой новостью.

– Кора…

Он принялся целовать мои пальцы с какой-то неистовой нежностью. А меня передергивало от страха и омерзения. Но где-то в глубине души возникла и толика сочувствия.

– Вик… Прошу тебя… Давай поговорим после, когда ты успокоишься.

Я пыталась говорить с ним, как с маленьким мальчиком, но того капризного, злого, трусливого мальчишки, которым я привыкла воспринимать Викара, больше не было. Рядом со мной стоял отчаявшийся и готовый на все взрослый мужчина.

– Я никогда не успокоюсь! – зло крикнул он, на секунду оставляя в покое мои пальцы, но тут же немного смягчился: – Кора, ты должна быть со мной. Понимаешь? Или я с ума сойду!

– Вик…

– Да или нет?

Что мне ответить? Согласиться и попытаться усыпить его бдительность? Пусть поверит, главное, чтобы выпустил меня. И я уже открыла было рот, чтобы солгать, но не смогла.

– Никогда, Вик.

Он зарычал как раненый зверь. Вцепился мне в плечи, срывая платочек. Булавка, расстегнувшись, уколола до крови. Он приподнял меня, и лопатки больно проехали по железной решетке. Я чувствовала, что кожа на спине стерта и горит огнем. Мое лицо оказалось на уровне его горящих глаз.

– Поцелуй меня, – прохрипел он, обдавая горячим дыханием.

– Нет!

Я дрожала и чувствовала, что силы меня покидают. Но я

твердо была намерена не уступать, как бы ни было страшно.

– Мерзавка! Мне и не нужно твое разрешение.

Он схватил меня за волосы, запрокидывая голову, прижал всем телом к стене. Я не могла ни крикнуть, ни пошевелиться. Еще секунда, и он меня поцелует насильно.

А потом? Что потом? Даже думать страшно…

Глава 25
Окончание долгого дня

И в этот миг кто-то с силой оторвал его от меня. Я упала на колени, пытаясь вздохнуть, – Вик так меня придавил, что в легких совсем не осталось воздуха.

– Кора, как ты? Ты можешь встать? – такой знакомый и родной голос привел меня в чувство.

Ран. Как он вовремя!

Но Вик, откинутый к бортику, растерявшийся в первые мгновения, увидев, что это всего лишь Ран пришел мне на выручку, пришел в себя и кинулся на моего друга. Им двигало отчаяние и ненависть, и сейчас он вовсе не напоминал того неуклюжего, хоть и злобного недотепу.

Он был высокий, крупный, тяжелый, словно кабан, которому вдруг вздумалось подняться на задние лапы. Ран хоть не уступал ему в росте, но был куда более изящного телосложения. Одна только физическая сила и натиск позволили Вику тут же подмять Рана под себя.

Вик прижал его к невысоким перильцам балкона и начал выдавливать, пытаясь скинуть вниз. Ран отчаянно сопротивлялся, уперся в грудь противника, стараясь оторвать его от себя. Они боролись молча, а от этого становилось жутко. Так борются, когда битва идет не на жизнь, а на смерть.

Я с трудом поднялась на ноги, судорожно соображая, чем можно помочь Рану. Может, если я кинусь на спину Вику, это его хотя бы отвлечет? Ран увидел, что я приближаюсь.

– Кора, не смей! Уходи!

Наверное, надо позвать на помощь. Вот она, дверь, в двух шагах. Но вдруг, стоит мне отвернуться, произойдет непоправимое?

Я застыла, разрываясь пополам от невозможности сделать правильный выбор. Я просто не могла уйти.

С кончиков пальцев Вика сорвались язычки пламени. Ненависть совсем его ослепила. Он готов был сжечь Рана, но, к счастью, огонь лишь едва опалил воротник рубашки и кончики волос. Ран успел поставить защиту, и пламя плясало в сантиметре от его кожи.

– Ты окончательно спятил, Вик, – прошипел он. – Ну что же…

Он сжал лицо Викара в своих ладонях. Я сначала не поняла, что происходит. Но Вик вдруг издал странный звук, словно подавился. Из его глаз, носа и ушей потекла вода, в груди что-то

булькало. Вик хрипел и судорожно вырывался. Он уже не боролся, а, слепо отмахиваясь, отступал к стене.

Ран не отпускал его до тех пор, пока Вик, совершенно дезориентированный, не поднял руки, показывая, что сдается. А потом еще долго отплевывался и сморкался, пытаясь избавиться от жидкости.

Так вот ты какой в гневе, Ран! Я видела, что его темные глаза сделались совсем черными.

– Как долго это продолжается? – произнес он четко, но голос был обманчиво-спокоен: натянут, словно струна.

Он обернулся ко мне, впервые за все это время, и на его лице отразилась горечь.

– Кора, почему же ты молчала?

Я сейчас очень жалела о том, что ничего ему не рассказала. То, что казалось мне мелкими неприятностями, могло обернуться большой бедой. Но кто мог знать, что Вик совсем потерял голову. Мне нечего было ответить на этот вопрос.

– Кора, позови братьев, – тихо сказал Ран. – А ты только попробуй дернуться! Я тебя быстро утоплю, доведу в этот раз дело до конца. Давно пора выкинуть тебя из Академии. Не понимаю, почему ты до сих пор здесь после того, как едва не убил Кору.

Вик засмеялся булькающим, странным смехом.

– Это забавно, Ран. Клянусь богами, забавно. Я устал повторять, что я этого не делал!

– Но кто? – растерянно прошептала я.

– Действительно, кто? Откуда мне знать? Кто-то из огневиков, достаточно опытный для того, чтобы создать портал.

– Кора, иди! – Ран повторил просьбу тихо, но настойчиво. – Не слушай его, он пытается нас отвлечь.

Но идти не пришлось. Балкон вдруг быстро стал заполняться людьми. Словно сработала какая-то цепная реакция: сначала сквозь дверной проем заглянул Арл Моро. У него было обеспокоенное лицо – наверное, он давно искал меня и Вика, внезапно запропастившихся куда-то посреди вальса.

– Кора! Вик! Что здесь происходит?

А потом явились и братья. Ран бросил обмякшего Викара в руки Фросту. Я видела в светлом прямоугольнике выхода Виту и Норли, они смотрели на меня испуганно, и Вита зажимала ладонью рот.

Мир вокруг меня вдруг стал каким-то чересчур резким и громким. Мне хотелось зажмуриться и просто присесть, прислониться к стене. Напряжение отпускало, и вместе с тем наваливалась страшная усталость и апатия.

Ран кратко рассказывал о том, что произошло. Я слышала рубленые, короткие фразы, сообщающие только факты. Множество голосов вскрикивали и охали. Откуда здесь столько людей? Ноги отказывались меня держать. Мир вращался все быстрее. Я опустилась на колени, а потом почти упала, но кто-то подхватил меня на руки.

– Кора! – это Фрост закричал. Надо же…

Он хотел забрать меня у Рана, но Ран не отдал. Да я и сама вцепилась ему в куртку. Нет уж, вы нас сегодня больше не разлучите. От Рана пахнет костром. Здорово Вик его подпалил…

– Кора, не теряй сознание! Посмотри на меня, моя рыбка!

Моя рыбка… Я уткнулась носом в его теплую ключицу, обхватила руками за шею, мечтая о том, чтобы он унес меня туда, где тихо и спокойно.

– Я пока отнесу ее в класс, пусть придет в себя, – сказал он, словно услышал мои мысли.

– Да… Мы подойдем позже, – рассеянно откликнулся Фрост.

Я посмотрела на старшего брата. Фрост возвышался над Викаром, который сейчас будто сдулся и скукожился, стал в два раза меньше. Знаю, как Фро умеет уничтожать одним только взглядом… Думаю, теперь Вик не задержится в Академии. Но получит по заслугам – сам виноват!

– Ты еще сама попросишь меня о поцелуе, Кора! – крикнул Вик, догадавшись, что я смотрю на него.

Вот ведь глупый, несуразный, упертый болван. Его ничто не исправит…

Ран выругался едва различимо и не стал больше задерживаться. Я спрятала лицо, прижалась к нему. Мне никого не хотелось сейчас видеть. Сквозь зажмуренные веки пробился яркий свет. Зачем выключили музыку – я слышу все эти сочувственные вздохи и оханья! Я не хочу! Не смотрите! Оставьте меня все в покое!

– Коржик… – это Вита. Плачет.

Не смей реветь, Вита! Я теперь еще и за тебя должна переживать?

– С ней все хорошо! Ничего страшного! – сказал Ран преувеличенно бодрым голосом.

Свет. Тень. Свет. Тень. Мы спускаемся по лестнице. Звуки шагов гулко взлетают под потолок.

Вот мы в классе. Ран тихонько усадил меня на стол – так удобнее, все скамейки завалены одеждой, свободного места не найти. Меня укутала тишина. Так хорошо… Наверное, надо что-то сказать, но сил нет.

– Корюшка…

Он осторожно взял меня за плечи, случайно коснувшись ссадин на коже. Я вздрогнула, Ран заглянул мне за спину и тут же со свистом втянул воздух сквозь сомкнутые зубы, словно обжегся, – увидел мои стертые лопатки.

– Надо было все же утопить гаденыша!

Он тихо-тихо дотронулся прохладной рукой до моей спины. Так хорошо от этой прохлады.

– Очень больно? Я позже принесу мазь… Кора, не молчи! Он… Он что-то успел?..

Ран запнулся, прежде чем произнести это. Я поняла, что ему страшно услышать ответ.

– Если бы ты знал, сколько на моем платье тесемочек и завязок – не пробиться, – неуклюже пошутила я, пытаясь улыбнуться и немного разрядить обстановку. – Он меня только напугал, и все…Как ты понял, где я?

– Я смотрел, как ты танцуешь. Такая хорошенькая в этом алом платье. Словно огонек свечи на ветру… А потом вдруг потерял тебя из виду. Вику я не доверял с того самого дня, но даже представить не мог, что он зайдет так далеко. Единственное место, куда можно выскользнуть быстро и незаметно, – балконы. Поэтому я проверил их все… Немного не успел… Прости, Корюшка.

– Ты успел как раз вовремя, Ран!

Он стоял так близко, что я не выдержала, обняла его. Он тоже обнял в ответ и поцеловал в макушку.

– Испугалась, моя рыбка…

Ран, как хорошо, что ты есть у меня. Такой сильный, такой замечательный. Лучше всех братьев и сестер, вместе взятых. Никто мне не нужен, кроме тебя…

Кстати, о братьях и сестрах. Сейчас они утрясут все наверху, разберутся с Виком и явятся сюда. Прощай, тишина и спокойствие. Сестры начнут спрашивать, не спровоцировала ли я его сама. Может, слишком много вольностей себе позволяла? А братья просто отругают. И хоть бы кто подумал о моих чувствах. Разговоры будут вестись только о чести семьи и о том, что ни одна тень не должна упасть на имя Флогис. А их сестра мало того что бездарна и уже одним этим пятнает великую фамилию, так теперь еще оказалась замешана в некрасивой истории… Видно, судьба у меня такая – рушить все устои. Я так ясно представила себе этот разговор, что скривилась, как от боли. Нет, не хочу. Я не выдержу этого сегодня.

– Ран, пожалуйста, отведи меня домой!

– Твоя семья придет с минуты на минуту…

– Не хочу никого видеть! – почти крикнула я.

– Хорошо, – мягко сказал он.

Он отыскал в ворохе вещей мою мантию, осторожно накинул мне на плечи, стараясь не задеть содранной кожи. Легко подхватил за талию, опуская со стола на пол. Подставил руку:

– Держись.

Мы стали медленно спускаться по широкой безлюдной лестнице. Бал наверху продолжился, музыка волнами лилась следом за нами, становясь все тише и тише с каждым лестничным пролетом. Мне стало горько. Праздник безнадежно испорчен… Мой первый бал в Академии. Теперь, вспоминая этот день, я буду думать только о содранных лопатках и липких руках Вика, сжимающих мои запястья.

Ран заметил, что я с трудом сдерживаю слезы.

– Корюшка?

– Я так хотела потанцевать с тобой… А теперь вот…

Так, не реветь! Главное, я жива и здорова, даже стыдно переживать из-за таких мелочей… И все-таки было ужасно обидно!

Ран улыбнулся, пытаясь меня подбодрить, потом наклонил голову и протянул руку, как это принято по этикету.

– Не откажите мне в удовольствии танцевать с вами вальс, – произнес он традиционную формулу приглашения.

Мы стояли на площадке между вторым и первым этажами, достаточно широкой и просторной для танца. Как раз зазвучали первые звуки музыки. Отказаться было невозможно. Да я и не хотела.

Он взял меня за руку, другой обвил талию, а я положила ладонь ему на плечо. Закрыла глаза. Не важно, где мы, главное, что вдвоем. Шаг, шаг, поворот. Он не отпустит меня, не даст оступиться. Я доверяю тебе этот танец, Ран. Я доверила бы тебе даже свою жизнь…

Последние такты стихли. А Ран все не отпускал моей руки. Мы стояли в тишине так близко друг к другу, что я чувствовала, как поднимается от дыхания его грудная клетка. Но вот его рука соскользнула с моей талии.

– Благодарю за танец, – сказал он тихо.

Я слегка присела, опираясь на его руку.

– Спасибо тебе, – добавила я, уже совершенно не соблюдая этикет. – Отличный был вальс.

Ран проводил меня домой, потом сбегал за мазью. Той самой, что так быстро излечила меня от ожогов. Подумать только, который раз я уже пострадала по вине Вика. И зачем я столько терпела?

Ран не отсутствовал и десяти минут, а я уже вся извелась.

Боялась, что в это время братья опомнятся и отправятся меня искать. Но они, видно, были слишком заняты разборками с Виком. И Брида с Гретой тоже не шли почему-то.

Ран намазал мне спину, осторожно касаясь пальцами содранной кожи.

– Больно?

– Не-а, – ответила я, храбрясь. – Ерунда.

Прохладная мазь отлично помогла – кожа сразу перестала саднить. Зато теперь глаза стали сами собой закрываться, хотя было еще не поздно. Думаю, я переволновалась.

– Спать хочу ужасно, – пожаловалась я.

– Сейчас придут сестры, помогут переодеться. Наверное, они уже разыскивают тебя.

Ага. Помогут. Что-то мне подсказывало, что сочувствия я от них не дождусь. Теперь в течение недели вся Академия только и станет говорить что о происшествии на балу, и фамилия Флогис будет у всех на устах… Опять.

– Ран, давай лучше ты мне поможешь. Я завтра с ними поговорю. Не хочу. Просто не могу никого видеть.

– Я? Кора… – Ран явно был растерян. – Это платье… Ты сама говоришь, там миллион тесемочек. Мне нужно их развязать?

Да, звучало такое предложение немного странно.

– Ты ведь зажмуришься, – уверенно сказала я. – Я сама не дотянусь…

– Ох, Корюшка. Фрост снимет мне голову. Ну ладно. Я понимаю, как ты устала.

Я повернулась к нему спиной и секунду спустя почувствовала, как его пальцы на ощупь находят шнуровку.

– Не подглядываешь?

– Я ведь обещал!

– Да, извини…

У Рана, чувствуется, совсем не было опыта в таких делах. Он что-то бормотал под нос и поначалу не столько ослаблял, сколько затягивал завязки. Когда его руки случайно касались моей обнаженной кожи, сердце летело в пропасть.

Я спрашивала себя, так ли уж мне была нужна его помощь в этом деле. Не пытаюсь ли я обмануть саму себя? Не придумываю ли повод, чтобы он подольше оставался со мной? Ран поверил всему, что я говорила, – тому, что я устала и не хочу видеть сестер. И это было правдой, клянусь светлыми богами. Но все же совсем чуть-чуть я лукавила.

Чего я добивалась сейчас, попросив его об этой услуге? Чтобы он, не сдержав обещание, открыл глаза? А может, я хотела услышать, как прервется его дыхание, когда он ощутит под

пальцами тепло моего тела? Я не знаю…

– Как вы, девушки, справляетесь со всеми этими тесемочками? – сосредоточенно говорил он, честно пытаясь помочь. Дыхание его не сбивалось, а пальцы не дрожали. Подозреваю, Ран даже подумать не мог, какая буря чувств бушует сейчас в моей груди.

И вот наконец платье упало к моим ногам, а шнуровка на корсете была распущена достаточно, чтобы я могла его стянуть.

– Готово! – радостно сообщил мой друг, явно довольный тем, что справился. – Ты ложись. Я дождусь твоих братьев и попрошу перенести разговор на завтра.

– Ага… – это короткое слово – все, что я могла сейчас произнести.

Светлые боги… Что я творю…

* * *

Уснула я правда быстро. Просто провалилась в сон. Очнулась от гула голосов за дверью и мгновенно подобралась, села на кровати, узнав голос Фроста. Брат злился.

– Ран, отойди от двери!

– Фро, она устала. Поговоришь с ней завтра.

– Я буду говорить со своей сестрой тогда, когда мне это нужно!

За дверью послышался шум. Скорее всего, Фрост пытался оттеснить Рана от входа, а тот молча сопротивлялся.

– Ран, не упрямься. Мы ее семья, – голос Бриды.

Значит, сестры тоже пришли. Я себя чувствовала так, словно за дверью находятся не близкие мне люди, а… Нет, не хочу думать про них как про бестий. Но становилось страшно от мысли, что они сейчас зайдут ко мне в комнату. Не пускай их, Ран, пожалуйста.

– Ран, ты нормальный вообще? – это Димер. – Отойди!

– Нет! А ты… Димер, я считал тебя лучшим другом…

– А теперь, как понимаю, из лучших друзей я смещен? Теперь мелкая заняла мое место?

– Ты совсем затравил девчонку! За что? Кора не похожа ни на кого из вас… Она…

– Чудесная, милая, нежная? – издевательски закончил за него Димер. – Легко быть таким добрым и славным парнем, когда не растешь с этим вечным несмываемым пятном. В твоей семье нет пустышек, ты не знаешь, что это такое! Когда эти разговоры за спиной вечные. Даже слуги позволяют себе…

Он передразнил кого-то, растягивая слова и чуть картавя:

«Да-да, есть в них какая-то чегвоточина. Не пгосто же так им послано это наказание. Или скгывают что-то ото всех…» Тьфу!

– Димер, не стоит, – прервал его Фрост. – Рану не понять. Он, может, догадался бы, что мы чувствуем, родись огневиком. Но он водник. У них в крови – защищать и оберегать. Вы на разных языках говорите сейчас.

В крови – защищать и оберегать… Вот оно что… А у огневиков что же тогда в крови? Мне тоже не понять. Я ведь пустышка.

– Давайте все успокоимся, – примирительно сказала Грета. – Я тоже считаю, что Кору сегодня трогать не нужно. Спокойно поговорим завтра. Нет никакой срочности. Согласны?

– Да, – помолчав, ответила Брида.

– Ой, мне безразлично уже! – Ничего другого от Димера я и не ожидала. – Мы всего лишь хотели сказать, что Викара выгнали из Академии.

Вот оно что! Больше мне некого бояться! Какое облегчение!

– Ладно, – нехотя произнес Фрост, который тоже успел остыть к этому моменту.

Я откинулась на подушки, чувствуя, как отпускает напряжение.

Странный день, в котором столько всего переплелось – и радостного, и страшного, и волнующего, – остался позади.

Глава 26
Подготовка к Турниру

Утром я первым делом схватилась за шкатулку. Может быть, вчерашнее потрясение засчитается как испытание?

Я вынула из шкатулки глиняный шарик и положила его на ладонь. Ждала долго, но огненная искра так и не появилась. Шарик перекатывался на моей руке – гладкий, прохладный, безразличный.

– Это нечестно, между прочим, – сообщила я ему. – Я вчера так испугалась! А Вик на парочку бестий точно потянет!

Шарик не внял. Я вздохнула и убрала его на место. Ладно, значит, Турнир!

Разговор с братьями, которого я так боялась, произошел в тот же день. Говорил за обоих Фрост.

– Кора, я как старший несу за тебя ответственность, – начал он и набрал уже было в грудь воздуха, чтобы продолжить.

Я наперед знала все, что он скажет. Семья Флогис – древнейшая фамилия, одна из двенадцати высших, нельзя, чтобы наше имя трепали на всех поворотах. Нельзя, чтобы его связывали с именем бастарда. Нельзя, чтобы хоть одна тень упала на нас, потому что, мягко говоря, одного пятна на репутации более чем достаточно, второго не простят даже нам. Кора, это пятно – ты. Поэтому, что бы ты ни делала, подумай дважды, нет трижды, и лучше не делай. То, что извинят мне, Димеру, Бриде или Грете, тебе, бездарнице, никогда не простят. Это жестоко, но это правда. Ты должна быть безупречна, Кора. Понимаешь? Безупречна!

Я уже не раз слышала все это в разных вариантах. С того времени, когда едва начала себя осознавать. Ты должна быть безупречна, а если не можешь, то просто спрячься, уйди в тень, стань незаметной, стань никем. Я пряталась всю свою жизнь. Я честно старалась отойти на второй план, чтобы никому не мешать. Опускала голову, отходила в сторону, уступала каждому. Ведь я пустышка, я недостойна чего-то другого. Но я не хочу так больше! Я знаю, что способна на многое. У меня теперь есть друзья, и цель, и… Ран! Ты не сделаешь меня снова тенью, дорогой братец!

Я знала все, что он скажет, но Фрост вдруг замер на полуслове.

– Просто будь осторожна, – закончил он. Я даже обомлела. Будто это и не он сейчас говорил. Не знаю, может, Ран все-таки сумел пробудить в нем совесть. В конце концов, какой бы я ни

была, я оставалась ему сестрой.

Слухи, поползшие было по Академии, быстро пресекли. О том, что на самом деле произошло, я рассказала только своим друзьям – Вите, Норли и Лексу, а они пообещали молчать. Вита ужасно за меня волновалась и в то же утро прибежала проведать, принесла платье, которое я оставила вчера в учебном классе. Я не думала, что скоро смогу заставить себя выйти за порог. Почему-то казалось, что все обязательно будут глазеть и шушукаться за спиной. Как в самые первые дни. Но Вита, раскрасневшаяся после мороза, такая настоящая, полная энергии, словно вдохнула в меня жизнь.

– А ну-ка, перестань киснуть! Немедленно одевайся и пошли!

– Куда? – уныло спросила я. Так и видела себя со стороны – волосы повисли как сосульки, лицо бледное и осунувшееся.

– На улицу! Гулять! Лекс предлагает устроить снежную битву, и я думаю, что это хорошая идея. А на все косые взгляды не обращай внимания. Они поймут, что это тебя не задевает, и отстанут!

В этом, пожалуй, был смысл.

– Зато теперь этот ненормальный тебя больше не побеспокоит. Я сама видела, как вчера ночью он плелся к выходу в той одежде, в которой пришел в Академию. Форму заставили сдать! Довольно жалкое зрелище. Сапоги рваные, а куртка ему явно мала – руки высовываются из рукавов. Так ему и надо!

Так ему и надо, да! Я представила Вика, плетущегося к воротам, и внезапно почувствовала укол жалости. Но тут же покачала головой, стряхивая наваждение. Во всем, что с ним произошло, виноват только он сам. Злость, ненависть и страсть – плохие советчики, а он пошел у них на поводу.

Я не очень хотела участвовать в снежной битве, но заставила себя одеться и причесаться. Лекс и Норли топтались у входа. Они явно ощущали себя не в своей тарелке – не знали, что надо говорить в таких случаях и как можно меня утешить. Повисла неловкая пауза, которую, однако, Вита быстро нарушила:

– Так, давайте-ка все обнимемся! – строго сказала она.

Все с готовностью подчинились. Отличная мысль, кстати, – когда не знаешь, что сказать, лучше всего обняться…

Снега в середине зимы выпало так много, что можно было не только снежные битвы устраивать, можно было возводить настоящие замки и снежные укрепления.

Завтра начнутся тренировки перед Турниром, но сегодня свободный день. И мысль о снежном сражении посетила не только нас. Когда мы прибежали в парк, оказалось, что здесь давно кипит схватка между огневиками и водниками. Мы

прибились к своим, спрятались за снежной насыпью.

Командовал Фрост…

Забегая вперед, скажу, что тот самый разговор с братьями состоялся после снежной баталии, когда все мы – участники битвы, мокрые, усталые и довольные, сидели у костра и пили чай. Так что, возможно, просто усталость сказалась на том, что он не захотел меня распекать.

Но это случилось позже, а пока мы появились в самый разгар сражения. Фрост распределил всех, расставил и дал задание.

– Играем без магии, – предупредил он.

И хотя все игроки знали, что силу стихии применять нельзя, им было тяжело без нее обойтись. Нет-нет, а кто-нибудь нарушал правила. То водники превращали снежные комки в ледышки, которые врезались в игроков довольно ощутимо: Лексу даже поставили синяк. То огневики, в свою очередь, иногда не давали долететь снарядам до наших позиций, растапливая их и превращая в облачка пара.

– Эй, нечестно! – слышалось то с одной стороны, то с другой, но это ничего не меняло.

Один раз я высунулась слишком далеко за ствол огромного дерева, за которым притаилась наша четверка, и тяжелый комок сбил капюшон с моей головы. И тут же со всех сторон в меня полетели снежки – видно, я сейчас представляла собой отличную мишень. Надо было юркнуть назад, но я так растерялась, что, несмотря на крики Виты: «Кора, прячься!» – и ее попытки утянуть меня в укрытие, ухватив за мантию, продолжала стоять, подвергнутая натиску со всех сторон.

Наверное, меня бы просто погребли под этими комками – водники так обрадовались возможности завалить хотя бы одного огневика, что даже не обратили внимания на то, что я не отстреливаюсь, а только слабо уворачиваюсь, – как обстрел вдруг прекратился.

Нет, комья снега все так же летели в мою сторону, вот только не долетали, превращаясь в воду.

– Прячься, Корюшка!

Ран. На той стороне. Подыграл мне. Я укатилась за дерево, чувствуя, что на лице расплывается глупая, счастливая улыбка.

– Предатель! – завопили водники и закидали Рана снежками. Он хохотал и отстреливался.

Отличное было сражение. После развели костры и согрели чай, две враждующие армии заключили перемирие и перемешались.

Разговор с Фростом уже состоялся, Димер был на удивление сговорчив и немногословен, друзья, сидевшие тут же, шутили не

умолкая. Ран отыскал наш костер, уселся рядом со мной, скрестив ноги. Синее, не по-зимнему яркое небо укрывало нас своим пологом. В огне потрескивали дрова, от котелка тянулся запах пряных трав. В душе царило полное умиротворение, а вчерашний вечер казался полузабытым, страшным сном.

– Сейчас немножко отдохнешь – и на тренировку, – сообщил мне Ран. Он держал в руках кружку, остужая напиток. Отхлебнул, протянул мне: – Вот, можно пить.

– Ой, сегодня… – протянула я. За эти два дня, похоже, совсем разленилась. – Ну-у…

– На Турнире тоже скажешь «Ну-у»? – усмехнулся он, и вот уже передо мной не понимающий друг, а строгий наставник. – Сегодня, Кора.

* * *

Амфитеатр был почти пуст. Таких героев, как мы, оказалось совсем мало, несколько пар. Зато никто не мешал друг другу, все могли тренироваться в полную силу.

– Помнишь, что я тебе говорил? – спросил Ран.

Я уже подняла меч, готовясь к обороне, но Ран, кажется, пока не собирался нападать. Я опустила оружие и задумалась.

– Нет. О чем?

– Ты пройдешь в финал, Кора, – уверенно сказал он.

Точно, теперь я вспомнила наш разговор и свое удивление. Вот и сейчас приподняла брови в безмолвном вопросе: ты в этом уверен или просто хочешь меня поддержать?

– Знаешь, кто все годы своего обучения в Академии был победителем Турнира?

– Не-ет.

К чему он клонит?

– Мой отец. А до этого мой дед. Как, полагаю, и все остальные предки.

– Это потому что вы так любите тренировки?

Ран рассмеялся.

– Нет, Кора. Это потому, что мы знаем определенные секреты, которые хранятся только в нашей семье.

– Ты хочешь рассказать мне секреты семьи Маринер? Ран… Тебе влетит…

– Не страшно! К тому же я давно считаю тебя своей сестрой.

Ох… Лучше бы он этого не говорил. Уверена, Ран хотел меня поддержать, показать, как я для него важна. Да и не сказал ничего нового. Он еще в прошлый раз, в беседке, объяснил про

«сестренку». И действительно вел себя как заботливый, преданный и любящий брат. Но как-то забываешь об этом в тот момент, когда во время танца его рука лежит на талии или когда он обнимает и говорит: «Моя рыбка». Сестренка… Проклятие…

– Кора, что с тобой? Ты побледнела.

Ран бросил меч и взял меня за плечи, поддерживая.

– Прости! Не надо было тебя сегодня тащить на тренировку. Пойдем присядем.

Я уже справилась с собой:

– Нет, все хорошо, правда. Спасибо за доверие. Секреты твоей семьи дальше меня не уйдут, обещаю.

Он еще сомневался пару секунд, думая, стоит ли продолжать, но я улыбнулась, показывая, что все в порядке.

– Ладно! Но сначала ты, как член семьи, должна произнести нашу боевую присягу.

Боевая присяга – еще одна из множества традиций. Иногда я удивляюсь, как это мы, аристократы, еще не придумали традиций для намыливания рук мылом или стирания грязи с сапог. Каждый член рода, начиная обучение, произносит определенную формулу боевой присяги. Я не знаю, зачем это нужно. Может, это сплачивает членов одной семьи, объединяет? Род Флогис в формулировках чрезвычайно краток. Наша клятва: «В единстве сила», что, учитывая чудесные семейные отношения, звучит несколько иронично.

– Хорошо, – пожала я плечами. – Почему нет!

– С мечом в одной руке и с магией в другой я выхожу в бой против сил зла во имя светлых богов – матери Солнца и отца Луны, – произнес Ран присягу рода Маринер.

– Красиво… Но, Ран, у меня нет магии, ты помнишь?

Стихийники сражаются без щитов. В бою против бестий щиты только помеха. Вот откуда «магия в другой руке». Но будет ли честно произнести такую клятву?

– Кора, я, конечно, бываю занудой, но не до такой же степени. Просто произнеси и давай уже учиться.

– С мечом в одной руке и с магией в другой я выхожу в бой против сил зла во имя светлых богов – матери Солнца и отца Луны, – повторила я.

– Прими же секреты рода Маринер на благо, но не во вред, – завершил Ран слова клятвы.

– Ран, тебе точно влетит…

– Плевать!

Он поднял с земли меч, встал напротив.

– А теперь смотри, Корюшка. Смотри и запоминай.

Мы тренировались допоздна. С одной стороны, я не понимала

– к чему эта спешка, а с другой, время пробежит быстро. До Турнира как будто еще далеко, больше трех недель, но я знала, что первокурсникам придется выходить против студентов старших курсов, никто не станет делать нам поблажек. А значит, времени очень и очень мало.

Магистр Сверр и магистр Толли думали так же. Магистр Сверр гонял нас с утра до обеда на тренировках по мечевому бою, после обеда на арене амфитеатра нас ждал магистр Толли. Магистр Толли и железный ящик.

– Разрешите представить вам нашего сегодняшнего гостя, – так он начинал каждое занятие.

Стенки ящика падали, являя бестию, мечущуюся в цепях.

– Наш новый друг – топпер. Прямиком из теплицы! Прошу любить и не жаловаться!

В ящике каждый раз оказывалась новая бестия, никто никогда не знал наперед, с чем придется столкнуться сегодня. Первый раз, увидев шипящего, рвущегося из связывающих его пут змеехвоста, мы все, не сговариваясь, сделали шаг назад.

– Нам… надо будет его убить? – дрогнувшим голосом спросила Норли. Признаться, я испытывала те же опасения, но вслух озвучивать побоялась. Не хотела, чтобы меня посчитали трусихой. Но было что-то неправильное в убийстве даже такой мерзкой твари, как бестия, если убивать ее будут всем скопом, не оставив ей даже шанса. Глупые мысли, да?

– Норли, ты ведь принимала участие в битвах?

– Да… Я помогала родителям. Немножко…

– И что? Вы приглашали бестий к себе на чай? Быть может, заключали в нежные объятия? Что вы делали с ними?

– Убивали…

– Увы, Норли. Бестии тоже убили бы вас с большим удовольствием, выпади им такая возможность. Но эту тварь мы убивать не будем. Не из жалости. А из-за того, что учебного материала до крайности мало, особенно после того прискорбного случая с разрушенными теплицами. А за нами еще группа воздушников по расписанию, не говоря уже о земляных. Поэтому убивать мы их не станем. Ограничимся изучением слабых мест. Я вам покажу некоторые приемы, которые помогут на Турнире. И в жизни, надеюсь.

Я снова чувствовала себя лишней. Я смотрела и слушала очень внимательно, но все приемы, которые отрабатывали мои однокурсники, были мне недоступны. После того как магистр Толли объяснял материал и давал задания, он садился на первый ряд и наблюдал, сцепив руки в замок. А я стояла на краю площадки и просто смотрела на друзей.

На третьем занятии преподаватель подошел и встал рядом.

– Кора, ты ведь тоже будешь принимать участие в Турнире?

– Да…

– А ты знаешь, что бестию придется обезвредить исключительно с помощью магии?

Я дернула плечом, не понимая, что ответить. Я об этом знала, и магистр Толли знал, что я знала. О чем здесь разговаривать?

– Может быть, мне дадут меч, – прошептала я.

– Может быть… Но меч тоже довольно слабая защита против них…

Преподаватель кивком указал на арену, где в центре мел пол гребенчатым хвостом, разевая зубастую пасть, жашник. Вита как раз пыталась опутать его огненной петлей, но петля рвалась под натиском мощного тела, рассыпалась огненными искрами.

– Ага, – согласилась я.

– Все равно пойдешь?

– Все равно, – произнесла я чуть слышно, сама себе не веря. И ведь пойду, куда деваться.

Магистр Толли покачал головой и отошел.

Дни пролетали за днями. Нас гоняли так, словно готовят не к Турниру, а к войне. Все устали и вымотались, и в отличие от студентов из анекдота, как-то рассказанного Кеннетом, вовсе не были так терпеливы. За обедом, потирая стертые пальцы и натруженные запястья, мы кляли изверга магистра Сверра, гоняющего нас на занятиях до кровавых кругов перед глазами. За ужином, когда от усталости кусок не лез в горло, мы тихо ненавидели магистра Толли. Но хуже всего было то, что за завтраком, куда все собирались, выспавшись и отдохнув, я сидела уже уставшая и злая – Ран долго думал, какое время для тренировок выбрать, и после того, как вечером я едва не свалилась в обморок от усталости, перенес их на раннее утро.

Зато я потихоньку чувствовала, как растут мои умения. Я была теперь абсолютно уверена, что смогу одолеть в бою любого студента-первокурсника и с вероятностью девять из десяти справлюсь с теми, кто старше. Мы с Раном сражались почти на равных, и если раньше это был бой наставника и ученицы, когда исход всегда предрешен, то теперь никто не мог бы сказать наверняка, на чьей стороне окажется победа. Ран хвалил меня очень сдержанно, боялся, что я расслаблюсь и переоценю свои возможности, но, судя по его довольному лицу и сияющим глазам, гордился мной просто невероятно.

К началу последнего месяца зимы исхудавшие, бледные, но закаленные студенты были полностью готовы к Турниру.

Последнюю тренировку мы провели за день до начала

Турнира. Занимались на полигоне, на свежем воздухе, потому что амфитеатр готовили к состязанию. Землю все еще плотно укрывал снег, и мороз покусывал голые руки, но что-то такое уже чувствовалось в атмосфере, какая-то мягкость и ясность, как это обычно всегда бывает перед весной.

– Скоро весна, Ран, – прошептала я.

Он понял все правильно.

– Но до первой грозы еще далеко, и здесь мы под надежной защитой. Тебе нечего бояться.

– Я не боюсь.

Я и сама не знала, что меня тревожило, но на душе было как-то муторно и неспокойно. Наверное, просто переживаю перед Турниром. Что, если я не выйду в финал? А что, если, наоборот, выйду и должна буду сразиться с бестией один на один?

Ран подошел и обнял меня.

– Все будет хорошо, – сказал он.

И сразу стало легче.

Глава 27
Турнир

– Ко-ра! Ко-ра! – скандировали мои однокурсники. Скамейки, на которых они сидели, были обиты красной материей, а пол под ногами засыпан кирпичной крошкой – сектор огневиков. Некоторые держали в руках алые веточки дарена, начиная размахивать ими, как только труба извещала о начале боя.

– Морис! Морис! – в противовес им выкрикивали воздушники, занимающие зеленый сектор, и поднимали вверх еловые ветки. – Вперед!

Мой четвертый бой. Голова уже затуманилась от усталости, но рука сжимала меч все еще твердо. В конце концов, если я едва на ногах стою, то и мой противник тоже порядком измотан. Мы пристально разглядывали друг друга, надеясь заметить слабые места еще до начала сигнала.

Если честно, я не представляла, что смогу зайти так далеко.

Первые отборочные бои на вылет проводили одновременно в нескольких парах. Словно это не Турнир, а обычная тренировка. Тогда я еще совсем не волновалась – несмотря на то что амфитеатр был празднично украшен и заполнен зрителями, которые одновременно являлись участниками, вначале все это напоминало разминку, игру. Бои велись до первого пропущенного удара. И мне кажется, что два первых моих соперника не так уж сильно рвались участвовать в Турнире и просто мне подыграли.

Девушка-водница, такая же первокурсница, как я, выглядела растерянной. Она выронила меч прежде, чем я успела ее коснуться.

– У-у-у-у, – взорвались трибуны гулом осуждения.

– Ох, Лори, – сокрушенно покачал головой магистр Сверр, главный наблюдающий. – Чему я тебя учил?

Мне и самой было неудобно за такой нелепый бой, и я была уверена, что мне назначат нового соперника, но нет – победу засчитали, и я перешла в следующий круг.

Второй соперник – парнишка-воздушник, тоже первокурсник. Главный козырь воздушников – их быстрота и натиск, но мой противник словно нарочно ползал, как сонная осенняя муха. Я сначала решила, что это какой-то хитрый ход, и не сразу рискнула подступить к нему с мечом, думая, что стоит сделать лишний шаг, как он этим незамедлительно воспользуется. Каково же было мое удивление, когда я спокойно, даже дыхание не сбилось, обошла все его блоки и провела острием деревянного

меча по ребрам.

– Ай! – взвыл парнишка, словно я пропорола его насквозь. Я даже испугалась, что действительно что-то ему повредила, но магистр Толли, второй наблюдающий, презрительно цыкнул сквозь сжатые зубы.

– Стыдно, мастер Айро. Твой отец будет опечален тем, что вырастил сына-труса.

А вот в третьем бою мне достался сильный противник. Стихийник-земляной – огромный, как гора, и такой же мощный. От его шагов пол под ногами содрогался даже без всякой магии.

– Ой-йо-о! – взвыла наша трибуна, где постепенно собирались те, кто вылетел из Турнира. Я увидела Виту и Норли, наблюдающих за мной большими глазами. Могу себе представить, как я сейчас смотрелась со стороны – крошечная букашка напротив великана.

Я сглотнула и покрепче перехватила меч. У меня все-таки было преимущество – я была маленькой и слабой, зато быстро и легко уклонялась от его размашистых, тяжелых ударов. Правда, и подобраться на расстояние, которое бы позволило мне самой нанести удар, тоже никак не получалось. Совсем скоро я запыхалась и едва могла дышать. А земляной все так же возвышался надо мной, неколебимый как скала.

Думаю, в тот раз мне просто повезло. А может быть, то, что я восприняла как везение, все-таки было следствием долгих и упорных тренировок. Да и те секретные приемы, о которых мне рассказал Ран, незнакомые большинству участников, здорово выводили моего противника из себя. Он не знал, что последует за тем или иным выпадом, и нервничал. Все это привело к тому, что спустя несколько долгих минут боя стихийник совершил ошибку. Он замахнулся мечом, высоко подняв его над головой так, словно собирался разрубить меня пополам, точно назойливого клопа, но слишком высоко поднял меч. Того времени, что он опускался, мне было достаточно, чтобы проскользнуть понизу, почти упав на колени, и, наконец, достать его кончиком меча: я чиркнула острием по бедру и упала на песок, тяжело дыша и слыша сквозь биение крови в ушах восторженные крики огневиков.

Я прошла отборочный тур и перешла в основной. Теперь каждая пара станет выступать в центре арены у всех на глазах, один на один, под крики поддержки и осуждения. Это больше не напоминало игру или тренировку.

Я видела, что Лекс присоединился на трибуне к девочкам – тоже вылетел. Они заметили мой взгляд и помахали в ответ. Вита подняла вверх сжатый кулак: «Покажи им всем!»

Перед основным туром сделали перерыв на полчаса, давая

возможность отдохнуть и собраться с силами. Помощники разносили воду, орехи и фрукты, чтобы участники могли подкрепиться.

Ноги тряслись так, что я, едва появилась такая возможность, тут же рухнула на землю. К счастью, я была не одна такая – я заметила, что многие стихийники без сил падают на песок арены, надеясь оправиться за эти короткие минуты отдыха. А одна из девушек даже потеряла сознание, и ее унесли прочь из амфитеатра.

Я распласталась на полу, не заботясь о том, что одежда перепачкается в пыли. Главное – восстановить дыхание и дать возможность телу хоть немного прийти в себя. Здесь меня и нашел Ран. Он сжимал в руке горсть орехов и стаканчик с водой, а выглядел так, словно и не провел сейчас три боя, – собранный и спокойный. Только волосы разлохматились.

– Так, – сказал он строго. – Сядь, поешь и выпей воды.

– М-м-м, – пробормотала я, надеясь, что он примет меня за умирающую и оставит в покое.

С Раном этот номер не прошел. Он опустился рядом и пощекотал меня под мышкой, заставляя прыснуть и приподняться. Тут же вручил воду, дождался, пока я сделаю несколько глотков, и высыпал в протянутую ладонь орехи. Я сразу почувствовала прилив сил.

– Ты молодец, – тихо сказал он. – Я тобой горжусь.

Но едва я расплылась в улыбке, придал своему лицу строгое выражение.

– Но самое сложное впереди! Не расслабляйся!

Но моего хорошего настроения уже ничто не могло испортить. Тем более что после боя с земляным мне казалось – самое сложное уже позади.

– Я думаю, мы оба выйдем в финал, – самонадеянно сказала я.

– Ну, насчет себя я уверен, – улыбнулся Ран, подтрунивая, и опять стал серьезным. – А ты сосредоточься, моя рыбка. Сейчас выйдут действительно серьезные противники. Из первокурсников и второкурсников почти никто не прошел. Биться придется с теми, кто старше и опытнее.

– Да, я понимаю… Наверное, отец будет очень гордиться тобой, когда ты выйдешь в финал, одолеешь бестию и станешь одним из победителей, – осторожно перевела я разговор. Мне совсем не хотелось говорить сейчас о сложностях, которые ждут впереди, – хотелось помечтать. В победе своего друга я совершенно не сомневалась. И как хорошо, что победителей Турнира будет несколько! Может быть, мы вместе с ним будем

стоять на пьедестале, сжимая кубок. О том, каким волшебным образом я сумею одолеть бестию, я тоже предпочитала не задумываться.

– Отец будет гордиться, – согласился Ран, попавшись все же на закинутую мной удочку, задумался, и лицо его вдруг озарилось нежностью. – И мама тоже. Она что-то уже грандиозное готовит в честь моей победы, хотя я просил не забегать вперед. Но она так во мне уверена…

– И я в тебе уверена, – прошептала я, коснувшись его руки.

Ран осторожно сжал мои пальцы.

– Я в тебе тоже не сомневаюсь, Корюшка.

И вот я стою напротив Мориса – третьекурсника, который смотрит на меня, как кошка на мышь, и ухмыляется, поигрывая мечом. Слишком высокий, слишком быстрый, слишком самонадеянный. Он старается не выдать свою усталость, на его лице безмятежное выражение. Но это только видимость, я знаю, что он вымотан так же, как я. Он блефует, пытаясь меня испугать. Тогда почему бы и мне не включиться в эту игру?

Меч вздрагивает в моих руках, я делаю шаг назад, моргаю, будто пытаюсь удержаться от слез. Трибуны за моей спиной взрываются криками негодования: еще не прозвучал сигнал к бою, а соперник уже готов бежать!

– Нет, Кора! – кричит Вита, я различаю ее звонкий голос в хоре других голосов. – Не сдавайся!

– Не бойся, пустышечка, – шепчет Морис, оскаливаясь в нехорошей улыбке. Соперникам запрещено разговаривать перед боем, но он, видно, решил закрепить успех и окончательно подорвать мой боевой дух. – Я тебя не стану до смерти убивать.

Еще бы ты меня до смерти убил, деревянным-то мечом! Я понимаю, что совсем его не боюсь, даже готова рассмеяться, но он не должен раскусить моей игры, поэтому я делаю еще один шаг назад и жалобно смотрю на него. Внутри же все закипает после того, как он назвал меня пустышкой. Подожди, еще посмотрим, кто кого!

Он кинулся на меня в тот же миг, когда затрубили трубы. Он думал, что это будет легкая победа. Но я его удивила, в одну секунду преобразившись из испуганной первокурсницы в воина. Надеюсь, что выглядело это эффектно. Во всяком случае, огневики на трибунах взвыли от восторга.

– Кора!!! – кричали они, так, что в ушах звенело.

Видно, Морис не слишком внимательно следил за отборочными боями и не видел того, что я одолела земляного, иначе не был бы столь самонадеян. Его изумленное выражение лица, когда мой меч, легко обойдя блок, воткнулся ему в грудь, я

буду еще долго вспоминать. Довольно ощутимо воткнулся, кстати: Морис даже охнул.

– Я не буду тебя до смерти убивать, – великодушно сказала я, и зрители, сидевшие в первых рядах, услышавшие это, грохнули от смеха. Не только огневики, даже воздушники.

Я выиграла этот бой! Еще один – и я в финале! На непослушных ногах дотащилась до скамейки, села. Так, все хорошо. Надо выдохнуть, надо собраться. Теперь, пока будут проходить бои четвертого круга, есть немного времени на отдых.

Интересно, кто станет моим пятым соперником? Великан – маг стихии земли? Стремительный воздушник? Основательный и неспешный огневик? Или водник, чьи движения плавные, словно перетекающая ртуть? Теперь я никого не боюсь!

Поединки развертывались перед моими глазами, и я, хоть устала, пыталась уследить за всеми приемами, за всеми хитростями противников. Вдруг кто-то из них станет моим соперником.

– Для боя на выход в финал приглашается Кора Флогис, – наконец возвестил магистр Сверр, заглядывая в свиток, где наблюдающие отмечали всех, кто прошел дальше.

Я легко вскочила на ноги, направилась к центру поля, но, услышав имя соперника, споткнулась и едва не упала.

– Для боя на выход в финал приглашается Раннитар Маринер.

Ран… О светлые боги! Нам обоим даже в голову не приходило, что придется сразиться друг против друга…

Он появился с другой стороны арены и пошел ко мне навстречу своей легкой походкой. Мы сотни раз бились друг с другом, но впервые должны будем вступить в бой как настоящие противники.

Что же мне делать? Я должна уступить, Ран – мой наставник. Все, что я знаю, я знаю благодаря ему. Он рассказал мне о секретах своей семьи, но, уверена, и представить не мог, что они могут быть обращены против него самого.

Он встал напротив, поклонился, приветствуя, и я поклонилась в ответ. Я вглядывалась в его лицо, пытаясь понять, о чем он думает, надеясь увидеть какой-то знак, подсказывающий, как мне поступить. Ран не улыбался. Невольно я опустила меч, хотя должна была замереть в боевой стойке.

– Кора, меч, – подсказал магистр Сверр.

Невозможный выбор у нас обоих. Если я откажусь от борьбы, значит, не выйду в финал и не получу последнюю искру. А если откажется он, то не оправдает ожидания своих родителей. Будет первым из рода Маринер, кто проиграет Турнир.

– Ран, – прошептала я.

– К бою, Кора, – сказал он бесстрастно. – Бейся изо всех сил.

Горло сжал спазм, так, что даже дыхание перехватило, но я кивнула, поднимая оружие.

Над трибунами повисла странная тишина. Все знали, что Ран мой наставник, что учил меня бою на мечах с самого первого дня. Все замерли в ожидании, не зная, чем завершится эта драматическая сцена. И когда я подняла меч, многие засвистели, осуждая. Ученик не должен идти против своего учителя. Я обязана сдаться. Я и сама так считала. Но Ран отрицательно покачал головой, и его губы безмолвно произнесли: «Бейся!»

Что же, пусть будет так, как будет. Мне все равно не одолеть, но я не подведу тебя, Ран, буду сражаться изо всех сил.

Прозвучал сигнал трубы, и наши мечи скрестились. Я близко-близко увидела темные глаза Рана, смотревшие на меня внимательно и серьезно. Удар, еще удар. Я парировала, он наступал, а потом мы менялись местами. Словно это была еще одна тренировка. Но только сейчас все было по-настоящему.

Мы оба знали секретные приемы, наши силы были почти равны. И если сначала зрители предполагали, что бой будет вестись нечестно, что один из нас все же уступит другому, то теперь все видели, что битва идет без обмана.

Запястья ныли от силы ударов, мокрые пряди лезли в глаза, ноги с трудом удерживали равновесие. И все же я не сдавалась, хотя понимала, что конец близок. Мне его не одолеть.

И вдруг в тот момент, когда ослабевшие руки уже готовы были выронить меч, Ран улыбнулся, поймав мой взгляд, кивнул и открылся, давая нанести удар. Я совершила его прежде, чем осознала, что произошло. А когда поняла, едва не разрыдалась от благодарности. Ран с самого начала знал, что делает. Он хотел показать всем, что я сильный противник, что победа будет заслуженной. Возможно, он даже верил, что я сумею его одолеть, и все же подыграл тогда, когда я совсем выбилась из сил.

– Кора Флогис – финалист! – возвестил магистр Сверр.

Я упала на колени, тяжело дыша. Пыталась стереть рукавом пот с лица, но только размазала грязь. Трибуны взорвались криками, а я не чувствовала даже радости, только полное опустошение. Как хорошо, что финальные бои состоятся завтра – на второй день соревнований. Сегодня я бы просто отдалась на милость бестии. Просто легла бы на песок и сказала: «Ешь меня!»

Ран подошел и поднял меня, придерживая за талию.

– Пойдем, Корюшка. Ты молодец!

– Ран… Ран… – Я поняла, что всхлипываю. – Мне так жаль… Твои родители… Твоя мама…

Он понял все, что я пытаюсь сказать. Улыбнулся, хотя улыбка вышла немного печальной.

– Ерунда. Это просто Турнир. Не о чем переживать.

Но для меня это был не просто Турнир. Я прижалась к его руке, пока он вел меня к скамье, на которой сидели финалисты. У меня не было слов, чтобы передать свою благодарность, но я думаю, он и так догадался обо всем, что я хотела сказать.

Итак, я вышла в финал. Завтра состоятся бои с бестиями, и, может быть, следующий день принесет мне все то, о чем я так долго мечтала: глиняный шарик откроется, выпуская последнюю искру, и я обрету магию!

Если бы я только могла представить, каким бесконечно долгим покажется мне завтрашний день. Сколько разочарования, сколько невероятных открытий и сколько горького счастья принесет он мне…

Глава 28
Разочарование и невероятные открытия

На полигоне установили железное ограждение, обозначив место, где будут проходить финальные сражения. Получился широкий круг – места достаточно для того, чтобы побегать от бестии, когда она будет гнаться за мной, примериваясь для броска.

Такие невеселые мысли преследовали меня, когда я шла утром на завтрак и издалека увидела приготовления к финалу. Желудок тут же скрутило в узел, и есть расхотелось. Но надо заставить себя: мне понадобятся силы. Чувствовала я себя как человек, приговоренный к казни: просить о помиловании поздно, а умирать не хочется.

Однокурсники наперебой поздравляли меня, искренне радуясь моему выходу в финал, и выглядели такими довольными, будто это не только моя победа, но отчасти их тоже. А если учесть, что я была единственной первокурсницей, одолевшей пятерых соперников, то их гордость вполне можно понять.

Только Вита понимала, что я чувствую на самом деле и как мне страшно сейчас.

– Уверена, тебе дадут меч, – прошептала она мне на ухо, пока я безуспешно пыталась впихнуть в себя несколько ложек гречки. – Они ведь не отправят тебя в бой с пустыми руками…

– Надеюсь, – ответила я.

Чуть позже меня нашел Ран. Он был странно молчалив и собран.

– Я провожу тебя, – сказал он, и его пальцы, когда он взял меня за руку, были совсем холодными.

– Ты чего такой? – на секунду у меня мелькнула мысль, что он злится на меня из-за вчерашнего поражения, что, переспав ночь с пониманием того, что он – Маринер – проиграл турнир, теперь не может меня простить.

– Дико волнуюсь за тебя, – ответил Ран. – Легче самому с десятком бестий сразиться, чем тебя к ним отпустить. И я даже не знаю, что посоветовать.

Мне стало ужасно стыдно за свои сомнения и в то же время так хорошо и легко. Он переживает за меня: от одной этой мысли будто крылья вырастали за спиной.

– Ничего, – сказала я, стараясь, чтобы голос мой звучал

беззаботно. – Мне, наверное, дадут меч. А с мечом я знаешь как хорошо обращаюсь!

– Знаю, моя храбрая рыбка, – ответил мой наставник, но в его глазах я по-прежнему видела тревогу.

Когда мы пришли на полигон, то едва протолкались сквозь толпу – студенты окружали ограждение плотным кольцом. Хотя до начала финальных соревнований еще оставалось время, но многие уже сейчас старались занять лучшие места.

С восточной стороны ограждения был сооружен помост, где ожидали своей очереди финалисты и где на возвышении встанет магистр Толли, приглашая к бою и озвучивая результат.

Я увидела на скамье финалистов пятикурсника-воздушника Лораса, рядом с ним стихийницу-водницу Элиру, тоже с пятого курса, огневика Лойфа, он, кажется, учился только на третьем. Всего нас, финалистов, было десять человек – другие еще не подошли. У всех участников сосредоточенные лица: предстоящий бой с бестией вставал мрачной тенью перед всеми нами.

Ран подвел меня к ступеням и выпустил мою руку – дальше он не имел права заходить.

– Я все время буду смотреть на тебя, – тихо произнес он, наклонившись. – Ничего не бойся.

Я подняла лицо, пытаясь встретиться с ним глазами. Вот бы он меня сейчас поцеловал… Пусть бы совсем невинно коснулся моих губ. Мимолетно и нежно… Этого поцелуя хватило бы на то, чтобы тысячу бестий порвать на кусочки.

Но Ран только на секунду прижал меня к себе, потом выпустил и быстро ушел.

Я не помню, о чем я думала и что чувствовала, ожидая начала финала. Просто оцепенела, сидела, сжав руки на коленях, краем глаза наблюдая, как скамья постепенно заполняется финалистами. А еще заметила, как со стороны теплиц привезли десять железных ящиков. С западной стороны располагался второй помост, и я видела, что места на нем занимают преподаватели. Последним поднялся и сел в центре директор Аквидус.

Меня привел в себя громкий голос магистра Толли, поздравляющего всех с началом финальных соревнований Турнира.

Первым на бой пригласили Лораса. Он поднялся на ноги, приветствуя зрителей легким полупоклоном. Сбежал по ступеням, едва их касаясь. Он казался уверенным и спокойным, но, думаю, не одна я видела, как он бледен.

Помощники распахнули ворота, пропуская финалиста, и Лорас занял место у противоположного края от входа. Следом за

ним за ограждение вкатили железную клетку, которая уже ходуном ходила от того, что внутри бесновалась злобная тварь. Я видела, как Лорас вздернул подбородок, его правая рука неосознанно сжала воздух, словно он хотел нащупать невидимый меч – оружия финалистам не давали. Бестию следовало победить только с помощью магии.

Стенки ящика рухнули, и зрители вздохнули в едином порыве. Думаю, в этот момент те, кто переживал из-за вчерашнего поражения, поняли, как им на самом деле повезло!

Напротив Лораса, мигая от яркого света, стоял злозуб. Кожистый коричневый шар с крошечными глазками, что располагались хаотично по всему его круглому телу. И четыре широкие пасти, заполненные острыми треугольными зубами, – они раскрывались, казалось, только лишь для того, чтобы рвать, кусать и грызть. Злозуб еще не пришел в себя и был немного заторможен от холода и непривычной обстановки, но ясно: он вот-вот опомнится и перейдет в наступление.

– Лорас! – завопили зрители. – Не спи! Давай!

Какие все мастера давать советы, когда не они находятся один на один с бестией.

Но Лорас действительно очнулся, распрямился, растерянность сошла с его лица. Он соединил ладони и медленно пошел навстречу бестии. Кажется, у него появился план!

Излюбленный прием воздушников – вихри, которые засасывают в себя тварей, выкручивают, переламывают их. И Лорас первым делом попытался создать вихрь. Вот только на этот раз уловка не сработала: злозуб, словно огромный злобный мяч, сдавленный с боков воздушным потоком, просто выскакивал из вихря невредимым. И он в конце концов сумел подобраться к Лорасу так близко, что вцепился ему в руку.

Зрители закричали, Лорас завопил от боли – с разодранной руки на взрытый серый снег полилась кровь. Я зажмурилась, чувствуя, как сердце скачет в груди. Так вот как тут все… Все серьезно, все на самом деле…

Магистр Толли и четыре преподавателя-стихийника, которые, оказывается, стояли по четырем сторонам ограждения, быстро разобрались с ситуацией. Преподаватель-водник поставил защиту на Лораса, не давая злозубу приблизиться, маг-воздушник обвил бестию невидимыми путами, обездвиживая, огневик в алом плаще – я узнала нашего куратора Арла Моро – воспламенил тварь, а магистр Руф заставил землю расступиться и поглотить воющего, горящего злозуба.

Все было кончено в течение пары минут. Стонущего Лораса, прижимающего к груди окровавленную руку, увели прочь. Это

было ужасно. Меня даже затошнило от страха.

– Благодарим нашего финалиста Лораса Винтеро за мужество и с сожалением сообщаем, что он проиграл финальный бой, – огласил результат магистр Толли.

Зрители, кажется, тоже не ожидали, что первый же бой едва не обернется трагедией. Вместо криков по рядам пронесся только слабый гул. Все сочувствовали Лорасу.

И хотя следующие два боя были с легкостью выиграны – Элира окружила себя защитным полем и утопила ридуса на суше, используя магию воды, а земляной-пятикурсник почти мгновенно погрузил змеехвоста в расщелину в почве, – я понимала теперь, что все мои глупые мечты о том, что я каким-то чудом смогу победить, можно просто взять и выкинуть туда же, куда магистр Руф засунул злозуба.

– Для финального боя приглашается Кора Флогис, – вдруг услышала я голос магистра Толли.

Я оказалась совсем не готова. Я чувствовала себя так, будто нахожусь во сне, и точно со стороны видела, как поднялась на ноги и словно деревянная поклонилась зрителям.

– Так как финалистка Кора Флогис не обладает магией, ей позволено воспользоваться мечом.

Как я и предполагала, мне разрешили использовать оружие, вот только сейчас это почему-то совсем не вдохновляло. На негнущихся ногах я спустилась с возвышения и подошла к воротам. Кто-то из помощников вложил мне в руки меч – настоящий боевой меч. Солнце сверкнуло на его острие, рифленая рукоять удобно легла в ладонь. Меч был легким и хорошо сбалансированным, но что такое один клинок против десятка клыков и когтей!

Я встала там же, где и другие финалисты до меня. На истоптанном снегу все еще кое-где виднелись капли крови Лораса. Я попыталась сглотнуть – в горле совсем пересохло. Мне было жарко и душно, несмотря на морозный день.

Ран, ты видишь меня сейчас? Не отводи от меня взгляд…

За ограждение завезли ящик, ворота закрылись. Железные стены упали, выпуская моего врага.

Полипис. Я только сейчас поняла – я знала, что так и будет. Интересно, директор Аквидус сам подбирал бестий для каждого финалиста? Если да, то все не случайно. Он, зная о втором видении, специально подсунул мне полиписа.

И что же мне теперь делать? Попробовать подчинить его, как это делал Крис? Но это невозможно… У меня нет той силы, что была у него. Бестии его слушались, но меня слушаться не станут.

При свете дня полипис казался темным пятном дыма,

растекшимся в воздухе. Он только пробуждался от спячки: пока еще бесформенный и вялый. У меня было время, чтобы напасть, но я просто стояла и смотрела.

– Кора! Кора! – кричали зрители. – Вперед!

Крики не привели меня в чувство, но зато растормошили бестию. Полипис вдруг налился яркой чернотой, уплотнился и больше не напоминал дымное облако. Он коротко вякнул, в четверть силы используя свой вопль, от которого, однако, внутри все захолодело, и поплыл в мою сторону.

– Кора, очнись!

Это Ран. Это точно он. Я очень хотела оглянуться и найти его глазами. Но вместо этого подняла меч. Тварь приблизилась и зависла в полуметре от меня.

Меня накрыло странное чувство. Совсем недавно я видела почти то же самое глазами Криса. Все будто повторялось. А что, если?..

– Подчиняйся, – прошептала я, заставив себя опустить меч, однако рукоять сжимала так, что пальцы заболели.

Полипис заверещал, и перед глазами все поплыло. Он еще не нападал, но его стрекательные щупальца уже распустились вокруг него веером.

– Подчиняйся и слу…

Зрители за моей спиной закричали от ужаса, а я только мгновением позже поняла, что и сама кричу от дикой боли, охватившей все тело. Меч выпал из ослабевшей руки, а я упала на колени. Эту жуткую, нечеловеческую боль причиняло всего лишь одно стрекательное щупальце, которым полипис, будто играючи, коснулся моей спины. Он пока только примеривался к тому, как ловчее обхватить жертву, но еще секунда – и бестия сожмет меня в своих смертельных объятиях.

Однако кое-кто оказался быстрее. Полиписа отшвырнуло защитным полем, а Ран обнял меня, закрывая.

Он все правила нарушил! Нельзя вот так перепрыгивать через ограждение в середине боя. Влетит ему от магистров. Они бы, наверное, сами успели прийти на помощь и в то время, когда Ран обнимал меня, быстро и молчаливо расправились с бестией… Они бы успели, но за эти секунды я получила бы еще два-три удара, а у меня и от одного слезы ручьем текут из глаз.

И стыдно, ужасно стыдно… Вообразила себя заклинательницей бестий, бестолковая… Вы этого хотели, директор Аквидус? Показать мне, какая я жалкая и что видения мои ничего не стоят? Чего вы хотели от меня?

– Благодарим нашего финалиста Кору Флогис за мужество и с сожалением сообщаем, что она проиграл финальный бой, –

услышала я голос магистра Толли, который звучал будто издалека.

Сознание уплывало. Ран поднял меня на руки и понес прочь.

– Потерпи, Корюшка. Потерпи, моя хорошая. Я знаю, что больно.

И, думая, что я не услышу, процедил сквозь сжатые зубы:

– Идиоты безжалостные. И я такой же…

Очнулась я, лежа на животе в своей постели. Рубашка на спине была разорвана, и я чувствовала на коже знакомый приятный холодок от лечебной мази. Обвела взглядом комнату и увидела Рана. Он сидел, опустив плечи, а лицо серьезное и грустное. Так погрузился в свои мысли, что не заметил, как я очнулась.

– Теперь, наверное, шрам останется, да? – прошептала я, вспомнив, что у папы после того, как его ужалило стрекательное щупальце, навсегда остался след на плече.

Ран вскинулся, услышав мой голос. Присел рядом на пол, так что наши лица оказались на одном уровне, погладил по волосам.

– Нет, Кора. Это очень хорошая мазь, тетя у меня просто волшебница. К вечеру как рукой снимет, вот увидишь.

Он попытался улыбнуться, но вышло у него плохо.

– Ну, говори, – потребовала я: у Рана было такое лицо, когда сразу понятно – человек хочет сказать что-то важное, только не знает, как начать.

Мой друг вздохнул.

– Кора, пора остановиться, пока это не зашло слишком далеко…

– Ты о чем сейчас?

– Магия, которую ты так хочешь разбудить… Боюсь, еще немного, и ценой этому станет твоя жизнь. Я не могу и не стану в этом больше участвовать.

Мои глаза набухли от слез, и Ран, видя это, погладил меня по щеке.

– Кора… Ты самая смелая девушка, каких я только встречал. Но когда я нес тебя на руках, легкую словно перышко… И там, за этим ограждением, ты выглядела такой маленькой, такой испуганной…

Он сжал мою ладонь, потому что все никак не мог подобрать подходящих слов, но я все поняла.

– Хорошо, – тихо сказала я. – Я согласна. Но только один последний раз попробую – если глиняный шарик откроется, то, возможно, еще есть надежда… А если нет, я смирюсь, обещаю.

– Последний раз?

– Да. Честно.

– Ладно, – согласился Ран, немного подумав. – Но только я буду рядом, а ты сначала немного поспишь.

– Ладно…

Он так и остался сидеть рядом со мной на полу, и ладонь не выпустил. Положил голову на подушку, так, что наши волосы – мои рыжие и его светлые – перемешались.

Мне было ужасно грустно и до слез обидно, что все так нелепо получилось с этим боем. Если бы я не стояла истуканом, может, тогда сумела бы победить полиписа. И страшно было – вдруг искра не появится. Это значит, я провалила испытание, а нового уже не будет.

– Ран, – прошептала я, – а что тогда? Если не будет больше ничего, мы по-прежнему останемся друзьями?

Я боялась услышать ответ. Что нас будет связывать тогда, ведь в тренировках я уже не нуждаюсь, а новых испытаний он придумывать не станет…

– Ты всегда будешь моим другом, Кора.

«И больше никем?» – готово было сорваться с языка, но я удержалась в последний миг.

Я действительно уснула, наверное, сказалась усталость, накопившаяся за последние дни. Когда проснулась, солнце било в окна, такое яркое, словно уже началась весна. Интересно, сколько сейчас времени? Я думала, что проспала очень долго, но, судя по всему, день еще не перевалил за полдень.

Ран стоял у стола и выглядывал в окно.

– Только что проводили награждение победителей. Их пятеро. Хочешь узнать кто?

Я покачала головой.

– Сейчас будет обед. Надо сходить поесть.

Я снова покачала головой.

– Надо, Корюшка.

Он беззастенчиво открыл мой шкаф, вынул новую рубашку и положил ее рядом со мной на постель.

– Хочешь, я помогу тебе переодеться? Я закрою глаза, как тогда.

– Нет… Я не хочу переодеваться и есть не пойду. Ты иди, Ран. Я тебя подожду.

Ран невесело хмыкнул и в одну секунду усадил меня на кровати.

– Так, Кора, хочешь ты того или нет, но в столовую ты пойдешь. Так что или переодеваешься сама, или я возьму это дело в свои руки.

– Умеешь уговаривать, – слабо пошутила я. – Но если бы ты знал, как мне не хочется слышать сейчас всех этих сочувственных

охов.

Вдруг я вспомнила еще кое-что важное:

– А Фрост, он приходил? А Димер? А сестры?

Они наверняка уже должны были узнать о моем бесславном поражении.

– Ты бы хотела их видеть? – растерянно спросил Ран. – Приходили… Если честно, я их прогнал.

Я так удивилась, что только глазами захлопала.

– И что, Фрост просто так взял и ушел?

– Сначала он сходил за лекарством в мой корпус, пока я оставался с тобой, и сам тебя намазал. Смерил меня презрительным взглядом. Ну, как это один Фрост умеет, и сказал, что голову всем оторвет позже. Выгнал Димера, который пытался выгнать меня. Потом пришли девочки, посидели с тобой немного. Ах да…

Ран взял что-то со стола и протянул мне. Я присмотрелась и увидела вяленые ягодки земляники, оставленные прямо на веточках. Наше любимое семейное лакомство.

– Вот, оставили для тебя.

Ничего себе здесь события развернулись, а я проспала все на свете.

– А потом я сказал, что тебе нужен покой, и всех отправил. Обещал, что ты будешь под присмотром. Фрост поворчал, но, думаю, больше для вида. Они ушли, но сказали, что навестят тебя вечером.

– О нет…

– Кора, они ведь все равно твоя семья. Думаю, на этот раз они не ругать тебя собираются, а поддержать, возможно.

– Очень маловероятно.

Ран усмехнулся.

– Ну, тогда придется прогнать их еще раз.

Я посмотрела на рубашку, потом на брюки, заляпанные грязью. Думаю, мою куртку вообще теперь можно выкинуть, наверняка она повреждена после удара полиписа.

– Лучше дай мне платье, – вздохнула я, смирившись с необходимостью идти на обед.

Ран отвернулся, ожидая, пока я оденусь, помог только пуговки застегнуть. Он очень осторожно старался касаться моей спины, но я уже почти не чувствовала боли. Я подумала о том, что тетя Рана, когда готовила для него лекарство, даже предположить не могла, что его почти целиком используют на меня. Подумала и невольно фыркнула, сдерживая смех. Вообще, жизнь постепенно перестала казаться такой мрачной, как несколько часов назад. Пока Ран рядом со мной, мне ничего больше не нужно.

– Я насчитал на твоем платье пятнадцать пуговок, – сообщил Ран. – Тихий ужас. Как ты с ними справляешься?

Вот, значит, о чем он думал, застегивая их. Считал. Как мило.

– Привыкла, – буркнула я.

В столовой все прошло гораздо лучше, чем я ожидала. Никто не лез с сочувственными разговорами, но смотрели с уважением. Мне кивали и улыбались даже старшекурсники, а мои однокашники смотрели просто как на героя. Издалека я увидела Лораса с перебинтованной рукой. Он вполне твердо держался на ногах, улыбался и с удовольствием принимал почести. Хоть победителем он не стал, но все равно выглядел триумфатором. Вот как надо уметь проигрывать, мне следует у него поучиться. Хвастун. Хотя я и рада была увидеть, что с ним все в порядке.

Вита кинулась ко мне, едва завидев. Подбежала и хотела обнять, но вспомнила про мою многострадальную спину и просто осторожно взяла за плечи. Норли и Лекс маячили где-то за ее спиной, ожидая своей очереди поздороваться.

– Оставляю ее вам ненадолго, – улыбнулся Ран. – Покормить, напоить и сдать мне ее в целости и сохранности через полчаса. У нас еще дела.

– Есть, командир, – засмеялась Вита. – А какие дела?

Ран только многозначительно подвигал бровями. Вита недоверчиво покосилась на меня, а потом вновь перевела взгляд на моего друга:

– Что?

– Ой, Вита, точно не то, что ты подумала. Я тебе потом все расскажу!

Мои друзья и так уже в общих чертах знали про шкатулку и секрет, хранящийся в ней. Знали, зачем мне так необходимо было победить в турнире, и догадывались, что сегодня должен наступить решающий день. Поэтому Вита поняла все и без объяснений.

После обеда я совсем ожила и чувствовала себя отлично. Теперь я точно была готова к тому, чтобы получить последнюю искру. Так что на обратном пути это я тянула Рана за собой, а не наоборот.

Я взяла шкатулку в руки, едва переступила порог. Оставалось только открыть крышку и вытащить шарик.

– Подожди, – Ран удержал мою руку. – Кора, обещай мне не слишком горевать, если поймешь, что магия тебе по-прежнему недоступна.

– Я… обещаю… – проговорила я. Думаю, он почувствовал фальшь, но ничего не сказал.

Он встал за моей спиной, положил руки на плечи.

– Готова?

– Давно!

Последний шарик выкатился на ладонь. Что, если участия в финале было недостаточно? Что, если нужна была победа? Что, если…

Но я не успела измучить себя сомнениями, потому что шарик растрескался, осыпаясь глиняной крошкой. И вот уже в воздух поднялась светящаяся яркая искра.

– Ого, – сказал Ран. – Потрясающе.

– Ага, – согласилась я, не в силах скрыть гордости, словно и шкатулка, и искры были моим собственным творением, а не достались мне по наследству.

Но больше уже ничего не успела сказать, потому что отблеск души моего далекого предка не стал дожидаться окончания разговора и влетел в полуоткрытый рот.

Когда я пыталась представить, что ожидает меня в третьем видении, непременно воображала что-то эпическое. Битву между бестиями, танатосами и людьми, например. Или, на худой конец, еще один пример того, как Крис приручает бестий. Но точно не то, что предстало сейчас перед моими глазами.

Я сидела в таверне за простым деревянным столом. Рядом стояли ополовиненная кружка с каким-то темным варевом и тарелка с обглоданными костями. Крис бросил туда же еще одну кость, с которой только что расправился. Он, кажется, был изрядно пьян. Мужчина, сидевший напротив, поднял свою кружку, приглашая выпить.

– Мы победили, Крис. Ты можешь в это поверить? Они ушли.

Крис, однако, покачал головой, не соглашаясь.

– Сейчас я тебе кое-что скажу, Трип. То, чего не стал говорить на совете. То, чего сейчас никому не стал бы говорить. Люди должны перевести дух после того, как почти потеряли надежду и вдруг обрели спасение.

Кажется, не так уж он пьян, как показалось вначале, но говорит все равно непонятно.

– Это ты нас спас, Кристер. Только ты, без тебя мы бы не справились…

Так его полное имя Кристер… Оно мне было хорошо знакомо, но пока еще я не могла вспомнить откуда.

Крис поднял руку, прерывая поток благодарности, готовый излиться из уст собеседника.

– Я тебя не для того позвал, чтобы слушать хвалебные речи.

Трип почтительно замолчал, готовый слушать.

– Говорят, у тебя бойкая рука и острый ум. Ты нужен мне, чтобы помочь написать книгу.

– Да, без ложной скромности скажу, что говорят правду… Но книгу? Какую книгу, Крис?

– Устав Академии, где будут храниться сведения о танатосах. Все, что я понял, все, что может помочь людям в следующий раз избежать катастрофы…

Трип, при всем его остром уме, если сказанное о нем было правдой, погрузился в раздумья, пытаясь переварить информацию, полученную от Криса.

– Устав? – осторожно переспросил он. – Академии? Танатосы вернутся?

Кажется, он не понял ни слова. Я тоже не поняла, но предчувствие того, что сейчас будет произнесено что-то очень важное, сжало грудь.

– Если бы ты не перебивал меня ежеминутно, Трип, то быстрее бы понял, что я хочу сказать! – с неудовольствием оборвал его Крис.

Протянул руку к кружке, сделал несколько глотков. Я тоже почувствовала горьковато-сладкий вкус, желудок обожгло.

– Танатосы вернутся, – сообщил он. – Примерно лет через триста. Я занимался изучением тех немногих свидетельств, дошедших до наших дней. Все повторяется с периодичностью триста лет. Думаю, хотя это скорее мои догадки, бестии приходят к нам из другого мира. Каким-то образом именно во время весенних гроз стенки между мирами истончаются, образуя дыры, пропускающие к нам этих тварей. Но даже у этих созданий в их собственном мире есть враги.

– Танатосы?

– Да. Высшие хищники, убивающие бестий. Раз в триста лет дыры в пространстве становятся настолько велики, что пропускают танатосов. А может быть, на это есть какая-то другая причина. Важно то, что они возвращаются снова и снова, в то время когда люди уже успевают забыть об опасности… Я должен оставить предупреждение. И намерен основать учебное заведение, где стихийников будут систематично обучать всему, что им нужно знать… А не так, как это сейчас у нас было… Тыкались как слепые котята. Гибели стольких людей можно было бы избежать…

Он допил темный напиток, и я поняла, что у меня тоже кружится голова. То ли от варева, то ли от полученной информации. Сейчас я даже не пыталась думать обо всем этом. Просто слушала и запоминала каждое слово.

Трип недоверчиво усмехнулся.

– Крис, ты воин. Какой из тебя ученый. Академия! Скажешь тоже!

– Для того ты мне и нужен в качестве помощника!

Крис наклонился вперед, пытаясь заглянуть собеседнику в глаза.

– Ты не веришь. Вижу, что не веришь… Мне и раньше никто не верил, до тех пор пока я не превратился из бездарника в того, кем сейчас являюсь. Так что…

– Я верю, Крис! – пошел на попятную Трип. – Что ты! Академия! Отличная мысль! Думаю, она будет названа в твою честь – в честь Кристера Ригера!

Крис только отмахнулся:

– Это пустое. Главное, чтобы она стала оплотом надежды однажды в будущем… Когда это понадобится!

– И кто же возглавит сопротивление через триста лет?

Крис пожал плечами:

– Мой потомок, надеюсь. У меня есть кое-какой план. Оставить преемнику послания в виде воспоминаний. Вот это, допустим, отлично подойдет… Слышишь, преемник? Или преемница. Я думаю, это будет девушка. Считай это предчувствием.

Трип хохотнул, словно услышал хорошую шутку, но увидел, что Крис не шутит, и потупил взгляд.

– Ты вот сейчас серьезно, да? Ну… Отлично… И что ты передашь своей преемнице?

– Хм… Да! Вот что! Бестии – мерзкие твари. Но на какое-то время они могут стать нашими союзниками в борьбе против более мощного врага. Ты сможешь ими управлять. Тысячи бестий станут сражаться на стороне людей, повинуясь твоему слову…

Трип расхохотался, решив все же, что друг его смеется над ним.

– Мы пьяны, Крис! Мы чудесным и восхитительным образом пьяны. Эй, повторите!

Он поднял руку, подзывая разносчика и указывая на опустевшие кружки.

Крис тоже усмехнулся.

– Возможно… Поговорим завтра, когда протрезвеем.

Они какое-то время пили и ели молча. Но вот Трип, чьи глаза уже блестели, а движения стали плавными и неуверенными, как всегда бывает у людей во хмелю, снова заговорил:

– Крис… А как ты из бездарника стал тем… Кем стал. Прости мое любопытство.

– О, это очень просто, – откликнулся тот, но, судя по голосу, это вовсе не было так просто, как он хотел показать. – Всего лишь надо простить предателя. Заключить союз с врагом.

Его голос вдруг дрогнул, словно невидимые мне

воспоминания когтями вцепились в горло.

– Пожертвовать своей любовью, – с трудом протолкнул он слова.

Я почувствовала всей своей сущностью, что Крису невероятно больно от этих слов. Что-то до сих пор мучило и терзало его, даже спустя столько лет. Ему было больно, и мне было больно вместе с ним. Я больше не хотела здесь оставаться ни одной секундой дольше.

Мир завертелся воронкой, которая втянула меня и выкинула прямо в руки Рана. Падая, я пыталась за него ухватиться и случайно порвала цепочку, на которой висел его медальон – тот самый, с лабиринтом.

– Ой, Ран… Извини. Твой амулет…

– Ерунда! Потом исправлю. Как ты? Что ты видела?

Я глубоко-глубоко вздохнула. Тысячи мыслей теснились в моей голове.

– Мне надо срочно увидеть директора, – ответила я.

Глава 29
Надежды нет

К центральному корпусу мы почти бежали. Я на ходу пыталась пересказать увиденное Рану, хотя мысли путались и прыгали с одного на другое.

– Танатосы вернутся! – это было главное, что я хотела сказать.

– Что? – Ран, который не видел того, что видела я, наверное, думал, что я брежу. – Кора, остановись и объясни толком. Куда вернутся?

Но я только махнула рукой, думая, что он все услышит тогда, когда я буду пересказывать видение директору. Я понимала: ощущение того, что время уходит, чисто субъективное. Времени не стало меньше за те несколько минут, что я погрузилась в воспоминания Криса, а все-таки чувство надвигающейся опасности было таким четким, что немедленно хотелось куда-нибудь бежать и что-то делать.

Только когда мы торопились по аллее парка мимо горы Воздушников, я невольно замерла, увидев скульптуру основателя Академии.

Я знала, я теперь точно знала, почему его лицо в прошлый раз показалось знакомым. Я видела его сотню раз, я слышала о нем начиная с того дня, как для меня впервые прозвучало слово «Академия». Его имя было неразрывно связано с ней. Кристер Ригер – ее основатель. Легенда. Недосягаемая высота. Мой предок.

– Это он, Ран, – прошептала я. – Ты можешь себе представить?

Судя по растерянному лицу Рана, он едва ли понимал, что происходит, но молча следовал за мной. Время от времени я ловила его встревоженные взгляды. Я была в странном состоянии – едва ли не дрожала от нервного напряжения. Наверное, Ран это заметил. Он несколько раз пытался меня о чем-то спросить, но так и не спросил.

В кабинет директора я ворвалась без стука, а он поднялся ко мне навстречу, будто ждал. Ни тени неудовольствия я не увидела на его лице, только сосредоточенность и легкое нетерпение.

– Кора, магия пробудилась? – спросил он без всяких предисловий.

Магия? Ой! Я так торопилась рассказать о готовящемся наступлении танатосов, так спешила предупредить, что совсем забыла о магии.

Застигнутая врасплох вопросом, я застыла на месте, прислушиваясь к себе. Теперь стало ясно, о чем хотел спросить Ран.

Как должна ощущаться магия? Я вспомнила то, что говорила Вита. Ощущение силы, жжения, клубок из разноцветных нитей в груди… Я не чувствовала ничего подобного. Просто руки, просто ноги, немного теснит грудь, и дыхание никак не может выровняться, так это от быстрого бега и волнения…

– Нет… – прошептала я, раздавленная осознанием этого.

Терран Аквидус упал в кресло, словно разом лишившись всех сил.

– Проклятие, – прошептал он. – Все напрасно.

Так странно было видеть нашего сурового директора растерянным и настолько потерявшим выдержку, что он позволил себе выругаться при студентах. Мы с Раном переглянулись, не понимая.

– Директор Аквидус, но у меня очень важная информация для вас… – робко начала я и натолкнулась на гневный взгляд.

– Сядьте оба, – отрезал он.

Выпрямился в кресле, сцепив руки в замок, пристально разглядывая меня. Захотелось спрятаться. Я вдруг почувствовала себя ужасно виноватой, сама не зная, за что.

– Я не на тебя злюсь, Кора, – сказал он, увидев, что я сжалась. – Я злюсь на себя за то, что согласился в свое время на это место и получил вместе с должностью директора кучу неразрешимых проблем. На проклятого Кристера Ригера тоже злюсь. Но не на тебя.

Я могла только молчать и слушать.

Директор достал из ящика стола уже знакомую мне потрепанную книжицу – «Устав Академии».

– Вот, полюбуйтесь! Досталась мне вместе с креслом директора Академии…

Он помолчал, собираясь с мыслями, и заговорил уже не так эмоционально:

– Кора, я знаю все, что ты хочешь мне сказать. Танатосы возвращаются раз в триста лет. Здесь приведены таблицы для измерений, которые позволяют с точностью рассчитать год их появления. Этот год, Кора. Еще пару месяцев. Три, если нам повезет. В одной части «Устава» Кристер Ригер рассказывает, как нужно организовать обучение в Академии. В другой части оставлены подробные инструкции для преемника. По шагам, все разложено по полочкам. Молодец он, наш отец-основатель.

Мы с Раном снова переглянулись, не понимая, чем вызвана горькая ирония в голосе Террана Аквидуса.

– Все бы хорошо, если бы этот раздел не начинался со слов: «Вот что тебе необходимо предпринять, когда магия пробудится». КОГДА! И ни слова о том, КАК это сделать!

Директор взял было книгу в руки, но вновь с раздражением бросил ее на стол.

– И вот что мы имеем. Смертельную опасность, грозящую гибелью всему живому. «Устав», который бесполезен без преемника, сумевшего бы на практике применить знания, что содержатся в нем. И юную пустышку. Единственную из ныне живущих достаточно молодую, чтобы попытаться разбудить в ней магию. Тебя, Кора.

Я закусила губу. Я хотела бы задать сотню вопросов, но понимала, что пока не время.

– Думаю, вам сложно понять, каково это – нести на плечах такой груз. Потому я не оправдываюсь за то, что мне пришлось совершить. Все, что я мог, – действовать на ощупь. Мы знаем, что магия иногда просыпается от сильного потрясения. Но каким должно быть потрясение? Никто этого не знает. Первый мой шаг продиктован отчаянием, и только. Это было… необдуманно.

Директор помолчал, собираясь с силами. Признание явно далось ему нелегко. А Ран уже, кажется, догадался, о чем речь. Он как-то собрался, выпрямился на кресле.

– Значит, это были вы? Разрушенная теплица – ваших рук дело? – произнес он тихо, будто и сам не верил в то, что говорит. – А если бы кто-то пострадал?

Директор только кивнул в ответ, сжав губы в тонкую линию. А я только в этот момент стала понимать, насколько все серьезно. Если ради того, чтобы разбудить во мне магию, он готов был на такие жертвы, то опасность, грозящая всем нам, действительно велика.

– А после? – Ран пристально смотрел на Террана Аквидуса. – Курсовая? Это тоже часть плана?

– После я совершил еще один поступок, которым не горжусь. Кора, когда тебя скинули с горы…

У меня внутри все захолодело, а Ран поднялся на ноги. В голове не укладывалось, что человек, который должен нести ответственность за всех нас, мог пойти на такое. Такой глупый, такой странный поступок.

– Вы серьезно? – прошептала я. – Но кто?..

– Кто исполнитель? Я тебе этого не скажу, юная Кора Флогис. Достаточно того, что я готов признать свою вину. Моя вина и моя ошибка. Но я шел во тьме по пути, которым еще никто не ходил. Я обязан был совершить невозможное и не знал как…

Он перевел взгляд на Рана, застывшего у стола.

– Сядьте, мастер Маринер, – устало сказал он. – Я и не надеялся, что вы сможете понять.

– Я понимаю, – прошептала я.

– Да? В таком случае, спасибо, Кора. Следующим шагом действительно стала идея с курсовой. Я надеялся, что вы так привязаны к Раннитару, и эта дружба, возможно, поможет… И когда появилась шкатулка, о существовании которой я даже не догадывался, я впервые ощутил надежду! Отблески души самого Кристера Ригера – мог ли я надеяться на большее!

– Если вы знали, то почему ничего не сказали мне во время нашего прошлого разговора? – перебила я его, вспомнив, как директор делал вид, будто ни о чем не догадался. – И Кристер Ригер обладал всеми четырьмя стихиями! А вы пытались меня убедить в обратном!

Кажется, я перешла рамки приличия, но была так расстроена, так смущена и выбита из колеи, что мне было не до выбора правильного тона. Мне нужно знать правду!

– Кора, я боялся сглазить… Повторю, что брел в темноте. Думал, дам тебе слишком много информации – и это испугает тебя. Не каждый справится с мыслью о том, что может обладать таким могуществом.

Он обвел нас изможденным взглядом, и я словно впервые увидела, что Терран Аквидус уже очень стар. Усталый, пожилой человек, поставленный перед непростым выбором. Что бы я сама делала, окажись на его месте? Как я могу его осуждать?

– Я понимаю, – снова сказала я. – Вы просто пытались разбудить во мне магию… Думаю, полипис на Турнире тоже часть плана? А кто-то еще знает обо всем этом?

Я начертила рукой неопределенный круг, пытаясь вместить в него и грозящее нам бедствие, и отчаянные действия директора, и мои видения. Словом – все.

– Пока только мы с вами. Некоторые, как твой отец, Кора, и твой, Ран, думают, что это всего лишь попытка помочь пустышке обрести магию… Кстати, знаешь, Кора, какую теорию предложил Кристер насчет пустышек?

– Нет…

Директор открыл «Устав Академии» на первой странице и стал читать:

– «Никто не знает, как мы получили свой дар. Но знаем, что он дан нам для защиты людей от тварей, что мы зовем бестиями. Не следует ли предположить, что те, кого мы ошибочно зовем бездарниками, на самом деле обладают большими возможностями и силами? Вот только силы их спят, пока в них нет нужды. Такие сильные стихийники нужны нам раз в триста

лет». Понимаешь, о чем он?

– Да, – прошептала я, потрясенная.

Может ли такое быть, что пустышки на самом деле сильнее всех других магов? И почему тогда в ком-то все же можно пробудить хотя бы одну стихию, а в ком-то нет? У меня не было ответов на все эти вопросы. Я, как и директор Аквидус, брела в темноте…

Терран Аквидус устало откинулся на спинку кресла, словно совершив тяжелую работу.

– Теперь вы знаете. Кора, ты смелая, сильная, замечательная девочка. И мне жаль, что все было напрасно…

– Но я знаю, как можно разбудить магию! – крикнула я.

Директор вновь подался вперед, на его лице появилась слабая надежда, которая по мере моего рассказа постепенно гасла.

– Кора… Я знаю, ты хочешь верить. Я и сам хочу этого больше всего! Но подумай, как это можно применить на практике? Простить предателя? Заключить союз с врагом? А последнее условие – это, хм… Еще только жертвоприношений нам здесь не хватало. Боюсь, Кристер в тот момент говорил о каких-то своих переломных моментах, давших толчок его магии. Это невозможно повторить, понимаешь? И если у тебя, после всех потрясений, магия так и не появилась, то тогда…

Терран Аквидус развел руками. А потом медленно поднялся на ноги, давая понять, что разговор окончен.

– Пришло время рассказать всем, – сказал он. – Дольше тянуть нельзя. Сейчас я объявлю общий сбор в центральном холле, спускайтесь туда.

– Только еще одно! – остановила я его.

– Да?

– Почему Академия Пяти Стихий? Какая пятая?

Губы директора тронула слабая улыбка:

– Ты не догадалась? Возможность управлять бестиями, конечно.

Ран вывел меня за руку. На меня словно свалилась железная плита и придавила своим весом: все чувства и мысли будто заморожены. Я пока не до конца осознавала, что сейчас произошло.

– Ты как? – уже в который раз спросил меня Ран, но я в ответ только качала головой.

В центральном холле мы сели прямо на пол, и Ран обнял меня, привлек к себе. Мы молча ждали, пока зал заполнится студентами. Кажется, кто-то подходил поздороваться, но я была как в тумане.

На балконе появился директор и вместе с ним кураторы.

Повисла тишина. Никто не понимал, чем вызвано общее собрание.

– Я принес вам тяжелые вести, – так начал он свое выступление.

И, с трудом подбирая слова, Терран Аквидус поведал то, что мы с Раном уже знали. О танатосах и о том, что привычный нам мир, возможно, скоро прекратит свое существование.

– Знаю, многие роптали на меня за то, что последние пару месяцев вам пришлось тяжело. Ежедневные тренировки и изучение боевых заклятий. Но теперь, думаю, вы поняли: я лишь хотел сделать вас более подготовленными перед грядущей опасностью. Кто-то, знаю, шутил о том, что студентов готовят к войне. Так вот, мы идем на войну!

Я слышала, что многие плакали. Нелегко принять такие известия, но у них еще будет время привыкнуть к этой мысли.

– Сейчас я распускаю всех по домам на две недели. Обнимите близких, скажите то, что давно хотели сказать, завершите неоконченные дела. Весну вы встретите в стенах Академии. Ее устав предписывает сохранить молодых стихийников любой ценой. Вы – наше будущее.

– А наши родители? – крикнул кто-то, выразив общую мысль.

– На этот случай, как написано в уставе, каждый родовой замок превратится в приют всех страждущих. Никто не выйдет сражаться, укроются в стенах замка.

– Защитные амулеты не выдержат! – воскликнула плачущая девушка. – Если все так, как вы говорите, ни один амулет не выдержит натиска!

– Да… Возможно… Поэтому, пока есть время, те, у кого есть силы, будут заряжать амулеты и надеяться на лучшее. Похоже, это единственное, что в нашей власти.

Я почувствовала, что меня трясет, словно начала отходить заморозка. Ран сжал в своих руках мои ладони и, чувствуя, что это не помогает, обнял крепко-крепко.

– Ш-ш-ш, – успокаивающе прошептал в ухо. – Все будет хорошо. Все наладится, моя рыбка.

И вдруг замер на полуслове. Отпустил мои руки.

– Кора, пойдем на свежий воздух?

– Да…

Мне и самой нужен был глоток морозного воздуха, чтобы прийти в себя.

* * *

Мы шли по тихой аллее: сейчас, пока все собрались в холле, здесь было безлюдно. Я опиралась на руку Рана, мы оба молчали.

И тишина давила, давила своей тяжестью, пока не взорвалась где-то внутри меня. Я запнулась и упала бы, если бы Ран меня не удержал.

– О светлые боги… – прошептала я. – О боги…

Все, о чем я мечтала, на что надеялась, к чему шла так долго, оказалось пшиком. Такой же пустышкой, как я сама. Я могла бы всех спасти, но, видно, нет во мне чего-то важного, не гожусь я в преемницы. Я вообще ни на что не гожусь… Жалкая, жалкая…

Рыдания разрывали мне грудь. Я хотя и пообещала Рану, что не стану сильно горевать, если пойму, что все оказалось напрасно, но это было выше моих сил. Я рыдала так, что думала – сердце остановится. А Ран обнимал меня и гладил по волосам. Он не мог подобрать подходящих слов, но он был рядом, и одного этого было достаточно.

– Пойдем-ка присядем, – сказал он, когда я уже не могла плакать, а только давилась воздухом, всхлипывая.

Подвел к заснеженной скамейке, отряхнул ее кое-как, усадил, поплотнее запахнул на мне мантию, пряча от пронизывающего ветра, и прижал к себе, согревая.

– Ну все, все, Корюшка. Все… Ш-ш-ш…

Он тихонько качал меня из стороны в сторону, и я положила голову ему на плечо и закрыла глаза, отдавшись этому нежному утешению. Сквозь веки пробивалось солнце, уже не такое яркое, как в полдень, но мягкое и ласковое, оно словно тоже старалось меня успокоить. Я будто бы плыла куда-то в его лучах.

– Ну вот… Умница.

Ран поцеловал меня в нос. Замер. Поцеловал волосы.

– Ты пахнешь, словно нагретая солнцем листва в жаркий день…

Он коснулся губами моих мокрых глаз, и я услышала, как сбивается его дыхание. Губы были теплыми и мягкими. Рука Рана нашла мою ладонь и сжала ее. Он скользнул губами по моей щеке и поцеловал в уголок рта.

И тут же отпрянул, вскочил на ноги.

– Кора, я… Не знаю, что делаю. Извини.

В ответ я зябко повела плечами. Мне стало холодно и неуютно, когда я лишилась его объятий.

– Ерунда… Просто погрей меня еще немного…

Глава 30
Волны

Восстанавливая потом в памяти события того дня, я никак не могла четко ответить даже самой себе, как же так получилось.

Я не вполне отдавала себе отчет в том, что произошло. Только когда раздался стук в дверь и Фрост позвал меня по имени, спрашивая разрешения зайти, я поняла. Да, только тогда впервые… Дверь не заперта, достаточно было повернуть ручку, чтобы зайти. Если он это сделает, то сразу все поймет.

Мы с Раном прижались друг к другу, как преступники, застигнутые на месте преступления. Мы и были преступниками…

Я мысленно вернулась мыслями туда, в парк, под вечереющее небо. Солнце потихоньку начало клониться к горизонту, хотя светило еще ярко, но это был уже рассеянный, бархатный свет.

Мы еще немного посидели на скамейке, Ран дождался, пока мои слезы высохнут и нос снова станет нормально дышать. Вот почему всегда так – будто мало одних слез.

– Предлагаю выпить чаю с заварными колечками, – преувеличенно бодро сказал Ран.

Едва ли колечки могли заменить мне рухнувшие надежды, но все-таки это было уже что-то. А рыданиями делу не поможешь.

– Ладно, – согласилась я.

В столовой мы оказались одни: может быть, собрание еще не закончилось, а может быть, новости лишили всех аппетита, но я была рада, что нас никто не потревожит. Никого не хотела видеть, даже Виту.

Ран принес нам по огромной дымящейся чашке чая и блюдо с колечками, посыпанными сахарной пудрой.

– Орешков? – уточнил он на всякий случай, но я покачала головой, сомневаясь, что смогу проглотить даже так любимое мною пирожное. Хотя бы выпью чаю – горячий бодрящий напиток мне сейчас просто необходим.

Чашка приятно согревала руки. Я пила маленькими глотками и чувствовала себя почти спокойно. Ничего, жила ведь я как-то без магии все эти годы и дальше проживу. Зачем мне магия, когда у меня есть Ран… Вот он, совсем рядом, поглядывает на меня из-под челки, думая, что я не вижу. Беспокоится.

Я вспомнила его губы, целующие краешек рта, и внутри все задрожало, словно кто-то провел рукой по невидимым струнам. Необъяснимое и сладкое чувство.

Я уткнулась носом в чашку, смущенная и взволнованная.

Будто бы только сейчас, в тепле, начала отогреваться и осознавать произошедшее.

– Съешь колечко, – сказал он, пододвигая ко мне тарелку.

Я тысячи раз видела его руки. Руки, сжимающие меч. Руки, завязывающие тесемки на капюшоне. Руки, согревающие мои ладони. И всегда они были уверенные и спокойные. Такие, будто и завязки на платье, и рукоять меча – это вещи одного порядка. Но не сейчас. Он двигал ко мне блюдо, и я видела, что кончики его пальцев чуть-чуть дрожат.

– Да, спасибо, – ответила я, осторожно, так, чтобы не обсыпаться пудрой, снимая пирожное.

Мы оба делали вид, что все идет как обычно.

А на самом деле все было невероятно странно. Самый длинный, самый горький день в моей жизни. Когда надежда обернулась разочарованием. Когда смертельная опасность вплотную приблизилась ко всем нам, а спасения нет. И в то же время – самый счастливый день. Только я пока об этом не знала.

Я все еще была немного скованная, словно заморозка отошла не до конца. И хотя мы обычно всегда находили темы для разговора, сейчас я никак не могла придумать, о чем можно поговорить.

Поэтому я, как последняя обжора, съела три колечка, понимая, что еще немного – и лопну. Ран с легкой улыбкой наблюдал, как я сражаюсь с пирожным, запивая его чаем. А ведь думала, что даже с одним колечком не справлюсь.

– Спасибо, Ран, – сказала я, имея в виду, конечно, не только угощение, но и руки, обнимающие меня тогда, когда так нужны, и уши, всегда готовые выслушать. И все-все, что он сделал ради меня.

– Не стоит благодарности, – ответил он.

Мы оба понимали, что можно разойтись по своим спальным корпусам, но просто не в силах были расстаться. Завтра мы разъедемся на две недели. С одной стороны, недолго, а с другой – целая вечность. И если обычно каникулы сулили отдых и веселье, то теперь, в свете последних событий, будет не до развлечений.

Я пока даже думать не хотела о том, что нас всех ожидает впереди. Хотя тревожные мысли так и лезли в голову. Хватит ли силы наших амулетов, чтобы удержать защиту над замком, когда придет время? Их всегда заряжал отец Рана. Водники ставят самую лучшую защиту, ведь их магия непосредственно связана с грозой. Воздушники и земляные тоже изготавливают амулеты, хоть и не такие сильные. А вот огневики… Если надо создать преграду от лесного пожара, то в этом мы лучшие, а вот грозы, увы, не наша сфера деятельности.

Представляю, как расстроится отец. Расстроится – это, конечно, не то слово. Представляю, в каком ужасе все будут, узнав о приближающейся опасности. Вот, теперь правильно. Да еще и плата на защитные амулеты вырастет в разы…

Я поделилась мучившими меня переживаниями с Раном. Мы в это время уже прогуливались по берегу озера. По его водам, не замерзающим даже зимой, солнце проложило золотую полосу. Когда я была маленькая и впервые увидела дорогу, оставленную на поверхности воды заходящим солнцем, я решила, что именно по ней водники уходят в свой второй замок, скрытый в глубине озера. Про дорогу я тоже рассказала, ожидая, что Ран улыбнется вместе со мной, но он уже думал об амулетах и шел, прикидывая что-то.

– Кора, я заряжу вам амулеты, – сказал он. – Я успею за это время.

Покачал головой на мой слабый протест.

– Мне все равно нечем будет заняться. Это лучше, чем предаваться панике. – Он усмехнулся.

– Ох, Ран… – Я поняла, что краска заливает щеки, получилось так, словно я специально напросилась. – Я ведь вовсе не к тому сказала…

– Да я бы и сам предложил. Правда. А история про солнечную дорогу мне понравилась. Красивая! В жизни все гораздо банальней.

Так он все-таки слушал. На душе потеплело.

– А как в жизни? – не сдержала я любопытства.

Мы как раз подходили к каменным ступеням, спускающимся к воде. Ран остановился рядом с ними. Встал за моей спиной, закрыл мне глаза ладонями и прошептал, наклонившись к уху:

– Ты хочешь прогуляться со мной?

Я только головой утвердительно кивнула, боясь заговорить вслух и спугнуть очарование.

– Мы возьмемся за руки и сделаем первый шаг в воду. Вода мягкая, теплая, она обнимает тебя, как дорогого гостя, вернувшегося домой…

Ран говорил, и я видела все как наяву. Никто, кроме водников, не бывал в корпусе, расположенном на дне озера. Вода необходима им, они не могут жить вдалеке от водоемов. Мое воображение почему-то всегда рисовало такой же замок, только стоящий под водой. Я представляла диванчики и шкафы, столики, посуду. Ничего этого на самом деле не было.

Подземный замок был сложен из особого камня, который не покрывался водорослями и ракушками. Внутри в круглых комнатах располагались ниши с уютными ложами, выстланными

губчатым веществом. Комнаты были украшены радужными светящимися сферами и синими фосфоресцирующими водорослями.

– Мы ляжем, воды укроют нас, как теплое одеяло, и будут качать, убаюкивая и возвращая силу, – тихо говорил Ран, и я так ясно ощутила волны, обнимающие меня, что едва не начала сладко зевать. На самом деле это Ран тихонько меня покачивал, обхватив за плечи.

– Так вот вы что там делаете! – поняла я наконец. – Спите!

– Ну да, – улыбнулся он, выпуская меня. – Восстанавливаем силы. Без этого нам никак.

– Будто сама побывала, – искренне сказала я.

Ран проводил меня до лестницы. Он часто провожал меня после тренировок, и я знала, что последует сейчас.

«Ну, пока», – скажет Ран, небрежно склонив голову, словно отвешивая полупоклон. От этого движения его вечно встрепанная челка взлетит и снова опустится на лоб.

Но если мне грустно, как сегодня, Ран обнимет на секунду и скажет немного иначе:

«Увидимся, Корюшка».

Он и сейчас меня обнимет, я знаю. А потом я его две недели не увижу, но ощущение такое, словно разлука продлится вечность.

Я вовсе не хотела больше плакать, честное слово. Меня просто сейчас от каждого дуновения ветерка штормило. Наверное, теперь это так и будет. Минуты отчаяния будут сменяться минутами принятия, когда я снова смогу улыбаться и радоваться жизни. И хороших минут постепенно будет становиться все больше, а потом я совсем смирюсь. Но, увы, не сегодня.

Ран обнял меня, а я снова заревела. Ну как маленькая, даже стыдно.

– Пойдем, я тебя до дверей провожу, – сказал Ран.

Мы поднялись по лестнице, так никого и не встретив по дороге, и встали у дверей комнаты.

– Боюсь тебя обнимать, – пошутил Ран. – Но очень хочется.

– И мне…

Я обвила его руками и прижалась к груди, слушая, как бьется сердце. Оно очень быстро билось, будто Ран волнуется или чего-то боится. Но он ничего не может бояться, даже смешно такое вообразить.

– А ты пахнешь, как прохладная тень у озера в жаркий день, – прошептала я. – Ран…

– Кора…

– Ты помоги мне, пожалуйста, пуговки расстегнуть, я одна долго провожусь.

– Не нужно, Корюшка.

Я вошла в комнату и оставила дверь открытой. Расстегнула мантию, и она сползла по плечам на пол. Я повернулась к нему спиной.

– Ну?

Его руки коснулись моей шеи там, где застегнута была первая пуговка. Одна…

– Кора…

Его большой палец нежно-нежно погладил впадинку у ключицы.

– Не знаю, что сегодня со мной творится. Никогда не чувствовал ничего подобного, – тихо сказал он за моей спиной.

Ран пытался говорить своим обычным спокойным голосом, ведь он всегда – сама выдержка и ответственность. Мастер «Абсолютная уверенность в себе». Он пытался, да. Но получалось у него плохо. Таким голосом, как сейчас, обычно спрашивают: «Что со мной? Я заболел?»

Мне страшно было обернуться и посмотреть ему в глаза. Страшно было отвечать. Вместо ответа я собрала волосы и подняла их вверх, освобождая шею, чтобы ему сподручнее было расстегивать.

– Ты ведь смотришь? – догадалась вдруг я. – Ты не закрыл глаза.

– Да, – хрипло подтвердил Ран.

Вторая пуговка. Третья. Четвертая. У него так просто получилось их застегнуть, а вот расстегнуть не выходило так легко, словно пуговицы норовили выскользнуть из рук.

Он провел ладонью по моей спине, обнаженной почти до лопаток. А потом наклонился и прикоснулся губами к полоске кожи там, где она обычно была скрыта волосами. Меня словно током ударило от этого поцелуя.

– Мне кажется, я с ума схожу, – растерянно сказал Ран. Отпустил мои плечи, отошел на шаг, но я не двинулась с места, чувствуя, как платье, уже наполовину расстегнутое, сползает с плеч.

– О, Корюшка, – простонал он.

Схватил меня, обнял, прижал к себе, зарывшись в мои волосы, вдыхая запах.

– Мы не должны… Но это выше моих сил…

Он развернул меня к себе и покрыл поцелуями лицо. Я не отворачивалась, не пыталась вырваться и только, когда он нашел губами мои губы, невольно вздрогнула. Я так давно мечтала об

этом, что сейчас происходящее казалось сном. Мне только очень нужно было узнать, нужно было спросить, пока не поздно: «Ран, ты любишь меня?»

Но я не могла разорвать объятий даже на секунду. Его поцелуй словно глоток воды в летний зной, я вот только не думала, что вода может еще сильнее распалить пламя.

– Кора, я весь горю, – прошептал он. И вновь это был голос человека, который не знал, что существует огонь и он может обжечь. Словно все это время он жил без огня…

Пятая пуговка. Шестая. Седьмая. Платье с тихим шелестом скользнуло на пол, а Ран подхватил меня на руки. Я прижалась к нему, спрятала лицо.

Но когда мы оказались вместе на постели, когда Ран навис надо мной, опираясь на локти, еще не сделав ничего, и осталась только одна последняя преграда, наши взгляды встретились. Взгляд у него был совершенно отчаянный, наверное, как и у меня. Еще не поздно остановиться… Мы совсем потеряли голову…

Разве теперь, как прежде, я смогу утверждать, что мы не делаем ничего плохого?

…Но разве может быть что-то плохое в любви?

Я плохо помню все, что произошло дальше. Щека Рана, которой он прижимался к моей щеке, была ужасно горячая, а пальцы, что он переплел с моими, дрожали. На меня будто накатывали волны. Теплые и нежные, они ласкали меня в своих объятиях.

Вот так это случилось. А теперь Фрост стоял за дверью, готовясь войти. Я увидела, что ручка повернулась, но потом он отпустил ее и ушел. Мы с Раном лежали в объятиях друг друга, не в силах перевести дух. Обессиленные, ошеломленные всем произошедшим.

– О светлые боги, что я натворил, – выговорил наконец Ран. – Корюшка… Моя маленькая… Завтра я увижу родителей. Я все им объясню.

Что он объяснит? Что хочет жениться на пустышке? Да-да, они, конечно, все поймут! И несомненно придут в восторг. Я закусила губу, надеясь, что ужас от предстоящего разговора не отразился на моем лице.

И все же надежда была сильнее страха.

Глава 31
Простить предателя

Ран ушел ночью: никто не должен был увидеть, как он покидает мою комнату. Он тихо одевался, боясь меня побеспокоить, думал, что я сплю, а я лежала, открыв глаза, и смотрела на него. Лунный свет стекал по его плечам, волосы серебрились. Как же я любила его в этот миг. Даже дышать было больно…

Он собрался и присел на колени у постели. Накрыл одеялом мою обнаженную спину, тихонько убрал пряди волос со лба, погладил по щеке, а когда я, сделав вид, что только что проснулась, посмотрела на него, поцеловал в губы. Нежно-нежно и бережно.

– Мне нужно идти, Корюшка. Завтра мы уже не увидимся – повозки выезжают засветло. Но время пролетит быстро. Ни о чем не волнуйся.

– Ран…

Я нашла его руку и сжала ее. Как мне хотелось сейчас обнять его крепко-крепко, никуда не отпускать больше. Никуда и никогда.

– Я люблю тебя, – прошептала я.

Пусть он услышит это. Хотя и так, конечно, уже знает. Я надеялась услышать в ответ те же слова. Он ведь тоже меня любит, иначе ведь и быть не может, правда?

Я никак не могла заставить себя разжать руку, и Ран поднес ее к губам, поцеловал каждый палец, а потом саму ладонь, когда я наконец чуть расслабилась. Еще один быстрый поцелуй, и вот уже он выскользнул за дверь, осторожно прикрыв ее за собой.

В комнате стало так пусто и так тихо без его дыхания. Еще минуту назад комната была полна им – куртка на спинке стула, медальон, со вчерашнего дня оставленный на столе, его рубашка, небрежно брошенная у изголовья кровати, – словно так и должно было быть. А теперь ничего не осталось. Я прижалась лицом к подушке, еще хранившей его запах, уговаривая себя не плакать. Все ведь хорошо. Все обязательно будет хорошо…

* * *

Мы ожидали отца в комнате Фроста, собрав свои немногочисленные вещи. На Фроста я старалась не смотреть,

опасаясь, что он обо всем догадается по моему лицу.

– Я вчера приходил… – начал было он.

– Я спала, – быстро перебила я. – Так устала, что ничего не слышала. Сумасшедший день…

– Да, я как раз по поводу этого. Мне жаль, что ты проиграла… Я хотел сказать…

Фрост смешался, увидев устремленные на него взгляды сестер и брата.

– Я знал, что так и будет, – закончил он довольно сурово. – Я не просто так запретил тебе в это ввязываться. Но разве кто-то меня слушает?

Вот и вся поддержка. Я села на подоконник и постаралась сделать вид, что меня здесь нет. Все как обычно. Ничего не меняется. Ничего другого я и не ожидала от старшего брата.

А вот сестрам и Димеру удалось меня удивить. Пока Фрост был рядом, они молчали и, казалось, соглашались со всем, что он говорил, как это было всегда. Но вот в дверь постучал куратор шестого курса и попросил его подписать какие-то бумаги – курс готовился к выпуску, и старшекурсников постоянно дергали по поводу и без даже теперь. Брат ушел, а сестры вдруг перебрались ко мне на подоконник, сели с двух сторон.

– Ты очень смелая, – сказала Брида, обняв меня за плечи. – Я вообще-то тобой горжусь, что бы там Фрост ни говорил. Плевать на магию.

– Ты у нас уникальная сестренка, – подхватила Грета, поцеловав в щеку, хотя обычно за ней таких нежностей не водилось. – Знаешь, как тебя теперь за спиной называют?

– Как? – сжалась я.

– Не пустышкой, а Крутышкой. Честно, я тоже горжусь. Димер, ты тоже вроде что-то хотел сказать Коре?

Димер подошел, правда, с объятиями не полез, но это и хорошо. Вот бы я удивилась, вздумай он меня обнять. Однако и не язвил, как обычно, а лицо оставалось серьезным. Ну, насколько это вообще возможно в случае Димера.

– Вот что, мелкая…

– Димер!

– Хм… Кора, торжественно обещаю, что больше не стану звать тебя Корявкой. Ты… молодец.

Я чуть не разревелась от нахлынувших чувств. До сих пор ни разу я не слышала ничего подобного ни от одного из них. Но тут вернулся Фрост, и все мы сделали вид, что совершенно случайно оказались рядом. Едва ли это сбило его с толку, судя по тому, как он сверкнул глазами, но мне теперь было все равно.

Отец пришел за нами ближе к обеду. Он был совсем на себя

не похож – резко постарел и осунулся. Я поняла – он все уже знает. И все же при виде нас улыбнулся, старательно делая вид, что это просто каникулы, такие же, как всегда.

– Ну что, мама ждет! Кухня с пяти часов на ногах, готовят вам разные вкусности к обеду. Комнаты готовы, камин растоплен. Мы скучали без вас!

Он создал огненный портал и протянул мне руку, приглашая.

– Сначала Кора. Думаю, она заслужила.

Значит, он и про остальное тоже знает. Директор рассказал. Что же, так даже лучше, не придется ничего объяснять.

– А я перемещусь сам, – угрюмо сказал Фрост. – Может, хватит со мной, как с маленьким? Я отлично создаю порталы.

Кажется, похвала, адресованная мне, его задела.

Стол ломился от лакомств, камин жарко горел, каждый из нас получил по отличному подарку: мне преподнесли первый настоящий боевой меч – легкий и удобный, он словно был сделан по моей руке, рукоять украшал алый рубин, а по лезвию струились узоры, напоминающие огненные всполохи. И, несмотря на все это, праздничный ужин проходил в молчании. Шутки повисали в воздухе, а смех звучал неестественно. Ощущение такое, словно мы пируем в то время, когда кто-то при смерти. Так и было на самом деле – мы все были при смерти.

– Так! – Отец вдруг не выдержал наших скорбных лиц и хлопнул себя по коленям. – Это что еще за траур? Мы живы! И еще повоюем! По крайней мере, умрем, сражаясь! А это уже что-то!

После того как он произнес это вслух, надвигающаяся беда вдруг перестала казаться такой страшной. И теперь мы знали, что об этом можно говорить. Можно даже посмеяться над своим ужасом, можно отругать танатосов, можно просто обсудить. И все тут же заговорили, почти разом, о том, что на самом деле нас волновало. И всем стало легче.

Так что остаток дня прошел вполне сносно, особенно если учесть, что я провела его с книгой в кресле у камина. Читала какую-то смешную историю про принцессу и дракона, но на самом деле почти не следила за сюжетом. Иногда я опускала книгу на колени и сидела, думая про нас с Раном. Рассказал ли он уже родителям? А если да, то как они поступят? И как я об этом узнаю? А потом я вспоминала вчерашнюю ночь, и сердце сладко замирало. Все будет хорошо. Обязательно!

Я отлично проводила время. Сестры, понимая, что меня надо оставить в покое, убежали по своим делам. Димер отправился в деревню. Только Фрост кружил вокруг: то присаживался на диван, то начинал шумно ворочать угли в камине, то ходил за моей

спиной по комнате – я слышала его тяжелые шаги. В общем, доставал как мог, но я изо всех сил старалась не обращать на него внимания.

Наконец пришло время идти спать. Я пожелала приятных снов родителям, кивнула Грете, которая дремала у камина, обложившись подушками, а наверх подниматься ленилась. Время от времени, когда пламя, прогорая, начинало гаснуть, она вытягивала руку, щелкала пальцами, и огонь взвивался снова.

Поднялась по лестнице и отправилась к своей комнате, что располагалась в правом крыле, как все детские. Детские… Забавно. Мы уже совсем не дети. Я только сейчас со всей ясностью это поняла. Задумавшись, шла по коридору, когда дверь комнаты Фроста вдруг открылась, и он встал на пороге.

– Кора, я весь день хочу с тобой поговорить. Ждал, пока ты пройдешь мимо. Выслушай меня.

– Ну говори, – пожала я плечами. Какую еще гадость мне предстоит выслушать от брата?

– Зайдешь?

– Ладно.

В комнате Фроста я не бывала с тех пор, как… Нет, похоже я никогда здесь не бывала.

– Присядь, – попросил он, указывая на кресло, обитое серой тканью. У Фроста все цвета в комнате оказались приглушенными, неяркими – серыми, коричневыми, темно-синими. Так непривычно было видеть в этой обстановке моего огненноволосого брата.

Я присела, сжав губы, мысленно готовясь к обороне. Нет, не стану с ним ругаться. Пусть говорит что хочет: молча покиваю и уйду спать. Фрост подвинул банкетку и сел напротив.

– Кора, я приходил вчера не для того, чтобы в очередной раз сказать тебе, как я был прав, – начал он, и я уже успела испугаться, подумав, что он что-то знает, но следующая фраза так меня удивила, что я забыла обо всем на свете. – Я хочу попросить у тебя прощения…

– Я… – пролепетала я, но Фрост поднял руку, останавливая.

– Дай мне сказать! Пожалуйста… Кора, в последнее время я часто думал о тебе. Большую часть моей жизни я воспринимал тебя как досадное недоразумение. Как проклятие, которым боги неведомо за что наказали нашу семью. Ты всегда была слабой, болезненной и капризной. Маленьким нытиком, портящим всем жизнь. А бабушка так сильно любила тебя. Я не понимал почему. Я из кожи вон лез, чтобы она лишний раз улыбнулась мне, чтобы назвала Фро и просто прикоснулась к волосам. Но зато ненаглядную Искорку она готова была обнимать и целовать

десять раз за день. Я надеялся, что вырасту и она будет мною гордиться. Обязательно будет. Но бабушка умерла… Из-за тебя, Кора.

Я вздрогнула, открыла рот, но мне нечего было сказать в свое оправдание, и я опустила голову.

– Я думал так тогда, а потом еще долгое время после. Я ненавидел тебя, не мог простить. Ты этого не поймешь, ведь ты никогда не ощущала огня в своей крови, но поверь на слово, Кора, – огонь жжет. То, что другие стихийники забывают с течением времени, отпускают, смиряются, мы, огневики, помним и чувствуем так остро, словно все случилось день назад. Меня сжигало это пламя, эта ненависть… И не представляешь, как легко настроить против тебя девочек и Димера, когда ты старший брат. Теперь я знаю: ты была всего лишь ребенком. Маленьким испуганным ребенком. Правда, я не сразу это осознал… Первые дни в Академии ты раздражала меня одним своим видом. Теперь, когда ты находилась у всех на виду, не получалось притвориться, будто мы обычная семья. Вот он, наш позор, ходит рядом. Поэтому, когда однажды Терран Аквидус вызвал меня и попросил помочь в одном деле, я согласился не задумываясь. Догадываешься, в каком?

– Нет, – честно ответила я.

Фрост вздохнул.

– Проклятие, как же тяжело признаваться! Он сказал, что твою магию можно попробовать разбудить, но для этого тебе нужно пережить сильнейшее потрясение. А так как я – старший брат, то доверить такое ответственное дело можно только мне.

Я все еще не понимала.

– Но… Разве печати с теплицы сорвал не сам директор?

– Я не про теплицу говорю, Кора. – Фрост потер ладонями лицо. – Я про гору Воздушников…

– Что? – крикнула я, вскочив на ноги. Невозможно, немыслимо. Родной брат! – Но… Как? Ты едва не убил Рана! Ты с ума сошел?

Нет, я не могла поверить. Меня затрясло от воспоминаний.

– На тот момент я лежал в отключке, – сказал Фрост. – Помнишь, Ран вырубил одного? Это был я. А Синтес, мой однокурсник, просто увлекся… Вошел в раж. Пламя, что разгорается внутри, иногда очень сложно унять. И это он скинул тебя. Но я не снимаю с себя ответственности: я был тем, кто все организовал, и план таким был с самого начала. Подкараулить и сбросить. Директору удалось убедить меня, что магия проснется. Или, о чем даже подумать страшно, я настолько ненавидел тебя, что готов был на это, даже не будучи уверенным до конца. Кора, я

прозрел утром на следующий день. Ты могла погибнуть. Не могу передать, как я себя винил. Думаю, ты очень злилась, когда я запретил тебе писать курсовую с Раном, а я просто не мог еще раз тобой рисковать. Наверное, выглядел при этом как настоящая сволочь. Но после стольких лет ненависти это стало ушатом ледяной воды. А потом я увидел, как самоотверженно ты борешься за свою мечту, как идешь к цели, несмотря ни на что. Я понял, что капризной Корявки больше нет, а есть маленькая Искорка, которая не сдается. Думаю, бабушка с самого начала разглядела в тебе это… Прости меня, Кора. Обещаю, с этого дня все изменится.

Я подняла голову и встретилась с ним глазами. Зеленые глаза Фроста, которые в минуты ненависти сверкали, как драгоценные камни, сейчас были цвета летней травы. Он не обманывал меня.

– Я прощаю, – сказала я тихо. – Конечно, прощаю, Фро. Ты ведь мой брат.

Фрост потянулся ко мне и обнял, наверное, впервые в жизни. А я поняла, что больше его не боюсь. И даже, кажется, немножко люблю.

– Так ты поэтому весь день бродил вокруг да около, да?

– Да, – согласился он.

– А почему у тебя вся мебель таких унылых цветов? – не удержалась я от вопроса.

Фрост нахмурился, но потом улыбнулся.

– Знаешь, когда кровь так кипит, как у меня, лучше окружать себя скучными вещами. Огонь жжет, сестренка.

Я улыбнулась в ответ.

– Ну, тогда даже хорошо, что мне этого никогда не почувствовать.

* * *

Дни каникул бежали быстро, это только первый день показался долгим, почти бесконечным, но потом жизнь вошла в колею и, как это обычно бывает, наполнилась какими-то рутинными делами, которые хоть и не делали ее веселее и ярче, но зато создавали ощущение почвы под ногами. Утром завтрак за общим столом, чтение книги у камина, прогулка в деревню, обед. Все это помогало переживать разлуку, хотя я считала дни, оставшиеся до возвращения в Академию. Очень скучала по Рану. По нашим разговорам, по его улыбкам, даже по тренировкам скучала. Вернусь – первым делом вызову его на бой! Я думала только о нашей будущей встрече и запрещала себе думать о

плохом. А то, что новостей до сих пор нет, так это, возможно, даже к лучшему?

Спустя десять дней что-то случилось. Началось все со звонка по кристаллу-вестнику. Мы все вечером сидели в зале, когда зашла служанка и передала отцу, что кристалл в библиотеке сработал уже несколько раз – не угодно ли хозяину ответить, или передать, что он занят? Отец, чертыхнувшись, ушел, а назад в гостиную уже не вернулся.

Начиная с этого дня словно какое-то напряжение разлилось в воздухе. Хотя привычные дела продолжали идти своим чередом и как будто ничего не происходило.

Вечером следующего я спускалась по лестнице и увидела, как Грета вылетела стрелой из библиотеки, также заменяющей отцу кабинет.

– Вы совсем ополоумели?! – яростно воскликнула она, обернувшись к двери.

Я уже говорила, что Грета бывает остра на язык? Но должно было произойти все же что-то из ряда вон выходящее, чтобы она позволила себе так разговаривать с родителями.

Она заметила меня и постаралась улыбнуться. Улыбка вышла слабой и неестественной. Хотя понятно, когда ты в гневе, едва ли получится удержать лицо. Я решила не терзать ее вопросами, только кивнула в ответ.

В другой раз я вошла в столовую в тот момент, когда отец и мама полушепотом обсуждали что-то. Но они уже кипятились оба, поэтому шипели так громко, что различить можно было каждое слово.

– И как, по-твоему, мы можем противостоять этой свадьбе? – спрашивал отец. – Что, скажи на милость, мы можем им предложить? Я понимаю, жалко. Я сам опечален, но…

Они заметили меня и замолчали одновременно. Я вылетела из столовой и побежала в гостиную, где у камина сидела Брида.

– Брида, ты не знаешь, о какой свадьбе говорят родители? – проговорила я, задыхаясь от какого-то нехорошего предчувствия.

– А что ты слышала? – спросила она, глядя на меня странно.

Я пересказала услышанное, и сестра изобразила на лице такую же слабую тень улыбки, что и Грета накануне.

– Так это они о моей свадьбе. Ты ведь знаешь, что мы планируем пожениться с Аркеллом сразу после окончания Академии, но решили вот поторопить события в связи с тем, что грядут танатосы. Сейчас, знаешь, во многих семьях такое. Играют скоропалительные свадьбы, потому что, быть может, другой возможности больше не представится.

– Да? – недоверчиво переспросила я, хотя звучало все

логично, и мне пришлось принять на веру то, что я услышала от сестры. – И когда же?

– Пока думаем, – уклончиво ответила она.

За день до возвращения я поймала обрывок разговора Димера и Фроста. Они стояли у камина, а я шла, чтобы забрать книгу, но застыла у порога.

– Ты должен ей сказать, – сказал Фрост. – Пусть узнает сейчас.

– Пусть сами разбираются, – ответил Димер злобно. – Он мне не для того рассказал, чтобы я тут же побежал выбалтывать направо и налево.

Я не стала слушать дальше, развернулась и ушла. Это просто их мальчишечьи дела, а разговор о людях, которых я даже не знаю. Я стала такая мнительная, что каждое сказанное слово примеряю на себя. Нельзя же так! Завтра я вернусь в Академию, обниму Рана, и все страхи тут же развеются без следа.

На следующий день каникулы закончились. Отец, перед тем как перевести меня через огненный портал, обнял на мгновение и, пока мы стояли в круге ревущего пламени, сказал:

– Кора, ты у меня такая сильная девочка. Ты столько всего преодолела. Если тебе вдруг покажется, что жизнь сделалась невыносима, прошу, не забывай о том, что мы тебя любим.

– Любите меня? – спросила я недоверчиво. – Правда?

– Правда, дочь. Просто, может, не всегда умеем это показать.

– Папа… Мне страшно… Зачем ты мне это говоришь?

Отец вместо ответа поцеловал меня в лоб, как делал раньше, когда я была маленькой.

Моя комнатка в спальном корпусе снова показалась слишком тесной. Мне чудилось, что здесь не хватает воздуха – ведь не просто так теснит грудь. Хотелось скорее бежать куда-то и что-то делать, лишь бы не оставаться наедине со своими мыслями.

Ран вернется в Академию только к вечеру, и думаю, что эти несколько часов будут тянуться дольше, чем две недели каникул. Ладно, ничего. И дольше ждала!

Я решительно застегнула мантию – прогуляюсь пока, так время и пройдет. Поболтаю с ребятами. Наверное, многие однокурсники уже вернулись.

Свежий воздух немного меня успокоил. А когда вдалеке, на дорожке аллеи, я разглядела знакомую худенькую фигуру, то запрыгала от радости.

– Вита! – крикнула я, направляясь к подруге. – Я соскучилась!

Вита, увидев меня, повела себя странно. Сначала отпрянула назад, будто испугавшись чего-то. Потом осторожно улыбнулась.

– Коржик… Я тоже скучала. Ты уже видела Рана? Говорила с

ним?

– Нет пока. А что такое?

Вита закусила губу.

– Ничего. Так. Ты извини, но мне срочно-срочно надо бежать. Увидимся позже.

Глава 32
Свадьба

Я совсем было расстроилась, но тут повстречала Норли и Лекса, и пару часов мы обменивались новостями. Вернее, как обменивались – друзья рассказывали, а я слушала.

– А Виту видела? – спросила вдруг Норли. – Говорят, она выходит замуж!

– Вот так новости, – удивился Лекс. – И за кого же? Она ведь не собиралась.

– Да это все из-за танатосов – некоторые семьи боятся, что потом возможности не будет. – Норли вздохнула. – Хорошо, что мои не такие сумасшедшие.

– А за кого она выходит? – повторила я вопрос Лекса, слыша свой голос словно со стороны.

– Не знаю. Я ее пока не встретила и не спросила. Возможно, это просто слухи.

– Я домой пойду, – прошептала я.

День вокруг меня словно выцвел в одно мгновение, стал черно-белым и тусклым. «Глупая, – уговаривала я себя. – Ну что ты придумала! Это же невозможно!»

Но мне сейчас совсем никого не хотелось видеть, кроме одного человека. А он все не ехал и не ехал.

Я вернулась к себе и, не раздеваясь, легла на кровать, свернулась комочком и стала ждать. Он ведь придет. Он не может не прийти ко мне.

И хотя я ждала его каждую секунду, стук в дверь все равно прозвучал подобно грому.

– Открыто! – крикнула я, сама тем временем вскочила на ноги, поправляя платье.

Дверь открылась, и вошел Ран. Я почувствовала, как на лице расцветает улыбка. Он пришел. Он здесь. Теперь все наладится.

– Корюшка, – сказал он.

Ран после дороги всегда выглядит устало, да еще серая пыль успевает пропитать одежду и присыпать волосы. Но сейчас он выглядел не просто устало, а прямо изможденно. Тени под глазами, а кожа бледная до синевы. Я даже испугалась, подскочила и взяла его за руку.

– Ран, что с тобой?

– Ничего. – Он потер лоб. – Не знаю. Думаю, приболел. Ерунда. Голова тяжелая вот уже несколько дней, и соображаю с трудом.

Он слабо улыбнулся.

– Ничего, пройдет. Вот что я принес.

Он достал из внутреннего кармана куртки холщовый мешочек, протянул мне. Я заглянула и увидела кристаллы, наполненные синим светом. Амулеты. Несколько десятков.

– Ты ненормальный, Ран. Разве можно было столько заряжать? Ты ведь на привидение теперь похож. Посмотри на себя!

– Это меньшее, что я мог сделать, – ответил он серьезно. – Кора, пожалуйста, пойдем со мной. Прогуляемся. Мне нужно с тобой поговорить.

– А здесь? – растерянно прошептала я. Мне так не понравился его сосредоточенный вид. Так тревожно стало.

– Здесь… Кора, я не хочу, чтобы твоя комната вызывала у тебя потом грустные воспоминания. Пусть воспоминания останутся светлыми. Надеюсь, светлыми…

– Грустные? Ран, почему грустные?

Я попыталась заглянуть ему в глаза, но Ран высокий, и он избегал сейчас моего взгляда. Я, не осознавая, что делаю, попробовала притянуть его за воротник куртки, но он не поддался.

– Кора, прошу тебя, пойдем к озеру.

Он молчал, пока мы шли. Я держалась за его руку, как в прошлую нашу прогулку, и мне казалось, что не было этих двух недель разлуки. Вот он, рядом. Родной, любимый.

Ран посадил меня на скамейку и сел сам. Какое-то время он смотрел на тяжелые, хмурые воды озера – погода сегодня стояла пасмурная, и в воде отражалось серое небо.

– Кора, я сразу скажу, – вдруг произнес он, будто ныряя в омут с обрыва. – Я знаю, тебе будет больно. Однако я не мог поступить иначе. Кора, я рассказал родителям, но они не примут этого брака. Я не только перед тобой несу ответственность, но и перед моим родом тоже. Я единственный наследник фамилии Маринер.

Нет, Ран. Не поступай со мной так…

– Кора, они поспешили принять меры, чтобы избежать любой возможности нашего брака в будущем. Через неделю состоится моя свадьба.

– С кем? – мой голос был тише шелеста травы на ветру.

– С Витой… Кора, я этого не хотел. Не хотел, чтобы так получилось! Я виноват, один только я. Я не должен был терять голову.

Он сделал движение навстречу, чтобы обнять, но я подняла руки, останавливая его.

Что же… Все ясно, как день. На чашах весов оказались равновеликие силы – его долг передо мной и его долг перед семьей. Долг перед семьей перевесил. Он уступил тогда, на Турнире, когда честь рода Маринер не слишком пострадала от его поступка, но сейчас не мог подвести семью. Жениться на пустышке – слишком серьезный шаг. Немыслимый. Должно быть, на самом деле он меня не любил. Или не любил так, как я. Любовь обязательно перевесила бы чашу весов в мою сторону. Ведь невозможно представить, что так легко отпустишь человека, без которого не можешь дышать…

Но если ты не любил меня, то зачем же тогда? Зачем?..

– Когда-нибудь позже, когда все успокоится, мы ведь сможем остаться друзьями? Ты мой лучший друг, Кора…

Я поднялась на ноги, думая только о том, чтобы не вцепиться в него сейчас, умоляя, уговаривая остаться со мной. Что, если пообещать взамен свою жизнь? Все, что угодно. Не женись на мне, не надо. Просто будь рядом. Хочешь, я тебе снова отдамся? Я не знаю, что я могу еще предложить… Как мне жить без тебя, Ран?

– Да, когда-нибудь… – ответила я. – Мне надо идти.

– Я провожу тебя!

– Нет, нет, не нужно… А когда свадьба?

– Через неделю, в последний день зимы… Корюшка…

Я качнула головой, не давая ему договорить, и пошла прочь. Только бы не упасть, ноги совсем не слушаются.

Ран и Вита. Поженятся. Через неделю.

У меня было чувство, будто я смертельно ранена. Я шла и слабо удивлялась тому, что сердце мое не остановилось.

Мне даже не к кому было пойти сейчас. Не понимая, что делаю, я поднялась на третий этаж нашего корпуса и постучала в дверь Греты. Она распахнула ее, взглянула на мое лицо и без слов втянула в комнату.

– Ты знала, да?

– Да, Кора. Родители Рана сначала хотели, чтобы он женился на мне. Папа попросил этого не делать. Даже обидно, знаешь. Я ведь не до такой степени мерзавка, чтобы поступить так с родной сестрой.

Я вспомнила, как Грета выбежала из библиотеки, крикнув: «Вы совсем ополоумели?» Теперь понятно, о чем был разговор.

– Почему вы мне не сказали? – это единственное, что мне еще надо было узнать.

Грета коснулась моей руки.

– Он хотел сам сказать. Он попросил. Объяснил нам, что сам должен. Что так будет правильно.

Вот оно что… Понятно. Правильный Ран. Долг и

ответственность на первом плане. Я поняла, что хихикаю, а Грета с ужасом смотрит на меня.

– Кора… – Она потормошила меня за плечи, стараясь привести в чувство. – Ты поплачь, поплачь! Легче будет. Я с тобой посижу.

Но я не могла сейчас плакать. Глаза оставались сухими.

– О, сестренка…

Грета уложила меня к себе на кровать, заварила какой-то настой из трав, заставила выпить. Потом укрыла одеялом и всю ночь сидела рядом.

* * *

С Витой мы поговорили на следующий день.

– Это не мое желание, Кора, – сказала она, опустив взгляд. – Родители договорились, поставили перед фактом. Прости…

– Ты не виновата, Вита.

Как же тяжело дались мне эти слова, но я действительно ни в чем не могла ее винить. Откажись она, родители Рана на этом не остановились бы. Семья Маринер – старейшая, уважаемая фамилия, любая семья будет рада породниться с ними.

И все же находиться рядом с друзьями мне было сейчас тяжело. Едва ли они специально хотели меня ранить, просто, думаю, не представляли величины моего горя. Вита, Норли и Лекс считали Рана всего лишь моим другом. Ну, ладно, другом, которому я симпатизировала. Но влюбленность между студентами – обычное дело. В отличие от брака. В глазах всех Вита была законной невестой Раннитара, хотя они не встречались даже одного дня. Однако так часто бывает – родители договаривались, дети повиновались.

Виту поздравляли. Шутливо просили позвать на свадьбу. Спрашивали, какие подарки она хотела бы получить. И Вита шутила в ответ, щеки ее краснели от смущения. Сначала, если я находилась рядом, она с тревогой оборачивалась ко мне, но я качала головой: «Что ты, это твой праздник, я тебе его не испорчу». Она постепенно перестала опасаться подвоха, и все чаще я слышала: «Мы с Раном планируем то-то… Мы с Раном думаем так-то…»

О, боги, дайте мне сил это пережить. Ведь когда-нибудь боль должна перестать жечь меня каленым железом?

Хорошо, что до свадьбы всего лишь неделя. Потом, когда неизбежное случится, мне должно стать легче.

Ран относился к своей невесте обходительно и деликатно.

Провожал ее после занятий, встречал утром у корпуса. Я видела издалека, как они прогуливаются по аллеям парка.

Он еще не вполне оправился после того, как потратил столько сил, заряжая амулеты, – был ужасно бледный. А взгляд, хотя он улыбался в ответ на поздравления, оставался потерянным.

Наконец наступил вечер накануне дня свадьбы. Фрост зашел ко мне, сел на узкую постель, неуклюже уместив свое огромное туловище. Замялся, подбирая слова.

– Кора, мы не можем не пойти на свадьбу Рана. Род Флогис и род Маринер…

– Я знаю, – сухо перебила я. – Не переживай.

– Но ты можешь не ходить, если не хочешь. Отец утром заберет нас. Чего бы ты хотела? Остаться здесь, побыть в замке или все же отправиться на свадьбу?

Нет, только не на свадьбу. А вот насчет остального. Я задумалась.

– Я бы хотела побыть в замке.

Я подумала, что тишина и одиночество – это именно то, что мне завтра нужно.

– Хорошо.

Фрост неловко обнял меня.

– Кора, я горжусь тобой. Ты настоящий маленький воин.

Ага… Если бы ты только знал, Фро, если бы только видел: у меня в душе живого места нет – так больно.

Папа забрал нас рано утром. В замке царила суматоха. Слуги готовили одежду, бегали туда-сюда. Сестры успели поругаться. Правда, к их чести стоит сказать, делали это так, чтобы я не слышала. Вообще, по отношению ко мне все вели себя очень бережно. Будто я тяжело больна или даже умираю. Лучше бы они совсем на меня внимания не обращали, чем так. Я хотела спрятаться в комнате, но мама вытащила меня, посадила у камина.

– Хочу тебя видеть, – сказала она с ноткой беспокойства. – Просто посиди здесь со мной. Ты ведь у меня умная девочка? Ты ведь сильная девочка, Кора?

– Мама, я не стану бросаться с крыши, если ты об этом, – устало сказала я.

Грета укутала одеялом, хотя у горящего огня было жарко и душно. И обе сестры время от времени подходили, чтобы обнять или поцеловать.

– Девочки… Не нужно… Я ведь знаю, что вы не любите все эти нежности.

Но Брида притащила мне вазочку с печеньем и снова

поцеловала в щеку.

– Если бы Аркелл так со мной… Я бы умерла… Кора, мы вернемся так быстро, как сможем. Не грусти тут без нас. Ладно?

– Я постараюсь.

Я уже очень хотела, чтобы меня оставили в покое. Но вот наконец сестры в нарядных платьях, братья в костюмах, родители, такие красивые, какими я давно их не видела, шагнули в огненный портал.

Они улыбались мне и кивали. Только у мамы в глазах мелькнул некоторый страх. «Ты ведь сильная девочка?» – словно снова спрашивала она. Я тоже улыбнулась и махнула рукой.

Стало тихо-тихо. Я скинула с себя одеяло и, надеясь, что никто из слуг меня не увидит, отправилась по винтовой лестнице в башню.

Глава 33
Амулет

Я шла к единственному человеку, который мог выслушать меня. Она ничего не сможет сказать в ответ, но это не важно, я и без того знаю, что она меня любит.

Сквозь запертые ставни единственного маленького окна пробивался слабый серый свет, но его было достаточно, чтобы видеть бабушку, и как раз ровно столько, чтобы представить, что она, живая, стоит у стены и смотрит на меня. Лицо у нее всегда выглядело немного суровым, но такова уж, видно, суть всех Флогисов. Суровые снаружи, в душе мы все же куда мягче, чем хотим показаться.

Я села на пол у ее ног – деревянное перекрытие хранило тепло. Пахло пылью. Было так тихо, что я слышала свое дыхание.

– Мне очень плохо, бабуля, – сказала я.

Хорошо, что в беседе с ней не надо торопиться и отвечать на вопросы. Можно просто молчать, ничего не говорить, а можно рассказать все-все.

– Он ведь никогда меня не подводил, понимаешь? – говорила я, добравшись до того момента на Турнире, когда Ран открылся для удара. – Ни разу. Он всегда был рядом, когда нужен. Он самый лучший. Он всегда старался поступать честно. Да и предупреждал с самого начала – не влюбляйся… Он сказал: «Я не умею любить». Видно, правда не умеет. Но зачем же… Ну ладно… Слушай, что было дальше.

С замиранием сердца я поведала про нашу ночь, надеясь, что бабушка не станет меня осуждать.

– Я не могу только его винить, – шептала я. – Нельзя одного его винить в том, чего хотели двое. Он поддался, да. Но, говорят, мужчины…

Я с тревогой вгляделась в глиняное лицо, будто ожидала, что бабушка нахмурит брови. Давно ли ее внучка бегала в коротких платьицах, а вот, гляди-ка, уже рассуждает о мужчинах.

– Говорят, мужчинам трудно сдержаться, – запинаясь, договорила я. – Но я… Все же была уверена, что он меня любит.

Я закрыла глаза и вновь почувствовала его поцелуй. Ран был так нежен, так осторожен. Наша прекрасная, единственная ночь. И что же, получается, что сегодня ночью он и Вита…

Я больно сжала голову ладонями, будто бы пыталась выдавить из нее картину, вставшую перед глазами.

– Он сказал: «Ни о чем не волнуйся», и я очень старалась не

волноваться. Я до последнего не верила, что это правда. А он…

Я надеялась, что, проговорив вслух произошедшее, смогу заплакать. Но нет, слезы словно сжигало внутренним огнем. Я рассказала все и теперь просто сидела, обхватив колени руками.

Мне сначала показалось, что это ветер шепчет сквозь прикрытые ставни. Наш старый замок иногда будто пел, или шептал, или плакал – стены оседали, создавая щели и пустоты, которые издавали подчас удивительные звуки. Окно в моей комнате тоненько свистело, когда ветер дул в восточном направлении. Так что я привыкла и потому не удивилась, когда услышала шепот.

Но шепот с каждой секундой становился все явственней, и вот уже я узнала голос. Я не слышала его столько долгих лет, а все равно тут же поняла, кто меня зовет.

– Кора… Кора…

– Да, бабуля!

Папа говорил, что бабушка иногда разговаривает с ним, но мы все равно всегда считали, что он выдает желаемое за действительное, а вот теперь я сама слышала ее.

– Амулет, Кора. Его амулет. Он оглушен им. Он не ведает, что творит. Сними амулет, Искорка.

Он оглушен. Теперь, когда я услышала это слово, я осознала, насколько точно оно передает его состояние. Ран был сам на себя не похож все эти дни. Я думала, он переутомился, заряжая кристаллы, но эта бледность, этот отрешенный взгляд… Неужели правда?

Я явственно вспомнила разговора Рана с его мамой.

«Этот талисман тебе не для того дали!» – сказала Рина Маринер. А Ран ответил: «А для чего, позволь спросить?» Вот и мне очень интересно, госпожа Маринер, для чего? Не для того ли, чтобы Ран послушно исполнил вашу волю, когда придет время? Не для того ли, чтобы вы выбрали ему невесту по своему вкусу? Единственный наследник рода не должен совершить промашки. Ран был уверен, что он просто не умеет любить, а источник его бед все это время висел у него на груди.

«Мальчишки такие глупые», – говорила она. Так и есть. Особенно когда доверяют тем, кого любят…

Я случайно сорвала амулет, и словно рухнула плотина, сдерживающая до сих пор его чувства. Я снова, как наяву, видела его растерянное лицо: «Что со мной?» Он, всегда такой уверенный и спокойный, совсем потерял голову. Но значит ли это, что он любил меня? Или это просто обратный эффект магии?

В любом случае задавить возникшие чувства оказалось не так просто. Он оглушен…

Все это пронеслось в моей голове буквально за мгновения, и вдруг, словно яркий огонь в темноте ночи, вспыхнула надежда. Я вскочила на ноги.

– Спасибо, бабуля!

Выходит, она, или частица ее памяти, или… Что такое на самом деле эти отблески души? Мы так мало о них знаем. Но выходит, она слышала меня все это время!

Я обняла статую, и на секунду показалось, что глина теплая.

И только уже сбегая вниз по ступеням лестницы, я поняла, что оказалась в безвыходном положении – я не умею создавать огненные порталы, а все мои родные сейчас на свадьбе и некому меня перенести.

Свадьба началась недавно, сейчас только представляют гостей. Ран и Вита еще не успели перейти к клятвам, у меня есть время. Так, Кора, не волнуйся, выдохни и подумай.

Я застыла в центре гостиной, оглядываясь и лихорадочно соображая. Точно! Кристалл-вестник! Я свяжусь с отцом или с Фростом и попрошу меня забрать. Даже не обязательно что-то объяснять. Они мне не откажут!

В доме Маринер ответила служанка.

– Прошу, пригласите кого-нибудь из семьи Флогис! Это Кора Флогис!

– Госпожа Флогис, – голос девушки звучал растерянно, – извините, но господин Маринер запретил мне связывать вас с кем-либо.

Видно, служанке было очень неудобно отказывать мне, но прямого приказа хозяина она ослушаться не смела.

– Даже с моей семьей? – переспросила я, все еще не веря. – Вы не путаете?

– В точности, госпожа. Извините.

Это была катастрофа. Сама я до замка Маринер ни за что не доберусь. Я измеряла шагами гостиную и, наверное, выглядела в эту минуту так дико, что наша кухарка, сунувшаяся было в комнату с подносом, уставленным сладостями, попятилась назад и тихо прикрыла за собой дверь. Решила, видно, что молодая госпожа Флогис сошла с ума от горя.

Если честно, я была близка к этому. Я перебирала в голове сотни вариантов, но ни один не подходил. А драгоценное время уходило, просыпалось сквозь пальцы.

Я видела все как наяву. Вот Ран и Вита сидят в центре комнаты. На голове Виты венок из хрупких лесных цветов – знак ее юности и чистоты. Ран в белом костюме, а в петлице водяная лилия – символ его рода. Интересно, сумели они найти лилию в это время года? Ради единственного сына, думаю, постарались.

Церемония должна пройти так, как нужно, в полном соответствии с традициями… Гости один за другим подходят их поздравлять. В соседнем зале украшена арка, здесь все готово для последних торжественных клятв.

Когда рядом со мной возник пылающий круг портала – это было сродни чуду. Или я так сильно этого желала, что вижу то, чего нет? Неужели папа или брат узнали, что я хотела связаться, и вернулись за мной?

Но пламя было чужое, незнакомое. Порталы огневиков только непосвященным кажутся одинаковыми, но сами мы отличаем десятки оттенков пламени. Каждый такой портал – это как личная подпись. Одного взгляда достаточно, чтобы понять – гость не принадлежит семейству Флогис.

Долго гадать над тем, кто пожаловал в замок, мне не пришлось. Из огненного круга шагнул Вик. Осмотрелся, увидел меня, на лице мелькнула знакомая ухмылка.

– Я слышал, повелитель болотной жижи женится сегодня, Кора, – сказал он, не пытаясь даже скрыть злорадства. – И женится не на тебе!

– Убирайся, Вик. Убирайся, или я закричу!

Вик изменился за это время. Еще больше раздался в плечах, выглядел совсем взрослым. Нестриженные волосы висели сальными лохмами. Не знаю, та ли была на нем куртка, в которой он уходил из Академии, или другая, но она тоже была ему мала. Он не закончил даже первый курс, а уже сумел построить портал. Из него бы вышел невероятно сильный маг, не соверши он всех этих глупостей.

– Кричи, – сказал он спокойно. – Кричи, Кора. Что мне помешает схватить тебя в тот же миг и перенести туда, где твои родные уже никогда тебя не найдут?

– Ты не сделаешь этого.

Я старалась говорить спокойно, но, кажется, Вик увидел мой страх. Усмехнулся.

– Считаешь меня врагом, да?

– Да…

– А я-то, между прочим, пришел тебя поддержать. И спросить заодно: каково это – чувствовать себя изгоем?

– Я никогда не считала тебя изгоем, Вик! Если бы ты вел себя по-другому! Но каждый наш разговор превращался в стычку, и в этом виновата не я!

Вик взъерошился, и я вновь увидела в мужчине маленького мальчика, который не доверяет никому в мире. И, конечно, кусает любую протянутую руку, потому что протянутые руки могут только бить, но не ласкать.

– Да. Да. Ты права. Наша последняя встреча… М-м-м… Я сорвался. В тот день я хотел только поговорить, объяснить, но… Попробуем все наладить? Можно просто поболтать для начала.

– О, Вик…

Я села на диван, не зная, как сказать, что никогда не смогу его полюбить. Из-за того, что у меня самой сердце было разбито, я с большей осторожностью стала относиться и к другим сердцам.

– Больно, да? – спросил Вик, присаживаясь рядом. – Представь, понимаю тебя. Я удивлен, признаться. Этот твой болотный принц так с тобой возился. Пылинки сдувал. Но против рода не попрешь, ясно. Так что хоть в этом я волен – выбрать невесту по своему вкусу. Один из плюсов незаконнорожденных.

Наверное, этой нелепой шуткой он пытался меня рассмешить. Спасибо и на том. Я благодарно улыбнулась.

– Ты бы вернулся в Академию? – спросила я. – Если я договорюсь?

– Не-а. Не хочу. Пошли они, эти гордецы. Я для них не слишком хорош, так и они для меня не слишком хороши.

Мы замолчали, потеряв нить разговора. И теперь, когда первый испуг прошел и я поняла, что Вик не собирается на меня нападать, я вдруг вся мурашками покрылась, но уже от другого страха. Время уходит! Уже несколько драгоценных минут потеряно зря.

Как мне попасть в замок Маринер? И тут словно вспышка – Вик! Он умеет строить порталы.

Вик заинтересованно посмотрел на меня.

– А чего глаза загорелись? – спросил он. – О чем думаешь?

– Вик… Перенеси меня в замок Маринер. Прошу тебя!

– Э, нет. Где твоя гордость?

– Вик, ты не понимаешь. Ты ведь ничего не знаешь! Мне очень туда нужно!

Вик оценивающе скользнул по мне взглядом, сузил глаза. Ухмылка погасла на его губах.

– Ты серьезно? Тогда, Кора, тебе следует меня попросить!

– А что я делаю, по-твоему?

– Попросить меня о поцелуе.

– Что? – На всякий случай я отодвинулась к противоположному краю дивана. – Ты опять?

– Кора, Кора. Ты ведь родилась в семье магов огня и не помнишь элементарных вещей? Мой огонь сожжет тебя, ведь в твоих венах течет другая кровь. Но его можно обмануть.

– Ты о чем?

Но я вспомнила прежде, чем он произнес это вслух. Вик говорил правду, а я совсем забыла: порталы перемещают только

людей, близких по крови, или тех, кто…

– Мы заключим временный союз, – сказал он, поняв, что я догадалась. – Один поцелуй – и огонь в моей крови какое-то время будет считать, что мы женаты. Будет считать тебя своей.

– Вик… Я…

– Не так уж это страшно. Ну, решайся.

– Ты неисправим, Вик…

Он смотрел на меня без улыбки, и я вновь почувствовала холод, пробежавший по венам. Что, если он вновь потеряет над собой контроль? Но и выхода у меня другого нет. Неужели придется?

– Кора, один поцелуй. Пусть у меня останется что-то, о чем я буду вспоминать.

Если Вик чувствует то же, что я, думая про Рана, то этот поцелуй, один-единственный, я, наверное, смогу ему подарить. Чтобы он смог отпустить меня и идти дальше.

– Поцелуй меня, Вик, – прошептала я.

– Ты просишь?

– Я прошу.

Вик поднялся на ноги и подал мне руку, помогая встать с дивана. Взял меня за подбородок, заставляя поднять голову. Я зажмурилась.

– Кора, посмотри на меня.

Он тихонько подул мне в лицо, и я невольно посмотрела на него. У Вика глаза были зелеными, как весенняя листва. Кажется, я впервые видела их так близко. Он начал склоняться надо мной, но я невольно отпрянула. Нет, нет. Не могу. Это ведь все равно что предательство.

– Это не предательство, – сказал Вик, словно услышал мои мысли. – Считай это спасением. Может, этот поцелуй будет единственным, что удержит меня однажды на краю пропасти.

И, устав ждать, пока я решусь, он притянул меня за плечи и впился поцелуем в рот. Поцелуй этот обжигал, как и пламя, что взметнулось вокруг. Я чувствовала жар, но не сгорала. Я не любила Вика, но, видно, одной его любви ко мне было достаточно, чтобы обмануть огонь.

Мы давно должны были переместиться, но Вик все не отпускал, сжимал в объятиях, жадно ласкал мои губы, а когда я попыталась отодвинуться, только сильнее стиснул.

– Вик, отпусти… – Я из последних сил уперлась ладонями ему в грудь.

Пламя вокруг нас ревело и бушевало. Я еще никогда не видела таких яростных порталов. Я даже не знала – где мы сейчас: еще дома, или уже в замке Маринер, или, может быть,

зависли между небом и землей.

– Пожалуйста, отпусти. – Я уже чувствовала, что от его пальцев останутся синяки. – Ты ведь обещал. Мне больно!

– О, Кора…

Вик с трудом разжал руки, отступая. Пламя осело, на прощание лизнув мои ноги горячим языком. Мы стояли в зимнем пустом саду замка Маринер.

– Думаешь, сможешь его вернуть? Наивная девочка. Эти древнейшие ископаемые, такие, как семейка Маринер, думают только о чистоте своей крови, а всех, кто выбивается хоть чем-то, готовы выкинуть в мусор. Ни ты, ни я им не нужны.

– Я сама принадлежу к древнейшей фамилии, Вик! – запальчиво крикнула я, не желая смиряться со сказанным, хотя в глубине души понимала – звучит грубо, но это правда.

– Да? – ухмыльнулся он. – И какая судьба тебя ждет? Будешь пылиться на чердаке, как я понимаю? Стареть и покрываться пылью?

Я отступила на шаг. Мне хотелось закрыть уши и не слушать. Убежать и навсегда забыть об этом разговоре. Его лицо, пока говорил, исказилось от злости, но вот он посмотрел на меня и смягчился. Протянул руку и поправил выбившийся локон – осторожно заправил за ухо. Кончики пальцев скользнули по моей щеке.

– Иди, Кора Флогис. Пусть тебе сопутствует удача.

– Спасибо, Вик…

Вот никогда бы не подумала, что однажды скажу ему спасибо. Я развернулась и побежала ко входу – сейчас мы находились в дальней части сада. Я ни разу не обернулась, но, думаю, он так и стоял, глядя вслед.

Сад, такой яркий и пышный осенью, сейчас, в конце зимы, потерял всю свою прелесть. Голые деревья напоминали скелеты, клочки травы, кое-где пробившиеся в проталинах, были похожи на седые волосы.

Центральный ход оказался заперт, быть может, для того, чтобы никто из незваных гостей не сумел проникнуть на свадьбу. Но я знала, как пройти через черный ход: сквозь кухню, а после наверх по лестнице для слуг. Сколько раз мы с Раном пробирались здесь, чтобы похитить немного хлеба, сыра и ветчины, а потом съесть их, сидя на крыше.

Мне повезло: по пути я не встретила слуг. Кухня еще хранила в себе запахи праздничных блюд, гора немытой посуды была свалена в тазу. Видно, слуги поднялись наверх, чтобы подсмотреть тихонько, как молодой господин и его невеста станут произносить клятвы.

Я поднялась на первый этаж и кралась по коридору в сторону гостиной, откуда едва различимо доносились музыка, обрывки голосов и смех. Все еще представляют гостей! Я успела!

Я шла и мысленно видела, как вбегу сейчас, ворвусь в эту нарядную толпу в своем стареньком домашнем платье, совсем еще детском, с фонариками на рукавах. Все замолчат, удивленно на меня глядя. «Кора, что ты здесь делаешь?» – воскликнет папа. Я ничего не стану объяснять. Я молча подойду к Рану и сорву с него этот проклятый амулет. А дальше – будь что будет.

Я почти дошла, когда из бокового коридора прямо на меня вышла Рина Маринер, в руках она несла кувшин с водой. Когда клятвы будут произнесены, родители Рана польют молодоженам на руки, а Ран и Вита умоют лицо, и это будет означать, что брак состоялся.

– Кора… – прошептала она, мгновенно побледнев. – Кора, стой!

Я прижалась к стене и стала медленно отступать в сторону зала. Я не увидела, что за моей спиной оказалась дверь в одну из комнат, а госпожа Маринер не замедлила этим воспользоваться – она быстро втолкнула меня в помещение, оказавшееся людской, и зашла следом.

Несколько долгих секунд мы в упор смотрели друг на друга, и никто не хотел отводить взгляд. В конце концов Рина Маринер опустила голову.

– Кора, ты очень хорошая, замечательная девочка. Поверь, лучшей невесты нашему сыну я не могла бы желать, если бы…

– Если бы я не была пустышкой, – закончила я за нее. – Да, знаю. Но у меня только один вопрос к вам, госпожа Маринер: Ран знает, что за амулет он носит на груди? Он все это время думал, что не умеет любить, что это какой-то изъян, что у него отсутствует часть души. Очень переживал. А оказывается, любящая мама преподнесла ему этот подарок!

Никогда еще я не позволяла себе разговаривать с людьми старше меня в таком тоне, но сейчас у меня в груди все кипело от возмущения.

– Ты знаешь, – тихо сказала она. – Откуда?

– Не важно! Что это за магия?

– Земляная магия. Ран так любил лабиринт нашего старого замка, что без труда поверил в то, что амулет призван защитить его от обвалов. Но защита не главное. Этот амулет называется «Каменное сердце». Он не позволяет испытывать любовь, влечение, страсть. Ничего из того, что возникает между мужчиной и женщиной… Я всего лишь хотела его уберечь, Кора! Мне жаль, что цепочка разорвалась в такой неподходящий момент. Мне

жаль, что Ран не удержался. Мне жаль, что ты любишь его и страдаешь сейчас. Но прошу – оставь его. Он успокоится со временем, он будет счастлив!

– Думаете, если замените одну рыженькую девочку на другую – Ран не заметит подмены? Хорошего же вы мнения о своем сыне. Вы видели, что с ним творится? Он на призрак похож. А вы…

Я сжала кулаки, а Рина вдруг кинулась ко мне, схватила за обе ладони. Ее руки были влажными от пота, словно госпожа Маринер до смерти боялась. Не меня, а того, что я могу сделать.

– Кора, девочка. Умоляю! Хочешь, я встану перед тобой на колени? Отпусти его. Какая судьба его ждет, если он женится на тебе? Великому роду придет конец. Отец этого не переживет.

В ее глазах плескалось отчаяние.

– Все мои дети умерли, едва родившись, – прошептала она. – Ран единственный, кто остался. Не забирай его у меня…

В ее взгляде я увидела отголосок той боли, которая и меня прожигала насквозь. Но она – его мать. Она родила его. Имею ли я право разрушать семью?

Я застыла, словно окаменев. А Рина вдруг стала медленно опускаться на пол, к моим ногам. Мама Рана, госпожа Маринер, хотела встать передо мной на колени.

– Остановитесь! – крикнула я.

Сжала пальцами виски.

– Я уйду! Хорошо! Я уйду! Пусть только он будет счастлив!

Я обошла женщину, которая, обессилев, сидела на каменном полу. Она даже не повернула головы вслед за мной. Рина Маринер была раздавлена. И все же получила то, о чем так просила, – я ухожу.

Дверь в комнату оказалась приоткрыта, и я мельком увидела бледное личико Виты, которая с ужасом наблюдала за нами. Как давно она здесь? Что она слышала? Она качнула головой, будто не веря своим глазам, а потом просто убежала – я услышала стук каблучков по каменным плитам.

Не важно. Уже все не важно.

Я не помню, как я снова оказалась в саду. Не помню, о чем я думала в эти секунды. Только одна мысль билась на поверхности – это все по-настоящему, пути назад не будет, я его потеряла. Я отказалась от него!

Я шла по темному рыхлому снегу, не разбирая дороги, ничего не видя перед собой, надеясь только спрятаться ото всех. Помню, как раздвигала руками колючие ветки кустарников, а потом запнулась о корень и упала прямо на белесые кустики прошлогодней травы, на бурые мокрые листья.

В груди росла и ширилась черная воронка. Еще немного, и

темнота полностью поглотит меня.

Но вдруг черноту прошили яркие нити. Алые, желтые, белые, оранжевые – и тело обожгло огнем. А вслед за ними синие – и я словно напилась колодезной воды. Зеленые – ветер придержал меня за руки, мягко опуская на землю. Черные – земля расступилась и нежно приняла меня в свои объятия.

Уже теряя сознание, я услышала внутри себя знакомый голос: «Ты справилась, преемница…»

* * *

И, конечно, я не могла видеть то, что случилось позже. Мне рассказали об этом сестры. И не только они. Об этом потом еще долго ходили разговоры.

Вита, отлучившаяся на минутку из гостиной, вернулась странно бледная. Она хотела подозвать Рана, однако гости, соскучившиеся по невесте, в преддверии торжественных клятв и уже разгоряченные напитками, запротестовали:

– Куда это ты уводишь жениха? Рановато еще. Но вот один поцелуй, наверное, украсть можно! Да, Молинар?

Отец жениха добродушно махнул рукой:

– Можно. Сейчас вернется Рина, и будем начинать церемонию.

– Поцелуй! Поцелуй! – со всех сторон раздались голоса.

Вита неловко пошла вперед, господин Маринер подтолкнул Рана к ней навстречу.

– Ран… – начала Вита, оглядываясь, но ее тихий голос утонул в гуле других голосов.

Вита протянула руки, коснувшись шеи жениха, и со стороны это выглядело так, будто она хочет прижать его к себе покрепче. Но тут случилось нечто неожиданное: вместо поцелуя Вита накрутила на пальцы цепочку, на которой висел амулет, и дернула, срывая его.

Амулет с лабиринтом остался в ее руках, а Ран покачнулся, едва устояв на ногах. Он оглядывался с видом человека, который только что очнулся от тяжкого сна. Скользнул взглядом по притихшим гостям, нашел глазами отца.

– Приношу всем свои извинения, – произнес он отчетливо и довольно резко. – Свадьба сегодня не состоится.

Глава 34
Я тебя люблю

Ран

Она никогда меня не простит.

Я и сам себя не могу простить. И что толку говорить теперь о том, что я десять дней стоял на своем, если на одиннадцатый согласился. Да, одурманенный амулетом, не чувствующий уже любви, но я ведь помнил, я ведь знал, что я люблю ее. Почему же поддался на уговоры?

Голова казалась каменной, и мыслить я мог только простыми категориями. Отец несколько дней говорил одно и то же, но разными словами.

– Любовь – это эфемерная субстанция, сын. Твоя семья – вот что реально. Твой долг перед родом – вот что имеет значение.

Я не помню, в какой момент сказал: «Да». И говорил ли вообще, но все стали вести себя так, будто свадьба – дело решенное.

Кора, девочка моя… Я до дрожи боялся сделать ей больно той ночью, а потом так сильно ранил. Как я жалею, что не успел сказать ей обо всем, что чувствую. Она ждала, я ведь видел. Но в тот момент я и сам не до конца понял, что вот это щемящее, пронзительное чувство, вовсе не похожее на братскую привязанность, и есть любовь. И прощаясь утром, целуя ее, я еще мог сказать, но амулет уже лежал в кармане, уже сковывал, уже давил на меня своей тяжестью.

Мы до поздней ночи искали Кору в саду, прошли его шаг за шагом, осмотрели каждый метр.

– Если с моей дочерью что-то случится… – сказал Леннарт Флогис, глядя в глаза отцу. Он не договорил, но словно темная тень легла между нашими семьями.

Что творилось со мной в эти часы? Я готов был душу отдать за одно только слово, что она жива…

А потом Вита нашла меня, сидящего в беседке.

– Боги, Ран, ты же посинел весь от холода. Ран!

Она затормошила меня, стараясь привести в чувство.

– Я подумала – кто-то ведь должен был перенести ее сюда. Может быть, этот человек и унес потом? Папа Коры отправился в замок, а Фрост – в Академию. Ее найдут, вот увидишь!

Нужно было сказать Вите, что она отличная девчонка и надежная подруга. Поблагодарить. Но в те минуты я так волновался за Кору, что двух слов связать не мог, и только пожал

ей руку.

Мы собрались в гостиной, ожидая вестей. Я не мог смотреть на все эти лица. Я сам себе был противен. Как мы дошли до этого? Или мир совсем прогнил? Могущественные стихийники довели маленькую хрупкую девочку до бездны отчаяния.

Лишь бы она была жива. Пусть ненавидит меня, я смирюсь. Пусть оттолкнет навсегда – я другого и не заслуживаю. Но только будь жива, моя рыбка…

Когда зажегся портал и из него шагнул Фрост, я посмотрел на его лицо и только тогда понял, что могу снова дышать. Фрост был взволнован, но это было хорошее волнение. Он первым делом нашел глазами Асту Флогис, кивнул:

– Я нашел ее, мама. Она в Академии. – Он помедлил, будто думал, стоит ли говорить дальше. – Появились кое-какие обстоятельства. Но об этом позже…

Облегчение отразилось на всех лицах, кто-то даже попытался шутить, но веселье тут же скисло. Часть гостей поднялись в комнаты, маги стихии огня предпочли вернуться домой. Мы пересеклись взглядами с Витой: я хотел верить, что она прочитала по моему лицу, насколько сильно я ценю то, что она сделала. Обязательно еще скажу вслух, когда сумею подобрать подходящие слова.

Я остался в гостиной наедине с родителями и только тогда позволил себе опуститься на диван. Я не мог видеть их сейчас. И не знаю, когда смогу. Мне просто нужно было собраться с силами, чтобы уйти. Завтра вернусь в Академию. Увижу ее. Попытаюсь все объяснить.

Что я могу объяснить? После всего, что было, я сказал: «Мы ведь сможем остаться друзьями?» Поглоти меня бездна! Моя бедная девочка…

– Сынок, – начала мама, но я поднял руку, опережая ее слова.

– Ничего не нужно, – сказал я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. – Когда-нибудь мы поговорим. Но не сегодня. Я прошу заказать для меня повозку в Академию на утро. Вы не откажете в этой просьбе?

Я обращался к ним обоим, а смотрел прямо перед собой, на стену, на портреты моих чопорных предков. Некоторые холсты потемнели от времени. Я с детства видел все эти лица, знал их по именам. В замке даже хранится рукописная книга, где прадед постарался описать наиболее значимые деяния представителей рода Маринер. Но на самом деле они ничего не значили для меня: просто лица, просто имена. Я никогда не понимал, почему надо придавать столько значения долгу перед семьей.

…Одно из ранних воспоминаний: я стою у портрета пожилого

господина. Уже потом я узнал, кто он и чем знаменит, а сейчас с холста на меня смотрит насупленное и не слишком симпатичное лицо: любоваться тут нечем. Отец спрашивает о чем-то, но я, поглощенный своими детскими фантазиями, отвечаю на его вопрос совсем не то, что он ожидает услышать.

– У дяденьки гусеницы вместо бровей.

У предка действительно отменно лохматые брови, что делает их похожими на волосатых гусениц.

– Раннитар!

Гневный окрик отца застает меня врасплох, так что я отступаю на пару шагов. Но тут мама опускается рядом со мной на колени, проводит прохладной рукой по моему лбу. Какие у нее ласковые, добрые глаза.

– Ран, мой мальчик, помни о том, что ты наследник великого рода. Ты ведь не станешь расстраивать папу?

– Не стану, – шепчу я послушно. Больше всего я не хочу расстраивать маму. Я удивлен, почему этот незнакомый мужчина на портрете так важен, но если мама просит – ладно…

– Ты устал, сын! – Голос отца выдернул меня из воспоминаний. – Отдохни, а завтра поговорим.

– Завтра меня здесь не будет, – ответил я.

Родители знали, что я всегда держу свое слово и не разбрасываюсь обещаниями просто так.

Я сказал ей: «Ни о чем не волнуйся…» И чего теперь стоит твое слово, Ран?

Не знаю, что отразилось на моем лице, но мама принялась плакать.

– Мне жаль, что расстроил тебя, – сказал я. Поднялся и ушел в комнату.

Не знаю, как дождался утра. Едва рассвело, спустился к крыльцу: повозка ждала меня. Они поняли, что, если не выполнят моей просьбы, я уйду в Академию пешком.

Мама сбежала следом и застыла у выхода, закутавшись в шаль.

– Ран…

– Иди домой, мама. Холодно.

В Академии меня ждала новость, которая затмила собой даже мою несостоявшуюся свадьбу.

Кора Флогис получила магию. Позже Димер рассказал мне, что, очнувшись вчера в саду, она сама построила портал и перенеслась в Академию.

Только об этом и говорили сейчас все, кого я встречал. Вполголоса, будто не смея поверить в то, что такое вообще возможно. Одно дело, когда читаешь о подобных чудесах в

древних книгах – в те давние времена чего только не происходило. Даже пустышки становились магами. Но так, чтобы невиданное превращение произошло практически у всех на глазах, такого еще не бывало.

«А я верил?» – спросил я себя. И с облегчением понял, что могу не кривить душой, отвечая на этот вопрос: да, верил. Иначе не стал бы даже пытаться.

Но как ей сейчас, должно быть, тяжело, моей маленькой смелой девочке…

Не знаю, на что я рассчитывал, когда взбежал на верхний этаж корпуса огневиков и постучал в дверь. В первую очередь, конечно, просто хотел ее увидеть – живую и здоровую. А потом уже постараться что-то объяснить.

Кора открыла дверь. Ее волосы были черны, как вороново крыло. И глаза из-за этого теперь казались пронзительно-синими. А в губах ни кровинки.

– Корюшка… Твои волосы…

Она подняла на меня усталый взгляд, и я просто физически ощутил, как царапнуло ее это ласковое прозвище. Я ведь и тогда, когда пришел сообщить о разрыве, продолжал ее так называть.

– Кора, – поправила она. – Здравствуй, Ран. Ты извини, но мне сейчас некогда разговаривать: магистры ждут… Кажется, я всех на уши поставила. Волосы, да… Так получилось. Знаешь, магия проснулась.

– Я знаю.

Я был уничтожен, разбит. Она стояла в шаге от меня, но была далека, как никогда. Ничего не хотелось мне сильнее в этот миг, как обнять ее, прижать к себе, согреть. Лишь бы только в ее взгляде затеплилась жизнь. Но уже понимал – не позволит.

Моя девочка… Как же я тебя люблю. Что мне сделать, чтобы вернуть тебя?

Она открыла дверь ровно настолько, сколько достаточно было для разговора. Не пригласила меня зайти. Она ждала, пока я уйду. А я все никак не мог придумать, какими словами ее можно удержать.

Любые объяснения будут выглядеть жалко. Кора и так все знает, но, видно, не считает амулет достаточным основанием для предательства.

– Кора, я люблю тебя!

Если бы можно было отмотать время назад! Как я был глуп… В ту ночь я должен был повторить эти слова тысячу раз, перемежая их поцелуями. Я люблю тебя, Кора Флогис. Я люблю тебя.

На ее лице на мгновение мелькнуло то доверчивое, милое

выражение, которое всегда вызывало во мне волну нежности. Глаза распахнулись, тонкие брови сложились забавным уголком. И вновь передо мной моя маленькая Корюшка, которая едва может удержать в руках меч. Наверное, иногда я был слишком суровым наставником. Помню самую первую нашу тренировку и мой жесткий голос: «Нападай!» Тогда она впервые так на меня посмотрела.

Но вот она закусила губу, пряча нахлынувшие чувства. Она больше не верила мне. Я могу хоть на всех поворотах кричать: «Я люблю тебя», – для нее это теперь подобно шуму ветра: пустой звук…

Моя маленькая. Что же я натворил.

– Конечно, ведь мы друзья, Ран, – сказала она.

* * *

Погода стояла как никогда теплая. И студенты, и преподаватели с тревогой вглядывались в наливающееся синей краской небо: первые признаки надвигающейся весны как всегда будоражили сердце. У нас оставалось совсем мало времени. Гроза может случиться в любой день, в любой час. Но пока не сегодня.

Я знал, что Кору сняли с занятий. Теперь с ней проводили индивидуальные тренировки. Магистры боевых заклятий всех четырех стихий с утра до ночи занимались с ней, пытаясь за месяц передать те знания, на изучение которых обычно уходит шесть лет. Невозможно. Но они, вероятно, придерживались мысли о том, что лучше дать что-то, чем совсем ничего.

Я всегда издалека замечал ее черноволосую головку. Иногда она шла с Витой и Норли и даже улыбалась. Иногда одна, и я видел, как сильно она устала. Но она всегда шла, распрямив плечи, так, словно уже отправлялась на битву. Мой несгибаемый маленький воин.

В ее руках я часто замечал «Устав Академии», в любую свободную минуту она открывала его, иногда даже застыв над тарелкой в столовой, и я видел, как ее губы беззвучно шевелились, будто она что-то учила наизусть.

Я старался каждый день хоть на минуту-две украсть ее внимание, просто побыть рядом. Я чувствовал себя незваным гостем, которому не рады, хотя и не прогоняют. Надо было оставить ее в покое, но я просто не мог.

В тот день я увидел ее на скамейке в саду с неизменным «Уставом» в руках. Мне показалось, что она слишком легко оделась для этой погоды – да, солнце уже пригревало, но ветер

все еще оставался холодным, пронизывающим. Я подошел и молча накинул свою мантию поверх ее легкой накидки.

Кора повела плечами, посмотрела на меня своими чудесными синими глазами.

– Мне не холодно, Ран, – сказала она.

И добавила, как о чем-то само собой разумеющемся:

– Я зачаровала накидку магией воздуха и огня – теперь она в любую погоду согреет.

Она вовсе не пыталась сейчас продемонстрировать мне свою пробудившуюся силу. Тщеславие вообще не было ей присуще. Просто теперь, овладев магией четырех стихий, она обращалась с ними настолько легко и привычно, будто такой и родилась.

Сколько раз я замечал, как она, задумавшись, идет по ручейкам, не замочив ног. Не поднимается по ступенькам, а взлетает, едва касаясь ногами. Огненные шары, что срывались с ее ладоней, были яркими, словно звезды. Кора была пропитана магией. Сколько раз я замечал восторженные взгляды, обращенные ей вслед. Ею все восхищались совершенно искренне. Ведь моя Корюшка, даже получив такую мощь, оставалась все той же доброй, открытой девочкой.

Мантию я не забрал, а она не сняла. Мы молчали какое-то время. Наверное, я выглядел безмятежно, когда сидел, подставив лицо солнцу, а на самом деле едва не сломал голову, придумывая вопрос, который позволит остаться с ней дольше чем на пару минут, прежде чем она снова упорхнет.

– Так как это работает? – спросил я, кивнув на тонкую книжицу в ее руках. – Крис оставил инструкции?

– Да, – кивнула Кора. – Довольно сложно объяснить… Но если кратко: для того чтобы подчинить всех бестий одного вида, достаточно подчинить одну. Допустим, я заполучила полиписа, и тогда все его сородичи тоже в моих руках.

Я улыбнулся, и она, забывшись, не удержала улыбки. И будто не было разделяющей нас пропасти.

– Тут для каждого вида своя формула, определенный набор слов. Крис очень долго их подбирал, а мне все досталось на блюдечке! Надо только выучить и ничего не забыть.

– Значит, они будут подчиняться твоим приказам?

– Да, все они. Сначала я их подчиню, а потом отправлю атаковать танатосов.

– Кора, но ты одна, а танатосы будут атаковать повсюду… Все наши земли.

Я невольно подумал о родителях.

– А бестии их тоже повсюду отыщут. Думаю, это будет единственная битва, когда люди и бестии выступят на одной

стороне против общего врага.

Она заглянула мне в лицо и едва притронулась к руке кончиками пальцев.

– Все будет хорошо. Верь мне.

Пальцы у нее были горячие, и этот жар побежал по венам, заставляя сердце биться в два раза чаще. Я так много хотел сказать ей. О том, что буду рядом, стану защищать. Но теперь, когда Кора сильнее меня в сотни раз, эти слова прозвучат фальшиво. Она ничего не скажет, но я и сам могу сказать за нее: «А где ты пропадал раньше, когда был мне нужен?»

– Кора…

Она подняла на меня глаза, ожидая продолжения, а я растерял все слова. Я сходил с ума от близости и от невозможности коснуться ее. Ее темный локон выбился и трепетал на ветру, так же как когда-то рыжий. Это была все та же девочка, моя Корюшка. Я коснулся ее щеки, а потом, тихонько, ее губ.

Кора не ответила на поцелуй, но и не отодвинулась, словно прислушиваясь к себе. Но вот, вздохнув, отклонилась, и я почувствовал, как ее дыхание скользнуло по моей щеке. Она, как и прежде, пахла солнцем и летним днем.

– Огонь жжет, Ран, – сказала она грустно. – Извини, надо бежать. У меня сейчас занятие с магистром Толли.

Огонь жжет… Я потом, конечно, спросил у Димера, что это может означать.

– О, любимая поговорочка Фроста! Это приблизительно значит: «И рада бы простить тебя, но не могу. Не получается». Как-то так.

Он хмыкнул.

– А родители твои теперь небось локти кусают, угадал?

Я не знал, что по этому поводу думают родители, но мог предположить, что Димер прав.

– Знаешь, Кора теперь завидная невеста. Сильнейший маг, наследница древнейшего рода, да еще и предок у нее сам Кристер Ригер.

Димер на секунду задумался и выдал:

– Хо! Так он и мой предок тоже! Так вот… Отцу уже десяток предложений поступило. Едва ли он, конечно, прямо сейчас ее сосватает, но вполне может объявить помолвку с подходящей кандидатурой.

Я и сам уже замечал, но старался не придавать значения – какими взглядами провожают ее парни.

– Димер, ты фиговый друг. Я и так себя чувствую – хуже некуда. Ты решил меня добить?

С Димером можно было говорить обо всем прямо. Он посмотрел на меня с толикой сочувствия, но и с изрядной долей ехидства.

– А ты чего хотел? Вроде как тебя, заколдованного принца, спасает принцесса и прыгает тебе на шею? А ты такой: ах, давно ждал, кто бы меня спасет.

Он вдруг стал серьезен:

– Знаешь, мы с мелкой никогда особо не дружили, но даже мне, хоть кожа у меня толстовата, было больно на нее смотреть. Она во всем этом мире только тебе одному верила. А тут такая подстава… В ней словно что-то перегорело после того дня. Ну а сколько, ты думаешь, способен человек вынести? Не железная ведь она. А тут еще магия, танатосы, магистры вокруг нее хороводы водят. Ты подожди. Может, потом…

Что же, я готов был ждать сколько угодно.

– Димер, а ты помнишь, как нас с ней хотели поженить, когда мы были детьми?

Не знаю, почему я сейчас об этом заговорил. Хотел самому себе доказать, что я имею на нее больше прав, чем все остальные? Довольно бледная попытка. И все же…

Кора не помнила об этом, конечно, ведь она была совсем крошкой.

А история скорее печальная, чем смешная, но уж какая есть.

Помню, когда мне было года три с небольшим, отец привел меня в спальню. Был день, но мама почему-то лежала в кровати, а рядом с ней маленький сверток. Отец подтолкнул меня вперед:

– Иди посмотри, там твоя сестренка.

Сестренка? Вот так новости. Мне трудно было понять, что я чувствую. Больше всего – удивление, наверное. Еще страх за маму, не знаю отчего. Мама выглядела так, словно заболела. Но любопытство тоже ощущал. Надо же, не было сестренки, и вот появилась.

Из свертка выглядывало маленькое сморщенное личико, на лоб падали светлые волосики.

– Чудесная, правда? – спросила мама и погладила меня по голове.

А через несколько дней мне сказали, что сестренка ночью уплыла по лунной реке. Что на небе ей нравится жить больше, чем на земле. Я даже загрустил. Мама плакала много дней. Помню, отец, думая, что я не вижу, носил ее по комнате на руках, утешая. Мама казалась в тот момент маленькой девочкой.

– Это была последняя попытка, – шептал он, и я, хоть и был ребенком, ясно слышал безнадежность в его голосе. – Я не хочу потерять еще и тебя!

Через какое-то время – думаю, прошло уже достаточно – мы приехали в замок Флогис. Не помню повода. Наши семьи всегда связывали скорее деловые отношения, чем дружеские, но, видно, в этот раз дела требовали присутствия жены и сына.

Взрослые сидели за столом, дети, предоставленные самим себе, носились по замку. Мы с Димером играли в прятки, и мой друг спрятался очень хорошо. Я разыскивал его, а в итоге в одной из детских нашел бабушку Димера, которая держала на руках маленькую девочку. Эта девочка была чуть старше, а волосы у нее были не светлые, а рыжие, и глаза не темные, а голубые, но это меня не смутило.

– Мама, папа! – закричал я, врываясь в зал. – Я нашел сестренку!

Мама быстро-быстро заморгала, от ее щек отлила краска. Отец схватил ее за руку, его лицо, когда он обернулся ко мне, ничего хорошего не предвещало.

– Раннитар!..

– Не ругай мальчика, Мол. Он не хотел ничего плохого.

В зал следом за мой зашла пожилая женщина, на руках она несла рыжеволосую малышку. Бабушка Димера всегда казалась мне суровой женщиной, но сейчас, глядя на меня, она улыбнулась, и улыбка озарила ее лицо внутренним светом. Я понял, что опасался зря: сразу видно – отличная бабушка.

Она наклонилась ко мне с девочкой на руках.

– Познакомься, это Кора. Если хочешь, можешь считать ее своей сестренкой. Или…

Она хитро улыбнулась и посмотрела на моих родителей.

– Или, когда она вырастет, можешь на ней жениться!

– Я согласен! – быстро сказал я.

И все засмеялись. И мама тоже смеялась и кивала: «Да, да, хорошо!»

Все ждали, что у маленькой Коры вот-вот пробудится магия. Но этого так и не случилось.

Однажды я услышал разговор родителей. Прошло уже лет пять с того дня. Уже стало совершенно ясно, что юная Кора Флогис останется пустышкой.

– Жалко девочку, – сказала мама.

– Да… Видно, у каждого рода свое проклятие… – помолчав, проговорил отец.

– Но ведь то обещание?..

Я чувствовал в голосе мамы волнение.

– Оно ведь ничего не значит, правда?

– Конечно! Так, детское баловство. Даже не переживай!

Вот так быстро они избавили меня от моего обещания в

первый раз…

Перед поступлением в Академию мама подарила мне амулет.

– Очень своевременно, – пошутил я, разглядывая лабиринт. – Когда я там уже тысячу раз все исходил.

– Но он ветшает с каждым годом, а у меня сердце не на месте… Да и в Академии, мало ли, пригодится.

– Ну, там я точно не собираюсь лазить по подземельям.

Подарок мне показался смешным, но это – мамин подарок, так что я не стал упираться. Амулет все эти три года был для меня символом ее любви и заботы… Смешнее не придумать.

– Смутно припоминаю что-то такое, – сказал Димер. – Предполагаю, что тот разговор едва ли можно считать официальной помолвкой. Особенно после твоей несостоявшейся свадьбы.

Я, погрузившись в воспоминания, успел забыть, что он сидит рядом со мной. И не стал ничего отвечать.

Прошло три недели после начала весны. В этом году она выдалась как никогда теплой и ранней. Снег почти растаял, и, хотя деревья еще стояли голые, в парке и на полигоне уже пробивалась первая трава.

Все старались сохранять присутствие духа. В Академии быстро распространились смешные песенки, обещающие танатосам скорую гибель. Однако все понимали, что впереди ждут тяжелые времена, и уже первая битва покажет, есть ли у нас шанс.

Признаться, я был страшно зол на всех за этот нездоровый оптимизм. Кора получила магию, и все воспрянули духом. Я даже слышал шуточные глупые припевы, что-то вроде: «Кора придет, им ж… надерет».

«Заткнитесь!» – хотел крикнуть я.

Я знал, что другого выхода нет, и Кора встанет на передовой, чтобы попытаться спасти всех нас. Понимал, но принять не мог. Она такая хрупкая, моя нежная рыбка. Очень смелая и сильная, но она одна против всех этих жутких тварей.

Я ничего не мог изменить. Я только знал, что, когда придет время, я встану рядом и не отойду ни на шаг.

Глава 35
Огонь жжет

Я стояла перед зеркалом и разглядывала в отражении незнакомую девушку. Черные волосы. Черные как ночь. Глаза, правда, оставались моими, но из-за цвета волос теперь казались слишком яркими.

Но я вовсе не любоваться на себя пришла. Это, пожалуй, прозвучит глупо, но я тренировала перед зеркалом уверенный взгляд и спокойную улыбку. Потому что на самом деле у меня поджилки тряслись от страха.

Итак, вот она я, Кора Флогис, самый могущественный маг последних столетий и самый испуганный к тому же.

Я раньше как-то совсем иначе себе это представляла. Когда была маленькой, то думала только о том, что утру всем нос. Вроде как – ага, не ожидали, а я вот какая! Мечтала об этом долгими бессонными ночами после обычной порции косых взглядов. Воображала, как обидчики сразу захотят со мной подружиться, и тогда уже настанет моя очередь нос воротить.

В реальной жизни все оказалось совсем иначе. И обидчиков-то никаких не осталось. И проснувшаяся магия принесла только ответственность и страх. А лицо терять нельзя, никак нельзя. Все так воодушевились, вновь обрели надежду…

Улыбайся, Кора, улыбайся! Я увидела, что мои губы тронула слабая тень улыбки. Тяжело улыбаться, когда внутри выжженная пустыня.

Вечер того дня, когда я получила магию, я помню смутно. Я очнулась в саду, и первая мысль была: не хочу, чтобы кто-то меня нашел. Меня переполняла магия, разноцветные нити силы прошивали насквозь: казалось, они распирают меня изнутри и вот-вот разорвут. Страшно.

Я попыталась сосредоточиться и вспомнить, как строить огненные порталы. Нас, первокурсников, пока этому не учили, но я припомнила обрывки из разговоров папы и Фроста. К тому же для магов огня это было естественно, как ребенку научиться ходить – сначала сложно, но инстинкт сам подсказывает, что делать.

Я мысленно вытянула из клубка красную нить и попыталась замкнуть ее в кольцо. Нить, пока я ее тянула, истончилась и порвалась. Вторая лопнула и отозвалась во всем теле болезненной дрожью. А с третьей попытки все получилось.

Я открыла глаза и увидела, что меня окружает полоска алого

пламени – невысокого, но ровного. Если бы я знала, что обычно на создание портала студенты тратят от месяца до года, я бы очень удивилась.

– Домой, – прошептала я.

И когда пламя опало, я обнаружила себя вовсе не в замке, как задумывалось, а в моей комнате, в корпусе огневиков. Так вот, значит, что я привыкла считать своим домом. Значит, так тому и быть.

Я без сил рухнула на кровать и ускользнула в тяжелый сон.

Про Рана я старалась не думать…

Разбудил меня Фрост.

– Кора, проснись! – Он тряс меня за плечо, а голос звучал встревоженно.

А я спросонья, не совсем понимая, что делаю, отшвырнула его прочь воздушной волной. Брат врезался в стену, сполз по ней на пол и остался сидеть. Я к тому времени уже пришла в себя и вдоволь насладилась его изумленным, ошарашенным лицом.

Да, это, вероятно, был один из немногих приятных моментов.

– Кора, твои волосы, – только и сказал он.

О, сколько еще раз за вечер мне пришлось выслушать эту фразу. Родители, Димер и сестры, директор, поднятый среди ночи, магистры, которых срочно собрали в центральном корпусе.

А я так устала и хотела только одного – чтобы меня оставили в покое. Они же радовались как дети. Тут же шумно стали спорить и обсуждать, как построить мой индивидуальный учебный график, чтобы научить всему, что может пригодиться.

Я же слушала и не могла поверить – неужели это происходит со мной?

Родители просили на одну ночь отпустить меня домой, обещая, что вернут утром, как только я высплюсь и отдохну. Терран Аквидус окинул меня изучающим взглядом и кивнул:

– Но завтра чтобы она была здесь! Начнем подготовку.

Что-то сжалось внутри от этих слов. Так все на самом деле? Я выйду против танатосов и должна буду подчинить бестий? Ой…

Дома, не успела я сесть на диван, как тут же оказалась в окружении сестер.

– Кора, ты ведь не знаешь! – горячо прошептала Грета. – Ты сейчас просто упадешь!

– Свадьба не состоялась! – почти крикнула Брида.

И обе, волнуясь и мешая друг другу, рассказали историю о том, как Вита сорвала с Рана амулет и как он отказался от церемонии.

– Он любит тебя! – в один голос заявили они.

Свадьба не состоялась. Ран не женился.

Я попыталась прислушаться к себе. Очень сложно объяснить, что тогда происходило в душе, но я постараюсь.

Темнота, что разлилась во мне, вполне вероятно, выжгла все внутри. Я представляла себя стоящей на черной-черной земле, угольной и бесплодной. Когда ничего не чувствуешь – не больно. Но и радость, и воодушевление, и надежда – все светлые чувства тоже покинули меня. Вот только все-таки страшно стоять совсем одной в темноте.

Я ведь, кстати, так и не заплакала ни разу с тех пор. Может быть, я теперь совсем разучилась плакать? Может быть, я теперь навечно Кора-уголек…

Но вот девочки сказали его имя, и внутри этой черноты сначала начали тлеть, а потом зажглись жаркие искры. Еще немного – и разгорится пламя. Больно. Огонь жжет. Да, Фрост, теперь я понимаю.

Я помотала головой, чтобы прогнать мысли о нем и вновь погрузиться в благословенную черноту.

– Не надо о нем, – прошептала я.

Что-то такое было в моем голосе, отчего сестры переглянулись и замолчали.

Утром я вернулась в Академию, а чуть позже в мою дверь постучалась Вита. Застыла на пороге, когда я открыла.

– Кора, твои волосы, – сказала она, а потом заплакала. – Прости, Коржик. Я дура и эгоистка. Но я даже подумать не могла, что…

Я втянула ее в комнату и обняла.

– Ты самая лучшая, – сказала я. – Правда!

– Кора, он вчера себе места не находил, когда ты пропала! Он…

Я зажмурилась.

– Вита, прошу, ничего не говори мне про него.

– Ладно, – растерянно прошептала подруга.

А вечером пришел Ран.

Нельзя оставаться с ним рядом дольше чем на пару минут. Я этого просто не выдержу. Я сгорю, превращусь в головешку, рассыплюсь пеплом. Меня от одного того, что он стоит рядом, уже прожигает насквозь. Невыносимо. Любовь и ненависть сплелись так тесно, что я не отличала одного от другого. Я хотела кинуться на него с кулаками. Я хотела кинуться ему в объятия. Я почти теряла сознание.

Словно со стороны я слышала свой голос:

– Ты извини, мне сейчас некогда разговаривать: магистры ждут…

Уходи, уходи, уходи!

– Кора, я люблю тебя! – говорит Ран.

Боги, как это вытерпеть. Я смотрю ему в глаза, закусываю губу, пытаясь скрыть огонь, опаляющий меня.

– Конечно, ведь мы друзья, – отвечаю я, чтобы хоть что-то сказать, только бы он быстрее ушел.

Со временем стало проще. Я как-то даже свыклась со своей выжженной пустыней. Там так пусто и тихо, а я спокойно могу притворяться Корой – великой стихийницей. Улыбаться, мило болтать, прилежно заниматься.

Да, магистры взялись за меня всерьез. С утра до ночи я изучала боевые заклятия четырех стихий, а в промежутках учила наизусть формулы подчинения бестий из «Устава Академии».

Кстати, о четырех стихиях. Теперь управлять магией было для меня так же естественно, как дышать. И так удивительно, что раньше я жила без нее. Какие-то вещи я делала совершенно неосознанно, не приложив ни малейшего усилия, а потом ловила на себе изумленные взгляды.

Наверное, некоторые думали, что я просто рисуюсь. Как магистр Темперо – высокомерный и холодный преподаватель боевых заклятий у воздушников. Обычно он вел занятия только у старших курсов, обучая их заклятиям повышенной сложности.

Неудивительно поэтому, что он разглядывал меня со скептицизмом в глазах. Он знал, конечно, кто я, но одно дело – знать, а другое – видеть перед собой первокурсницу, которая к тому же выглядела испуганно и на великого мага никак не тянула.

Помню, магистр даже обернулся к директору, который привел меня на полигон, чтобы удостовериться, не ошибка ли это.

– Да мы тут до ночи провозимся, – буркнул себе под нос преподаватель, а потом изобразил на лице воодушевление: – Ну что, Кора, попробуем! Я хотел начать с основ, но времени мало, а наш уважаемый господин Аквидус уверяет, что ты справишься. Поэтому для первого занятия я выбрал довольно сложную тему: воздушные стрелы. Ты слышала о них?

Конечно, я слышала. Воздушники умеют так концентрировать магическую энергию, что превращают воздушные потоки в грозную силу. Даже легчайший ветерок превращается в стрелу, способную прошить насквозь что человека, что бестию. Заклятие, которое изучают на пятом курсе. Когда проходят занятия, то от полигона убирают всех на расстояние несколько сотен метров. Говорят, нередко случаются несчастные случаи. Сомнение отразилось на моем лице, когда я подумала об этом.

Но магистр Темперо понял меня неправильно:

– Ничего, Кора, если не получится сегодня, получится через

несколько дней. Вы можете идти, господин Аквидус, это надолго.

– А вы сумеете удержать стрелу, если она полетит не в том направлении и сможет кому-то навредить? – спросила я.

Магистр рассмеялся:

– Кора, на первых порах стрелы моих учеников не отлетают и на пару метров. Но да, смогу. Слушай, как это происходит. Возьми зеленую нить, протяни ее через вену правой руки, большой и безымянный пальцы должны соединиться в центре ладони…

Преподаватель еще долго говорил, но мне не нужно было слушать его объяснения, чтобы понять, что делать. Правда, я все сделала не правильно, а так, как мне было удобнее. Зачем протягивать нить по вене, ведь она потеряет часть силы? И сложенные пальцы не играют роли, главное, чтобы указательный был направлен на цель.

В центре полигона установили мишени-чучела специально для занятий со мной. Я метилась в чучело моргера: огромную пасть на коротеньких ножках. Вытянула зеленую нить, поймала ветерок, вплела в него магию, заострила и послала вперед.

Чучело покачнулось и рухнуло набок. В центре лба у моргера была дыра размером с кулак. На полигоне зависла тишина. Я испугалась, что сделала что-то не так… Наверное, надо было сначала дослушать объяснения. Но я ведь хотела только попробовать, я не знала, что сразу получится!

– Хм, – растерянно сказал магистр Темперо спустя несколько секунд.

– Да-а, – протянул вслед за ним Терран Аквидус. – Я на всякий случай пока окружу полигон защитным полем.

– Пожалуй, не помешает, – согласился с ним преподаватель.

И так происходило буквально во всем. Иногда даже неловко было перед друзьями. Вот Вита пытается обойти огромную лужу на дороге – снег уже начал таять, и теперь прогулка до центрального корпуса стала напоминать полосу препятствий, – а я, не прекращая разговора с ней, раз-два – и на той стороне. Даже не поняла, пробежала по воде или перелетела. А Вита мнется у края лужи и не знает, куда наступить, чтобы не промочить ног.

– Ой, прости!

Я вернулась и перенесла ее. Теперь я знаю, как это делается: опутать Виту зеленой сетью воздушной магии, и тогда она станет легче перышка, а потом просто взять за руку и повести за собой.

– Слушай, мы ведь теперь с тобой на гору Воздушников в любой момент заберемся! – восторженно сказала она. – Надо им как-нибудь засаду там устроить, этим надменным небожителям.

Как хорошо, что друзья воспринимали мой проснувшийся дар

с восторгом, а не с завистью. Хотя было бы чему завидовать. Выйти один на один против бестий – тот еще повод для радости. Думаю, они тоже это понимали. Едва я вспомнила об этом – кровь отлила от лица.

– Бестии? – спросила Вита, коснувшись руки. Она уже без слов понимала, что я чувствую.

Я кивнула.

– Ничего. Мы все поможем! Все будем рядом! И Ран, я уверена, тоже…

Ран! О нет, Вита, ты ведь знаешь, как мне больно даже думать о нем. Но в этот раз Вита не стала молчать, как обычно это делала.

– Кора, тебе надо с ним поговорить! Его вины в произошедшем нет. Если уж и винить кого-то, то его родителей. Представь, что он был болен! Ты ведь не станешь осуждать его за болезнь?

– Ох, Вита… Спасибо тебе за все. Я понимаю, но…

– Ты даже больше на меня можешь обижаться, ведь я действовала в трезвом уме и твердой памяти. Но меня ты простила!

– Вита, ты не знала всего, а когда узнала – повела себя как настоящий друг.

– Пф, – сказала Вита, что означало должно быть: «само собой».

– А Ран… Мне просто больно, и все. Я не обманываю и не пытаюсь строить из себя недотрогу. Просто не могу быть рядом…

И все же Вита настояла на нашем разговоре. Вот так я оказалась сидящей на скамейке в саду. Делала вид, что читаю «Устав», а на самом деле формулы подчинения рассыпались в голове на отдельные слова – я читала одну страницу вот уже несколько минут, но не могла запомнить ни строчки.

Стоило мне остаться одной хотя бы на несколько минут, он неизменно оказывался рядом. Вот и сейчас появился словно по волшебству. Накинул мне на плечи свою мантию.

Я мысленно твердила себе: «Он просто друг!» Так знакомо, да… Все повторяется. И сначала все шло неплохо, будто вернулись старые добрые времена. Я вдруг поняла, как соскучилась по нему – по нашим разговорам, по шуткам. Он улыбнулся, и я улыбнулась в ответ. Я даже смогла коснуться его руки и не обжечься при этом.

А потом Ран наклонился и поцеловал меня. И то, что я так старательно сдерживала в себе, всколыхнулось снова. Я честно пыталась терпеть – может быть, боль утихнет? Но пожар в моей крови разгорался с каждой секундой все сильнее. Любовь.

Ненависть. Любовь. Ненависть. Огонь жжет, Ран. Огонь жжет.

Я убежала, сославшись на магистра Толли, а потом долго стояла, спрятавшись за деревьями, и не могла отдышаться.

* * *

На следующий день была запланирована серьезная проверка. Мне дали достаточно времени на то, чтобы выучить формулы подчинения. Теперь нужно понять – работают ли они.

На полигоне меня ожидали пятеро – Терран Аквидус и магистры боевых заклятий всех четырех стихий. Шестеро, если считать железный ящик. Вернее, бестию, что скрывалась внутри.

– Кто у нас сегодня? – спросила я как можно беспечнее.

Как отлично я научилась управлять голосом – никто даже не догадался о том, как мне страшно. Вот бы еще сердцем научиться так управлять – оно, подлое, так и норовило выскочить из груди.

– Твой старый знакомый – полипис, – улыбнулся директор, но улыбка вышла неестественной: он тоже боялся. – Но сначала повторим формулу подчинения.

Формулы подчинения, когда я только начинала их учить, показались мне откровенным бредом. Правда, Крис с самого начала объяснил – слова не имеют значения, здесь главное сочетания звуков и концентрация на них, просто чтобы легче было запомнить, он облек их в стихотворную форму и попытался придать хоть какой-то смысл.

«Сила пятой стіхіі превратіт слова в могучію энергію», – написано было в книге.

А дальше Крис говорил о том, что изначально подчинил своей воле полиписа исключительно силой магии, но это так вымотало его, что он начал искать новые способы и нашел.

Формулу подчинения полиписа я помнила отлично: первым делом я выучила именно ее. Я кивнула директору и произнесла:

Шорох, шуршание, шепот и шелест.
Ветер и вечер в вереск оделись.
Плачи в полночных озерах и плеск,
Стоны и звоны, топот и треск.

– Звучит как детский стишок! – произнес знакомый голос за моей спиной.

Я обернулась. Ран стоял, скрестив руки на груди, волосы взлохмачены ветром.

– А вас кто-то приглашал, студент Маринер? – сурово

поинтересовался директор.

– Я сам пришел, – дерзко ответил Ран и сверкнул нахальной белозубой улыбкой. Что-то в его взгляде ясно говорило о том, что прогнать его будет сложно. Директор, вероятно, тоже это понял.

– Вот там и стойте. Ближе не подходите, – буркнул он.

Ран только слегка наклонил голову, и я поняла, что в случае чего он ослушается приказа и окажется рядом со мной.

Вот ведь неугомонный. Сколько раз надо дать ему понять, что я не хочу его видеть?

Но я почему-то улыбнулась против воли. И поняла, что больше не боюсь.

Глава 36
Ожидание

Да и чего бояться. Пусть у меня в руках сейчас нет даже меча, но зато в моем распоряжении сила всех четырех стихий. Вернее, пяти. Хотя, признаться, пятую стихию я никак пока не ощущала в себе. Я видела внутри себя магию огня, воды, воздуха и земли – каждая из них была своего цвета, но пятая стихия пока никак себя не проявила.

Магистр Темперо накрыл защитным полем меня и ящик, оставив нас наедине друг с другом. Краем глаза я заметила, что Ран подошел еще ближе, но директор остановил его упреждающим жестом.

– Она должна сама, – сказал он твердо.

Да, я должна сама. Все получится.

Я несколько раз вздохнула и толкнула стенки ящика воздушной волной, открывая его. Мы заранее договорились, что я сделаю это, когда посчитаю нужным.

– Ну, привет, – сказала я черному дымному облаку, что зависло передо мной.

Полипис был сонный и вялый, даже не знаю, отреагирует ли на формулу подчинения. Магистр Толли подумал о том же:

– Кора, расшевели его немного. Те твари, что встретятся в настоящем бою, не станут висеть пыльным кульком.

Я сотворила огненный жезл и слегка притронулась к бестии. Все время забываю, какими они могут стать стремительными, если чувствуют опасность! Полипис в мгновение почернел и развернул свои стрекательные щупальца. В одну секунду. Ощетинился, заверещал и совершил бросок в мою сторону, так что я отпрянула, оступилась и упала, инстинктивно закрываясь руками.

– Кора! – крикнул Ран.

Уверена, он готов был кинуться на помощь, но я обернулась и крикнула:

– Нет, я сама!

Это просто минутная растерянность, я должна с ним справиться. Глядя во все глаза на полиписа, который завис на месте в обманчивом оцепенении, я медленно поднялась сначала на четвереньки, потом на ноги.

Кстати, вопль полиписа теперь меня не оглушал – голова мыслила вполне ясно. Я протянула руку, будто хотела погладить большую, хотя и жутко страшную собаку. Полипис застрекотал,

как огромное насекомое, щупальца распустились веером вокруг него.

– Тихо, тихо, – прошептала я, пытаясь сосредоточиться и вспомнить слова.

Я была уверена, что разбуди меня ночью – я и то без труда повторю их. Слишком самонадеянная я была. Все эти «трески» и «шорохи» перемешались в голове. Я только стояла, чуть-чуть шевеля пальцами, и повторяла:

– Тихо, тихо…

Полипис был тихий, да. Угрожающе, смертельно тихий.

– Кора, – сказал директор, понимая, что дальше тянуть некуда. – Опутай его петлей и сожги. Завтра попробуем…

– Кора, – вдруг перебил его Ран, – слушай и повторяй. Шорох, шуршание, шепот и шелест…

И он медленно, слово за словом, повторил всю формулу подчинения, которую услышал первый раз пять минут назад. А я послушно повторяла вслед. Естественно, после первой строчки я уже и сама ее вспомнила, но это, конечно, не оправдание.

Моя рука дрожала как осиновый лист, пока я произносила слова. Полипис покачивался и, казалось, прислушивался. Хотя на самом деле было непонятно, подчинился он мне или все-таки нет. Если да – то должен выполнять мои приказы.

– Покружись, – с трудом проговорила я: во рту пересохло.

И вдруг почувствовала, как из рук выливаются бесцветные нити, совершенно прозрачные. Именно поэтому я их раньше и не видела, хотя пятая стихия все это время была во мне. Я не могла их разглядеть, как это было с другой магией, зато ясно ощущала. Прозрачные нити пронзили полиписа, не причиняя ему видимого вреда, но я вдруг поняла, что это чуждое, дикое существо полностью покорно мне. Бестия начала медленно вращаться вокруг своей оси, будто бы танцуя.

– Иди-ка в ящичек, – сказала я и услышала, что голос дрожит от напряжения.

Полипис отплыл на полметра назад, завис над разложенным ящиком. Стены, повинуясь воздушной магии, поднялись, надежно запечатывая его внутри.

Я без сил упала на колени. Но все же это была победа. Я сделала это – подчинила его!

Словно сквозь толстую шапку, я слышала, как магистры оживленно обсуждают увиденное. Теперь, когда они поняли, что магия пятой стихии работает, надежда на победу в битве стала сильна как никогда.

Магистр Толли подошел, чтобы помочь мне подняться, но Ран оказался быстрее. Подхватил меня легко, как перышко. В его

руках я снова чувствовала себя маленькой и слабой. На короткий миг я просто хотела закрыть глаза и позволить ему позаботиться обо мне. Но нет, нет! Мне нельзя быть слабой. И никто больше не увидит моей уязвимости.

– Отпусти меня, – твердо сказала я.

Он послушался, поставил меня на ноги и стоял, придерживая за талию, но я сняла его руку.

– Спасибо, что подсказал слова, – поблагодарила я. Я смотрела на ноги, уговаривая их не трястись. На Рана смотреть не могла. Еще чуть-чуть, и ненависть снова станет овладевать мной. Не хочу этого.

Как бы я мечтала простить! Но, видно, магия огненной стихии, что так долго дремала внутри, решила сыграть со мной злую шутку. Как же я теперь понимала Фроста.

– Я еще нужна вам? – обратилась я к магистрам.

– Отдыхай, Кора, – ответил за всех директор. – Завтра у тебя тяжелый день.

– У меня теперь каждый день такой, – усмехнулась я.

Развернулась и пошла в сторону корпуса огневиков.

– Я провожу, – догнал Ран.

– Не нужно, – я покачала головой.

– Я просто пойду рядом.

– Ладно… – у меня не было сил бороться.

Мы шли в двух шагах друг от друга и молчали, пока наконец не достигли крыльца.

– Я всегда буду рядом, – сказал он вслед, когда я стала подниматься по ступеням.

* * *

Мне рассказали, каков план. Все оказалось просто и довольно легко осуществимо. В теории.

Территория Академии укрыта защитным полем, но нашествия танатосов оно не выдержит. Поэтому необходимость такого прорыва изначально заложили в замысел. Над полигоном защитное поле оставят совсем слабым, чтобы позволить бестиям проникнуть на территорию Академии. Оно будет задерживать их, но не сильно. Они устремятся на полигон, как в горлышко воронки, а там, внизу, их буду ждать я.

Когда я представляла себе этот бой, то всегда видела себя одиноко стоящую на полигоне перед надвигающейся угрозой, но оказалось, все не так плохо, как я думала. Когда я узнала, мне сразу стало легче дышать: на поле рядом со мной выйдут все

магистры и старшекурсники. Они должны будут удерживать других бестий на безопасном расстоянии, пока я подчиняю какой-то один вид.

Мы надеялись, что «эффект воронки» убережет от повреждения большую часть защитного купола и позволит переждать нашествие в безопасности большинству студентов и людей, которые живут в окрестностях Академии и уже начали стекаться на ее территорию в надежде на спасение.

Звучало все хорошо. Теперь главное, чтобы сработало.

Можно сказать, что мы были готовы к сражению. Не только у меня наступили тяжелые времена – студенты тренировались день и ночь, а когда не тренировались – заряжали амулеты. Замки останутся почти без защиты, но мы надеялись, что амулеты помогут продержаться до тех пор, пока я подчиню бестий и направлю их против наших общих врагов. Водники, воздушники и земляные наполняли амулеты охранной магией, а огневики, благодаря тому, что умели строить порталы, разносили их вместе с официальным уведомлением директора Аквидуса: «Принять под защиту людей. В бой не вступать. Стен не покидать».

Фрост каждый раз, получая амулеты и уведомления, дополнял сказанное, невесело ухмыляясь:

– И молиться светлым богам.

Амулеты доставляли не только огневикам, хотя в основном им. А уведомления отправляли буквально в каждый замок. Магистры боялись, что некоторые, не утерпев, выйдут против бестий и случится много бессмысленных смертей.

Я тоже помогала наравне со студентами-старшекурсниками. Хотя была занята выше крыши отработкой формул подчинения и боевых заклятий, но кому сейчас легко.

И все же никак не ожидала со стороны директора такого неприятного поручения. Он вручил мне запечатанный конверт и сказал:

– Отнесешь в замок Маринер.

– Что? – вспыхнула я. – Но вы ведь знаете… Это потому, что Молинар Маринер ваш друг? Это нечестно!

Глаза Террана Аквидуса потемнели.

– Студентка Флогис, вы забываетесь. Если хотите помогать – выполняйте поручение. А нет – займитесь вашими прямыми обязанностями.

Еще, не дай боги, пойдут слухи, что я струсила. В конце концов, не съедят же они меня! Передам уведомление – и сразу назад!

Вздохнув, я взяла конверт и уже несколько мгновений спустя оказалась в саду. Я специально дала себе немного времени, чтобы

собраться с силами: пока дойду до входа, может, успокоюсь и сосредоточусь.

«Господин и госпожа Маринер, разрешите вручить вам уведомление…» – я шла и повторяла эти слова как заклинание. Я ожидала, что меня встретит служанка, проводит в гостиную, пригласит хозяев, тогда я все это выпалю, вручу конверт и тут же испарюсь в круге пламени.

Дверь оказалась открыта. Я прошла вперед, в сторону зала, до которого в прошлый раз так и не добралась.

Родители Рана сидели в креслах. Отец читал книгу, а Рина, кажется, дремала. Она выглядела совсем неважно. Вовсе не как та юная, полная жизни красавица, какой я увидела ее на праздник Примирения.

Я застыла на пороге, не зная, как поступить. Ужасное чувство – будто подглядываю. Я сжала губы и постучала в косяк. Две пары глаз обратились ко мне.

В глазах Рины отразился испуг, который сменился облегчением.

– Кора, ты пришла, – сказала она, словно ждала меня, и как я поняла из следующей фразы, действительно ждала: – Терран сдержал слово. Не сердись на меня.

Она поднялась ко мне навстречу, и отец Рана тоже подошел. Они остановились, не доходя нескольких шагов, точно боялись меня спугнуть.

– Прости меня, Кора. Прости нас, – сказала Рина Маринер. Ее взгляд встретился с моим, хотя я совсем не желала смотреть ей в глаза. Я хотела только одного: отдать уведомление и уйти. Могла ли я простить? Если я даже Рана простить не могу. Я промолчала в ответ.

– Я понимаю, – прошептала она.

Она протянула ко мне руку, но тут же отдернула ее, увидев, что я держусь только на силе воле и готова удрать в любую секунду.

– Если я попрошу передать кое-что Рану? Тебе будет не сложно?

– Что же это? Очередной заколдованный амулет? – не удержалась я от колкости.

– Это кольцо…

– Отравленное? – хмыкнула я, но замолчала, увидев, как опустились уголки ее губ, а отец Рана тут же дотронулся до ее плеча тем защитным, оберегающим жестом, каким и сам Ран часто касался меня, стараясь утешить в трудную минуту.

– Сами ему передайте, – ответила я уже серьезно. – Я не хочу иметь с вашим сыном ничего общего. Ни с ним, ни с вами. Не

надо делать меня посредником в таких делах.

– Прошу, Кора. Знаю, что это выглядит как попытка манипулировать… Снова… Но мы можем просто не успеть. Вдруг это последняя возможность передать ему весточку?

Да, это выглядело как манипуляция. Но в то же время в ее словах была правда. Ведь если что… Как я после этого смогу нормально спать?

– Давайте, – выдавила я.

Рина, видно, подготовилась заранее. Кольцо было на ее руке, она сняла его с пальца и опустила на мою ладонь. Женское кольцо с сияющим синим камешком.

– Без подвоха? – еще раз уточнила я.

– Да, можешь мне верить. Кора, если бы ты знала, как я себя казню за все…

Рина натолкнулась на мой хмурый взгляд и не стала заканчивать. Сказала другое:

– Ты только передай ему, что я хотела отдать кольцо тем утром, когда вышла проводить его перед отъездом в Академию. Но он даже слушать не захотел. Кора, тем утром, хорошо? Когда я еще ничего не знала…

– Не знали чего? – не поняла я.

– Не важно…

Мы замолчали – разговор исчерпал себя, поэтому я отдала конверт, кивнула и вернулась в Академию.

Кольцо передала Рану в тот же день. Обнаружила его на полигоне, куда пришла отрабатывать формулу подчинения очередной бестии. Ран находился там каждый вечер. Как-то так получилось, что перед тем, как приблизиться к железному ящику, я вручала ему «Устав». Если хочется ему учить эти зубодробительные формулы – пусть, мне не жалко.

Теперь же, вместе с книжкой, я подала ему кольцо. Глаза Рана потемнели, но вовсе не от злости, а оттого, что его обуревали чувства. Что же это за кольцо такое?

– Она просила передать, что хотела отдать его утром, до того, как узнала. Что узнала – непонятно. Твоя мама не стала объяснять.

– Кора…

Он, забывшись, потянулся ко мне, но я отошла на пару шагов.

– Я тебе позже все объясню. Когда битва будет позади и мы сможем спокойно поговорить…

– Не трудись, – оборвала я его. – Мне совершенно не интересно.

По лицу Рана скользнуло странное выражение. До этого момента мне не удавалось его задеть: он всегда был сама

выдержка и спокойствие. Но сейчас ему стало больно – я ясно увидела это.

Какая я стала жестокая, какая злая…

Он ничего не сказал. Убрал кольцо в карман. Улыбнулся уголками губ, открыл «Устав».

– Так, сегодня скример? Давай повторим формулу…

* * *

Все было готово к решающей битве. Я замечала, что многие ходят теперь, глядя не под ноги, а вверх – на небо. Это может случиться в любой момент: утром, днем, ночью. «Только бы не ночью!» – каждый раз думала я.

Пару раз начинался небольшой дождь, и я со всех ног бросалась к полигону, где бы ни находилась. Но дождь утихал, едва начавшись, – битва снова откладывалась. Я уже не знала – радоваться этому или нет. Ожидание так выматывало, что я почти перестала есть и спать по ночам. Вита буквально силком пыталась втолкнуть в меня хоть немного еды, напирая на то, что в нужный момент у меня совсем не останется сил. Я все понимала, но пищу просто видеть не могла.

Иногда я ловила взгляд Рана, направленный на меня из-за соседнего стола. Два дня он качал головой, а на третий пришел и сел рядом.

– Ты уже большая девочка, – сказал он. – Но если ты сейчас же не поешь, то я снова начну кормить тебя, как маленькую.

Я вспомнила утро в замке Маринер, когда я не могла удержать ложку забинтованными руками, и то, как он кормил меня с ложечки гречневой кашей.

– Давай, Ран, – горячо поддержала его Вита. – А я буду ее держать.

Я хотела отшутиться. А потом вдруг так обидно стало! Сговорились, значит, против меня!

– Слушайте, а вам надо было все-таки пожениться! – зло воскликнула я, сжигаемая огнем. – Отлично подходите друг другу.

Я понимала, что сейчас говорят моя усталость и боль, но ничего не могла с собой поделать. Над столом повисло тяжелое молчание.

– Дурочка ты, Кора, – сказала Вита, первая нарушив тишину. – Ну и я дурочка, конечно, была. Ты думаешь, я любила его? Ран, прости: ты симпатичный, и милый, но по мне, так нудноватый. Я думала, ладно, раз родители настаивают. Почему

нет – сердце мое не занято. И непонятно, выживем ли мы все. И просто забавно – свадьба, девчонки завидуют. Но, Кора, если бы я знала, что там кроется на самом деле, я и на полет стрелы к Рану бы не подошла. Веришь мне?

Я вышла из-за стола и побежала к выходу. Зря я с ними так… Ладно, ничего, сейчас подышу воздухом, вернусь и попрошу прощения.

Я сидела на скамейке, когда у моих ног упала тяжелая дождевая капля. Я подняла голову – небо, которое еще полчаса назад было чистым и безоблачным, заполнилось лиловыми, грозными тучами. Тучи бухли, назревали, как нарывы, внутри них сверкали молнии. Напряжение и звенящая тишина разлились в воздухе. Но тишина продлилась недолго – я услышала, что рядом закричала девушка, и словно очнулась.

Вот оно. Сейчас. Время пришло. Мне надо быть на полигоне. Мне надо всех спасти.

Глава 37
Битва

У меня не было даже меча. Мне нельзя меч – иначе искушение использовать его окажется слишком высоко, а это может все испортить. Я должна быть один на один с бестиями, вооруженная только магией.

Я надеялась только на то, что сведения в «Уставе» содержат истинную информацию. Конечно, мне бы и в голову не пришло, что Крис сознательно что-то опустил или изменил, но он мог тоже чего-то не знать. Остается верить, что какая-нибудь неприятная вещь не выяснится случайно в самый последний момент.

В последнее время я плохо спала по ночам не только потому, что с минуты на минуту ждала грозы. Почти каждую ночь мне снилась картина боя, которую я наблюдала, получив первую искру. Я видела сизое брюхо опускающегося на меня гигантского существа, видела рты-воронки, заглатывающие с равным безразличием что бестий, что людей, чувствовала нестерпимый жар его тела…

Танатосы. До чего жуткие твари. Все знали, что они смертельно опасны, но только я в полной мере понимала – насколько. Хищники настолько мощные, что бестии по сравнению с ними казались кроткими ягнятами. Я прекрасно понимала, что магия нашего мира почти бессильна против них. И только Кристер Ригер придумал способ спасения: обратить против танатосов бестий. Каждая по отдельности казалась пылинкой перед ними, но тысячи бестий превращались в грозную силу.

К сожалению, я пока только в теории представляла, как это работает. Те бестии из теплицы, которых я приручила, не в счет. Они слишком долго находились в неволе, так что связь с другими особями их вида прервалась.

Я должна буду встать в центре поля. Магистр Гров, преподаватель боевых заклятий стихии земли, установил на этом месте большой плоский камень несколько метров в диаметре, чтобы я точно знала, где должна находиться.

Когда я ступила на каменную площадку и огляделась, то увидела, как мало рядом со мной людей. Полигон огромный, и человеческие фигурки рассредоточились по нему, оказавшись далеко друг от друга. Ближе всего были магистры боевых заклятий и сам директор Аквидус – окружали меня со всех сторон, стоя в нескольких десятках шагов. Магистр Толли

почувствовал мой взгляд, ободряюще улыбнулся: все будет хорошо, Кора. Но когда отворачивался, я увидела, как вытянулось его лицо: как огромна надвигающаяся опасность, как мало нас – защитников, а вся надежда на первокурсницу, которая получила магию месяц назад. Не внушает оптимизма… Когда мы обсуждали будущую битву, все представлялось иначе.

А тучи клубились надо головой, темнели на глазах.

Я никогда не видела начала нашествия. Как это будет? Мне представлялось, что небеса лопнут от распирающей их силы, а в образовавшуюся прореху посыплются бестии.

Я почувствовала себя маленькой и слабой. Студенты первых трех курсов надежно укрыты в центральном корпусе, а я стою здесь на ветру, под набухающим небом. Совсем одна…

– Так, рыбка моя, выше нос! – произнес преувеличенно бодрый голос у меня над ухом.

Ран! Я была так рада его видеть, что даже не обратила внимания на «рыбку». Ран. Стоял за моей спиной, поигрывая мечом. По лезвию клинка, сплавленному из двух видов стали, вились узоры – серебряные на черном.

– Я ведь сказал, что буду рядом, – добавил он и хитро улыбнулся. – К тому же я помню все формулы подчинения, в отличие от тебя!

Я фыркнула было возмущенно, но против правды не пойдешь. Я тоже их помнила! Но могла и забыть…

Меня отвлекло движение справа. Обернулась и не поверила своим глазам: из огненного круга выходил Фрост, а за ним Брида, Грета и даже Димер.

– Ты серьезно думала, что я оставлю тебя одну на растерзание бестиям? – усмехнулся старший брат.

– Чтобы ты забрала себе всю славу? – в тон ему подхватил Димер, который не мог не оставить свои выходки даже в такой момент.

– Посмертную! – мрачно изрекла Брида, но тут же рассмеялась. – А лица-то какие сразу траурные! Шучу!

Она победоносно подняла над головой лук, будто уже праздновала победу.

– Зачем ты взяла лук! – не одобрил Фрост. – Ты потом за бестиями будешь гоняться с просьбой отдать стрелу, когда они закончатся?

Вместо ответа Брида красноречиво похлопала себя по бедру, на котором висел короткий, но удобный клинок.

Ран и Димер, балуясь, уже сцепились на мечах, пытаясь оттеснить друг друга к краю площадки.

– Мы прибежали, как только смогли, – вдруг услышала я

знакомый девичий голос.

К площадке торопились мои друзья – Вита, Норли и Лекс. Они, первокурсники, должны были сейчас находиться в безопасности, под защитой амулетов. Но пришли, чтобы встать рядом со мной.

– Мы же говорили, что поможем! – напомнила Вита.

Она сняла мантию, которая могла помешать ей в бою, и, аккуратно свернув, положила в центре площадки, придавив сверху камнем.

– Смотрите не затопчите! – строго сказала она. Лекс тут же сделал вид, что хочет поставить ногу на ее одежду, за что немедленно получил по плечу плоской стороной клинка.

И мне, глядя на эту глупую, но жизнеутверждающую возню, стало вдруг легко и радостно.

А спустя пару мгновений разразилась буря. Секунду назад кое-где сквозь лиловые тучи еще пробивались слабые лучи солнца, и, хотя отдельные тяжелые капли оставляли крупные темные следы на сером камне, это еще нельзя было назвать ливнем. И вдруг небо словно разверзлось. Вода хлынула потоком: камень, на котором мы стояли, потемнел от влаги. Вокруг поднялся такой шум и гул падающей воды, что у меня заложило уши. А главное, я почти ничего не видела, застигнутая врасплох обрушившимся дождем. Невозможно было посмотреть вверх и хоть что-то попытаться разглядеть в небе – вода затекала в глаза.

Мы все растерялись в первые мгновения. Но вот я услышала издалека голос Террана Аквидуса:

– Кора, соберись!

А следом за ним уверенный голос Рана:

– Кора, встань в центре. Я поставлю защитное поле. Сразу предупреждаю, бестий оно не удержит, только притормозит. К Коре их подпускаем по одной, даем время на подчинение, остальных убиваем.

Фрост тут же расставил всех на позиции, и я мимолетно вспомнила тот счастливый зимний вечер, когда мы устраивали снежную битву. Только вот сейчас происходящее совсем не было игрой.

Как хорошо, что они не потеряли самообладания, потому что я, признаться, совсем оторопела. Их решительность всех взбодрила.

Брида по левую руку от меня натянула тетиву лука. Ран стоял справа, сосредоточенный и молчаливый. Теперь, когда он удерживал защитное поле, дождь уже не лился сплошным потоком, и можно было посмотреть вверх.

– Смотрите, – вдруг прошептала Вита упавшим голосом.

К этому невозможно было подготовиться. Такое невозможно было даже представить. Это было даже хуже, чем картина, увиденная мною в воспоминании Криса.

Сначала показалось, что лиловая туча просто почернела. Она чернела и клубилась, странно подергивалась, будто живая. А потом я поняла, что небо кишит бестиями, как банка с жуками.

И вот вся эта масса понеслась навстречу земле, будто раньше их удерживала в воздухе неведомая сила, но теперь притяжение оказалось сильнее.

Я услышала, как ахнула, не сдержавшись, Грета, а Вита и Норли вскрикнули тонкими голосами. Я не издала в этот момент ни звука, только подумала: «Нам не выжить». Как-то спокойно подумала и даже отвлеченно. И почему-то всплыли в памяти слова папы о том, что, по крайней мере, мы умрем сражаясь. А у меня и выбора-то не было: я не могу покинуть поле боя ни при каких обстоятельствах. Иначе всему конец…

Ран

Даже я, столько раз участвуя в битвах вместе с родителями, не ожидал увидеть ничего подобного. Я услышал, как вскрикнули девочки, а моя рыбка только смотрела вверх отчаянным, безнадежным взглядом. Я должен был сохранить самообладание во что бы то ни стало, поэтому затолкнул страх поглубже в сердце, удобнее перехватил меч и улыбнулся, когда она обернулась, цепляясь за мой взгляд.

– Ты готовилась, ты все знаешь, – сказал я, пытаясь изобразить уверенность, которой вовсе не ощущал. – Ты невероятно сильная, Кора. Все получится. Просто делай все, что умеешь.

Она несколько раз быстро кивнула, пытаясь ухватиться за воздух пустыми руками. Считаю, что не дать ей никакого оружия, хотя бы просто для уверенности, просто зверство. Ничего, моя рыбка, ни одна тварь не доберется до тебя, обещаю.

А потом начался конец света. Бестии падали на землю, как перезревшие плоды с дерева, несколько мгновений отряхивались, приноравливаясь и осматриваясь, а потом бросались туда, где ощущали тепло человеческих тел. Никогда не понимал этого противоестественного стремления убивать все живое. Или наш мир для них что-то вроде места охоты? Этого мы, возможно, так никогда и не узнаем.

Защитное поле, которое я удерживал, было совсем слабым. Хватало только на то, чтобы бестии не бросались в наш круг с разбега, а хотя бы немного притормаживали, продираясь сквозь невидимую преграду.

Брида уложила парочку скримеров еще на подходе – они хоть и выглядели доходягами по сравнению с другими бестиями, но действительно представляли опасность. Нельзя позволять им издать хоть один звук – это мгновенная смерть. И все же кого-то из них придется пропустить к Коре.

Брида подумала о том же и придержала стрелу, когда еще один, щуплый и неопасный на вид, ковылял в нашу сторону, переставляя тонкие ноги. Она оглянулась на меня за поддержкой, перевела взгляд на Фроста. Тот кивнул, и я кивнул тоже. Страшно было подпускать к моей девочке эту тварь, но другого выхода нет. Надо с чего-то начинать.

– Этого пропускайте, остальных убивайте, – коротко скомандовал Фрост. – Кора, скример твой.

Я стоял с мечом наготове: немедленно уничтожу его, если что-то пойдет не так. Кора очень сильный маг, но не может одновременно использовать магию подчинения и боевые заклятия – только что-то одно. Поэтому, пока Кора использует пятую стихию, она совершенно беззащитна.

Скример миновал преграду, мы расступились, пропуская его вперед. А Кора сделала шаг навстречу, протянула руки, встала на цыпочки и закрыла глаза. Я знаю, она ощущала сейчас прозрачные нити, которые тянулись с кончиков ее пальцев, опутывали, пронзали бестию, лишая ее воли.

Я смотрел только на нее, на ее губы, готовясь вместе с ней произнести формулу подчинения, если она забудет. Ну же, Кора, ты все знаешь, ты сможешь!

Краем глаза я замечал, что буквально в двух шагах от меня кипит бой. Бестии, которых еще минуту назад удавалось удерживать за пределами каменной площадки, постепенно стали проникать все глубже. Они обступили нас со всех сторон, а за ними напирали все новые и новые. За пределами площадки, на полигоне, творилось что-то невообразимое. Я понял только, что магистры образовали первый круг обороны, стараясь пропускать к центру как можно меньше тварей. То, что происходило за пределами круга…

Я отвел глаза, сосредоточившись на укреплении защитного поля, надеясь, что правильно рассчитал силы и поддерживать щит мне удастся еще, по меньшей мере, пару часов. Твари вновь отступили.

Брида целилась скримеру в горло, чтобы спустить стрелу с тетивы, едва тот издаст хоть звук. Я помнил формулу подчинения и готов был подсказать, но надо дать Коре время. Надо, чтобы она поверила в себя. И моя рыбка улыбнулась, ее щеки порозовели – она вспомнила. Вздохнула. И я вздохнул вслед за ней.

Она произнесла формулу без запинки, а скример послушно стоял и слушал, покачиваясь на тонких ногах.

– Не трогать людей. Убивать танатосов, – сказала Кора заключительную фразу. Вокруг стало тихо: на секунду все отвлеклись от битвы и ожидали, что будет дальше.

Скример развернулся и, пошатываясь, ушел прочь.

В эту секунду все скримеры получили тот же самый приказ. Вот только – где танатосы? Я пока не увидел ни одного. Может быть, в расчеты закралась ошибка? Может быть, они появятся не в этот раз?

Может быть. Но пока и бестии причиняли массу неудобств, поэтому ничего не остается, как только продолжать битву. Мы проводили скримера взглядом.

– Выглядит потерянным, – усмехнулся Димер. – Бедолага.

Димер тяжело дышал, разгоряченный битвой, но не терял своего язвительного чувства юмора.

Но самое удивительно было то, что все остальные скримеры, которых я заметил, тоже перестали атаковать людей и теперь бесцельно шатались по полигону. Они то пытались оторваться от земли и взлететь, то, поднявшись на несколько метров вверх, вновь опускались.

– А ведь работает, – выдохнула Грета.

И мы все закричали, теперь уже от радости, вновь обретя подобие надежды. Все получалось! Только Кора не улыбалась вместе со всеми. Обхватила себя руками, будто ей внезапно стало холодно. Я испугался, что она потратила слишком много сил. А ведь это только начало.

Забыв, что она не выносит моих прикосновений, потеряв голову от волнения, я схватил ее за плечи, разворачивая к себе. Такая маленькая, такая тонкая. Ладони ледяные.

– Никого не пускайте пока, – крикнул я. – Дайте ей минуту.

Она попыталась выпутаться из моих объятий, но словно нехотя, а потом прижалась на мгновение. Сердце защемило от нежности и страха за нее.

– Я сейчас, сейчас, – прошептала она виновато. – Я просто испугалась. Ничего…

Она набрала полную грудь воздуха, распрямила плечи, улыбнулась слабой улыбкой.

– Все, я готова.

Должен сказать, команда отлично работала. Даже наши первокурсники держались молодцом. Лица сосредоточенные, губы стиснуты, но мечи сжимают твердо. Я пытался присматривать за ними, чтобы, если понадобится, оттеснить бестий, если их окажется рядом слишком много.

Все шло неплохо. Кора подчинила змеехвостов и топперов, и хотя море бестий продолжало бурлить вокруг нас, но уже стало казаться, что когда-нибудь этому наступит конец. Она подчинит их одну за другой. Нашествие захлебнется. Танатосы не появятся. Все обязательно получится.

Как я был наивен.

– Я не знаю, кто это! – испуганно крикнула Кора, когда Фрост пропустил к ней создание, напоминающее гигантскую многоножку. Та подползла к Коре и приподнялась, опираясь на отростки, изогнулась и раскрыла острые жвалы.

Никто из нас не мог предположить, что найдется бестия, которую Кора не знает. Хотя она как-то оговорилась, что Крис написал формулы подчинения для самых известных видов. Я только сейчас подумал о том, что «Устав Академии» казался слишком тонким для того, чтобы вместить в себя формулы для десятков видов.

Многоножка щелкнула челюстями и упруго распрямилась, как пружина. Она целилась Коре в горло.

Мы одновременно кинулись вперед, чтобы убить, искромсать эту тварь на части. Быстрее всех оказалась Грета, подставив руку под жвалы. Многоножка впилась в нее, прокусив даже твердый кожаный нарукавник. Я отрубил голову бестии почти в ту же секунду, но было поздно.

Грета побледнела, оседая на землю. Кровь толчками вытекала из двух глубоких треугольных ран, оставленных на предплечье.

– Грета! – Кора кинулась к сестре.

Круг был нарушен. Только Вита, Норли и Лекс держали оборону. Им тяжело это давалось – трое против всех. Я принял решение на минуту сделать защитный купол полностью непроницаемым, хотя это требовало огромной концентрации. Я почти физически ощущал, как энергия покидает меня. Ничего. Ерунда. Надо дать им время прийти в себя.

Кора тяжело дышала, склонившись над сестрой, ей будто не хватало воздуха. Даже Димер изменился в лице, и Фрост потерял самообладание.

– Все быстро по местам, – прошипел я сквозь зубы. Наверное, со стороны казалось, будто я злюсь, а на самом деле я изо всех сил пытался удержать щит.

Я рывком поднял мою рыбку на ноги, твердо взял за плечи. Это выглядело жестоко. Ее взгляд туманился от страха. Моя маленькая…

– Кора, ты должна, ты обязана встать на место. Слышишь? Немедленно возьми себя в руки!

Она кивнула. Ей было ужасно трудно, но она справилась.

Поднялась. Отвернулась. Я увидел, как она украдкой укусила себя за фалангу указательного пальца, чтобы боль привела ее в чувство.

Фрост тоже опомнился. Поднял сестру на руки. Грета морщилась и стонала, но кровь уже не текла потоком, как вначале. Все не так плохо, как казалось.

– Я отнесу Грету в безопасное место и вернусь. Все по местам. Держать оборону.

Они исчезли в огненном портале. Я ослабил защиту, а бестии только этого и ждали – ринулись вперед с удвоенной силой. Но теперь нас стало меньше.

* * *

Ран злился на меня. И правильно. Я неумеха и трусиха! Из-за меня пострадала Грета! Лучше бы он накричал на меня, но Ран только шипел сквозь зубы.

Я отвернулась и постаралась выровнять дыхание. В груди словно лежал тяжелый камень. Битва не идет и половины часа, а я уже вымоталась так, будто несколько часов провела на ногах.

Они сдерживали бестий изо всех сил, а теперь, когда Фроста и Греты не было рядом, это оказалось намного сложнее. Я подняла руку, подавая знак, что готова. И оказалась лицом к лицу с жашником. Он неприятно выглядел даже издалека, когда мы тренировались в амфитеатре. Ну, как тренировались – у меня тогда еще не было магии, я просто смотрела. А сейчас, вблизи, жашник оказался жутким чудовищем. Огромный, выше меня раза в два, он напоминал ящерицу-переростка с шипастой головой, пустым взглядом немигающих глаз и чешуйчатым хвостом, который постоянно находился в движении. Он мог бы без усилий сбить с ног человека, но пока замер, глядя на меня. Приноравливался, видно, как лучше откусить голову.

– Кора! – закричали сразу несколько голосов.

А Ран, подумав, что я снова забыла формулу, громко и спокойно, перекрывая крики, произнес первую строчку. Его даже не отвлекало то, что сам он в этот момент размахивал мечом, круша бестий направо и налево. Вот кому должна была достаться магия… Не мне…

Я протянула руку, почти касаясь бугристой морды, и протянула нити силы. Жашник стал моим.

Они слушались. Действительно слушались. Я это осознавала, но до сих пор не могла поверить.

Вернулся Фрост и встал на прежнее место.

– С Гретой все будет отлично, – сказал он, зная, что нам всем надо было это услышать.

– Повезло сеструхе, – немедленно откликнулся Димер, сжигая в полете хруста, похожего на гигантскую стрекозу. – Отдыхает теперь!

Никогда не понять, серьезно говорит этот несносный человек или просто своими глупыми шутками пытается справиться со страхом. Никто из нас почти не пользовался огнем – слишком близко друг к другу мы стояли. Но Димер даже здесь умудрялся выделываться.

Я еще успела подумать, что танатосов до сих пор не видать. А вдруг мы ошиблись и будет просто небывалое по размаху нашествие бестий? Я так хотела в это верить…

Но надеждам не суждено было сбыться.

Они появились на дальнем конце полигона, неторопливо, будто осознавая свою мощь, выплыли из туч. Такие, какими я их запомнила. Темные сверху, с сиреневыми, мерцающими животами, с гигантскими ртами-воронками. Двое, трое, вот уже пятеро. Словно воздушные корабли парили они над полем, время от времени ныряя вниз. Они набирали полные рты добычи, а потом вновь поднимались, зависая в недосягаемости и словно оглядывали свои охотничьи угодья.

Гадкие, мерзкие создания. Мне отсюда было почти не видно, но, кажется, вместе с бестиями они… Я ахнула, закрывая лицо руками. Один из танатосов опустился почти до самой земли, туда, где стояли люди, и зачерпнул раскрытой пастью несколько человеческих фигурок, которые отсюда казались совсем маленькими и хрупкими. Танатоса поливали огнем, пытались прошить воздушными стрелами и скрутить вихрями. Все без толку. Я слышала, как кричали погибающие. Я хотела зажать уши, закрыть глаза, больше ничего не видеть и не слышать. Но нельзя.

Что-то шло не так. Бестии, упав, уже не могли подняться снова. Только полиписы парили да скримеры прыгали, как кузнечики, ненадолго зависая в воздухе. А танатосы вели себя в воздухе как в родной стихии. Как до них добраться? Те бестии, которых я подчинила, кидались на своих врагов, пока те находились внизу, и даже, я видела, причиняли вред, но длилось это секунды.

Я мысленно пролистывала страницы «Устава» – неужели я что-то упустила из виду, что-то забыла? Какой-то маленький абзац, который показался мне незначительным? Я лихорадочно думала, но ничего не могла вспомнить, чувствуя, как мной начинает овладевать паника.

– Кора! – Ран взял меня за плечи, чувствуя: что-то

происходит. – Кора, что случилось?

Я обернулась к нему за поддержкой. Ран такой умный. Он тоже читал «Устав». Может быть, он увидел что-то, чего не заметила я?

– Фрост, дай нам секунду, – попросил он, и брат кивнул.

Они окружили нас кольцом, заслоняя. Ран наклонился к моему лицу, и я, запинаясь, указывая на поле и вверх, на небо, рассказала о своих опасениях.

– Я не знаю, как это сделать! – выпалила я.

Я увидела на лице Рана сосредоточенное выражение, будто он тоже мысленно пролистывал страницы, как это только что делала я. Он становился все мрачнее, и слабая надежда гасла в моем сердце.

– Крис… – прошептала я. – Ну как же так…

– Одно ясно – отступать нельзя, – жестко сказал Ран. – Продолжаем делать то, что начали.

– И молимся светлым богам! – передразнил Димер любимую присказку Фроста.

Димер едва на ногах держался, как и все мы, а все острил. Я его все-таки стукну, когда все закончится…

Танатосы тоже несли потери, но вовсе не в том количестве, на которое мы рассчитывали. Удивительно, что все они скопились на противоположной стороне полигона, довольно далеко от нас. Наверное, это можно считать везением. Такая глупая ухмылка судьбы… Но сколько еще пройдет времени, прежде чем они начнут опускаться прямо на наши головы?

Я подчиняла бестий. Я уже сбилась со счета. Палочники, буравчики, ридусы, анки, злозубы…

У меня даже не оставалось сил на то, чтобы обернуться и посмотреть, как держатся мои защитники. Я только слышала тяжелое дыхание, стук металла, рев бестий и изредка видела вспышки пламени. Меня изо всех сил оберегали, давая делать то, для чего я предназначена, но я уже понимала, что битва проиграна. Не сейчас, но скоро…

Танатосы плавно перемещались в нашу сторону. Два огромных, словно горы, мертвых тела лежали в восточной стороне полигона. Мои обращенные бестии все же сумели их одолеть. Но танатосов были десятки, и еще прибудут.

Вдруг я услышала за спиной крик, как от нестерпимой боли. Он был такой мучительный и жуткий, что я не могла не обернуться. Что случилось? Кто-то ранен? Но Ран не дал мне повернуть головы. Обнял, удерживая на месте. Я чувствовала, что он весь дрожит. Как он, наверное, устал, удерживая щит. Мы все были вымотаны до предела.

– Нет, Кора, – сказал он. – Не оборачивайся.

У меня внутри словно прокатилась холодная ледяная волна. Случилось что-то жуткое. Но я понимала, почему не дают посмотреть: пока я не увидела – этого словно и нет.

Ран отпустил меня, а чуть позже мне показалось, будто что-то коснулось моей ноги. Вовсе не гадкое, холодное прикосновение бестии, а живое и теплое… На секунду за спиной все замерло, затихло. Такая неестественная, мертвая тишина. А потом кто-то захлебнулся рыданиями. Вита? Норли?

– Тихо, – сказал Ран, и его голос звенел от напряжения. – Ей сейчас еще тяжелее. Нам всем просто надо продолжать делать свое дело.

И я услышала, как они снова взялись за оружие и снова держат оборону вокруг меня. Еще на что-то надеясь… На что тут можно надеяться. Танатосы недосягаемы, а мы обречены…

Ран

Димер, прости, что в последнее время мы отдалились. Как-то так все навалилось, закрутило, что не вынырнешь… Но я знаю, что позже, когда-нибудь потом, ты бы вновь стал мне близким другом…

Теперь уже никогда.

Все случилось настолько быстро! Я оглянулся на твой крик, когда было слишком поздно. Я даже не успел увидеть тварь, сделавшую это с тобой…

– Нет, Кора, – сказал я. – Не оборачивайся.

Спазм скрутил мое тело, я с трудом сдерживал вой отчаяния, который рвался наружу. Димер. Проклятие, Димер! А как же теперь твои глупые шутки? Все эти дурацкие подколы и усмешки? Кто теперь станет называть Кору мелкой Корявкой, а меня – жижей? Помню, один раз в детстве я отчаянно тебя за это поколотил…

Я увидел, что Кора смирилась с необходимостью – она не обернется, – и присел рядом на колени. Фрост подхватил тебя на руки. Кровь текла по каменной площадке, смешиваясь с водой, и казалось, что мы стоим в озере крови.

Взгляд зачем-то скользнул по смятой, грязной, истоптанной в ходе битвы мантии Виты. Еще и часа не прошло с того момента, как мы смеялись над смертью, нисколько не веря в ее реальность. Час назад это было почти игрой…

Все опустили оружие. А мне вновь пришлось сделать щит непроницаемым, хотя сил почти не осталось.

Мы сцепили руки, как раньше, словно собирались бороться. Твоя рука была сейчас совсем безвольная и легкая. Ты поднял

глаза на Кору и попытался что-то сказать. Не сумел. Потянулся к ней и коснулся ноги – это все, что ты мог сделать, чтобы попрощаться. Может, хотел прощения попросить?

Кора вздрогнула, сжав руки у груди. Не оборачивайся, не оборачивайся, моя рыбка. Я понимал, если она увидит мертвого обезображенного Димера, то совсем отчается. Надежды и так почти не осталось.

А ты больше не щурился от дождевых капель, падающих на лицо. Теперь вода застывала в твоих глазах, но тебе это стало безразлично.

Брида прикусила кулак. Фрост, не глядя, нащупал ее руку. А Вита не сдержалась, заплакала, но Лекс и Норли обняли ее с двух сторон, Лекс накрыл ладонью ее рот.

Я сказал что-то невнятное, пытаясь привести всех в чувство. Действовал больше инстинктивно – щит забирал всю энергию, и голова соображала с трудом.

Все молча подняли оружие, и битва продолжилась. Большая часть бестий уже подчинилась Коре, вот только толку от этого было немного. Случилась какая-то досадная и непоправимая ошибка. Крис забыл упомянуть о каком-то важном, ключевом моменте, без которого все рассыпалось, как осенние листья на ветру. Танатосы недосягаемы. Добраться до них невозможно. К тому же оставалось еще огромное количество бестий, для которых не существовало формул подчинения, и они продолжали нападать.

И все же нам исключительно везло все это время: танатосы держались на расстоянии. Вот только даже этому сомнительному везению пришел конец: над нашими головами из облаков проступило сизое брюхо, вблизи казавшееся огромным, как днище корабля. Его все увидели, не только я. Танатос пока не опускался, висел над нами, покачиваясь.

– Я больше не могу, – пискнула Норли. – Пожалуйста, я больше не могу…

* * *

Нам теперь совсем недолго осталось. Я видела танатоса и знала, что счет идет на минуты.

Совсем не страшно, только ужасно жалко, что все закончится так. Никого не спасу, а только погублю тех, кто дорог. Надо уговорить Фроста, Димера и Бриду уйти. Но мои друзья? Они еще не умеют строить огненные порталы. Неужели погибнут из-за меня!

– Я отнесу… – услышала я голос Фроста, который вдруг осекся. – Я сейчас вернусь.

Что отнесет? Или кого? Нет, не надо об этом думать.

Фрост действительно вернулся через мгновение и развернул меня к остальным.

Вита, Норли, Лекс, Фрост, Брида, Ран. Где Димер?

– А где Димер?

– Он… ранен.

Это он кричал… О, Димер…

Ран снова создал непроницаемый щит. Он уже едва держался на ногах от усталости. Но я сейчас не использовала пятую стихию, поэтому тоже могла помочь. Вдвоем держать защитное поле стало легче.

За пределами нашего островка безопасности кипело живое море. Вспышки огня, вихревые потоки, фонтаны из земли и камня. Стихийники боролись из последних сил, уже понимая, что все безнадежно. И танатосы, как безликие, безразличные боги, взирающие на все это сверху. Неторопливые и ненасытные в своей жажде.

А один прямо над нами. Едва ли что-то сумеет его остановить. Сколько у нас минут? Две? Или того меньше.

– Уходите, – прошептала я. – Фрост, забери Бриду. Ребята, а вы…

Огонь Фроста сожжет чужаков, их ему не спасти. Но они могут просто бежать. Хотя бы какая-то надежда.

А потом, конечно, началось, вся эта героическая, эпическая чушь. Нет, мы не уйдем. Мы не оставим тебя одну. И все это вот. Невозможно слушать, так что я даже закричала от бессилия.

– Мне будет гораздо легче умереть, зная, что я не утащила вас за собой, – твердо сказала я.

Фрост понял. Он иногда бывает молодцом, мой старший брат.

– Я уведу их, – сказал он.

А потом сделал странное.

– Вита, Норли и ты, дружище, забыл твое имя, протяните ладони.

Они послушались, и Фрост, не успела я опомниться, сделал надрезы на их руках. А потом такой же на своей – и прикоснулся к каждому, смешивая кровь.

– Ты что делаешь? – изумилась я.

– Вообще, это запрещенная магия. Магия крови всегда опасна, но сейчас это единственный выход.

Кажется, я начинала догадываться. Значит, можно сделать и так! Они будут спасены, какое счастье.

Вокруг Фроста, Бриды, Норли, Лекса и Виты зажегся огненный портал. Мы даже не успели как следует попрощаться. Я даже не успела поблагодарить их за все. Но они ведь и так все знают, правда?

Мои любимые. Как жаль, что все так бестолково получилось…

На каменной площадке остались только мы с Раном.

– И ты уходи, – прошептала я. – Очень тебя прошу.

Глаза у Рана сделались совсем темные. Я думала, он сейчас закричит на меня. Но он просто сказал:

– Ни за что на свете.

А потом подошел и обнял.

Глава 38
Подчиняйся мне!

Ран

Как она могла подумать, что я ее оставлю. Никогда. Если нам суждено умереть сегодня, то только вместе.

Кора не отстранялась, не пыталась скинуть мои руки, и я бы вечно держал ее в своих объятиях, но у нас оставались минуты для того, чтобы попытаться что-то изменить.

– Кора, – сказал я, – нельзя сдаваться. Я знаю, как тебе страшно, но будем бороться до последнего. Пока еще дышим.

Она подняла на меня глаза, бездонные, словно горные озера.

– Не знаю как… Но я постараюсь…

Она порывисто вздохнула и повернулась, подняла голову, вглядываясь в сизое брюхо гигантского существа. Я чувствовал, что, как только она попробует воспользоваться пятой стихией, щит не выдержит. Мне его не удержать одному. Но я знал, что нужно делать.

Согласен с Фростом в том, что магия крови очень опасна, но порой это единственное, что может помочь. Главное – дать Коре чуть больше времени. Даже если ценой этому станет моя жизнь.

Кора смотрела вверх, и я был рад, что она не сможет меня остановить. Прижал острие меча к руке и полоснул вдоль вены. Вдоль лучше, надежнее. Кровь не свернется и продолжит струиться, даже если я потеряю сознание. Щит будет держаться до тех пор, пока бьется мое сердце.

Кровь струей брызнула из раны, но на камень не упало ни капли. Подчиняясь моей силе, она рассыпалась в воздухе на мельчайшие брызги, поднималась вверх, вплетаясь в узор защитного купола, который теперь уже больше походил на решето: я ясно видел пустоты и дыры. На секунду ощутил, каким мощным и сильным стал купол. Вот только на сколько меня хватит?..

Я увидел, как Кора, не понимая, почему купол над нашими головами окрасился в алое, наморщила лоб. Не оборачивайся, моя рыбка. Не оборачивайся. Тебе не нужно это видеть…

Чтобы отвлечься, попробовал думать о чем-то приятном. В кармане куртки лежало кольцо рода Маринер. Мама должна была передать его моей невесте, от старшей женщины рода младшей. Такова нерушимая традиция. Помню, в детстве я много раз спрашивал то в шутку, то всерьез: «А я могу сам выбрать ту, на которой захочу жениться?» Родители никогда не отвечали прямо,

но я понимал: я должен взять в жены только ту девушку, которую одобрят родители. Кольцо, которое передала мама, говорило лучше любых слов: «Выбери сам». Она хотела отдать мне его тем утром, когда я возвращался в Академию. Тогда она еще не знала, что Кора обрела магию.

Наверное, это можно считать попыткой извиниться… Что же, я прощаю тебя, мама. Ведь если не сейчас, то когда?

* * *

Танатос застыл в странной неподвижности над нашими головами. Ран сказал, что надо бороться до последнего вдоха, и я знала, что не подведу. За пределы круга я старалась не смотреть: там творился совершеннейший хаос – кипела битва не на жизнь, а на смерть. Я не могла даже думать о том, что все эти люди в последние секунды своей жизни смотрят в сторону серого камня, на котором стою я, и спрашивают: «Как же так, Кора? Почему ты нас подвела?»

– Как же так, Крис? – прошептала я. – Чего ты мне не сказал?

Купол над моей головой осветился алыми всполохами, но я вновь и вновь мысленно перелистывала страницы «Устава», пытаясь отыскать хоть какую-то зацепку, хоть какой-то намек, оставленный мне основателем Академии, и только мимолетно удивилась этой странности.

– Вот что тебе необходимо предпринять, когда магия пробудится, – шептала я первые строчки обращения к преемнику.

А что там дальше? Я знала «Устав» практически наизусть, все эти формулы, которые хоть и оказались полезны, но от главной беды все же не уберегли. Я плохо помнила только первые несколько абзацев, но там и не было ничего важного.

– Вот что тебе необходимо предпринять…

Мои губы снова и снова повторяли эти слова, словно они сами были заклинанием. Я не могла отвести взгляд от танатоса, расположившегося прямо над нами. Такой огромный, смертельный, недосягаемый, безупречный… Словно он пришел к нам не из того мира, из которого обычно приходят бестии, а ведь по сути, он был просто одной из этих тварей.

И вдруг в памяти точно вспыхнул яркий луч. Первый абзац книги, оставленной Кристером Ригером, всплыл перед глазами. Я увидела ясно каждое слово. И поняла, в чем заключалась ошибка. Крис не хотел никого ввести в заблуждение и действительно оставил четкие инструкции. Просто не подумал о том, что те вещи, которые кажутся очевидными ему, могут не показаться

такими его преемнику.

– «Вот что тебе необходимо предпринять, когда магия пробудится. Тьма разрастется и опустится на землю. И тьмой этой будут бестии большие и малые. И самые грозные среди них танатосы», – повторила я слово в слово то, что было написано.

Танатосы – бестии. Огромные и жуткие, почти неуязвимые. Но если я могу подчинить бестий, то я смогу попробовать подчинить и танатосов. Вот только формулы подчинения Крис мне не оставил. И сейчас, мысленно пролистывая страницы, я вспомнила последнее предложение, на которое раньше не обращала внимания. «Твое сердце подскажіт, как заклясть тьму, верь себе и своіму сердцу». Мне казалось, что это просто красивое пожелание от основателя Академии. Красивое, но пустое. Но сейчас поняла – «Устав» не содержал ни одной лишней строчки. Лаконичный и сухой, он содержал только нужную информацию, которая пригодится в бою. С чего бы Кристер стал тратить слова попусту? Что, если это надо понимать в буквальном смысле?

Сердце подскажет, как заклясть тьму… Как подчинить танатосов? Ведь это они – тьма. Сердце подскажет… Значит ли это, что я сама должна составить формулу подчинения? Но как? Я не умею…

– Ран, я, кажется, поняла! – крикнула я, оборачиваясь. И вскрикнула, зажимая ладонью рот.

Красные отсветы, латающие прорехи в щите, – были его кровью. Ран стоял, раскинув руки, и его кровь, подчиняясь магии водной стихии, делала защитный купол практически непроницаемым.

– Ран, нет!

Я кинулась к нему, забыв обо всем на свете. О танатосе, что навис над нами, о смертельной битве, что кипит вокруг, о времени, которого осталось так мало. Обхватила руками рану, не давая крови сочиться, и щит почти сразу рухнул, но я подхватила его, стянула синими нитями своей магии, удержала над нами.

Ран провел по моей щеке кончиками пальцев. Столько нежности и безысходности было в этом жесте.

– Отпусти, Корюшка. Иначе никак, ты ведь понимаешь.

– Нет, Ран!

Я затрясла головой, не желая смиряться, но уже понимая, что сама я тоже долго не удержу щит. И не смогу использовать пятую стихию вместе с водной. А мне еще формулу подчинения составить нужно, а я не знаю как… И счет уже идет на секунды.

– Ран…

Я растеряла все слова, которые сейчас были так нужны. А Ран вдруг опустился передо мной на колени и теперь смотрел снизу

вверх потемневшими глазами.

– Кора… Кора Флогис, если случится чудо и мы выживем, ты единственная, кого я бы хотел видеть рядом с собой до конца моих дней.

Он опустил руку в карман и вытащил колечко. То самое, которое ему просила передать мама. На мгновение меня обожгла ненависть такая сильная, что я едва не отпрянула, разжав пальцы. Ран понял. Уголки его губ дрогнули в мучительной усмешке.

– Я понимаю, – горько сказал он.

Ничего ты не понимаешь, глупый. Я и сама уже ничего не понимаю. Угли внутри меня вновь начали наполняться жаром. Мне было больно, но я не отпускала его раненой руки. Пусть жжет. Если мне больно, значит, я все еще жива.

– Раннитар Маринер, – прошептала я, – ты лучшее, что случилось в моей жизни. И если чуда не случится и мы не выживем, то…

Я почувствовала, что глаза наполняются влагой. Как давно я не плакала – с тех самых пор, когда подумала, что Ран меня предал. И вот теперь слезы полились сами собой. Они гасили тлеющие угли, и огонь ненависти утихал в моей душе, оставляя только любовь.

Я прижалась мокрой щекой к его щеке, поцеловала. Его губы были солеными от моих слез.

– Если мы не выживем, то я буду счастлива все те минуты, которые нам остались, – тихо сказала я. – Я люблю тебя, Ран.

– Я люблю тебя, Кора.

Я почувствовала, как защитный купол над нашими головами дрогнул, чувствуя приближение огромного тела. Танатос начал снижаться.

– Все, Кора, отпускай.

– Нет, не могу…

– Ты должна, моя рыбка. Сейчас.

Его голос стал жестким и требовательным. Мой любимый наставник, как я могу тебя ослушаться. Я закусила губу и разжала ладони. Сначала одну. Потом другую. Алые всполохи заполнили небо.

Ран попытался подняться на ноги, но не смог. Сил у него почти совсем не осталось.

– Я, пожалуй, так постою, – попробовал по- шутить он.

Только огромным усилием воли я смогла заставить себя отвернуться и поднять глаза на танатоса.

Что же мне делать с тобой? Как тебя подчинить? Ты такой огромный и мощный, а я такая маленькая и слабая. Я просто… По старой памяти я чуть было не подумала – пустышка. Но это не

так.

Весь долгий путь, который я прошла, вдруг пронесся перед внутренним взором за короткие мгновения. В начале года, когда я только прибыла в Академию, я была испуганной, несчастной и одинокой. Не верила, что у меня хоть что-то может получиться. Не умела держать в руках меч. Не надеялась найди друзей.

И вот я стою сейчас в центре поля. Кора Флогис. Великий маг. Обладательница пяти стихий. Судьба нашего мира зависит от меня. И я получила свою силу не даром, я заслужила ее, я совершила все возможное и даже немножко невозможное для того, чтобы стать тем, кем стала. Теперь, оглядываясь назад, зная, что меня ожидает, я бы, пожалуй, не нашла в себе сил повторить это. Но сделанного не воротишь.

Мне показалось, что все вокруг замерло, затихло. Эти секунды должны решить исход битвы. Есть ли у нас надежда? Или же я оказалась никчемной преемницей?

– Я не боюсь тебя! – крикнула я танатосу, протягивая руки вверх.

Я опутала его нитями силы, пытаясь подчинить своей воле. Я, конечно, была еще неопытным магом и едва представляла, как сочинить формулу подчинения. Но отчаяние придавало мне сил.

Из пустоты, где нет меня,
Сквозь боль жестокого огня,
За страхом ледяной воды,
За ужасом земной руды
Пройдя, предательство простив,
С врагом сойдясь, любовь забыв,
Я заклинаю смерть и страх:
Замри! Смирись в моих руках![1]

Формула подчинения была совсем не похожа на те, что оставил мне Кристер Ригер, но все же я действовала так, как он напутствовал, – я прислушалась к своему сердцу. И пока произносила эти слова, я и сама поверила, что сильнее танатоса. Он просто бессловесная и глупая тварь. Просто бестия. А я…

– Я Кора Флогис! – закричала я в небо. – Подчиняйся мне!

И случилось невозможное. Я ощутила, что прозрачные нити пятой стихии пронзили танатоса, он стал покорным и вялым, как кукла на веревочках. И тогда я отдала единственный, губительный для него приказ:

– Не трогай людей! Убивай бестий!

Я успела увидеть, как огромные тела, расположившиеся на

недосягаемой высоте, начали медленно снижаться, прямиком к смертоносным бестиям, что давно поджидали их на земле.

Я сделала все, что было в моих силах. Мы все это сделали. Мы победили.

Наверное, потом про эту битву будут слагать легенды и песни. Ее станут изучать на уроках «Истории магии». Может быть, она даже получит какое-нибудь красивое название, что-то вроде «Противостояние девятерых».

И хотя весна только началась и все битвы еще впереди, а танатосы, найдя проход в наш мир, теперь будут появляться несколько лет подряд, но я точно знала, что они нам не страшны.

Танатос, который еще несколько минут назад внушал ужас, скользнул по краю защитного купола, всей своей мощью обрушившись на землю. Упал и затих, не пытаясь даже пошевелиться, когда бестии, быстро и деловито, как муравьи, обнаружившие добычу, принялись рвать на части его тело. Я не стала смотреть.

– Мы победили, Ран! – крикнула я, оборачиваясь.

Ран лежал на камне без движения, раскинув руки. Кровь продолжала струиться из пореза.

– Ран!

Я кинулась к нему, зажала рану. Я чувствовала, как под пальцами бьется пульс, но он бился быстро и неровно. Только бы не было слишком поздно!

Я плакала, целовала побелевшие губы и звала, звала его, пока мой голос не охрип.

Фрост, который первый прибежал на помощь – он, оказывается, вернулся почти сразу, – рассказывал потом, что мои пальцы едва удалось разжать: так крепко я вцепилась в Рана. Магистр Толли и требовал, и уговаривал отпустить, но я только плакала и звала, плакала и звала…

Эпилог

День выдался жаркий и солнечный, как, впрочем, все лето. После весенних битв наступил период затишья. Грозы, конечно, еще прогремят, и танатосы вернутся, но самое страшное осталось позади. Теперь-то я знала, как с ними управиться, и таких кровопролитных схваток, как та, самая первая, когда погибло больше всего людей, уже не случится.

Мы оплакали своих мертвых, мы простились и жили, сохранив в памяти их имена. Сегодня семья Флогис и семья Маринер собрались в саду за одним столом в честь праздника богини Солнце. Это веселый праздник, когда оставшиеся в живых прославляют жизнь. Это грустный праздник, потому что этой весной смерть пришла во многие дома.

Я обвела взглядом сидящих за столом. Мои родители, родители Рана, сестры, Фрост. По негласной традиции, печалиться на празднике нельзя. Мы все очень старались улыбаться. Брида с Гретой на два голоса спели песню собственного сочинения, в которой во всех подробностях рассказывалось о том, что сделают стихийники с танатосами, когда те заявятся в следующий раз. Слова в песне были не вполне приличные, но мама улыбалась, слушая ее, и поэтому никто не стал читать сестрам нотаций.

А чуть позже, когда совсем стемнеет, мы пойдем зажигать ритуальные костры и творить огненные иллюзии. Я уже знала, какой образ создам.

Но сейчас было еще слишком светло, и я выскользнула из-за стола. Направилась к беседке, где осенью Ран обнимал меня, согревая. Села, любуясь на синие, тихие воды озера. Ласковый ветер играл с волосами, и я закрыла глаза, подставив лицо под его нежные прикосновения. Ветер теперь всегда ласков со мной, больше он не станет пытаться столкнуть меня с крыши.

Я невольно вспомнила день перед отъездом в Академию. Кажется, это случилось вечность назад. Тогда я даже представить не могла, как все обернется… Прошло всего несколько месяцев, а словно бы лет. Я казалась себе совсем взрослой. Нет больше маленькой Коры Флогис – испуганной и одинокой девчонки. Хотя, может быть, я уже тогда была той, кто я есть: ведь не зря пообещала себе не сдаваться.

Мы все повзрослели этой весной… Но Димер навсегда останется третьекурсником. Никогда не закончит Академию, не заведет семью. Никогда не назовет меня Корявкой… О, мой несносный, мой прекрасный брат…

Я поняла, что плачу, и была рада, что ветер почти сразу высушивает слезы на щеках. Когда я вернусь за стол, не хочу, чтобы мама увидела мои покрасневшие глаза. Ей и так тяжело, и мы договорились, что весь вечер будем смеяться и шутить, только чтобы отвлечь ее от тяжелых мыслей. А если кому-то совсем невмоготу, то пусть выходит из-за стола и идет прогуляться. Так я и поступила.

Правда, у меня была еще одна причина прийти в беседку. Вымученное веселье так меня вымотало, что Ран, сидевший напротив, обо всем догадался. Он тронул меня под столом за руку, а потом, когда никто не смотрел, сложил ладони домиком. Еще с осени это был наш тайный знак – «Встретимся в беседке». Я незаметно кивнула. Ран, придумав предлог, ушел первым, а чуть погодя и я выскользнула из-за стола.

И куда же он теперь запропастился, интересно знать? Хотя я даже рада была немножко поплакать, спрятавшись ото всех.

Я почувствовала, как его ладони легли мне на плечи, и следом ощутила, что Ран наклонился и прикоснулся губами к ямочке на ключице, а потом, когда я обернулась, поцеловал в губы.

– Соленые, – сказал он. – Плакала, моя рыбка.

Я неопределенно приподняла плечи. Но он и не спрашивал. Сел рядом, притянул поближе, обнял, соединив руки на моей талии. Хотел меня согреть – от озера тянуло прохладой. Все время забывал, что мне теперь никогда не бывает холодно, а я не напоминала. Я провела пальцем по тонкой линии шрама, белевшего на загорелой руке, и любовь, и нежность вновь заполнили меня всю целиком. Мне больше ничего не нужно в жизни – только этот теплый летний вечер и Ран. Живой. Живой. Живой. Иногда я повторяла это как заклинание.

А иногда случались минуты, когда я, даже зная, что все обошлось, чувствовала жгучее желание бежать к нему, где бы он ни был, только для того, чтобы прикоснуться и почувствовать его тепло, услышать его дыхание.

На моем пальце блестело колечко с голубым камешком. Я все же его приняла и даже нашла в себе силы простить родителей Рана. Вот только дату свадьбы еще не назначили. Теперь ни к чему торопиться, мы еще слишком молоды, и впереди целая жизнь. Хотя родители настаивали провести церемонию во время праздника Примирения, а мы не спорили. Нам было все равно когда: сейчас, через год или через несколько лет, ведь наши жизни и так принадлежали друг другу без остатка.

Мы не разговаривали, но иногда молчание может выразить больше, чем слова. Вот так бы, обнявшись, сидеть до заката, но я

не хотела заставлять маму волноваться. Ничего, это не последний вечер.

– Пойдем? – вздохнула я.

Ран кивнул и поднялся, подавая мне руку. И тут мы увидели две детские головки, скрытые кустарниками шиповника. Две пары любопытных глаз наблюдали за нами. Дети, заметив, что мы их обнаружили, пустились было наутек, но Ран окликнул их по именам – он узнал дочерей садовника.

– Микки, Лиззи, не бойтесь, подойдите.

Девочки неуклюже вылезли на тропинку, остановились поодаль, почесывая царапины, оставленные шипами, и разглядывая босые пыльные ноги. Мы сами подошли к ним, и Ран присел рядом на корточки.

– И что же вы надеялись увидеть? – доброжелательно спросил он. – Хотели посмотреть на мою невесту?

Я тоже подумала об этом. После несостоявшейся свадьбы Рана любопытство детей было вполне объяснимо. Будь я ребенком, я бы и сама, наверное, не удержалась бы, обязательно подглядела. Но девочка, которая выглядела чуть старше своей сестры, покачала головой:

– Мы хотели увидеть великого мага!

Она вдруг подняла лицо, и я встретилась с взглядом серых, дерзких глаз.

– Это ты великий маг, да? Папа сказал, что у тебя волосы черные. И что ты управляешь всеми стихиями, какие только есть на свете!

Я даже растерялась. Великий маг – вот как про меня говорят, оказывается. Я и сама во время битвы так себя называла, но тогда мне надо было почувствовать уверенность и силу. Ведь, если честно, все мое величие не позволило бы мне продержаться и двух минут в том хаосе, что творился, если бы не мои братья, сестры и друзья. И, конечно, Ран. Что бы стало со мной без них?

Поэтому в ответ я улыбнулась и покачала головой. На поле битвы мне снова придется стать преемницей Кристера Ригера, обладательницей пяти стихий, надеждой и защитницей. Но сейчас мне хотелось быть просто Корой Флогис, просто студенткой Академии и невестой Рана.

Не знаю, о чем подумала девочка, но вдруг подбежала и обняла меня, ее макушка едва доставала до моего плеча.

– Было очень страшно тогда… – прошептала она. – Спасибо тебе!

Я думаю, что она все поняла правильно.

Незаметно наступил вечер. Солнце опустилось в воду, проложив по волнам золотую дорогу. В саду запахи трав и цветов

сделались густыми и терпкими. На террасе у озера уже сложили дрова для костров, и, как только достаточно стемнело, мы собрались здесь для завершения праздника.

По периметру площадки ожидали слуги с детьми, они пришли полюбоваться на огненные иллюзии. Водными фейерверками их не удивить, а вот фигур из огня им видеть еще не доводилось.

Обычно первый, самый большой костер зажигал отец, и я почтительно замерла, отступив от него на несколько шагов. Мне, как самой младшей, придется ждать своей очереди дольше всех. Но отец вдруг обернулся, нашел меня глазами и наклонил голову, показывая, что я должна подойти.

– Сегодня эта честь достается тебе, Кора, – сказал он, когда я встала по его правую руку. – Ты это заслужила.

Я даже не смогла выдавить из себя слов благодарности – так растрогалась. Я только слегка прикоснулась к руке отца кончиками пальцев. Отец поклонился и отступил в сторону.

– Думаю, один человек больше достоин чести разжечь первый костер, – произнесла я, проглотив горький комок, застрявший в горле. – Это мой брат Димер. Спасибо тебе, где бы ты ни был!

И в ту же секунду в наш круг шагнула фигура, сотканная из пламени. Я услышала, как ахнула мама, а отец заморгал, удерживая слезы. Рыжеволосый парень улыбнулся такой знакомой ухмылкой, кивнул всем. Он был совсем как живой. Я очень старалась, создавая его.

За спиной иллюзии выросли крылья, и Димер, словно дурачась, ведь он никогда не оставался серьезным дольше пяти минут, выдернул огненное перо и уронил его на дрова. Сухое дерево тут же занялось, а Димер поклонился, улыбнулся уже спокойной, открытой улыбкой. Огромные крылья распахнулись, оторвали его от земли и подняли в небо.

Совсем скоро огненная фигура стала всего лишь точкой в вышине. Искрой пламени, оторвавшейся от костра.

Не знаю, правильно ли я сделала, воскресив его образ, но мне хотелось, чтобы родители смогли хотя бы так с ним попрощаться. И, судя по тому, что на их лицах, когда они смотрели в ночное небо, написано было умиротворение, я поступила правильно.

Я шагнула в тень и почувствовала, как Ран обнял меня.

– Спасибо, – сказал он.

Наверное, для него это тоже было важно…

Праздник получился отличный. Мы не расходились до тех пор, пока не начало светать, – костры горели всю ночь. Горечь постепенно уходила, уступая место надежде.

Музыка, танцы, прыжки через огонь. Слуги и стихийники

радовались вместе наступлению нового дня. Я видела, как моя мама обсуждала с портнихой дома Маринер новые силуэты платьев, мой папа и отец Рана оживленно разговаривали о чем-то с садовником, а Лиззи и Микки вместо того, чтобы отправляться спать, висели то на Фросте, то на Ране, требуя покатать на шее. Парни беспрекословно слушались. Брида и Грета катались в лодке по озеру, и, судя по смеху, долетавшему до берега, они не скучали.

Наконец музыканты заиграли последний вальс. И я увидела, как Ран, спустив с плеч Микки, направился в мою сторону. Поклонился и предложил руку.

– Не откажите мне в удовольствии танцевать с вами, – произнес он торжественно.

Но мы оба тут же прыснули, отбросив официальную чопорность.

– Не откажу, – кивнула я и добавила: – Ни за что!

Мы кружились в танце. Моя ладонь лежала в его ладони, и Ран держал ее осторожно, но в то же время уверенно. Теперь я точно знаю, что ты никогда меня не подведешь, мой любимый.

Я вздохнула, подошла еще ближе и положила голову ему на плечо. Теперь можно – ведь я невеста Рана.

Подумать только, я – невеста. Разве я смела надеяться на это всего лишь несколько месяцев назад?

Какой это был удивительный учебный год – мой первый учебный год в Академии. Трудный, иногда очень страшный и все же невероятно прекрасный.

Однако хочется верить, что второй год обучения пройдет спокойнее… Но это как повезет!

notes

Примечания

1

Автор стихотворения – Александра Искварина (*прим. авт.*).